

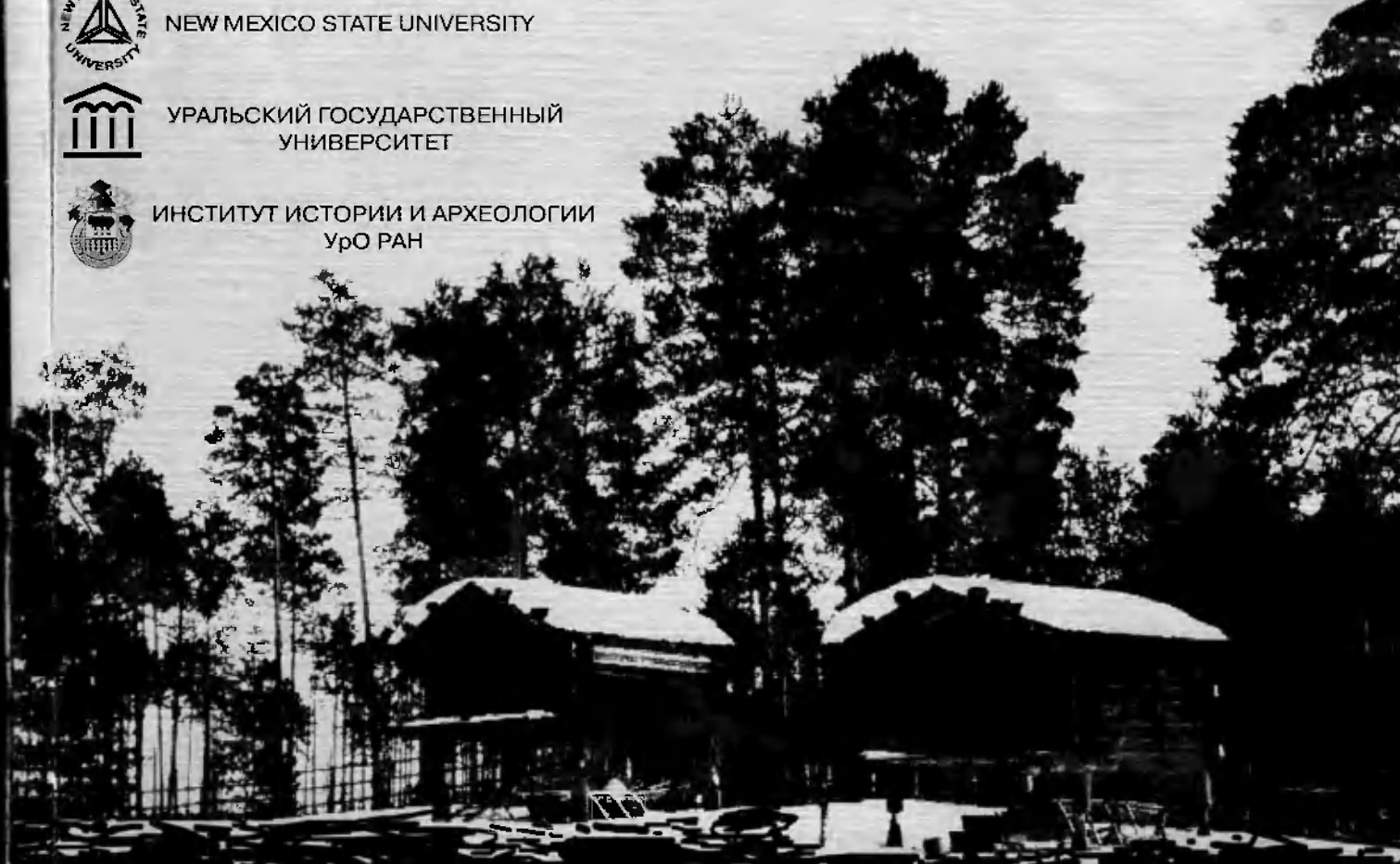
NEW MEXICO STATE UNIVERSITY

УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
УрО РАН

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ТРАДИЦИОННОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ ХАНТОВ

(МАТЕРИАЛЫ К АТЛАСУ)

*2-е издание, исправленное и дополненное **

ЕКАТЕРИНБУРГ
«ТЕЗИС»
2002

ОЧЕРКИ
ИСТОРИИ
ТРАДИЦИОННОГО
ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ
ХАНТОВ
(материалы к атласу)

2-е издание, исправленное и дополненное

ЕКАТЕРИНБУРГ
«ТЕЗИС»
2002

УДК 39 (571.122)
ББК — 63.58 (2Р53)
О-95

О-95 **Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу):** Научно-исторические очерки. 2-е издание, исправленное и дополненное. — Екатеринбург: «Издательство «Тезис», 2002. — 224 с.: ил.

ISBN 5-94131-008-0

В обл.: 300 экз.

В сборнике, представляющем материалы к атласу истории традиционного землепользования хантов, история одного из этносов Западной Сибири рассматривается комплексно: в археологическом, историческом, лингвистическом, топонимическом, этнографическом, этно-социологическом, экономическом и экологическом аспектах.

Статьи сборника, основанные на материалах многолетних полевых исследований авторов, данных литературы и архивных источников, иллюстрированы рисунками и картами.

Во второе издание сборника внесены значительные изменения. Масштабные археологические раскопки 1999—2002 гг., в первую очередь в Сургутском и Нефтеюганском районах, привели к открытиям новых типов памятников. Их краткая характеристика вошла в очерк «Древняя история Сургутского Приобья». Значительно переработаны разделы очерка «Ханты в составе Русского государства в XVII—XX вв.». Очерк «Топонимическая картина территории проживания хантов» дополнен рядом новых примеров.

Значительным изменениям подвергся иллюстративный материал. Уточнены и переработаны карты. Внесены исправления многочисленных неточностей и опечаток, допущенных в первом издании.

Издание адресовано как специалистам, так и широкому кругу читателей.

ББК — 63.58 (2Р53)

Рецензенты: д.и.н. Е.П. Мартынова, к.и.н. Н.В. Федорова, к.и.н. А.П. Зыков

Материалы к сборнику подготовлены благодаря финансовой поддержке Международного научного фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Мак-Артуров

ISBN 5-94131-008-0

© Чемякин Ю.П., 2002
© Карачаров К.Г., 2002
© Главацкая Е.М., 2002
© Дмитриева Т.Н., 2002
© Балалаева О.Э., 2002
© Витет Э., 2002
© «Издательство «Тезис», 2002

ЖИВЫ ЕЩЕ НА ЗЕМЛЕ...

У этой книги необычная история. В 1994 году, в разгар работы над проектом по регистрации традиционных священных мест хантов Сургутского района, участники этого сборника, профессор Эндрю Вигет и кандидат филологических наук Ольга Балалаева, получили предложение от Всемирного Банка реконструкции и развития представить свои соображения по развитию механизма, который бы обеспечил участие хантыйского населения в процессе планирования и подготовки решений, связанных с проектом развития нефтедобывающей промышленности в крае. Предложение, подготовленное Э. Вигетом и О. Балалаевой, было отвергнуто региональными нефтяными компаниями, включая Томскнефть и Юганскнефтегаз, но в процессе работы над ним авторы познакомились с предварительной экологической экспертизой проекта. Социокультурный компонент этого документа был чрезвычайно слаб. В части оценки воздействия планируемых работ на памятники культурно-исторического значения в крае была приложена карта восточного региона Ханты-Мансийского автономного округа, на которую был нанесен лишь один подобный объект. Иными словами, документ этот практически отрицал существование хантов со всей их древнейшей историко-культурной традицией. Это обстоятельство привело авторов к пониманию необходимости довести до общественного сознания факт исторического и современного присутствия хантыйского народа на этой земле.

Таким образом и начался международный междисциплинарный исследовательский проект по созданию этно-исторического атласа традиционного землепользования хантов. Его практическая реализация стала возможной благодаря финансовой поддержке Международного научного фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Мак-Артуров, содействию Государственного комитета Севера Российской Федерации, в частности д.э.н. А.И. Волгина, и помощи Сургутской районной администрации.

Работа над проектом стала органическим продолжением многолетней научной деятельности российских участников по изучению истории Сибири, 25-летней научно-практической

деятельности профессора Вигета в области охраны культуры и защиты прав коренного населения Америки на землю.

Авторы проекта надеются, что работа по изучению моделей традиционного хозяйства народов Сибири продолжится и в дальнейшем. Это даст возможность вырабатывать рациональную политику по развитию экономики региона, исходя из интересов всех слоев населения. Основной целью проекта был сбор, анализ и картографирование информации по традиционному землепользованию хантов в исторической перспективе. Авторы надеялись, что подобное исследование будет иметь значение не только в научном плане, но и способствовать более бережному отношению к историко-культурному наследию народов Сибири при планировании промышленных объектов на территории региона. Помимо картографических материалов в сборнике помещены также научные статьи участников проекта по истории и культуре хантов с доисторического времени до наших дней. Проведены микроисследования современных хозяйственных моделей у хантов ряда районов и степень влияния на них промышленного освоения края. Рассмотрены также изменения в численности и формах поселений хантов и система административного управления, типология священных мест и особенности топонимии хантов.

В работе над проектом создания атласа приняли участие исследователи — представители различных научных дисциплин, имеющие значительный опыт работы среди хантов.

Возглавил проект профессор Эндрю Вигет — этнолог, фольклорист-индианист, который в течение 25 лет занимался проблемой охраны традиционной культуры и защиты прав североамериканских индейцев (Кри, Навахо, Зуни) на исторической территории. Профессор Вигет имеет также шестилетний опыт работы с хантами по той же проблематике. Для настоящего сборника им подготовлены статьи и карты. Кандидат филологических наук Ольга Балалаева, этнолог, фольклорист-финно-угровед, специалист в области изучения и охраны устной фольклорной традиции, мифологии, религиозных форм и моделей традици-

онного землепользования хантов. Материалы, полученные во время 15 полевых сезонов среди восточных хантов, легли в основу ее статьи и карты, подготовленной для настоящего сборника.

Археологическая группа участников включает кандидата исторических наук Юрия Чемякина и Константина Карачарова, подготовивших аналитическую статью «Древняя история Сургутского Приобья» и ряд карт. Юрий Чемякин — специалист по археологии западно-сибирского региона с более чем 30-летним стажем академической и экспедиционной работы в этой области. Он является автором более 80 научных работ по археологии обских угров, руководителем изучения археологического памятника международного значения Барсова гора. Константин Карачаров — специалист по археологии и истории обских угров, имеющий значительный опыт экспертизы прикладных проектов в Ханты-Мансийском автономном округе на основе более чем 15-летнего опыта археологических работ в крае.

Историческая группа включает кандидата исторических наук Елену Главацкую и кандидата филологических наук Татьяну Дмитриеву.

Елена Главацкая в течение ряда лет занимается проблемами этнической истории народов Урала и Сибири, их положения в составе Российского государства, политикой Русского правительства в отношении религий народов Севера Западной Сибири. Для настоящего сборника ею подготовлена статья «Ханты в составе Русского государства в XVII—XX вв.».

Татьяна Дмитриева, филолог-лингвист, специалист по финно-угорским языкам, имеет более чем 20-летний стаж экспедиционной работы, в том числе в районах расселения хантов, и является автором более 20 научных работ по топонимии обских угров. Для настоящего сборника ею подготовлена статья «Топонимическая картина территории проживания хантов (особенности структуры и семантики хантыйских топонимов)» и карты.

Авторы надеются, что этот труд является лишь первой ступенью в работе над проектом хантыйского атласа. Специалисты без труда поймут, что представленная здесь информация ограничена некоторыми районами и не охватывает всего ареала хантыйской культуры. Например, здесь не представлен нижневартовский район (р. Вах), бассейны Салыма и Балыка и т.д. Целью авторов проекта является в течение обозримого времени составить полный компьютеризованный атлас хантыйской культуры, который бы соединял в себе сложную базу данных с наглядной компьютерной картографией, подготовленной на базе ис-

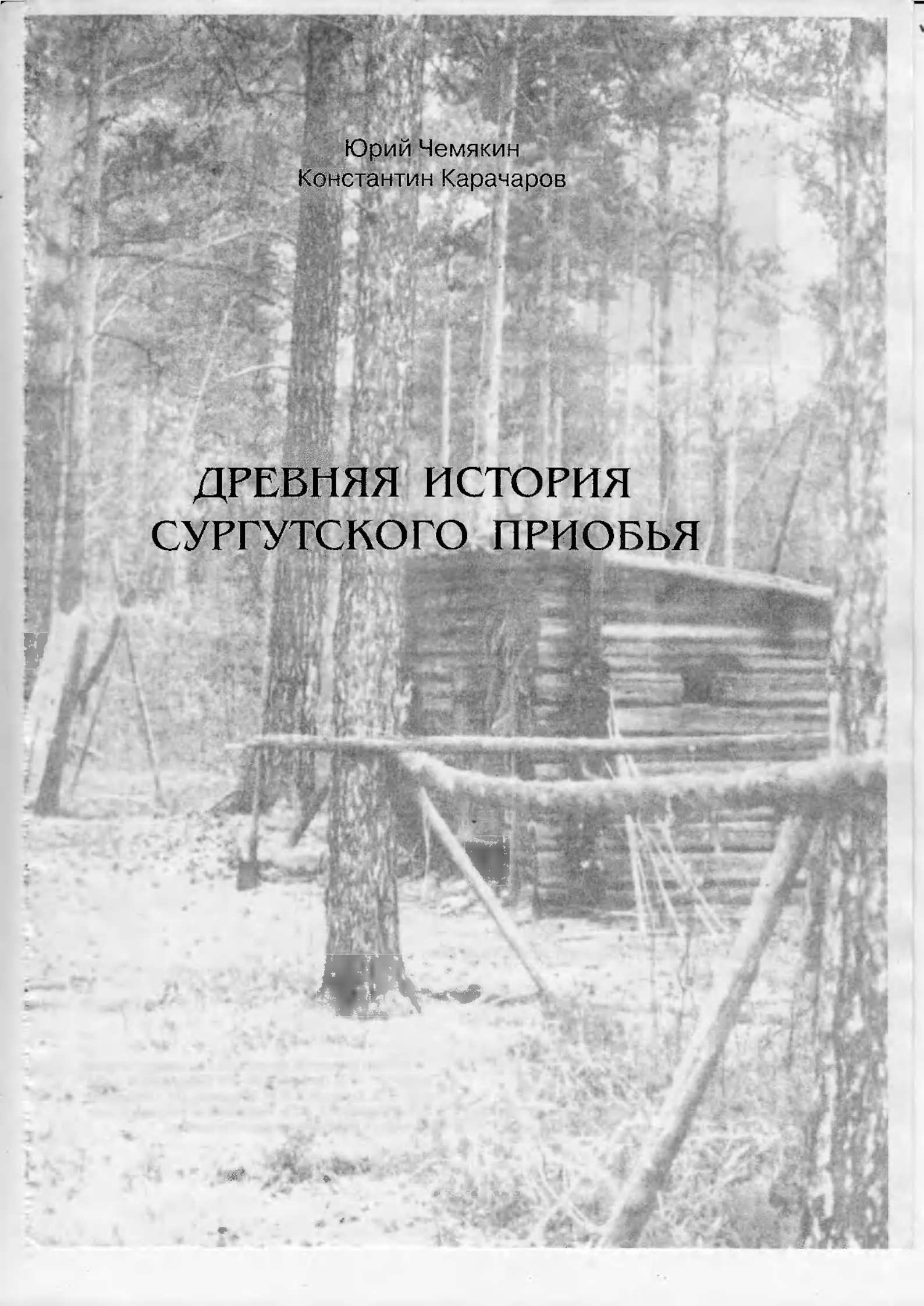
пользования картографической программы IС ARC-VIEW. Компьютеризованный атлас будет фиксировать следующие категории объектов, связанных с традиционным землепользованием хантов: традиционные и современные поселения, включающие как индивидуальные стойбища, так и деревни; индивидуальные семейные охотничьи угодья; места культурной значимости, в том числе культовые места, места, связанные с мифологическими представлениями, традиционные кладбища, археологические памятники; различные элементы природопользования, такие, как оленьи тропы, общинные охотничьи территории, зоны рыбодобычи, собирательства, пастбища и пр.

Дополнительные карты будут освещать промышленное освоение этих территорий и развитие индустриальной инфраструктуры. Нанесенные на карты объекты будут сопровождаться этно-историческим описанием. Авторы проекта надеются, что атлас будет служить не только как уникальный историко-антропологический труд, представляющий интерес для широкого круга специалистов, но и как базовый документ для региональной и районной администрации, руководителей национальных общин и проектировщиков, занимающихся проблемами регионального развития, особенно в свете конфликта между промышленным освоением территорий и традиционным землепользованием коренного населения Западной Сибири. Привлечение научной информации по широкому кругу вопросов, рассматриваемых в данном проекте, позволит находить приемлемые практические решения, учитывающие историко-культурный, социально-политический и экологический контексты для развития законодательных пакетов и корректировки индустриальных и социальных программ.

Таковы были принципиальные задачи, стоявшие перед участниками данного сборника, определившие отбор и композицию материалов.

Авторы проекта выражают особую благодарность Московскому отделению фонда Джона Д. и Катрин Т. Мак-Артуров, его директору Татьяне Ждановой, прежнему руководителю Программы поддержки научных исследований на территории бывшего СССР Эндрю Качинсу и нынешнему главе этой Программы Джону Слокуму, а также признательны и благодарны за критику и доброжелательный совет Д.А. Функу и О. Мурашко. Их понимание, доброжелательность и финансовая помощь сделали возможным реализацию этого проекта и предлагаемого издания.

Москва, Россия, август 1998,
Эндрю Вигет

A black and white photograph of a forest scene. In the background, a log cabin is visible, partially obscured by trees. In the foreground, a wooden fence made of logs and branches is visible. The ground is covered with dry leaves and twigs. The overall atmosphere is quiet and rustic.

Юрий Чемякин
Константин Карачаров

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СУРГУТСКОГО ПРИОБЬЯ

*Ю. П. Чемякин,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Уральского государственного университета*

Неолит

Энеолит

Бронзовый век

Ранний железный век

*К. Г. Карачаров,
научный сотрудник Института истории
и археологии УрО РАН*

Средневековье (Поздний железный век)

Авторы выражают искреннюю благодарность своим коллегам — Г.В. Бельтиковой, В.А. Борзунову, А.П. Зыкову, Л.Л. Косинской, В.М. Морозову, Г.А. Степановой, Н.В. Федоровой и Л.М. Тереховой за возможность использовать неопубликованные материалы.

Сургутское Приобье — это обширная территория, примыкающая к широтному течению р. Обь, между устьями рек Вах (на востоке) и Иртыш (на западе). Оно целиком расположено в пределах современного Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области. Сам термин стал широко употребляться сравнительно недавно, в связи с активным хозяйственным освоением этого района, что было обусловлено открытием нефтяных и газовых месторождений. В Сургутское Приобье включают Среднеобскую низменность и Аганские Увалы. С севера эта территория ограничена Сибирскими Увалами, с юга — возвышенностью Тобольский материк, с северо-запада — Белогорским материком, с востока четкой границы нет. В Сургутском Приобье расположены бассейны таких крупных притоков Оби, как Назым, Лямин, Пим, Тромъеган с притоком Аган, Юган, Балык и Салым. Сегодня это археологически наиболее изученный район Ханты-Мансийского автономного округа. Широкомасштабные археологические исследования, необходимость которых была вызвана хозяйственным освоением территорий, проводились на правом берегу Оби в урочище Барсова гора (7–13 км к западу от г. Сургута), в районе д. Сайгатино и на Тромъегане (в окрестностях д. Ермаково). Они дали богатейший материал, позволяющий наметить основные этапы заселения района, эволюцию материальной культуры его аборигенов от каменного века до исторического периода. Немногочисленные материалы с соседних территорий позволяют с большей степенью достоверности распространять предлагаемую схему культурного развития Сургутского Приобья и на них*.

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

История исследования древностей территории современного расселения хантов насчитывает более 100 лет. Впервые упомина-

ния об археологических памятниках этого региона встречаются в статье Ивана Яковлевича Словцова «Материалы о распределении курганов и городищ в Тобольской губернии», опубликованной в «Известиях Императорского Томского Университета» (Словцов, 1890. С. 84). Первые же раскопки были предприняты в окрестностях г. Сургута, на **Барсовой горе**, еще в конце XIX в. политическим ссыльным В.Ф. Казаковым (1889 г.) и помощником прозектора Томского университета С.М. Чугуновым (1890 г.), однако полученные ими материалы пока не обнаружены (Чернецов, 1957. С. 198). Удачнее сложилась судьба коллекций из раскопок шведского археолога Ф.Р. Мартина. Им в 1891 г. было обследовано несколько городищ и вскрыто 111 средневековых погребений на могильнике в урочище Барсова гора, в 7 км к западу от г. Сургута. Краткие сведения о своих работах на севере Тобольской губернии Ф.Р. Мартин опубликовал сначала в журнале «Ymer», а затем в двух выпусках «Сибирики» (Martin, 1892, 1895, 1897). К сожалению, начатая им монография «La nécropole de Bars en Sibirie» так и не была дописана. Много лет спустя, в 1932 г., материалы его раскопок были использованы Т.Й. Арне в небольшой статье на шведском языке (Arne, 1932), а затем изданы в монографии «Barsoff Gorodok», изданной в Стокгольме на немецком языке (Arne, 1935).

Есть данные о том, что в начале XX века на Барсовой горе работали еще две экспедиции — венгра М. Папая и финна У. Сирелиуса. Ими якобы было вывезено до 30 возов находок (Павлов, 1925). Эта информация пока не нашла подтверждения, но трудно поверить, что такое количество материала могло быть получено в результате археологических раскопок. Более того, сейчас появилась уверенность, что под именем Мартына Папая соединились два исследователя — Фредрик Мартин, действительно копавший под Сургутом, и Карой Папай, путешествовавший по Сибири и собиравший этнографические коллекции. В 1909 г. разведочные раскопки в урочище провел еще один политссыльный, бывший учитель Т.И. Миронов.

Первые сведения об археологических памятниках западной части региона также относят-

* Дальнейшее расширение источниковой базы, появление новых материалов может привести к корректировке и дополнению предложенной схемы, к пересмотру сложившихся представлений о генезисе, развитии и смене археологических культур, их датировке, особенно для ранних эпох.

ся к концу 80-х годов XIX в. В 1887 г. С.К. Паткановым были привезены в Археологическую комиссию вещи, главным образом металлические, приобретенные у жителей дер. Скрипуново, расположенной в правобережье Оби выше устья Иртыша (Патканов, 1891а. С. СССXIV; Талицкая, 1953. С. 249, № 3). Он же сообщает о памятниках в окрестностях села Селиярово (также правый берег Оби, километрах в 35 выше Скрипуново) и о Торопковском (Ленк-понк) могильнике в устье р. Салым (Патканов, 1891а. С. СССXVI; Спицын, 1906. № 336, 357, 358, 366; Талицкая, 1953. С. 249, № 32, 33; Чернецов, 1957. С. 200, 202).

В 1911 г. «экскурсией» Тобольского музея под руководством Л.Р. Шульца во время пребывания в юртах Кинтусовых были предприняты раскопки на берегу озера Емин-тув (ныне Сырковский Сор) городища Ар-ях-вош (городок песенного народа) и расположенного на нем могильника. Шульц приобрел коллекцию предметов, собранных проводником экспедиции Вторушиным, видимо, на этом же месте. Участники экспедиции побывали на легендарном городище Нюром-вош (Болотный городок), расположенном чуть ниже по течению р. Салым от юрт Тимиковских. Предположительно в юртах Сивохребских Шульц получил от местных жителей археологические находки с памятников из устья Салыма, в том числе с могильника Ленк-понк (Городков, 1913. С. 1–100; Шульц, 1913. С. 8–11, 16; Талицкая, 1953. С. 249, № 34–36; Чернецов, 1957. С. 224). После революции, в начале 20-х годов, Л.Р. Шульц еще раз побывал в юртах Кинтусовых и привез несколько новых предметов с городища-могильника Ар-ях-вош (Кинтусовского).

В 1925 г. группой С.А. Куклина была проведена съемка городищ, находящихся в урочище Барсова гора. К схематическому плану, на котором было нанесено местоположение 43 городищ, была приложена пояснительная записка Н.В. Павлова с их кратким описанием (Павлов, 1925; Чернецов, 1957. С. 198).

За последующие 40 лет никакой новой информации об археологических памятниках Сургутского Приобья не поступало. Хотя именно в эти годы В.Н. Чернецовым были обобщены все доступные ему сведения о древностях Нижнего и Среднего Приобья (Чернецов, 1953; 1957). Большинство находок, происходивших из Сургутского Приобья, имели средневековый возраст (лишь В.Ф. Казаков и Ф. Р. Мартин, как выяснилось теперь, произвели раскопки ряда городищ раннего железного века на Барсовой горе).

Возобновление археологического изучения древней истории региона было связано с началом нефтегазового освоения территории.

В 1966 г. на **Барсовой горе** побывала разведочная группа Уральского государственного университета (УрГУ) под руководством Л.Г. Пешковой (Шориковой) (Генинг, 1967. С. 105). Ею был собран материал, впоследствии переданный в Москву З.П. Соколовой (Институт этнографии АН СССР). В 1968 г. другой университетской группой под руководством Л.В. Сухины на Барсовой горе были сняты планы шести городищ и селища. Им же были осмотрены окрестности г. Сургута и дер. **Сайгатина**. В районе дер. Сайгатина было открыто 9 археологических памятников.

В 1971 г. на **Барсовой горе**, в связи со строительством железнодорожного моста через Обь, начались планомерные работы Уральской археологической экспедиции (УАЭ) Уральского государственного университета под общим руководством В.Ф. Генинга. Они не прекращаются до сих пор, при этом исследуются главным образом памятники, разрушаемые строительными работами. Здесь выявлено около 3000 жилищ, объединенных в сотни селищ, 61 городище, 7–8 могильников, святилища, клады и т.п. С 1971 по 2001 г. работами на Барсовой горе руководили Н.А. Алексашенко, Г.В. Бельтикова, В.А. Борзунов, В.П. Виктор, А.П. Зыков, М.В. Елькина, В.Т. Ковалева, Л.Л. Косинская, А.С. Сергеев, В.И. Стефанов, Н.В. Федорова, Ю.П. Чемякин. В 1994 г. раскопки неолитической стоянки Барсова гора II/15 провели сотрудники Природно-археологического центра «Барсова гора» (г. Сургут) под руководством Н.В. Шатунова.

Продолжились работы и в окрестностях дер. **Сайгатина**. Повторное обследование этих мест, проведенное в 1975 г. А.А. Нифонтовым, принесло открытие еще 8 новых памятников. С 1981 по 1990 г. Уральским госуниверситетом проводились ежегодные исследования Сайгатинского археологического комплекса, включавшие как разведки, топо съемку, так и раскопки. Экспедициями здесь в разные годы руководили Л.М. Терехова, А.П. Зыков, Н.В. Федорова, К.Г. Карачаров. Было зафиксировано еще более 70 памятников, из них — 23 городища, 39 селищ, 6 могильников. Раскопками изучались могильники, городища, селища, святилища. С 1996 г. в Сайгатинском урочище регулярно проводит работы экспедиция Сургутского художественного музея под руководством К.Г. Карачарова, занимающаяся исследованием средневековых потребальных и культовых комплексов. В 1999–2000 гг. экспедицией Сургутского государственного университета во главе с В.Н. Логвиным проводились раскопки селища раннего железного века Кучиминское IX, X.

Следует отметить, что именно результаты работ на Барсовой горе и в Сайгатинском урочище легли в основу всех современных схем периодизации древностей региона от каменного века до средневековья.

В 1973 г. разведочной группой УАЭ под руководством Н.Г. Смирнова были впервые обследованы окрестности дер. Ермаково на реке Тромъеган (правый приток р. Оби) и современной станции Ульт-Ягун. В 1974–1976, 1980 гг. работы в этом районе продолжили В.М. Морозов и С.Г. Пархимович. За пять лет уральские археологи выявили здесь 102 древних памятника. В 1987–1989 гг. в этом районе работала экспедиция Тобольского педагогического института. Небольшие раскопки в Ермаково провел И.Г. Глушков. Тобольскими археологами на Тромъегане было найдено еще несколько памятников — недалеко от дер. Русскинская.

В 1976 и 1978 гг. отрядами Томского государственного университета под руководством Е.А. Васильева было обследовано верхнее и среднее течение р. Аган. В результате выявлены пять археологических памятников (Васильев 1977, 1979). В 1992 г. по заданию Мегионского историко-этнографического музея археологической экспедицией Тобольского государственного университета (ТГПИ) были проведены работы по обследованию среднего течения р. Аган, от г. Радужного до пос. Аган, в ходе которых обнаружено 29 археологических памятников. 5 из них было в этом же году изучено раскопками. Недостаточный опыт работы в лесной зоне севера Западной Сибири не позволил исследователям из ТГПИ выявить памятники ранних эпох, ими были зафиксированы лишь объекты, наиболее выраженные на поверхности и относящиеся к эпохе раннего железа и средневековью. Однако исследователи посчитали, что за один полевой сезон они полностью получили представление об осмотренной территории, и сделали вывод о том, что, «по всей видимости, в более ранние эпохи эта территория представляла собой громадную акваторию, которая начала заселяться относительно поздно — после образования современного рельефа. Поиск ранних памятников в этом районе нецелесообразен» (Глушков, 1992).

В 1992 г. Когалымский отряд УАЭ под руководством Л.Л. Косинской провел первичное археологическое обследование верховий правых притоков р. Аган в Сургутском районе ХМАО. Итогом было открытие 24 памятников на р. Вать-еган, Айка-еган и Ингу-ягун. Среди них одна стоянка и 17 поселений, датированные эпохами неолита — энеолита,

раннего железа, средневековья и историческим временем; пять систем ловчих ям и одно местонахождение (Косинская, 1994. С. 72).

В 1995–1996 гг. экспедицией предприятия АВ КОМ Свердловского областного отделения Российского фонда культуры под руководством К.Г. Карачарова и А.Н. Бессмертных было проведено широкомасштабное обследование месторождений АООТ «ЛУКойл-Лангепаснефтегаз». Исследования проводились на участках Покачевского, Северо-Покачевского, Ласъеганского, Урьевского, Ключевого, Нонгъеганского, Кечимовского и Нивагальского месторождений. В результате работ было выявлено 59 историко-культурных объектов, из них 11 этнографических, 48 археологических — 30 поселений, 13 городищ, 2 могильника и 3 ямы (ловушки) (Карачаров, 1996; Бессмертных, 1996; Бессмертных, Карачаров 1996). Выявленные памятники охватили период от эпохи камня до средневековья.

В 1999 г. группой НПИЦ «Наследие» ХМАО под руководством А.Н. Кондрашева проводились экспертные работы в районе пос. Ново-аганск, в нижнем течении р. Егур-Ях. В результате было выявлено 4 селища и 3 городища (Кондрашев, 2000).

В 2000–2001 гг. экспедицией Центра историко-культурного наследия Нефтеюганского района под руководством К. Г. Карачарова проводились исследования в среднем течении р. Аган и на ее правых притоках. В результате работ на обследованной территории было выявлено 43 ранее неизвестных археологических объекта и огромный археологический комплекс в районе г. Покачи, сравнимый с Барсовой горой и Сайгатино. Дополнительное обследование выявленного в 1995 г. селища Туглунъеган 2 дало материалы, которые позволили датировать его мезолитом (серединой 7 тыс. до н. э.).

Таким образом, на р. Аган к 2002 г. было зафиксировано примерно 156 археологических памятников.

Следует указать также на работы В.А. Посредникова в бассейне р. Вах. Кроме разведок в 1969–1975 гг. им были проведены раскопки на двух поселениях, содержащих слои каменного и бронзового веков, и на средневековом городище, выявлены остатки нескольких построек, собраны хорошие коллекции. В 1976 г. исследования на Вахе и в верховьях Агана продолжил Е.А. Васильев. На основе этих работ была создана периодизация древностей Ваховского микрорайона (Посредников, 1973, 1973а, 1978; Васильев, 1978, 1978а).

В 1966 г. места в западной части Сургутского Приобья, где когда-то делал сборы С.К. Пат-

канов, посетили Л.П. Хлобыстин, открывший 8 новых памятников (Хлобыстин, 1967. С. 140; 1967. С. 148), и Л.Г. Пешкова. В начале 1990-х гг. разведочной группой Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург) в составе А.П. Зыкова и О.В. Малоземовой были осмотрены старые и выявлены новые памятники у сел Нялино, Скрипуново, Сытомино, Лямино (на правом берегу), Высокий Мыс и Тундрино (на левом берегу Оби). Исследователи отмечают интереснейший средневековый комплекс из трех городищ и трех поселений у с. Нялино, отражающий непрерывное проживание здесь локальной группы населения с VIII по XVII—XVIII вв. н.э. Более древний комплекс, датирующийся с середины 1 тыс. до н.э., находится у с. Селиярово, однако от него сохранилась лишь западная часть (13 памятников) (Кокшаров, Малоземова, Погодин. 1994. С. 60—61). В 1995 г. эти места посетил разведочный отряд предприятия АВ КОМ Свердловского областного отделения Российского фонда культуры (Плешкова, 1996. С. 359—360).

В 1978 г. разведочная группа УАЭ под руководством В.И. Семеновой обследовала берега озера Сырковый Сор близ поселка Салым (бывшие юрты Кинтусовы). На озере было обнаружено 5 городищ и одно поселение. Одно из городищ, Кинтусовское IV (4.1), и является тем самым Ар-ях-вош, которое исследовал Л.Р. Шульц. Кроме того, экспедиция выявила еще два городища, расположенных вблизи поселка: одно — на реке Вандрас, второе — на реке Большой Салым. В 1982—1983 гг. другая группа УАЭ под руководством Л.М. Тереховой вела раскопки городища и могильника Кинтусовское IV (4) (Ар-ях-вош). Было установлено, что погребения па могильнике относятся к двум периодам: к X — началу XII в. и к концу XVI — началу XVII в. Этот факт, возможно, объясняет предание о первоначальном захоронении здесь людей народа «Ар-ях» (Песенный народ), а затем хантов. Было также выяснено, что само городище относится к середине 1 тысячелетия н.э. В 1991—1992 гг. экспедиция предприятия АВ КОМ под руководством К.Г. Карачарова продолжила исследования на озере и раскопки поздней части Кинтусовского могильника; вскрытые погребения относились к концу XVI—XVII вв.

В 1981—1983 гг. отряд УАЭ, возглавляемый Л.М. Тереховой, провел работы в бассейне р. Демьянка, где исследовал средневековый комплекс Рачево (Терехова, 1986).

В 1987—1988 гг. группа УАЭ под руководством К.Г. Карачарова зафиксировала на южном берегу озера Большое Соровское большой

археологический комплекс. В результате регулярных работ, проводимых Центром историко-культурного наследия Нефтеюганского района с 1999 г., число зафиксированных здесь археологических памятников превысило 90 (из них 39 городищ). Выявленные объекты представляют все эпохи, начиная с каменного века до нового времени.

В 1989 г. отрядом УАЭ в окрестностях разъезда Кинтус, на водоразделе рек Демьянки и Салыма, было проведено обследование берегов озер Чагорово и Мамонтово, северо-западного берега оз. Долгое, западного берега оз. Светлое и восточного берега оз. Костор, в ходе которого выявлено 26 селищ, укрепленное жилище и могильник.

Продолженные предприятием АВ КОМ в 1991—1993 гг. большие разведочные работы в пределах северо-западной окраины Салымо-Юганской болотной системы, куда входят и Соровские озера, и окрестности разъезда Кинтус, позволили выделить здесь огромный археологический район, чрезвычайно насыщенный древними памятниками. В пределах этого района были обследованы побережье о. Большое Каюково, устье р. Чупал, р. Самсоновская. Всего было зафиксировано около 40 ранее не известных археологических памятника.

В бассейне р. Юган археологические исследования были впервые проведены в 1979 г. Северным отрядом Тюменского областного краеведческого музея под руководством В.И. Семеновой. В результате на р. Большой Юган были найдены и обследованы три городища — Еутское 1, 2 и 3, расположенные на Еутском увале (Семенова, 1980). В 1980 г. тем же отрядом был выявлен новый объект — городище Каменные пески, расположенное вблизи ранее выявленных объектов (Семенова, 1981).

В 1985 г. отрядом археологической экспедиции Томского госуниверситета под руководством Я.А. Яковлева обследован район в среднем течении р. Большой Юган в окрестностях пос. Угут. В результате выявлены поселения Сельповское 1 и 2 и городища Сельповский Урей и Стрелка (Яковлев, 1985).

Летом 1988 г. Северным отрядом Тюменского областного краеведческого музея под руководством В.И. Семеновой были проведены археологические исследования в окрестностях юрт Киняминых на р. Малый Юган. В результате работ был выявлен и описан 21 объект археологии и 1 частично раскопан (Семенова, 1989). Объекты располагались как непосредственно на берегу р. Малый Юган, так и по берегам ее левого притока р. Мохтикмисап. На левобережье Малого Югана выявлен могильник, две группы которого были разделены В.И.

Семеновой на два отдельных памятника: Киняминский I и Киняминский II. Оба могильника (группы) относятся к XIII—XIV вв. н.э. Тогда же была раскопана основная группа погребений Киняминского I могильника (Семенова, 1989).

В 1990 г. В.И. Семенова продолжила работы в окрестностях юрт Киняминных. Ею были зафиксированы еще 4 памятника (поселения) и продолжены раскопки Киняминских могильников (Киняминского II). В результате раскопок была практически полностью изучена и эта группа (Семенова, 1991).

В 1990—1991 гг. В.И. Семенова проводила исследования на городище Частухинский Урий на левобережье р. Большой Юган, на берегу одноименного старичного озера близ устья впадающей в него р. Нексап. Оно датировано эпохами от средневековья до нового времени. На площадке городища были обнаружены 3 коллективных захоронения, содержащих от 2 до 9 погребенных. Могила датирована по монетам Ивана IV и чаше русской (?) работы концом XVI — началом XVII в. (Семенова, 1990, 1997).

В 1996—1997 гг. экспедиция Сургутского краеведческого музея под руководством М.Ю. Селяниной проводила изыскания в бассейне р. Большой Юган у юрт Когончиных. Результатом работы явилось открытие 26 памятников археологии (Селянина, 1997, 1998).

В 1999 и 2000 гг. в составе Восточно-хантыйской международной экспедиции (финансировалась Фондом Джона Д. и Кэтрин Мак-Артуров) К.Г. Карачаровым было проведено рекогносцировочное обследование верхнего и среднего течения рек Большой и Малый Юган. В результате было зафиксировано 29 археологических объектов и собраны сведения еще более чем о 60; отмечены общие закономерности и особенности распределения памятников в бассейнах этих рек (Карачаров, 2000, 2001).

В 1999 г. в ходе обследования территории поселка Угут, проводившегося экспертной группой МУ ИКНПЦ «Барсова гора» под руководством Н.В. Шатунова, было выявлено еще 18 памятников (городища, селища и могильник). В 2000—2002 гг. на двух из них — городище Сартым-урий 18 и селище Сартым-урий 17 — Ю.П. Чемякиным были заложены раскопы (экспедиции УрГУ и УрГПУ, г. Екатеринбург). Полученный материал относился к середине 1 тысячелетия н.э. (Чемякин Ю.П., 2001б; Чемякин Е.Ю., 2002).

В 1981 г. В.И. Семеновой были произведены разведочные работы в среднем течении р. **Большой Балык** в окрестностях г. Пыть-Ях и выявлены 4 археологических объекта (Се-

нова, 1982; Визгалов, 1993. С. 3—6, 11), а в 1982 г. были проведены раскопки средневекового поселения Ай-Яунское (Семенова В.И., 1983; 1984; Визгалов Г.П., 1993, С. 5, 6). С 1982 по 1986 г. этим же исследователем проводились раскопки средневекового могильника Усть-Балык в районе г. Нефтеюганска, где было вскрыто более 300 погребений X, XIV—XV и XIX—XX вв. (Семенова, 2001).

В 1992 г. разведочной группой Нефтеюганской археологической экспедиции предприятия АВ КОМ под руководством О.В. Кардаша были выявлены 8 ранее неизвестных древних объектов в среднем течении р. Большой Балык в районе г. Пыть-Ях (Визгалов, 1993). Этой же группой проводились разведки в зоне нефтеразработок ПО «Юганскнефтегаз» по рекам Малый Балык, Пойк и Малый Салым (Кардаш, 1993). В результате в бассейне р. Малый Балык, на Тепловском месторождении нефти, было выявлено 3 историко-культурных объекта эпохи средневековья (поселения Малый Балык 1 и 2, стоянка Малый Балык 3) и поселение Юрты Румпины XIX — начала XX вв. (Кардаш, 1993. С. 6—10). Несколько фрагментов гребенчатой керамики, датированных ранним бронзовым веком, нашел Г.П. Визгалов на средневековом поселении Пучипьега 1 (среднее течение р. Большой Балык, левое притока Оби) (Визгалов, 1992). В 1993 г. на территории урочища Городской остров были выявлены городище и поселения Сырой Аган 1—7. Большая часть памятников содержала материалы атлымской культуры (Карачаров, 1991; 1992; 1992а; Ивасько, 1993). В 2000 г. под руководством Л.В. Ивасько начались раскопки неолитического городища Каюково 2.

В 1986—1987 гг. сотрудниками УрГУ В.М. Морозовым и К.Г. Карачаровым проводились рекогносцировочные разведочные работы в среднем течении р. Пим, возле пос. Лянтор. В 1993 г. сотрудниками Сургутского краеведческого музея проведены археологические разведки в бассейне р. Мильтон-Ягун (левый приток р. Пим) и окрестностях г. Лянтор. Выявлено 3 городища на берегу оз. Атым (датированы от VI—VII до VIII—IX вв. н.э.); городище и могильник на левом берегу р. Мильтон-Ягун и городище Востокинское 1, расположенное в 11 км к югу от г. Лянтор (Селянина, 1995. С. 298—299). Летом 1994 г. предприятием АВ КОМ проводились археологические исследования на территории Лянторского, Камынского, Ай-Пимского месторождений. В результате работ выявлено 89 объектов: 13 из них датированы новым — новейшим временем, остальные представляют исторические эпохи от мезолита до позднего средневековья.

Экспедицией Уральского госуниверситета в 1994–1995 гг. проведено комплексное обследование зон нефтепромыслов к северу от г. Сургута. В результате работ выявлено 185 археологических объектов на реках Быстрый Кульеган (100), Минчимкиной (5), Черной (4), Моховой (50), Малой Моховой (3), Почекуйке (3), Сукурьягуне (3), Эгутьягуне (15), Яккупурие (2). Из этих одно- и многослойных памятников 31 содержал материалы неолита — средней бронзы (4 — середина 2 тыс. до н.э.), 90 — поздней бронзы и раннего железа (конец 2 тыс. до н.э. — III в. н.э.), 30 — позднего железа (IV–XIX вв. н.э.). (Борзун, Ковригин, Погодин, Сергеев, Стефанов, 1996. С. 317–319).

Краткий перечень работ показывает, что активизация археологических исследований в Сургутском Приобье приходится на середину 1990-х годов и связана с проведением экспертиз на промышленно осваиваемых территориях. Итогом их явилось открытие в Сургутском Приобье, где еще в середине 1960-х гг. было известно чуть больше десятка памятников, около тысячи древних поселений, городищ, святилищ, могильников.

КАМЕННЫЙ И БРОНЗОВЫЙ ВЕКА

НЕОЛИТ

Древняя история Сургутского Приобья своими корнями уходит в каменный век.

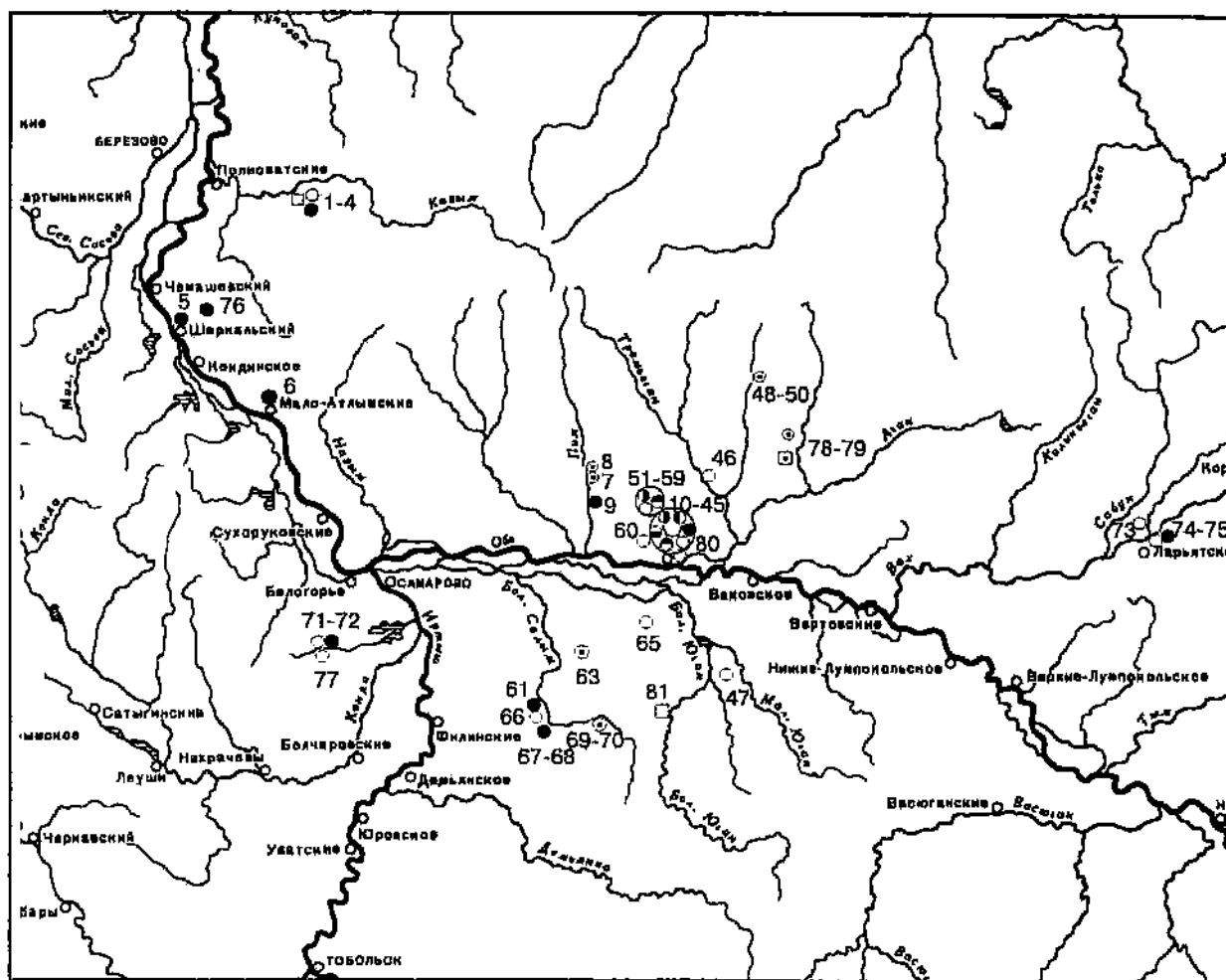
Самые ранние из известных памятников Среднеобья датируются неолитом. Однако находки плейстоценовой фауны в округе, в т.ч. на Барсовой горе, открытие мезолитических поселений на р. Конде, Пур и местонахождений под Салехардом означают, что человек мог появиться в этих краях и раньше. На Барсовой горе на поселении эпохи поздней бронзы Барцевка IV была найдена плечевая кость шерстистого носорога. По определению Н.К. Верещагина, на ней есть следы порезов каменным (?) орудием, причем порезы были нанесены по сырой кости (Чемакин, Кокшаров, 1991. С. 107). То есть это косвенное свидетельство о заселении края уже в плейстоцене.

Первый памятник, датируемый неолитом, был открыт в 1972 г. в урочище Барсова гора. За двадцать последующих лет в регионе выявлено около 70 стоянок и местонахождений (карта 1), но большинство из них известны по разведкам и представлены единичными фрагментами керамики. Раскопкам же подверглись два поселения на р. Вах, девять — в урочище Барсова гора. По одному памятнику исследовано на р. Быстрый Кульеган, Черная и на водоразделе р. Большого Югана и Салыма.

Попытка систематизации и периодизации памятников каменного века Сургутского Приобья впервые была предпринята Ю.П. Чемякиным в докладе на VIII Уральском археологическом совещании в 1983 г. Позднее она была откорректирована (Чемакин, 1993; 1994а; 1998а). Анализ орнамента на керамике — наиболее массовом материале — выявил четыре культурные группы и позволил наметить в рамках каменного века региона четыре периода: ранний, средний и поздний этапы неолита, энеолит (следует заметить, что существуют и иные взгляды на ранние сургутские древности (Васильев, 1989). Проблемам северного неолита посвящено несколько работ Л.Л. Косинской (Косинская, 1993; 1994; 1994а; 1999; 1999а; 2001а), точка зрения которой несколько отличается от нашей.

К древностям раннего этапа (V — начало IV тыс. до н.э.) относятся 6–7 памятников быстринского типа, сосуды которых украшены волнисто-прочерченными узорами (рис. 1). Первая стоянка с такой керамикой (Барсова гора II/43) была открыта А.Ф. Шориным и Ю.П. Чемякиным в 1974 г. Малочисленность сборов не позволила тогда всесторонне охарактеризовать этот тип, но было отмечено своеобразие керамики и ее сходство с посудой завьяловской культуры в Новосибирском Приобье (Чемакин, 1983). В 1987–1988 гг. на поселении Барсова гора II/8 А.П. Зыковым были раскопаны углубленные подквадратные жилища площадью 31 и 132 кв. м, с двумя выходами, направленными в противоположные стороны. Дно полуземлянок было посыпано охрой (Матющенко и др., 1994. С. 100–101). Каменный инвентарь представлен орудиями, сделанными из галек и небольших булыжников, в основном из сланцев, в технике оббивки с последующей шлифовкой. Отходы производства в виде осколков разной величины составляют 18% каменных предметов. Из орудий наиболее многочисленны рубящие — 60% всех изделий. Среди остальных изделий — шлифованные ножи, скребки, абразивы. На поселении Быстрый Кульеган 66 были исследованы остатки двух углубленных жилищ площадью около 70 кв. м, обнесенных рвом (Косинская, 2001. С. 12–13). Каменные орудия изготовлены преимущественно из кварца и сланцев. Твердые породы обрабатывались в отщиповой технике. Сериями представлены шлифованные рубящие орудия — долота и тесла с заузенным обушком, однолезвийные ножи, а также абразивные плитки. Единичны обломки узких длинных шлифованных наконечников стрел (Косинская, 2001. С. 13).

Быстринская керамика полуяйцевидной формы, с прямыми или слегка загнутыми внутрь тонкими стенками. Дно шиповидное

Карта 1. Памятники эпохи неолита — энеолита.

○ □ Неолит	○ Поселение (селище)
● Быстринский тип	□ Городище
● Барсовогорский тип	∩ Могильный
● Памятники с гребенчато-ямочной орнаментацией керамики	
● Памятники с отступающе-накольчатой орнаментацией керамики	
○ □ Неолит — энеолит	
● Энеолит	

Памятники эпохи неолита — энеолита.

1 — гор. Амня I; 2—4 — пос. Амня II, Кирип-Вис-Юган 2, Каксинская Гора III; 5 — пос. Шеркалы X; 6 — гор. Малый Атлым I; 7 — пос. Тутлеймьяун 8; 8 — пос. Амтунъюх 1; 9 — пос. Вачимьяун 4; 10—44 — гор. Барсов городок I/14, ст. Барсова гора I/1а—3а, I/5а, I/8а, I/31а, II/5, II/6, II/11, II/15, II/19, II/20, II/24—27, II/33, II/37, II/41, II/41—43, IV/5, IV/15, IV/16, IV/23—25, пос. Барсова гора II/8—10, сел. Барсова гора III/22, Барцевка XI; 45 — мог. Барсовский II (Барсов городок 2); 46 — сел. Савуй-Пеу 10; 47 — пос. Мохтик III/1; 48—50 — пос. Тлоктлым-еган I, ст. Тлоктлым-еган II, мест. Тлоктлым-еган III; 51—59 — пос. Быстрый Кульеган 9, 10, 26, 30, 32, 64, 66, 67, мест. Быстрый Кульеган 36; 60 — сел. Черное 3; 61 — пос. Ай-Ега 1; 62 — пос. Кевруяун 6; 63 — пос. Колунгтотытор 1; 64 — пос. Колунгтотытор 1; 65 — пос. Мамонтово 2; 66 — пос. Самсоновское 2; 67—68 — пос. Соровское 2, 27; 69—70 — пос. Усть-Чупал 8, 9; 71—72 — пос. Стариков Мыс 1а, 2; 73 — пос. Чехломеевское III; 74—75 — пос. Большеларьяжское II, III; 76 — пос. Юрты; 77 — пос. Чебачий бор 7; 78—79 — гор. Имньеган 2.1, пос. Имньеган 2.2; 80 — пос. Пыхты 1; 81 — гор. Каюково 2.

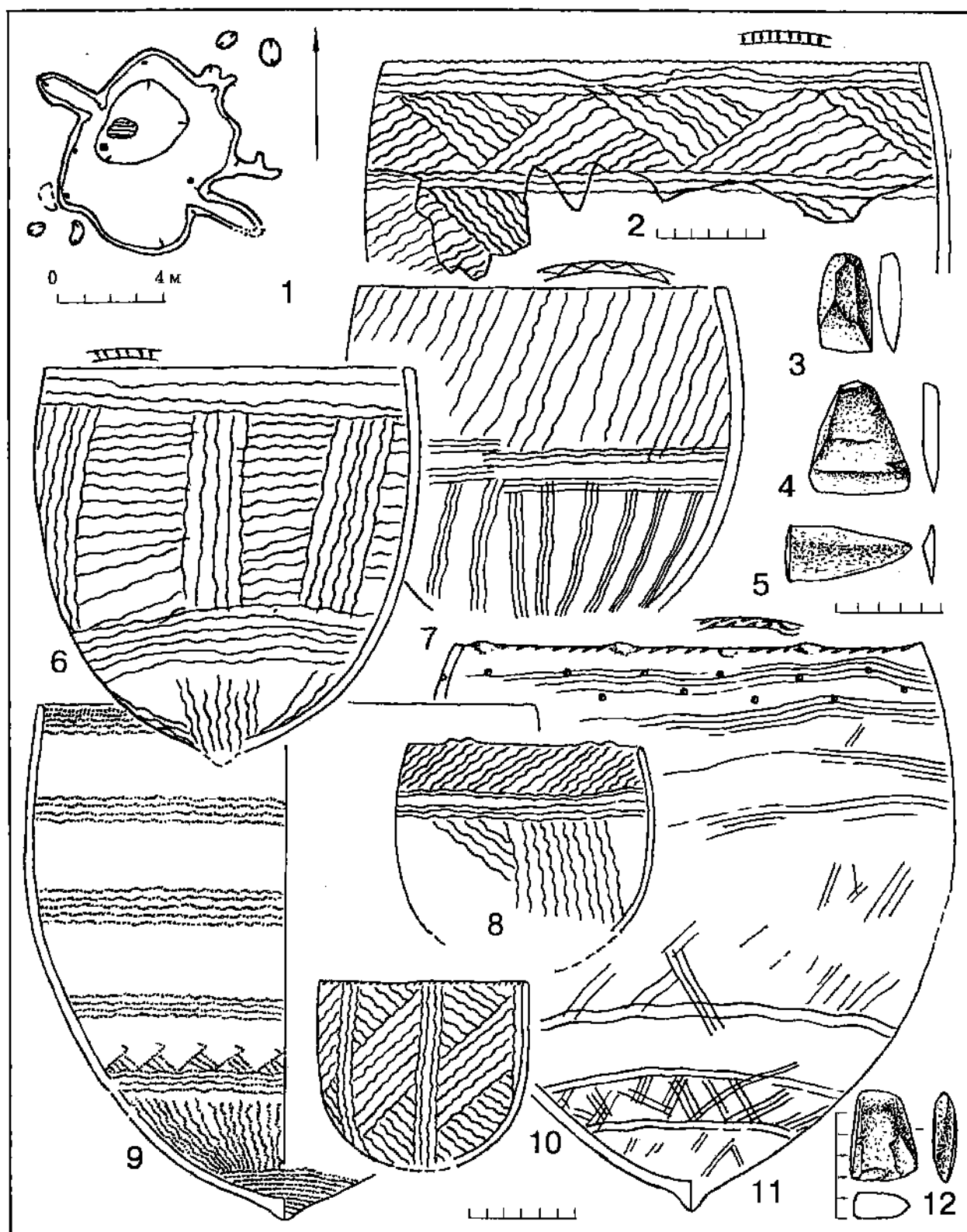

Рис. 1. Ранний неолит. Быстринский тип памятников. 1—11 — пос. Барсова гора II/8; 12 — ст. Барсова гора II/43 (2, 6—11 — керамика; 3—5, 12 — камень)

или округлое. Узоры покрывают всю внешнюю и изредка внутреннюю поверхность сосудов, а также венчик, на котором встречаются «ушки». Орнамент в основном прочерченный, иногда встречаются ямочные вдавления. Единичные мотивы выполнены «шагающей гребенкой» и отступающе-накольчатой техникой. В композициях преобладают горизонтальные, вертикальные и наклонные волнистые линии, составляющие две трети всех узоров. Вторую по численности группу образуют т.н. «паркетные узоры» — зоны взаимопроникающих разнозаштрихованных фигур (треугольников, параллелепипедов и т.д.), иногда разделенных вертикальными или наклонными волнистыми линиями. Есть основания предполагать, что часть орнаментов наносилась костями рыб и животных (Дубовцева, 2002).

Материальная культура данной группы памятников своеобразна и резко выделяется среди древностей окружающих территорий. В то же время по ряду признаков (типы шлифованных орудий, полуяйцевидная форма сосудов, орнаментальные мотивы на них) она находит параллели в неолитических памятниках урало-сибирского региона, причем как ранних — евстунинского, козловского, сумпаньинского, кошкинского типов, так и более поздних — полуденских, завьяловских, большеларьякских и других. Волнистые узоры, нанесенные тонкой палочкой, известны на сосудах Чэс-Тый-яга, Чилимки V, Киприно, Крапивки 1, датируемых средним (развитым) — поздним неолитом. Одни из этих памятников оставлены населением, возможно, мигрировавшим с юга (из среднеазиатско-прикаспийского региона). В других усматривают уральское влияние. Вероятно, и находки на сургутских поселениях типа Барсова гора II/8 отражают передвижение каких-то южных групп, исходная территория которых еще не известна. Ряд косвенных признаков, в том числе фиксируемых на керамике (сосуды с округлыми днищами с «шипом», украшенные прочерченной техникой), предполагает ранний возраст этих поселений, возможно, в пределах V — начала IV тыс. до н.э. С поселения Быстрый Кульеган 66 получены радиоуглеродные даты: 5930 ± 90 (ЛЕ-5335), 5910 ± 130 (ЛЕ-5336) и 5725 ± 70 (ЛЕ-5337), т.е. начало IV тыс. до н.э. (Косинская, 2001. С. 14).

Сходство керамики с Барсовой горы и посуды из верхнеобского региона (завьяловской культуры — см.: Молодин, 1977. Табл. I—III) позволила в свое время с известной долей условности отнести сургутские памятники к «завьяловскому типу» (Чемякин, 1994а). Термин «быстринский тип» был предложен В.И. Стефановым и Л.Л. Косинской в 1997 г. после рас-

копок поселения с «волнисто-прочерченной» керамикой на р. Быстрый Кульеган. Близость многих черт материальной культуры быстринской группы и неолитических памятников Урала свидетельствует о вхождении первой в урало-западносибирскую историко-этнографическую область (УЗС ИЭО), сформировавшуюся в неолите в таежных районах Урала и Обь-Иртышья.

Памятники среднего этапа неолита Сургутского Приобья (IV тыс. до н.э.) представлены четырьмя стоянками барсовогорской группы (рис. 2). Эта группа памятников была выделена Ю.П. Чемякиным (1983). Барсовогорская орнаментальная традиция существовала длительное время, предположительно включая и эпоху ранней бронзы. В ее развитии выделены 4 стадии. Раннюю (средний неолит) характеризуют стоянки Барсова гора II/16а, II/17, на которых раскопаны остатки 10 жилищ (Матвеева, 1990; Чемякин, 1991). Для них типичны большие поселки (до 20 и более впадин), прямоугольные полуземлянки с коридорообразными выходами. Площадь котлованов 16—33 кв. м, дно их посыпано охрой. В жилищах по 1—2 очага. На стоянке Барсова гора II/16а внутри построек и за их пределами открыты каменные кладки. Существовали и наземные сооружения хозяйственного (?) назначения (Матющенко и др., 1994. С. 101). Каменные орудия малочисленны, сделаны на отщепях, пластинах, а также из галек и булыжников оббивкой и шлифовкой. Среди них скребки на отщепях, наконечники стрел — на отщепях и шлифованные. Шлифованные топоры массивнее, чем на памятниках быстринского типа. Остальные орудия составляют различные абразивы, терочки, песты, грузила.

Керамика полуяйцевидной формы, с прямыми или слегка загнутыми внутрь стенками и круглым дном. Найдены небольшие емкости ладьевидных форм. У большинства венчиков с внутренней стороны есть треугольный наплыв. Орнамент покрывает всю внешнюю поверхность посуды. Он наносился отступающе-накольчатой, прочерченной и шагающей техникой. Изредка применялись неглубокие вдавления и наколы. Около трети сосудов украшены сразу двумя техническими приемами. Орнаментальные композиции состоят из прямых или волнистых линий, зигзагов, горизонтальных поясков разнонаклонных отрезков, зон, выполненных шагающим штампом. Небольшой процент составляют геометрические фигуры (ромбы, треугольники) и ромбическая сетка. В узорах на сосудах преобладает горизонтальная зональность, но иногда с ней сочетается вертикальная.

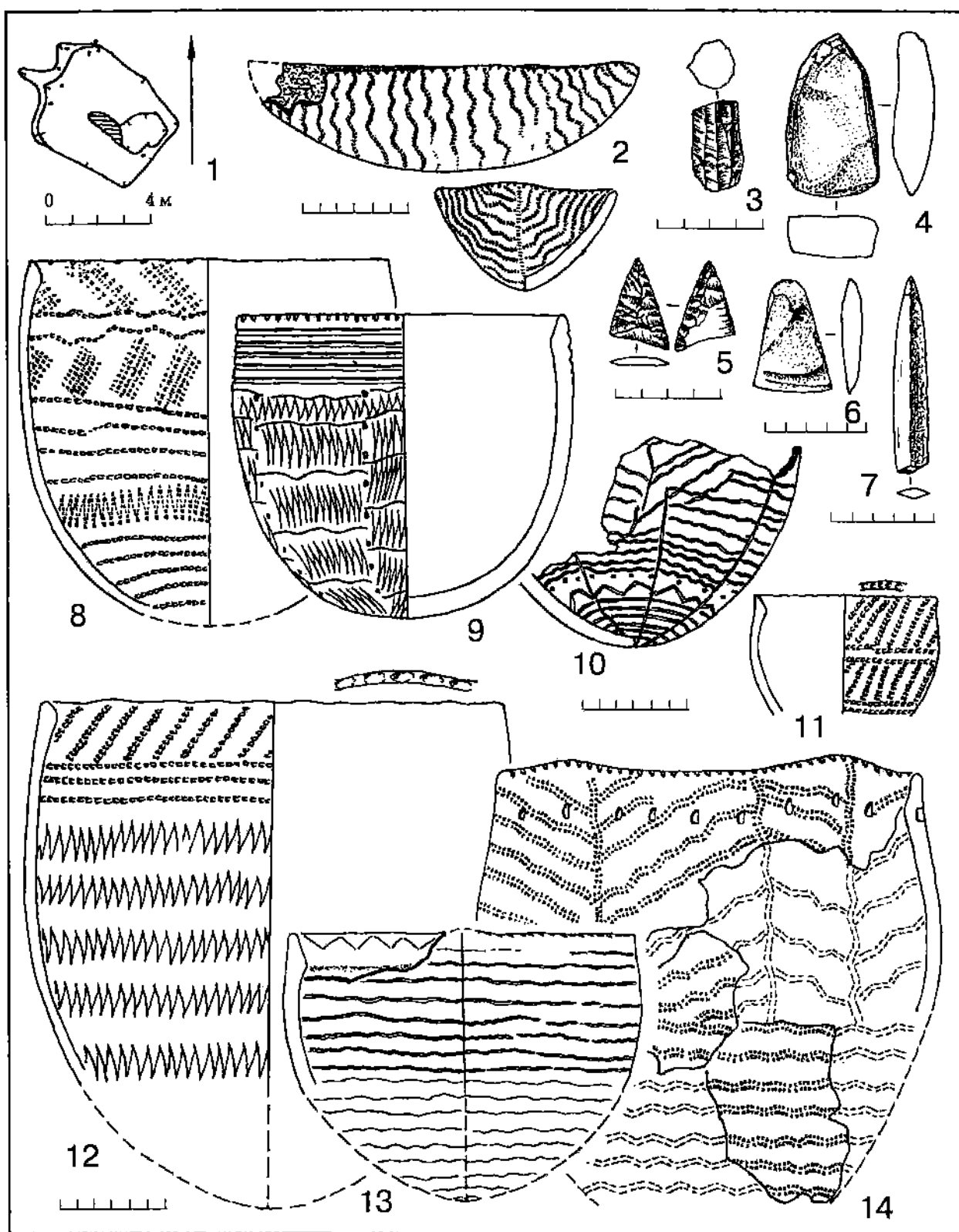

Рис. 2. Средний неолит. Барсовогорский тип памятников (ранняя стадия). 1, 2, 4, 5, 8–11 – ст. Барсова гора II/17; 3, 6, 7, 12–14 – ст. Барсова гора II/16а (2, 8–14 – керамика, 3–7 – камень)

Данная группа памятников наиболее близка древностям полуденской культуры. От последней ее отличают охристая подсыпка пола в жилищах и отсутствие печатно-гребенчатых узоров на посуде. Подобен сургутским жилищный комплекс стоянки Бичили 1 (Среднее Прииртышье), отнесенный В.Ф. Старковым (1980) к восточноуральской культуре и датированный развитым неолитом. Общие черты прослеживаются с памятниками сумпаньинского типа (культуры), кошкинскими, а также большеларьякскими, но последние выглядят моложе. Из обзора видно, что сургутские памятники типа стоянок Барсова гора II/16а, II/17 близки широкому кругу урало-западносибирских древностей. Они входят в урало-западносибирскую историко-этнографическую область и, вероятно, синхронны полуденским (имеющаяся радиоуглеродная дата со ст. Барсова гора II/17 — 7450 ± 150 , ЛЕ-2987 — кажется сильно заниженной). Их своеобразие, заключающееся в охристой подсыпке дна полуземлянок, особом сочетании разных способов украшения посуды (отступающе-накольчатом, прочерченном и шагающем при полном отсутствии печатной «гребенки»), позволяет говорить об оригинальной барсовогорской группе памятников в рамках среднего (по периодизации В.Т. Ковалевой — позднего) неолита.

В конце неолита — начале энеолита (2-я половина IV — начало III тыс. до н.э.) в Среднеобье существовали две основные культурные группы, отличавшиеся разными традициями орнаментации керамики.

Гребенчатая традиция представлена двумя тремя памятниками (рис. 3 — 8-16). Наиболее представительные материалы происходят из раннего слоя городища Барсов городок I/8 (стоянка Барсова гора I/8а), где раскопано полуразрушенное углубленное жилище с охрой на полу (Чемякин, 2001).

Каменные орудия не найдены. Среди отходов производства — отщепы, в т.ч. кварцевые. Сосуды полуяйцевидной формы, закрытые, с наплывом на внутренней стороне венчика и круглым дном. Вся внешняя поверхность их покрыта узорами, а у единственного сосуда оригинальной формы однорядовым зигзагом украшена внутренняя сторона стенки. Орнамент наносился длинным гребенчатым штампом в печатной и шагающей технике. Редкие вспомогательные элементы выполнены овальными вдавлениями. Орнаментальные композиции состоят из горизонтальных поясов разнонаклонных оттисков «гребенки», параллельных линий, зигзагов, елочки, поясов шагающей гребенки. На ромбы и зашт-

рихованные треугольники приходится 16% всех узоров. Зональность горизонтальная.

Керамический комплекс стоянки Барсова гора I/8а сравним с «гребенчатой» посудой прикамского неолита и сосновоостровской. Для этих групп характерно нанесение узоров как печатным, так и «шагающим» способом. Близки и орнаментальные мотивы. В Прикамье посуда с гребенчатым орнаментом распространена на памятниках, объединяемых в настоящее время в хutorскую культуру и датируемых «развитой порой неолита Приуралья и Волго-Камья» (Наговицын, 1988; Денисов, Мельничук, 1991). Сосновоостровские древности, характеризовавшие, по О.Н. Бадеру, заключительный этап уральского неолита, сейчас нередко рассматриваются в рамках энеолита.

Орнаментация гребенчатым штампом определяет еще несколько типов керамики позднего неолита — энеолита: северо-сосвинский, шапкульский, екатерининский, аятский и ваховский. Первые четыре по ряду формальных признаков выглядят или более поздними по сравнению с сургутскими, или не связанными с ними в культурном отношении. Среди этих признаков — отсутствие утолщений с внутренней стороны венчика, использование короткого штампа, вдавления углом штампа, геометрические узоры в виде удлиненных треугольников с «бахромой» по краям, вертикальных лесенок, заштрихованных ромбов. Что касается ваховского типа, к которому Е.А. Васильев (1989) отнес и сургутские материалы, отметим следующее. Для большинства памятников бассейна Ваха не характерны охристая прослойка на полу жилищ, орнаментация наплыва под венчиком сосудов с внутренней стороны. Отличается и форма наплыва. На сургутской посуде практически не встречаются ямки под венчиком, ряды наколов палочки в качестве разделительных поясков... Не отрицая культурной близости (в рамках одной общности?) большеларьякских и сургутских комплексов, видимо, преждевременно объединять их в один тип. Наиболее вероятна связь сургутских древностей с хutorскими или сосновоостровскими. Отсюда возможное время их существования — поздний неолит или начало энеолита, причем первая дата кажется предпочтительнее.

Этим же временем датируется **вторая стадия развития барсовогорской группы**, представленной 4—5 исследованными памятниками (рис. 3— 5-7; 4). На них раскопано 15 жилищ, в т.ч. 10 — на стоянке Барсова гора IV/5. Постройки аналогичны существовавшим на первом этапе. Каменного инвентаря мало. Он состоит из орудий и отходов их производства.

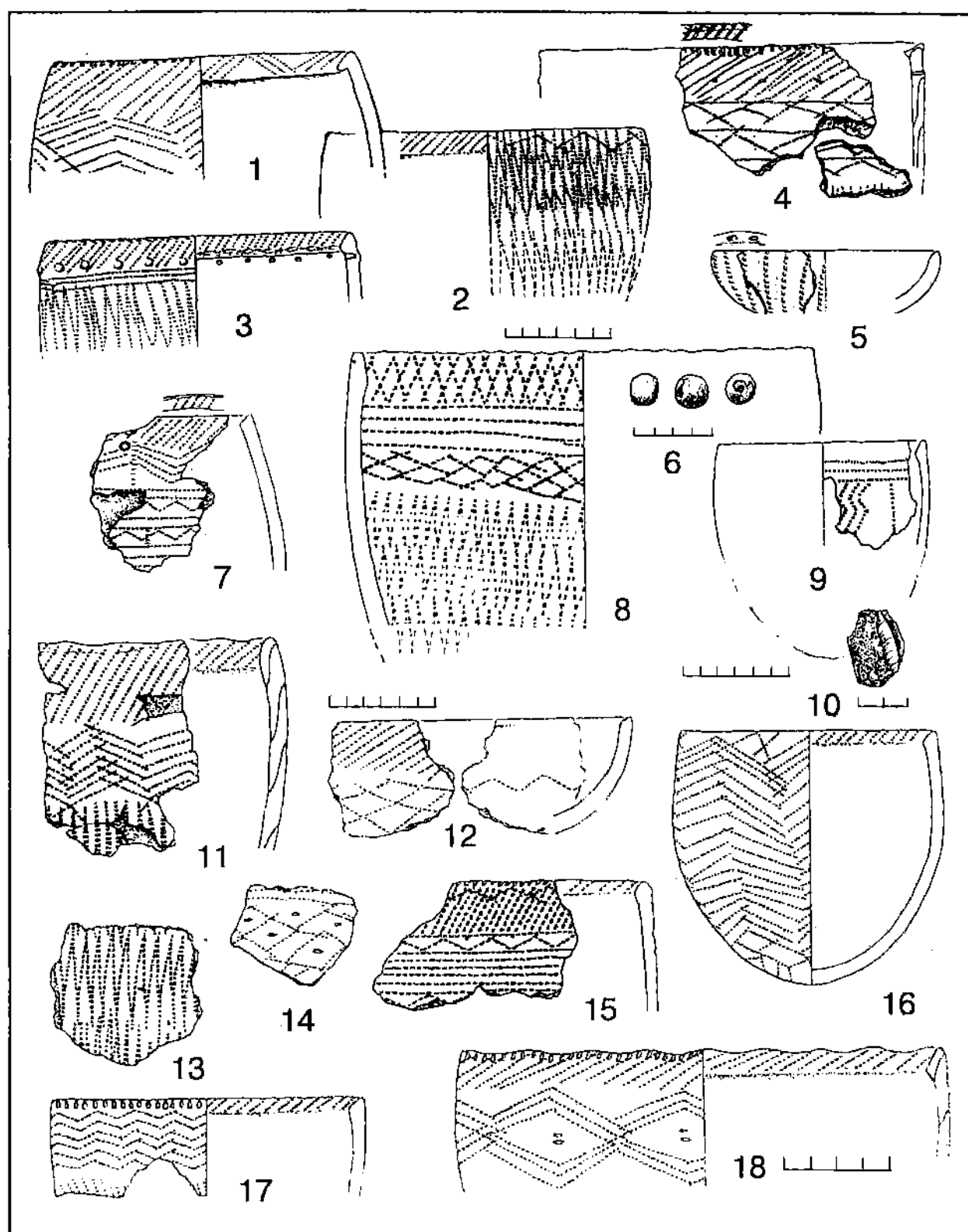

Рис. 3. Поздний неолит — энеолит. Памятники с «гребенчатой» керамикой. 1—6 — пос. Барсова гора II/9; 7—9 — ст. Барсова гора IV/5; 10—18 — ст. Барсова гора I/8a (10 — камень, остальное — керамика)

К последним относятся осколки булыжников и отщепы. Среди орудий шлифованные тесла и долотце. Есть строгальные ножи с двусторонней шлифовкой и частичной подработкой ретушью. Ретушью обработаны подтреугольное острие, наконечник стрелы удлиненно-треугольной формы и скребок. Более многочисленны абразивы, шлифовальные плиты, терочники, наковальни, сделанные из булыжников разных размеров и формы, а также отбойники и ложила из галек.

Сосуды полуяйцевидной формы близки распространённым на первом этапе. По-прежнему встречается волнистое оформление венчика и «ушки» (выступы) по его краю. Но уменьшается количество наплывов на внутренней стороне венчика, они становятся менее выразительными. Появляются уплощенные и плоские днища. Найдены ладьевидные сосуды. Орнаментировалась вся внешняя поверхность, включая плоские днища. Узоры наносились отступающе-накольчатой, прочерченной и шагающей техникой. Около четверти элементов выполнено печатно-гребенчатым (штампованным) способом. Среди орнаментальных мотивов преобладают горизонтальные прямые и волнистые линии, пояски разнонаклонных отрезков, зоны шагающего штампа. Реже встречаются зигзаги, вертикальные волнистые линии, елочка. Практически нет геометрических фигур.

Датировка стоянки Барсова гора IV/5 и других подобных памятников основана на сравнительно-типологическом анализе керамики. Отмечается, с одной стороны, близость ранним барсовогорским комплексам. С другой стороны, ряд сосудов идентичен гребенчатой керамике Барсовой горы I/8а. Плоские и уплощенные днища в неолите встречаются на посуде кошкинского и боборыкинского типов. Вероятно, поселенческие комплексы типа Барсовой горы IV/5 представляют дальнейшую линию развития барсовогорской группы, испытавшей на себе некоторое влияние со стороны носителей керамики с гребенчатой орнаментацией. Не исключено, что последние были ассимилированы барсовогорскими племенами, и в результате печатно-гребенчатая традиция орнаментации постепенно затухает. Оба комплекса — и барсовогорский, и гребенчатый — вписываются в рамки УЗС ИЭО, представляя в ней две линии развития культуры в конце неолита.

Возможно, к этому периоду относится и стоянка Барсова гора IV/19. Небольшая керамическая коллекция ее состоит из сосудов, украшенных только отступающе-накольчатым способом (сборы А.П. Зыкова). Если это не результат непредставительной выборки, то подобный факт может быть объяснен либо

приходом нового населения, либо дифференциацией таежного общества. Окончательно решить этот вопрос без дальнейших полевых исследований затруднительно.

Недавно Л.В. Ивасько по материалам раскопок городища Каюково-2 (верховья р. Большой Салым) была выделена новая культура, датированная поздним неолитом — **каюковская** (Ивасько, 2002). Само городище округлой формы, обнесено валом и внешним рвом. В его центре находится впадина, которую окружают еще 5 впадин, расположенных по кольцу. Выходы из них направлены в центральную впадину. Раскопаны остатки сгоревшей полуземлянки размером 4х5 м с углубленным очагом в центре. Каменный инвентарь из нее представлен обломками гранитных шлифовальных плит, шлифованными топориками из серо-зеленого туфа. Есть прямоугольные керамические ложила с отверстиями и обломок керамической же скульптурки птицы (?).

Керамика однотипна: плоскдонные банки и «горшки с открытой горловиной, раздутым туловом и вытянутой придонной частью. Венчики с острым, плоским и округлым, иногда волнистым краем». Орнаментирована вся внешняя поверхность, в том числе днища. Под горловиной — ряд глубоких ямок, нанесенных поверх орнамента, выполненного преимущественно отступающей палочкой. Гребенчатый штамп применялся в основном для разделения орнаментальных зон. Среди элементов узора преобладают прямые, волнистые и зигзагообразные линии, реже встречаются разнозаштрихованные треугольники, древовидные фигуры и др. Расположение орнаментальных зон разнообразно: горизонтальное, иногда с вертикальным делением внутри, вертикальное, диагональное.

По мнению автора раскопок, радиоуглеродные даты (5475 ± 85 и 5495 ± 70 лет от наших дней) определяют время функционирования памятника поздним неолитом. «Комплекс оригинальных признаков: планировочная организация поселения, архитектура жилища, самобытная посуда и символика на ней, каменные орудия специфической формы, дает основание выделить в Западной Сибири новую археологическую культуру», чужеродную для данной территории. Ее появление связано с приходом иноэтничного населения «из периферийных районов древнейших цивилизаций». Л.В. Ивасько (2002) считает, что ряд фактов, зафиксированных при раскопках городища (в том числе преднамеренное — ритуальное — сожжение жилища), характерны для религиозно-мифологических воззрений древних индоевропейских народов.

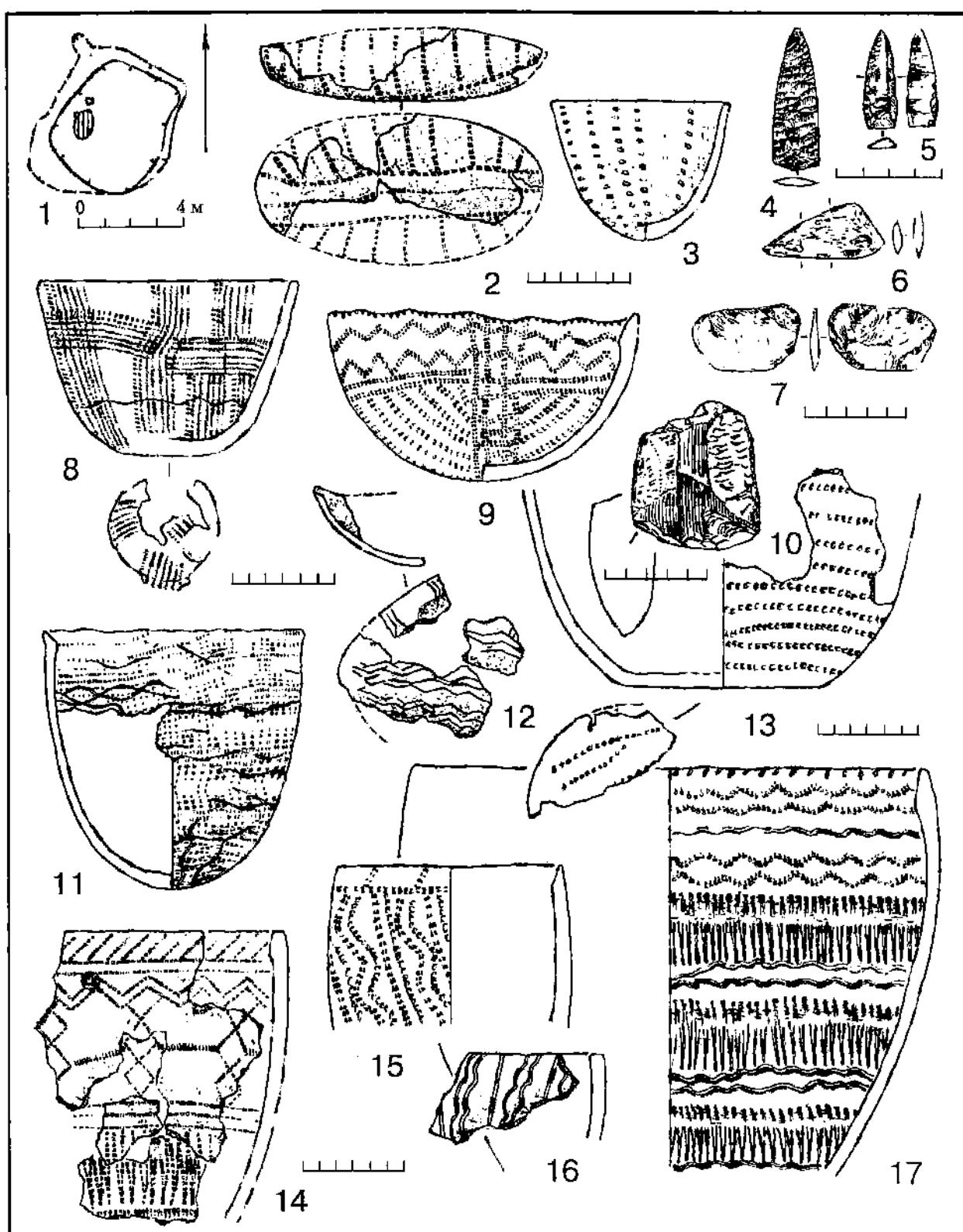

Рис. 4. Поздний неолит – энеолит. Барсовогорский тип памятников (средняя стадия). 1–7, 9–17 – ст. Барсова гора IV/5; 8 – пос. Барсова гора II/10 (2–3, 8–9, 11–17 – керамика; 4–7, 10 – камень)

На наш взгляд, раскопанный памятник, безусловно, представляет оригинальный культурный тип, но о выделении новой археологической культуры говорить еще рано.

ЭНЕОЛИТ

Энеолитические древности в регионе представлены тремя культурными группами и погребальным комплексом.

К первой группе, представляющей **третью — энеолитическую — стадию** развития **барсовогорских** древностей, отнесены 6 памятников (рис. 5). На одном из них — стоянке Барсова гора I/5a — раскопаны 3 полуземлянки, аналогичные неолитическим (Матвеева, 1979). Каменный инвентарь представлен всего двумя орудиями — абразивной пилой и шлифовальным бруском.

Керамика полуяйцевидной формы (открытая и закрытая) с округлыми и приостренными днищами, более тонкостенная, чем неолитическая. Число прямостенных и открытых емкостей возросло. Есть сосуды с волнистым краем и «ушками», оформленными защинами. Венчики без утолщений изнутри, иногда отогнуты наружу. Среди приемов орнаментации доминируют отступающе-накольчатый (в т.ч. двузубым штампом) и «шагающий». Практически отсутствует прочерченная техника, но есть узоры, выполненные лощением тонким предметом. Под венчиком обычны пояски из ямок (редко — жемчужин). В композициях отсутствует геометризм, исчезают горизонтальные прямые линии и зигзаги. Более редкими стали пояски разнонаклонных отрезков и вертикальные волнистые линии. Свыше трети узоров представляют собой зоны шагающего (гладкого или гребенчатого) штампа, поверх которого нанесены композиции отступающе-накольчатым способом.

Комплексы типа Барсовой горы I/5a имеют несомненную генетическую связь с неолитическими барсовогорскими. По ряду признаков они сравнимы с поздненеолитическими кокуйскими, а также липчинскими и атымьинскими (Стефанов, Кокшаров, 1990), что объясняется их принадлежностью к одной ИЭО. В то же время своеобразие барсовогорской керамики позволяет говорить об оригинальной группе энеолитических памятников в рамках этой области.

Вторая группа представлена тремя небольшими полуземлянками поселения Барсова гора II/8 (рис. 6 — 7-17). В двух из них отсутствовала охристая подсыпка пола. Каменные орудия представлены крупными шлифован-

ными теслами, кварцевыми долотами, шлифовальными наконечниками стрел иволистной формы, подобными же ножами, возможно, первоначально использовавшимися как наконечники. Найдены песты, наковальни, абразивы. Отходы представлены мелкими сланцевыми и кварцевыми отщепами.

Сосуды круглодонные полуяйцевидной формы с вертикальными или слегка наклоненными внутрь тонкими стенками. Один имел митровидную форму. Край емкостей прямые, без выступов и утолщений. Наружная поверхность украшена полностью в отступающе-накольчатой или накольчатой технике. Два сосуда украшены изнутри в придонной части. Орнамент разреженный, преобладают горизонтальные зоны или пояски из наклонных линий, зигзаги, вертикальные пояски. Ямочные вдавления под венчиком есть у трети сосудов, причем иногда они группируются в трех- и четырехугольники.

Л.Л. Косинская, сравнивая комплексы с «отступающе-накольчатой» и «прочерченной» керамикой поселения Барсова гора II/8, предположила их «генетическое родство и не слишком значительный хронологический разрыв» (Косинская, 1993. С. 79). На наш взгляд, еще большее сходство наблюдается между «отступающе-накольчатой» керамикой Барсовой горы II/8 и барсовогорской посудой, украшенной той же техникой, а также поздненеолитической большеларьякской. Определенная близость обнаруживается с комплексами артынского (Среднее Прииртышье) (Косинская, 1982) и атымьинского (Северное Зауралье) типов. Отсюда наиболее вероятен энеолитический возраст сургутского комплекса с «отступающе-накольчатой» керамикой. Не исключена его генетическая связь с памятниками типа Барсова гора IV/19 и II/25. Возможны и другие гипотезы его происхождения.

Четыре постройки поселения Барсова гора II/9, вероятно, характеризуют энеолитическую стадию развития населения, оставившего памятники с «гребенчатой» керамикой и испытавшего воздействие носителей «отступающе-накольчатой орнаментальной традиции» (**третья группа**). Жилища близки неолитическим, в двух из них в центре были вырыты глубокие ямы. Среди каменного инвентаря есть шлифованные ножи, тесла, много абразивов, в том числе керамических. Найдены глиняные круглые бусины (рис. 3—7). Посуда круглодонная, полуяйцевидной и чашевидной форм (рис. 3 — 1-6). Наряду с сосудами, украшенными длинным гребенчатым штампом, встречены емкости, орнаментированные отступающе-накольчатым способом. Причем в трех постройках

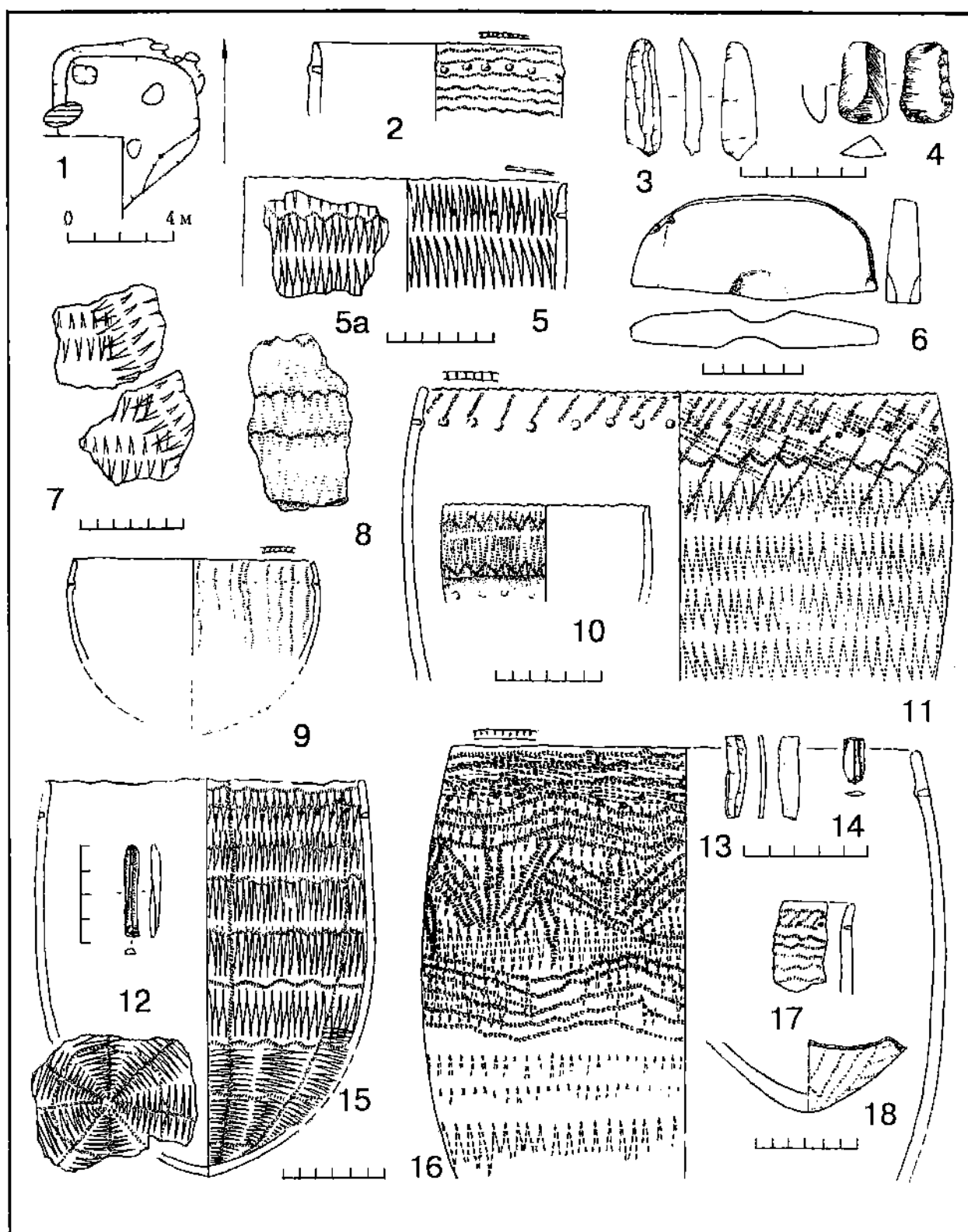

Рис. 5. Энеолит. Барсовогорский тип памятников (поздняя, или 3-я, стадия). 1, 5, 7, 9–11, 15, 16, 18 – ст. Барсова гора I/5a; 2, 6, 8 – ст. Барсова гора II/15; 3, 4, 12–14, 17 – ст. Барсова гора I/31a (2, 5, 7–11, 15–18 – керамика; 3, 4, 6, 12–14 – камень)

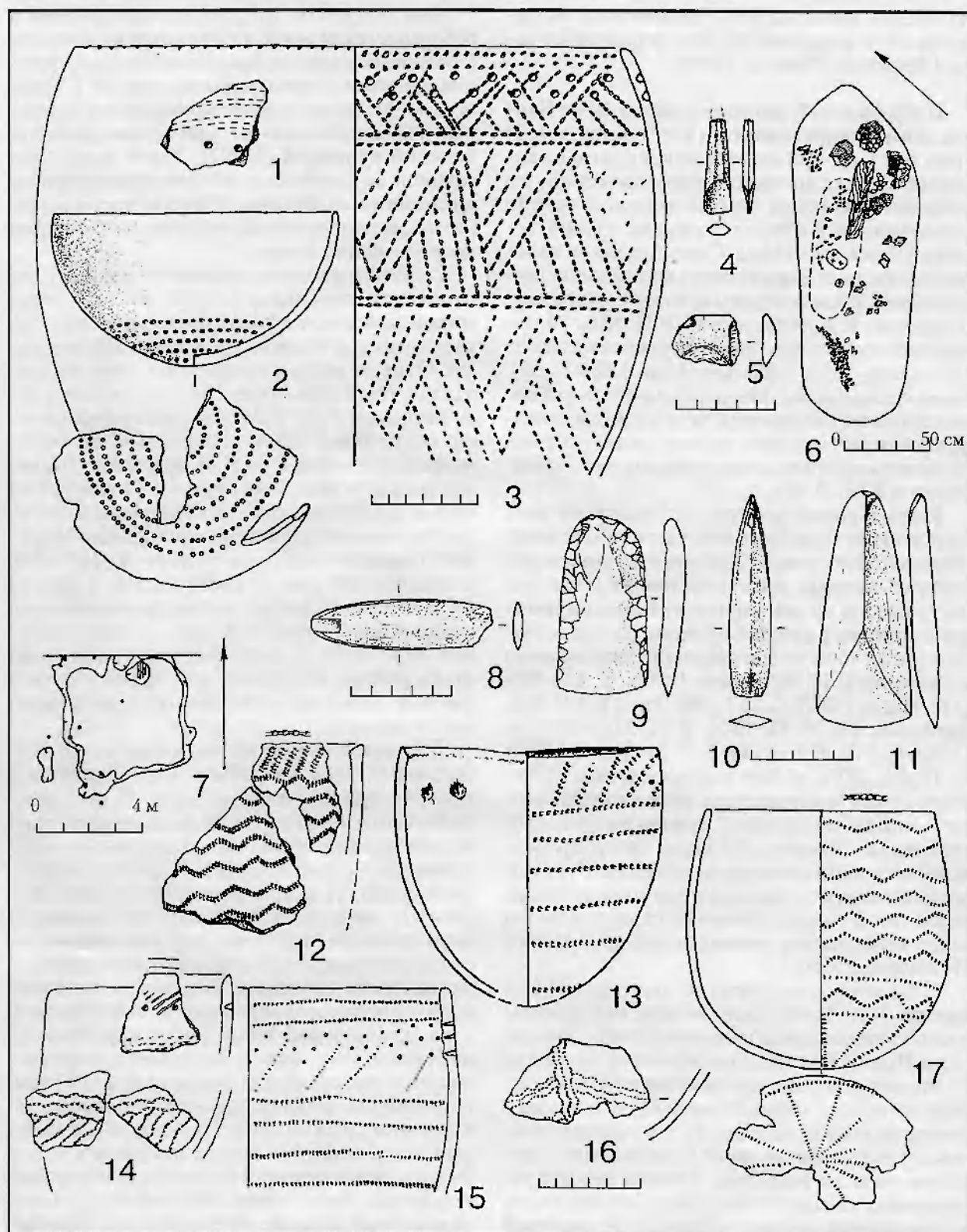

Рис. 6. Энеолит. Памятники с отступающе-накольчатой керамикой. 1-6 — мог. Барсовский II; 7-17 — пос. Барсова гора II/8 (1-3, 12-17 — керамика; 4, 5, 8-11 — камень)

последние представлены единичными экземплярами, а в жилище 11 они чуть преобладают (Чемакин, Ушаков, 1999).

Погребальный комплекс представлен **Барсовским II могильником** (Барсов городок 2) (рис. 6 — 1-6). Три погребения, в одном из которых зафиксировано трупосожжение, по многим признакам близки томской группе могильников, и в первую очередь — Самусьскому (Чемакин, 1980). Своеобразие и малочисленность обнаруженных материалов затрудняют определение его культурной принадлежности. Е.А. Васильев и Ф.И. Мец включают его в круг памятников игрековского типа (Васильев, 1989; Васильев, Мец, 1994. С. 36). Не исключая этого, автор полагает, что для однозначного определения культурной принадлежности могильника данных недостаточно. Более определенно можно сказать о его вхождении в УЗС ИЭО.

Рассматривая памятники каменного века Сургутского Приобья в контексте синхронных древностей северной Евразии, отметим следующее. В неолите регион составлял северную часть ареала **урало-западносибирской историко-этнографической области**. На существование этой области (под разными названиями) указывали В.Н. Чернецов (1968. С. 41—53), О.Н. Бадер (1970. С. 157, 169. Рис.1), А.П. Окладников (1970. С. 175), В.И. Матюшенко (1973. С. 110, 112—114), В.И. Молодин (1977. С. 10, 24, 25) и другие исследователи. Существует трех- и двучленная периодизация неолита данной территории, причем вторую многие считают более соответствующей современному состоянию источниковой базы. Следует, однако, заметить, что и при двучленной периодизации в рамках позднего (полуденского) этапа выделяются ранняя и поздняя стадии (Ковалева, 1989).

Сложение различных культурных групп внутри УЗС ИЭО происходило при прямом или опосредованном участии племен Приаралья и Прикаспия (кельтеминарской культуры?), что отчасти объясняет наличие у них общих черт. Освоение территории осуществлялось с запада на восток, поэтому средне- и верхнеобские культуры датируются более поздним временем, чем зауральские. Ранний неолит (V, возможно, начало IV тыс. до н.э.) представлен двумя культурными группами: козловской (кокшаровской, по М.Ф. Косареву (1993. С. 20, 22) и кошкинской. В первой сейчас выделяют не менее 4 типов памятников, причем сумпаньинский — на уровне археологической культуры. Этим временем следует датировать памятники быстринского типа с волнисто-прочерченной керамикой.

Поздний неолит представлен полуденской и боборькинской археологическими культурами (= линиями развития, продолжающими соответственно козловскую и кошкинскую). В.Т. Ковалева допускает возможность выделения локальных и хронологических групп в границах **полуденской культуры** (КИО). Такой локальной группой, на наш взгляд, являются **барсовогорские памятники**. Ранняя и средняя стадии ее развития соответствуют ранней и поздней стадиям полуденской культуры.

С концом неолита — началом энеолита соотносятся памятники с «гребенчатой» керамикой, имеющие наибольшее сходство с хutorскими и сосновоостровскими древностями. Отнесение их к ваховскому типу, на наш взгляд, проблематично. Энеолит знаменуется распадом УЗС ИЭО. Ее ареал сокращается, сохраняясь вдоль среднего и частично нижнего течения Оби и ее притоков. В рамках энеолита выделено несколько культурных типов, представляющих гребенчатую и отступающе-накольчатую орнаментальные традиции (липчинский, шапкульский, аятский, атымьинский, северо-сосвинский и др.). В Сургутском Приобье выявлены памятники поздней барсовогорской группы, типа Барсовой горы II/8 и II/9. Не исключая вхождения этого района в игрековский ареал, считаем данный вывод недостаточно подкрепленным источниками.

Для реконструкции хозяйственной деятельности таежных обитателей Приобья в неолите прямых данных мало. Безусловно, люди этого времени были охотниками и рыбаками. В таежном Обь-Иртыше сложился охотничье-рыболовческий (рыболовческо-охотничий) уклад (Косарев, 1991. С. 63—66). Об этом свидетельствуют находки каменных наконечников стрел и немногочисленные костные остатки. Лук и стрелы были основным охотничьим оружием. В неолите на охоте широко использовались различные ловушки, в т.ч. для боровой дичи. Возможно, древние охотники устраивали изгороди с ловчими ямами в проходах для копытных животных. С помощью запоров, перегораживавших узкие речки, ловили рыбу. Пережженные кости рыб встречаются в очагах древних жилищ. Работы по сооружению ловушек, изгородей и запоров, безусловно, требовали больших совместных усилий. В Сургутском Приобье пока не найдены следы древнейших ловушек, огородов, но они есть на соседних территориях. Они изображены на прибрежных скалах рек Урала. Ловчие ямы найдены в Северном Зауралье, на Кондинской низменности, в бассейне р. Пур (Кокшаров, 1993а; Косинская, 1999). А частоколы от рыболовецких запоров

были обнаружены археологами в торфяниках Приуралья, Прибалтики и других районов. Вероятно, женщины и дети проводили немало времени за сбором съедобных растений — ягод, орехов, и сейчас занимающих важное место в рационе коренного населения. Обитатели края владели навыками обработки камня, кости, дерева, обрабатывали шкуры и кожу, лепили глиняную посуду.

БРОНЗОВЫЙ ВЕК

Бронзовый век Сургутского Приобья представлен более чем 80 поселениями и местонахождениями, на 37 из них раскопано около 50 построек (карта 2). Большинство исследованных памятников, расположены на Барсовой горе. В развитии материальной культуры этого времени Ю.П. Чемякиным (1994а) выделены три этапа: ранний, средний и поздний, неравнозначно отраженные в источниках. Абсолютное большинство последних относится к эпохе поздней бронзы. Эти источники соответствуют пяти культурным группам, из которых лозьвинская, представленная разведочными сборами, не рассматривается в настоящей работе.

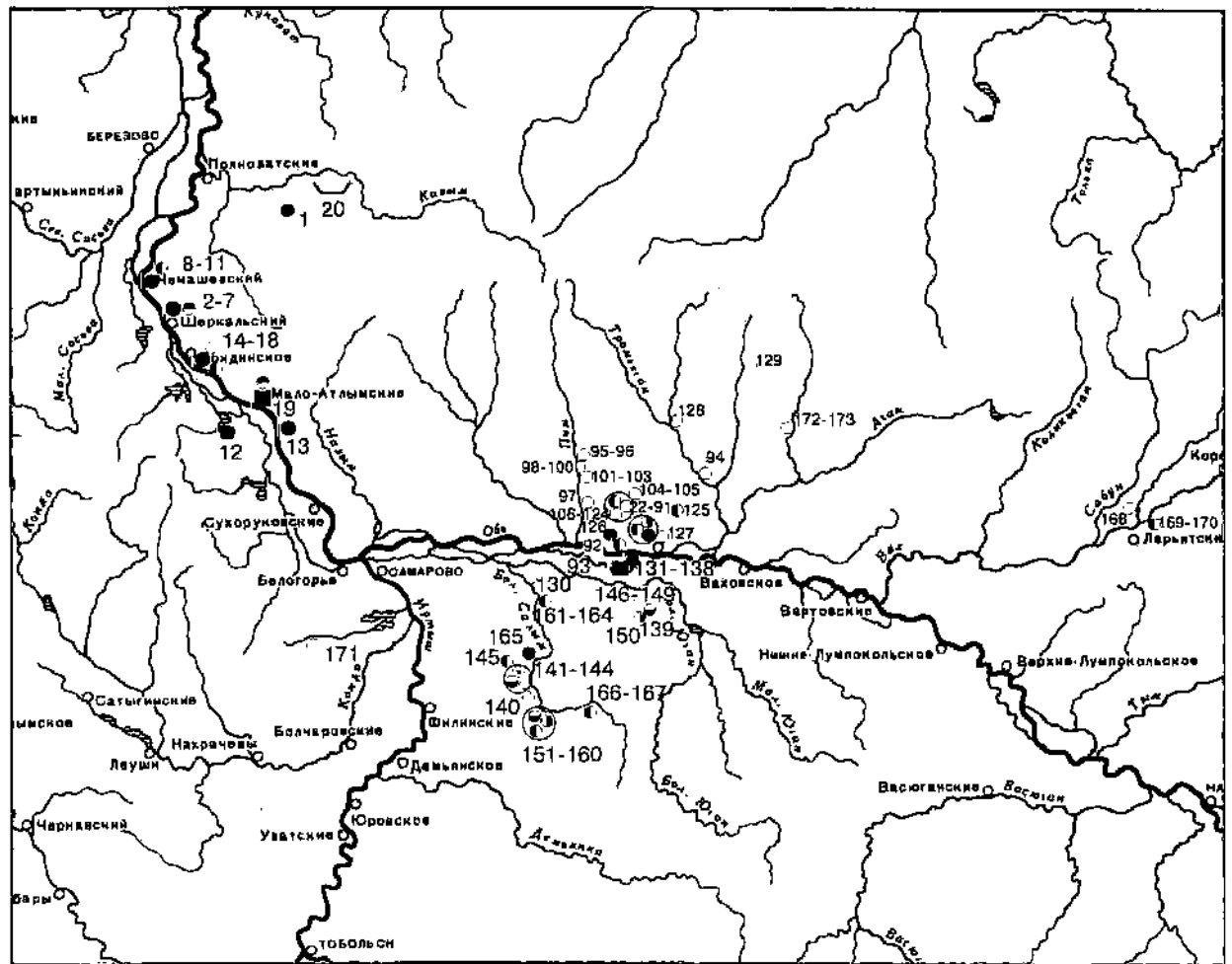
К раннему этапу (1-я половина II тыс. до н.э.) относятся 3 памятника, керамика которых украшена в **барсовогорской** орнаментальной традиции (рис. 7). На поселении Барсова гора II/9 раскопаны остатки 8—9 полуземлянок, отличающихся от более ранних только отсутствием охристой подсыпки (Михалев, 1992; Чемякин, 2000а). Не исключено, что поселок имел круговую или дугообразную планировку с тесно поставленными друг к другу постройками, но подтвердить это могут лишь полные раскопки памятника*. Каменный инвентарь представлен кварцевыми и кремнистыми отщепами, сколами, расколотыми гальками, торцевым нуклеусом и тремя десятками орудий. Среди последних самые большие категории — рубящие (тесла, долотца, топоры) и абразивы. Найдены шлифованные мясные ножи, скребок на отщепе и обломок наковальни. Есть керамические скребки, изготовленные из фрагментов сосудов. Большую группу составляют глиняные бруски овальной и подпрямоугольной формы, покрытые волнистыми узорами и насечками. Часть из них определена как оселки-абразивы, в т.ч. для заточки металлических изделий. Назначение других неизвестно.

* В 1998 г. благодаря финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда были возобновлены раскопки поселения (проект 98-01-18065).

Сосуды баночной формы с открытым или слегка закрытым устьем и плоским (редко — округлым) дном, более толстостенные, чем энеолитические. Редки горшки со слабо профилированной шейкой. Узоры покрывают всю внешнюю поверхность, включая венчики и нередко днища. Они выполнены отступающе-накольчатой и шагающей техникой; более редки прочерченные, единичны — печатно-гребенчатые и текстильные. Под венчиком обычные ряды из ямок (жемчужин). Основные мотивы: прямые и волнистые горизонтальные линии, зигзаги, иногда разделенные на секторы вертикальными колонками, зоны шагающего штампа. Горизонтальная зональность в верхней части сосудов иногда меняется на вертикальную в нижней.

В целом керамические комплексы производят впечатление разновременных, и до получения абсолютных дат нет полной уверенности в принадлежности их к бронзовому веку. Аналоги им можно найти среди боборыкинских и энеолитических сосудов, в древностях ташковской, кротовской, самусьской и ряда других культур таежной и лесостепной зон. Особенно близки барсовогорским сосуды т.н. каюковской культуры позднего неолита, в связи с чем встает вопрос о точности стратиграфических наблюдений А.А. Михалева на поселении Барсова гора II/9. Наши раскопки на уже разрушенной части памятника не позволили выявить стратиграфию, хотя косвенные наблюдения не противоречили его выводам. Судя по форме некоторых сосудов, разнообразию приемов орнаментации и многим композициям узоров, они характеризуют завершающую (4-ю, или раннебронзовую) стадию развития барсовогорской традиции. В пользу принадлежности памятников к барсовогорской группе свидетельствуют также типы жилищ и каменных орудий. Отметим одну радиоуглеродную дату из жилища 7 поселения Барсова гора II/9 — 3390 ± 440 ВР (ЛБ-5771), или 1440 ± 440 до н.э., однако она нам кажется несколько завышенной.

В коллекции селища Барсова гора I/36 (ранний слой на городище Барсов городок I/3) преобладают сосуды с вертикальными стенками. Выделяется сосуд горшечно-баночной формы, с намечающейся шейкой и плоским дном (рис. 7—16). Такая форма характерна для эпохи бронзы. Тулово этого горшка украшено текстильным орнаментом, отдаленно напоминающим ложно-шнуровой на липчинской керамике. Характеристика сосуда дана в специальной монографии (Глушков, Глушкова, 1992. С. 49, 61, 81. Рис. 9 — 3, 4; 12-6). Интересно, что текстильные отпечатки на нем сочетаются с «отступающей лопаточкой» (в

Карта 2. Памятники бронзового века.

○ Бронзовый век	○ Поселение (селище)
● Атлымская культура	□ Городище
◐ Барсовская культура	∟ Могильник
◑ Памятники с гребенчато-ямочной орнаментацией керамики (в т.ч. кульбеганского типа)	
◒ Сартыньинская культура	
◓ Лозьвинская культура	

Памятники бронзового века.

1 — пос. Каксинская гора 6; 2–7 — пос. Шеркалы V, IX–XI, XIII, XIV; 8–11 — гор. Перегребное 1, пос. Перегребное 3, 4, 13; 12 — пос. Хотлох; 13 — пос. Заречное; 14–18 — гор. Низямы II, IV, V, пос. Низямы VII, VIII; 19 — гор. Малый Атлым I; 20 — мог. Товкур-лор III; 21 — пос. Добринка 3; 22–91 — гор. Барсов городок I/4, I/6, I/9, I/18, I/21, I/25, I/26, II/1, II/14, III/1, IV/1, Барцевка I, сел. Барсова гора I/36, в, I/6, I/86, I/10, I/17, I/19–21, I/22а, I/26–27, I/31б, I/33, I/36, I/40, I/43, I/48, I/50, I/52, II/1а, II/12–14, II/16, II/19–20, II/22, II/24–26, II/33–37, II/30–43, III/4, III/22, III/38, III/60, III/66, IV/4, IV/7–10, Барцевка I, IV, пос. Барсова гора II/8–9, III — объекты 107, 109; 92 — пос. Гришкин остров; 93 — Сайгатиню VI; 94 — сел. Савуй-Пеу 10; 95–96 — пос. Амтуньюх 1, 2; 97 — гор. Вачимьяун 4; 98–100 — пос. Лархни 12, 13, 20; 101–103 — пос. Тутлеймьяун 1, 18, мест. Тутлеймьяун 13; 104–105 — пос. Моховое 8, сел. Моховое 12; 106–124 — пос. Быстрый Кульеган 2, 9–11, 30, 38, 40, 43, 44, 50, 54, 64, 66, 69, 73, 77, 81, 82, мест. Быстрый Кульеган 51; 125 — сел. Малая Моховая 1; 126 — ст. Минчимкина 3; 127 — пос. Чернореченское 1; 128 — сел. Русский Урий IX; 129 — ст. Глоктлым-еган II; 130 — гор. Рыловское; 131–138 — гор. Сырой Аган, пос. Сырой Аган 1–7; 139 — пос. Пуритыга 1; 140 — пос. Ай-Ега 2; 141–144 — пос. Кинтусовское 4/2, гор. Кинтусовское 5, сел. Кинтусовское IX, мест. Кинтусовское 10; 145 — пос. Маланьин остров; 146–149 — пос. Мамонтово 1, 2, 5, 8; 150 — мог. (?) Мамонтово 9; 151–160 — гор. Соровское 5, 9, пос. Соровское 1, 2, 7, 17–20, 26; 161–164 — пос. Тататьга 2–4, 6; 165 — пос. Усть-Хоттахтыга 1; 166–167 — пос. Усть-Чупал 4, 9; 168 — пос. Чехломевское I; 169–170 — пос. Больщеларьякское II, III; 171 — гор. Стариков мыс I; 172–173 — пос. Имньеган 2, 3, 3, 3.

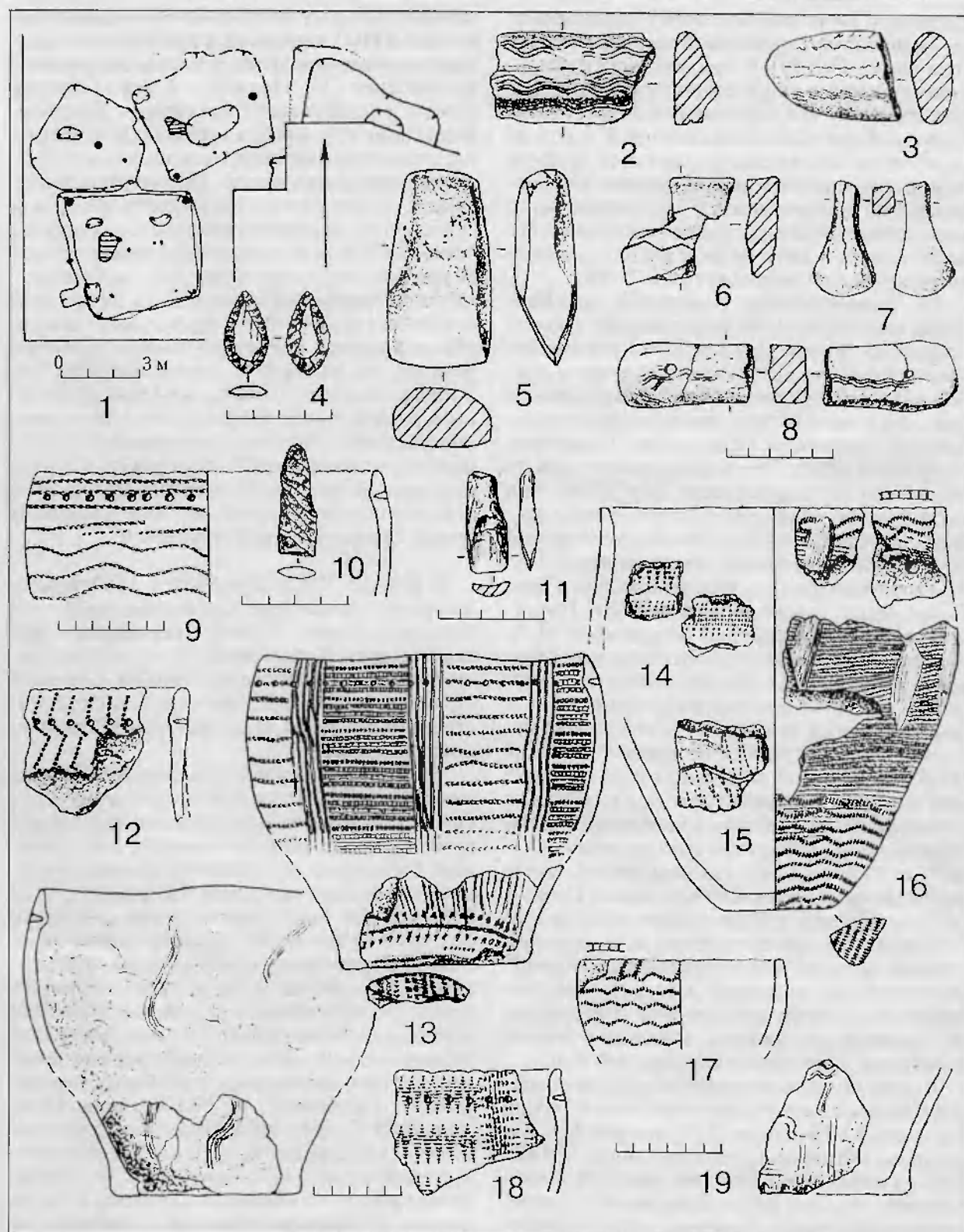

Рис. 7. Бронзовый век. Барсовогорский тип памятников (заключительная стадия). 1–9, 11–13, 18, 19 – пос. Барсова гора II/9; 10, 14–17 – сел. Барсова гора I/36 (2, 3, 6–9, 12–19 – керамика; 4, 5, 10, 11 – камень)

указанной монографии почему-то называется «монотонная гребенчато-ямочная схема» (там же. С. 49, 109). В композициях на керамике полностью отсутствуют горизонтальные зигзаги и насечки под венчиком. На селище также найден сильно сработанный боковой скребок вытянуто-подтреугольной формы, использовавшийся в работе по коже. Он неоднократно подправлялся и был сделан, вероятно, из наконечника стрелы (или ножа), обработанного с двух сторон несовершенной коструйчатой ретушью (рис. 7–10).

По нашему мнению, памятники типа Барсовой горы II/9 и I/36 представляют ранний этап эпохи бронзы Сургутского Приобья, относясь к тому же историко-культурному пласту в рамках среднего периода бронзового века, что и ташковские, логиновские, кротовские (?) древности (Корочкова, Стефанов, Стефанова, 1991). Этот период можно назвать последним в существовании УЗС ИЭО. Как мы полагаем, накануне окончательного распада она объединяет поздние барсовогорские памятники, ташковские, логиновские, а также, возможно, самусьские, являющиеся наиболее поздними из перечисленных. Последние три типа (культуры) объединены М.Ф. Косаревым в самусьско-логиновскую общность (1993. С. 80). Все исследователи признают местную энеолитическую основу в формировании этих древностей и отводят разную роль мигрантам из южных районов. По В.Т. Ковалевой, решающая роль в сложении ташковской культуры принадлежала степному (ираноязычному) населению, с которым связана керамика с накольчатым орнаментом (1997. С. 70). На наш взгляд, часть этой керамики имеет местные корни. Сочетание отступающе-накольчатого и шагающе-гребенчатого, прочерченного и, в меньшей степени, печатно-гребенчатого способов украшения посуды характерно для урало-западно-сибирских культур еще с неолита, и это — один из основных признаков, лежащих в основе выделения урало-западносибирской ИЭО.

В свете последних открытий возникает вопрос о взаимосвязи памятников типа городищ Каюково 2 и Имгьеган 2.1 (разведка К.Г. Карачарова в Нижневартовском районе ХМАО, 1995 г.) и поселения Барсова гора II/9. Не исключено, что они будут представлять новую линию культурного развития в крае и потребуют корректировки предложенной схемы, однако для выяснения этого, как и для уточнения датировки памятников, требуются новые раскопки.

Следующие этапы в развитии западносибирских таежных культур представлены па-

мятниками т.н. культурно-исторической общности (КИО) керамики с гребенчато-ямочным орнаментом, ареал которой захватывает все таежное Обь-Иртышье. В эту общность входят и памятники Сургутского Приобья. Появление их в западно-сибирской тайге ряд исследователей связывает с южными или юго-западными миграциями. Не отрицая последние, считаем, что преувеличивать их роль и способность мигрантов оттеснить (далее на север?) аборигенное население также нельзя. Вероятно, сложение культур с гребенчато-ямочной керамикой происходило на местной основе под воздействием эпохальных сдвигов, обусловленных как возрастанием значения металла, его влияния на жизнь общества, так и инокультурным, прямым или опосредованным, воздействием. Обращает на себя внимание факт, что в большинстве районов Среднеобья памятники с гребенчато-ямочной орнаментальной традицией сменили древности с отступающе-накольчатой, а точнее, синкретической орнаментальной традицией.

В рамках КИО керамики с гребенчато-ямочным орнаментом Среднеобья выделено несколько стадий. На ранней (**середина — третья четверть II тыс. до н.э.**), характеризующей **средний этап эпохи бронзы** таежного Приобья, наблюдается высокая степень единства материальной культуры на этой громадной территории.

Более 20 селищ и местонахождений Сургутского Приобья относятся к среднему этапу (рис. 8). Керамика этого времени украшена в гребенчато-ямочной орнаментальной традиции. Раскопаны остатки семи жилищ — прямоугольных полуземлянок площадью от 30 до 100 кв. м. В.А. Борзуновым изучено поселение Быстрый Кульеган 38, представлявшее собой большое одиночное укрепленное жилище площадью 450–480 кв. м. По мнению автора раскопок, это была бревенчатая, каркасно-столбовой конструкции, прямоугольная постройка размером 24х18–20 м, с южной стороны защищенная трапециевидным в сечении рвом шириной 2 и глубиной 1–1,2 м (Борзунов, Погодин, 2001. С. 206–207). Вероятно, существовали и наземные постройки, в т.ч. хозяйственного назначения. А.П. Зыковым, С.Ф. Кокшаровым и Ю.П. Чемякиным выявлены и обследованы на Барсовой горе как одиночные укрепленные жилища (Барсова гора II/22), так и селища с числом впадин до нескольких десятков (Барсова гора II/19, II/37 и др.).

Каменные изделия малочисленны и неразвиты: кварцевые отщепы, гальки со следами использования, абразив. Есть обломки двусторонних глиняных литейных форм.

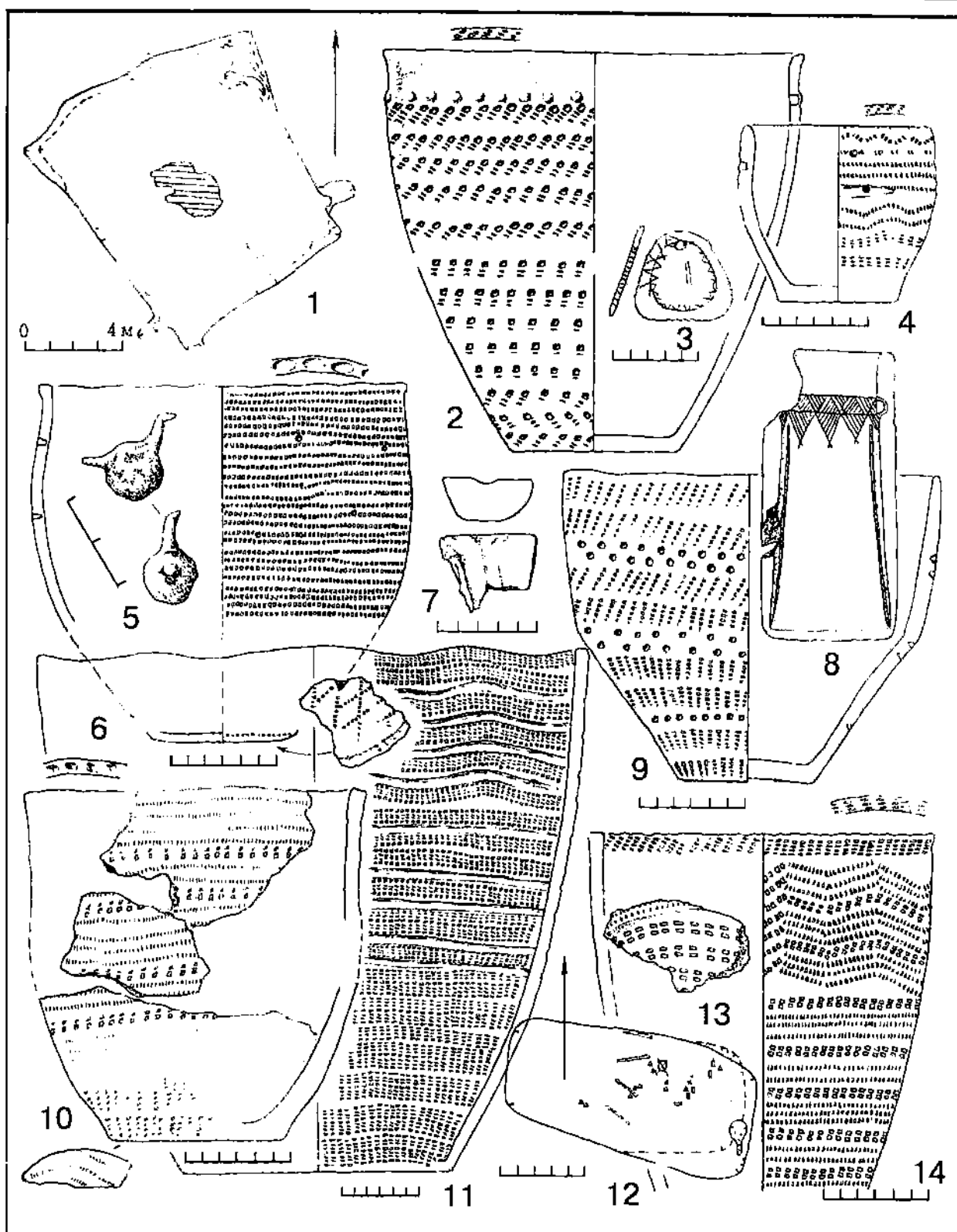

Рис. 8. Бронзовый век. Памятники КИО керамики с гребенчато-ямочным орнаментом. 1, 7, 10, 11 — пос. Барсова гора II/8; 2, 3, 8 — Сайгатино VI; 4 — гор. Барсов городок I/2; 5, 6 — пос. Чернореченское I; 9 — сел. Барсова гора I/26; 12 — мог. Товкур-лор III (по В.М. Морозову); 13-14 — гор. Барсов городок II/14 (2, 4-7, 9-11, 13-14 — керамика; 3, 8 — камень)

Большая коллекция вещей найдена на культовом месте (?) Сайгатино VI (Кокшаров, Чемякин, 1991). Здесь обнаружены обломки глиняных и каменная литейные формы, в их числе — для отливки кельтов турбинского и переходного к кижировским типов; обломки бронзовых втульчатых и костяных предметов (рис. 8). Среди последних — наконечник стрелы, пластинки с отверстиями, орнаментированные накладки. Каменный инвентарь представлен штампом с гравировкой для нанесения гребенчатого орнамента, отбойниками, терочниками, абразивными плитками.

О погребальном обряде этого времени можно судить по двум могильникам — Сатыга XVI (бассейн Конды — см.: Кокшаров, 1991. С. 98; 1993. С. 11) и Товкур-лор III (или Товкуртлор 3, Нижнее Приобье, раскопки В.М. Морозова, 1992—1993 гг. — см.: Морозов, 1994. С. 99). Он реконструируется как труположение в грунтовых ямах. Погребальный инвентарь находился преимущественно на перекрытии (?), «вещи поминального назначения» найдены между могилами. Комплексы, включавшие сосуды (в т.ч. преднамеренно разбитые — ?), изделия из камня (наконечники стрел, скребки, булаву), литейные формы, бронзовые ножи, по мнению авторов, находят аналоги среди древностей сейминско-турбинского круга.

Комплексы керамики с гребенчато-ямочным орнаментом по форме, узорам и применяемым штампам делятся на три группы, являющиеся хронологическими (Чемякин, 1989. С. 62; 1994. С. 12). На наш взгляд, группы отражают эволюцию памятников с подобной керамикой. К первой относятся древности кульеганского типа (термин предложен В.И. Стефановым и В.А. Борзуновым в 1995 г. после исследований на р. Быстрый Кульеган). Для них характерны открытые и закрытые плоскодонные толстостенные банки удлиненных пропорций (поселения Барсова гора II/8, II/9, Чернореченское I (Косинская Л.Л., 1998), Быстрый Кульеган 38, ранний слой нагор. Барсов городок II/14). Среди них есть крупные — высотой более 50 см. Вся внешняя поверхность сосудов покрыта оттисками длинного гребенчатого штампа, в т.ч. с широкими зубцами (рис. 8 — 10-11, 13-14). Другие штампы редки, как и шагающая гребенка. Орнаментальные композиции состоят из монотонных поясков вертикальных или наклонных оттисков «гребенки», прямых линий, зигзагов, чередующихся с рядами ямок разной формы или зонами каннелюров. Иногда место ямок на сосудах занимали глубокие вдавления короткого гребенчатого штампа. Геометрические фигуры — ромбы, треугольники — встречаются нечасто. Подобная куль-

еганской керамика обнаружена в Пуровском районе ЯНАО (поселение Щетнмат-лор — см.: Косинская, 2000. С. 14—18). Некоторые параллели первой группе керамики наблюдаются среди посуды ташковской, кротовской, степановской культур, полымьятского, одиновского и тухэмторского типов. Более всего сходства между ранней гребенчато-ямочной керамикой Барсовой горы и поздней полымьятской (Кокшаров, 1991. С. 97), а также с Большеларьякских поселений. Вероятно, эти комплексы синхронны и датируются второй третью II тыс. до н.э. Существуют три радиоуглеродные даты для Чернореченского I поселения — 3760 ± 20 , 3830 ± 40 , 4500 ± 70 ВР (ЛЕ-5333, 5334, 5339; Косинская, 2000. С. 18). Мы не исключаем, что со временем для памятников кульеганского типа можно будет наметить внутреннюю хронологию.

В комплексах второй группы (рис. 8 — 2-4, 8, 12) составляют большую долю или преобладают слабопрофилированные, более тонкостенные горшки. Единичны чашки, в их числе есть четырехугольная. Гребенчатый штамп стал короче, ряды ямок на тулове иногда заменяются одним рядом под венчиком (Сайгатино VI, ранний комплекс на городище Барсов городок I/2 (Чемякин, Сосновкин, 1979. С. 129—130. Рис. 3 — 3-7)). Время существования памятников второй группы — 3-я четверть II тыс. до н.э. — определяется их близостью древностям варпаульского типа (Кокшаров, 1991. С. 98), первой группы еловской культуры, раннему комплексу Канинской пещеры, а также датирующими вещами (литейными формами кельтов).

Комплексы третьей группы отличаются тем, что в них для орнаментации сосудов, наряду с гребенчатым штампом, применялись гладкий, струйчатый, змейкообразный и др. (ранний слой на городище Барсов городок I/18, селище Барсова гора I/26а). Они знаменуют переход к позднему этапу бронзового века региона и существуют непродолжительный период, видимо, на рубеже 3-й — 4-й четвертей II тыс. до н.э.

В позднем бронзовом веке (последняя четверть II — первая четверть I тыс. до н.э.) единый ареал КИО с гребенчато-ямочной керамикой разделился на две части. В западной для украшения посуды наряду с гребенчатым стали широко применяться фигурные штампы: в виде змейки, птички, струйки, креста и др. Здесь сформировались атлымская, лозьвинская, барсовская культуры. В восточной части развитие орнаментов шло по линии абсолютного преобладания гребенчато-ямочных узоров. Граница между подобластями может быть проведена по Ваху (Чемякин, 1996б).

Следует отметить, что свердловскими археологами в середине 1970-х гг. были выделены пять культурно-хронологических групп, или типов памятников, существовавших в Сургутском Приобье в позднем бронзовом – раннем железном веках (см.: Чемякин, 1975; Чемякин, Коротаев, 1976; Елькина, 1977). Позднее Ю.П. Чемякиным было обосновано их соответствие археологическим культурам (1980а, 1989; Чемякин, Кокшаров, 1984). Характеристика культур дана ниже.

Барсовская культура (последняя четверть II – первая четверть I тыс. до н.э.) в Сургутском Приобье представлена 28 памятниками (рис. 9). Выделена Ю.П. Чемякиным (1980а) по материалам Барсовой горы, где открыто 20 селищ и местонахождений. На пяти селищах раскопаны остатки 18 построек. Абсолютное большинство их – наземные, прямоугольные, площадью от 20 до 90 кв. м. На селищах Барцевка IV и Барсова гора I/50 раскопаны жилища площадью 130 и 230 кв. м (Чемякин, Кокшаров, 1984. С. 115–117; 1991; Чемякин, 1996а). Известна лишь одна небольшая полуземлянка с коридорообразным выходом, напоминающая устройством более ранние жилища. Каменный инвентарь представлен шлифовальными плитами, отбойниками, терочниками, прямоугольными брусками, иногда с желобками у торцевых граней. Найдены обломки небольших глиняных скульптурок. Свидетельства металлообработки – тигли из днищ сосудов, форма для отливки тесловидного предмета, бронзовое шило и пластинка.

Вся посуда плоскодонная: слабо профилированные горшки, горшечно-баночные сосуды, банки и единичные чаши. Внешняя поверхность полностью покрыта узорами, нанесенными исключительно в штампованной (печатной) технике. Наряду с гребенчатым широко применялись мелкострейчатый, крестовый, рамчатый, штампы в виде уточки, птички, защипы, подобные встречающимся на гамаюн-ской посуде (Урал). Орнаментальные композиции состоят из горизонтальных поясков разнонаклонных оттисков штампа, чередующихся с рядами ямочных вдавлений.

Происхождение барсовской культуры от памятников с гребенчато-ямочной керамикой не вызывает сомнения. Об этом свидетельствует хорошо фиксируемая постепенность изменения облика сосудов и всей материальной культуры, имеющей много общих черт с лозьвинскими и атлымскими (особенно раннеатлымскими) древностями. Таким образом, барсовская культура демонстрирует последующий этап развития КИО гребенчато-ямочной керамики в Сургутском регионе. Ее нижняя

хронологическая граница обусловлена концом существования памятников типа Сайгадино VI. Для определения верхнего рубежа важно значительное сходство между барсовской и раннебелоярской культурой времени перехода к железу. На барсовских поселениях найдена керамика сузгунского облика. Учитывая все это, время существования барсовской культуры предварительно определяется последней четвертью II – первой четвертью I тыс. до н.э.

Атлымская культура сформировалась в конце II тыс. до н.э. в Нижнем Приобье. Она была выделена Е.А. Васильевым (1982. С. 11–12), отметившим две волны миграции атлымских племен. Появление атлымской культуры в Сургутском Приобье связано со второй волной. Здесь известны только памятники позднего (второго по Е.А. Васильеву) этапа культуры (рис. 10). Имеется и радиоуглеродная дата с селища Барсова гора I/22а – 2840 ± 40 , т.е. IX в. до н.э. (ЛЕ–1546). Своеобразие сургутской керамики с крестовым орнаментом отмечалось вскоре после ее открытия (Чемякин, Коротаев, 1976. С. 57–59, 62; Елькина, 1977. С. 109–111; Чемякин, 1981). Сейчас в регионе известно более 30 памятников, содержащих атлымские материалы, в т.ч. одно городище. На 11 поселениях раскопаны остатки 18 построек. По степени углубленности, площади и наличию очагов выделено несколько типов и подтипов сооружений, часть из которых аналогична барсовским (Чемякин, Кокшаров, 1984. С. 119, 121; Борзунов, Чемякин, 1994. С. 184–186). На селище Барсова гора IV/10 выявлены три глубокие ямы, возможно, образовавшие единый комплекс с углубленным очагом и одним из двух наземных атлымских сооружений. Не исключено также, что они представляли какой-то отдельный производственный комплекс или постройка для консервации (хранения) продуктов, рядом с которым находился очаг и навес (Рогозинникова, 2002).

Каменные орудия традиционны: шлифовальные плиты, абразивы, песты, молоточки, терочники, наковальни... Специфическими предметами являются навершие булавы и прямоугольные или овальные бруски; многие из них имеют поперечные желобки у торцов. Кремневая индустрия представлена наконечниками стрел, скребками, сверлом; среди отходов производства – отщепы и сколы. О металлообработке свидетельствуют тигли, обломки литейных форм, капли и слески бронзы. Анализы металла атлымской культуры, выполненные в Лаборатории спектрального анализа ИА РАН С.В. Кузьминых, выявили оловянно-мышьяково-сурьмянистые бронзы, связанные, видимо, с химико-металлургической группой ВК (волго-

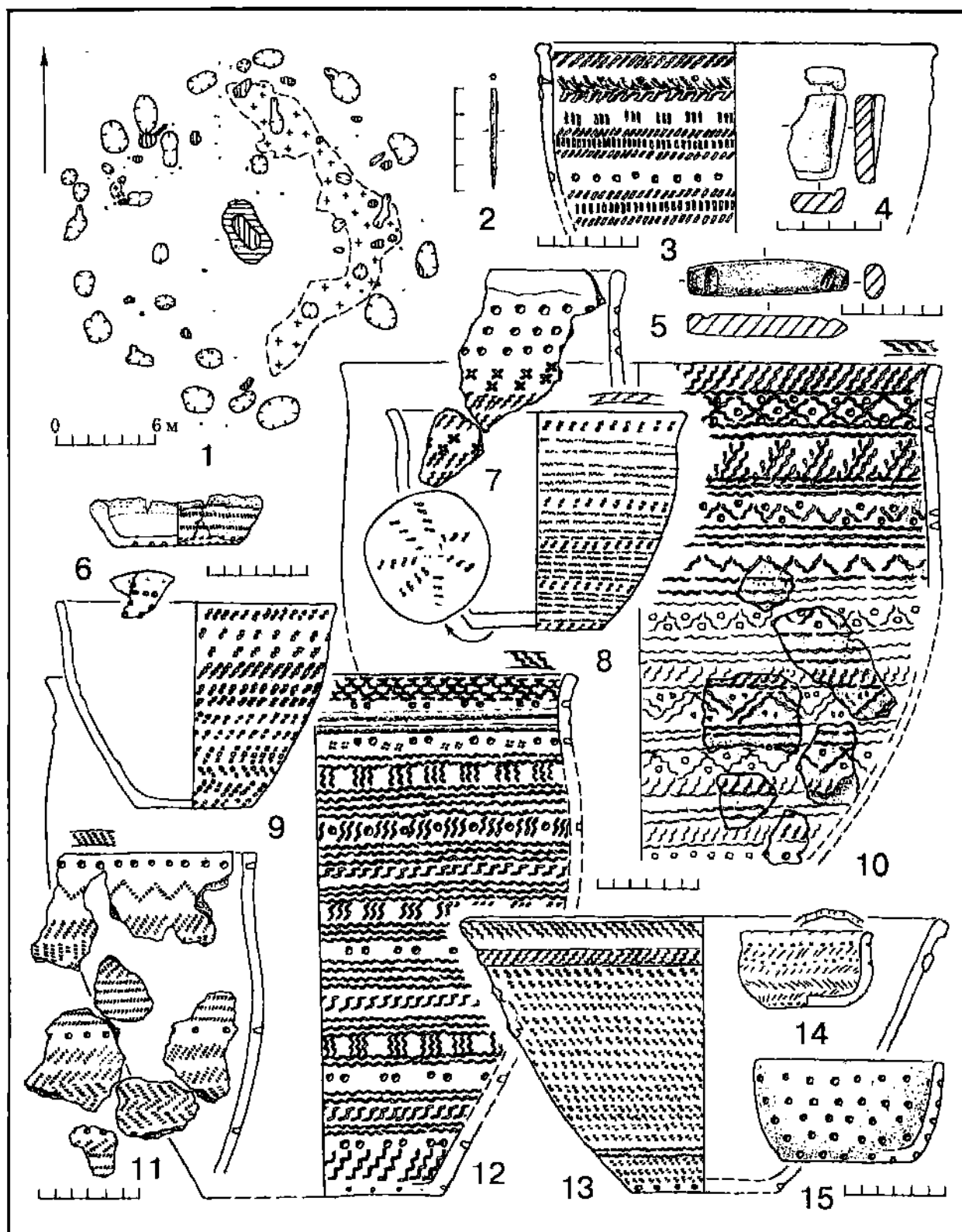

Рис. 9. Бронзовый век. Барсовская культура. 1, 3–5, 10, 15 – сел. Барсова гора I/50; 2, 6 – сел. Барсова гора I/40; 7, 9 – сел. Барсова гора III/4; 8, 13, 14 – сел. Барцевка IV; 11, 12 – сел. Барсова гора I/43 (2 – бронза; 3–4, 6–15 – керамика; 5 – камень)

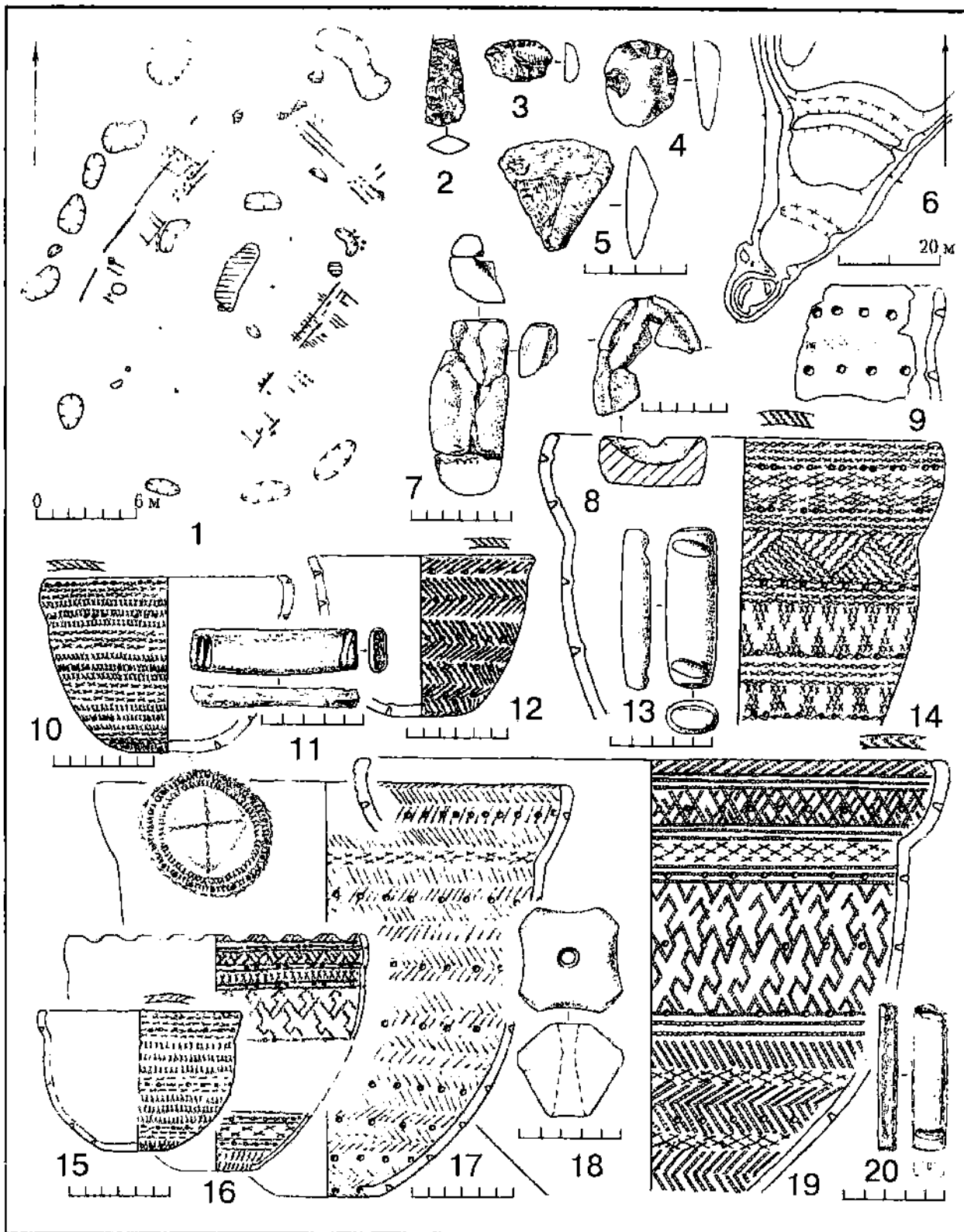

Рис. 10. Бронзовый век. Атлымская культура. 1, 13, 18 — пос. Барсова гора III — объект 107; 2—5, 8, 10, 12, 14 — сел. Барсова гора I/40; 6 — гор. Сырой Аган 1; 7, 11 — сел. Барсова гора I/1; 9, 15, 17 — сел. Барсова гора I/22a; 16 — сел. Барсова гора II/16; 19 — гор. Барсов городок III/1; 20 — сел. Барсова гора I/10a (2—5, 11, 13, 18, 20 — камень; 7—10, 12, 14—17, 19 — керамика)

камской). Бесспорные свидетельства о наличии контактов атлымских племен со среднеуральскими означают, что металл мог поступать в Среднеобье и с запада, из уральского региона (Кузьминых, Чемякин, 1998).

Абсолютное большинство сосудов — плоскостонные горшки с дугообразно выгнутой шейкой, диаметр которой превышает диаметр по тулову. Кроме них на селище Барсова гора I/40 найдена неорнаментированная мисочка. Украшалась вся верхняя поверхность горшков, включая венчик и нередко дно. Среди орнаментов преобладают крестовый и мелко-струйчатый штампы, реже применялись гребенчатый и гладкий. Композиции состоят из монотонных рядов оттисков штампов, чередующихся с ямочными вдавлениями. Зигзаги, треугольники, ромбы редки. Единичны, но встречены на керамике почти всех поселений меандры. Есть сосуды, украшенные одними ямками.

Находки гамаюнской керамики под Сургутом на селищах Барсова гора I/10а (атлымский слой на городище Барсов городок I/10) и II/16 фиксируют контакты атлымского населения с уральским (Чемякин, Коротаев, 1976. С. 53, 55, 59; Матвеев, Матвеева, 1995. С. 61). Есть случаи перекрывания барсовских построек атлымскими (селище Барсова гора I/40, поселение Барсова гора III — объект 107 и др.). В то же время сходство многих черт этих двух культур, а также следы их участия в генезисе белоярской культуры следующей эпохи предполагают их сосуществование в первой четверти I тыс. до н.э. Вероятно, появление атлымских племен в Среднеобье не вызвало сопротивления аборигенов, а длительные мирные контакты при близости культуры закончились взаимной ассимиляцией. Происхождение атлымской культуры в Нижнем Приобье рассматривается как результат трансформации культуры гребенчато-ямочной керамики (Косарев, 1987. С. 295).

Основными занятиями аборигенного населения в эпоху бронзы оставались охота и рыболовство. Но, несмотря на традиционность и известную консервативность, происходило постоянное совершенствование орудий лова, появлялись новые способы охоты. С бронзового века, вероятнее всего, получило распространение строительство протяженных «огородов» или «засек» с системами ловчих ям. Видимо, в конце эпохи появляются усложненные сетевые ловушки калданного типа (Косарев, 1991. С. 66). Среди кальцинированных костей животных, найденных в очагах, есть куньи, бобр, белка, северный олень, разные виды рыб. На памятниках атлымской культуры значительное место

занимают каменные рыболовные грузила, в т.ч. с поперечными желобками. Развитие промыслов, особенно в позднем бронзовом веке, тесно связывалось со все более широким внедрением в быт металла. Отсутствие же собственной рудной базы должно было стимулировать обменные связи. Их направление связано с Уралом (находки талько-хлоритовой литейной формы на Сайгатино VI, гамаюнских сосудов на атлымских поселениях) и, вероятно, с Алтаем (судя по химическому составу металла из комплекса Сайгатино VI).

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Период с VIII—VII по IV—III вв. до н.э. в целом характеризовался в западносибирской тайге ломкой культурных стереотипов, распадом культурных образований эпохи бронзы. В культуре обитателей западносибирской тайги произошли существенные изменения, отразившиеся в форме и характере украшения посуды (распространение круглодонных форм и частичной орнаментации), в скачке развития цветной металлообработки, совпавшем с расцветом ананьинского и иткульского металлургических очагов на Урале, в появлении плоского культового литья. Это время знаменуется ростом числа поселений, широким распространением городищ. Перечисленные признаки не характерны для таежных памятников эпохи бронзы и, наоборот, находят дальнейшее развитие в культурах конца I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. В то же время сами железные вещи практически еще отсутствуют. С технологической точки зрения этот период (2—3-я четверти I тыс. до н.э.) следует рассматривать в рамках бронзового века, однако фактически он является переходным к железнному. На основе культур общности керамики с гребенчато-ямочным орнаментом, в т.ч. трансформированных андроновским влиянием, в начале второй четверти I тыс. до н.э. возникают древности кульминского типа, гамаюнская, белоярская, богочановская, новочекинская культуры, памятники с васюганской керамикой 2—4 групп (по Л.А. Чиндиной). Еще недавно большинство этих образований рассматривались в рамках васюганского этапа кулайской культуры, или общности (Чиндина, 1984). Но в облике их материальной культуры еще нет типичных кулайских признаков: сосудов, украшенных штампом в виде «уточки», массивных трехгранных наконечников стрел из бронзы, специфического культового литья.

Массовое применение уточковидного штампа для орнаментации керамики относится к IV—III вв. до н.э. (единичные бронзовые вещи кулайских типов появляются раньше). С этого времени начинается нивелировка куль-

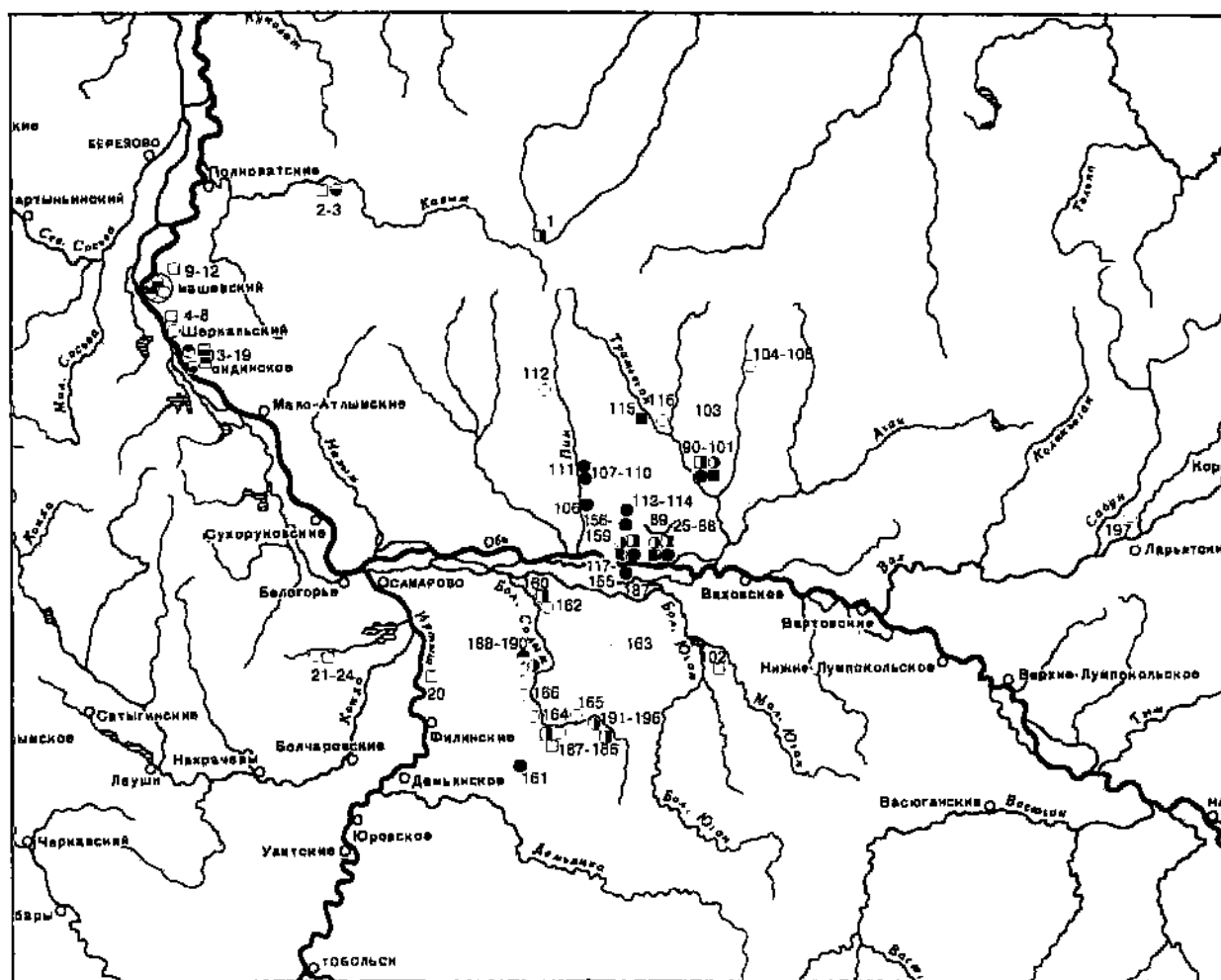
туры населения всего таежного Обь-Иртышья, и только с этого времени, вероятно, следует говорить о кулайской культуре. В Сургутском Приобье в ее основе лежат белоярская и калинкинская культуры. Кулайские древности на большей части таежного Приобья формировались на местной основе, представляя собой звено в эволюции культуры аборигенного населения, прослеживающейся, по крайней мере, с эпохи бронзы. Однако они отстоят от этой эпохи на несколько веков. Поэтому правомерно выделить 2 этапа в раннем железном веке таежного Обь-Иртышья — белоярско-васюганский и кулайский (Чемакин, 1993а).

Белоярско-васюганский этап, VII (VIII—VII) — IV (IV—III) вв. до н.э. характеризует развитие культуры носителей гребенчато-ямочной орнаментальной традиции в момент перехода к эпохе железа и самом ее начале (карта 3). Нижняя граница этапа совпадает с концом бронзового века, с распадом общности культур с крестово-струйчато-ямочной орнаментацией керамики. Верхняя ограничивается временем распространения керамики с фигурно-штамповой орнаментацией, где определяющим является штамп в виде уточки. На юго-востоке тайги в это время существовали васюганские, новочекинские и богочановские памятники, материал которых свидетельствует о занятиях населения, наряду с охотой и рыболовством, скотоводством. Для керамики этого района характерны узоры, выполненные гладким и гребенчатым штампами, ряды ямок и жемчужин. Северо-запад территории занимали белоярские, кульминские и гамаюнские племена охотников и рыболовов, украшавшие посуду гребенчатым, мелкоструйчатым, крестовым и другими фигурными штампами. Хронологически к белоярско-васюганскому этапу относится формирование т.н. «усть-полуйской» культуры в Нижнем Приобье. Новые исследования уральских археологов в этом районе, в т.ч. на Усть-Полуйском городище, показали, что 2-я группа керамики, представленная рядом чистых комплексов, не связана с костяным и бронзовым инвентарем, традиционно относившимся к усть-полуйской культуре. Последний оставлен племенами кулайской культуры. Во избежание дальнейшей путаницы предлагается отказаться от понятия «усть-полуйская» культура. Древности, содержащие керамику 2-й, или собственно «усть-полуйской», группы (по Мошинской, 1965, 1978), локализующиеся преимущественно в Нижнем Приобье, отнесены нами к памятникам **перегребнинского типа** (Морозов, Чемакин, 1991. С. 101; Чемакин, 1995а; Малоземова, Морозов, 1997. С. 203).

Переход к эпохе железа в Сургутском Приобье связан с формированием на рубеже первой-второй четвертей I тыс. до н.э. **белоярской культуры** (рис. 11). Несколько позже здесь появились племена калинкинской культуры, знакомые с элементами производящего хозяйства. Хронологически им соответствуют упоминавшиеся кульминский, перегребнинский, васюганский, новочекинский и богочановский типы памятников. Близость материальной культуры этих образований позволяет говорить о существовании единой историко-этнографической области (ИЭО), соответствующей ареалу «гребенчато-ямочной» КИО эпохи бронзы и охватывающей лесную зону. Л.Н. Корякова называет ее северо-западносибирской (Корякова, 1991. С. 8, 15). В ее рамках сохраняются две подобласти, выделенные нами для конца бронзового века.

К настоящему времени в Сургутском Приобье открыто более 45 белоярских памятников, в т.ч. 12 городищ и могильник; раскопано свыше 100 построек (Чемакин, Коротаев, 1976; Елькина, 1977; Чемакин, Сосновкин, 1979; Чемакин, 1979, 1981, 1989а, 1998; Морозов, Пархимович, 1984; Морозов, Чемакин, 1997). Наиболее исследованными являются городища Барсов городок I/1—3, I/6, I/10, I/14, I/18, III/1, III/7, Ермаково IV, селища Барсова гора I/21, I/23, I/40, III/1, III/9—10, III/14—19, III/22, III/28, III/38, III/63, III/66, IV/10, IV/12, Кучиминское X, поселение Вачим 7. Городища большой площади, со слабо выраженной на поверхности оборонительной системой. Среди них выделены две группы — лесные (расположенные в глубине леса) и береговые. Белоярское домостроение наследовало традиции предшествующей эпохи: открыты почти все типы построек, существовавших в бронзовом веке. По площади жилища разделены на три группы, особую группу образуют хозяйственные постройки (Чемакин, 1994. С. 280—282). Исследованы два погребения Барсовского VI могильника. В одном из них зафиксированы следы кремации. В другом, совершенном в белоярском жилище, найдены развалы сосудов, но костяк не сохранился.

Инвентарь поселений свидетельствует о расцвете бронзолитейного производства — в большинстве жилищ найдены тигли и их обломки, капли металла, лом. Самых изделий мало: два целых и обломки пластинчатых однолезвийных ножей, наконечник стрелы кулайского типа, шило (?), обломок накладки и 17 культовых фигурок, сделанных в технике плоского литья. Каменные изделия многочисленны на ранних поселениях и единичны — на поздних. Они представлены шлифовальными плитами и абразивами, пестами, молоточками,

Карта 3. Памятники белоярско-васюганского этапа раннего железного века.

○ □ Ранний железный век	○ Поселение (селище)
● □ Перегребнинский тип	□ Городище
○ □ Кульминский тип	— Могильник
● □ Белоярская культура	
○ □ Калининская культура	

1 — гор. Нум-то 1; 2—3 — гор. Твггор-Лор IV, пос. Твггор-Лор I; 4—8 — гор. Шеркалы I, сел. Шеркалы V, VIII—X; 9—12 — пос. Перегребное 2, 4, VI, гор. Перегребное VI; 13—19 — гор. Низямы II, IV, V, пос. Низямы I, II, 3, IX; 20 — гор. Гришкино 3; 21—24 — пос. Согомское 1—3, гор. Согомское 4; 25—88 — гор. Барсов городок I/1—3, I/3a, I/6, I/8—14, I/18—19, I/20a, I/22a, I/23, I/26a, I/27—29, III/1—2, III/4, III/7, сел. Барсова гора I/2, I/14, I/21, I/22a, I/23, I/37, I/40, I/43, II/16, II/42, III/1, III/7—15, III/18—20, III/22—24, III/28, III/33, III/37—38, III/49, III/63, III/66, IV/8, IV/10, IV/12, пос. Барсова гора II/8, III — объекты 21, 215, 240; 89 — мог. Барсовский VI; 90—101 — гор. Егоркин Урий I, II, Ермаково IV, V, VIII, сел. Ермаково 4, Эгутъязун 4, 9, 10, 12, 13, 15; 102 — гор. Мохтик I/1; 103 — пос. Айка-Еган III; 104—105 — пос. Козалымское I/2, I/3; 106 — пос. Вачим 7; 107—110 — пос. Лархши 11—13, 18; 111 — пос. Тутлеймъяун 18; 112 — пос. Камыньское 1; 113—114 — сел. Моховое 31, 38; 115 — гор. Сокур II; 116 — сел. Рускин Урий VII; 117—155 — гор. Кучиминское IV, VI—VIII, X, XIII, XV, XVI, XVIII, XIX, сел. Кучиминское I—XII, XVII—XXVIII, Остяцкий Живец III, Сайгатинское III, IV; 156—159 — пос. Быстрый Кульеган 5, 10, сел. Быстрый Кульеган 8, 13; 160 — гор. Рымовское; 161 — пос. Самсоновское 2; 162 — пос. Усть-Камчинское 1; 163 — пос. Усть-Пытьях 2; 164 — пос. Ай-Ега 1; 165 — пос. Ай-Ененъеган 2; 166 — пос. Кинтусовское 4/2; 167—186 — гор. Соросское 1—4, 6—8, 10, 12, 18, 29, 33—36, пос. Соросское 7, 12, 13, 23; 187 — пос. Сырой Аган 7; 188—190 — пос. Усть-Хоттахтыгга 1, 3, 4; 191—196 — пос. Усть-Чупал 4, 5, 14, 21, гор. Усть-Чупал 13, 23; 197 — пос. Чехломевское II.

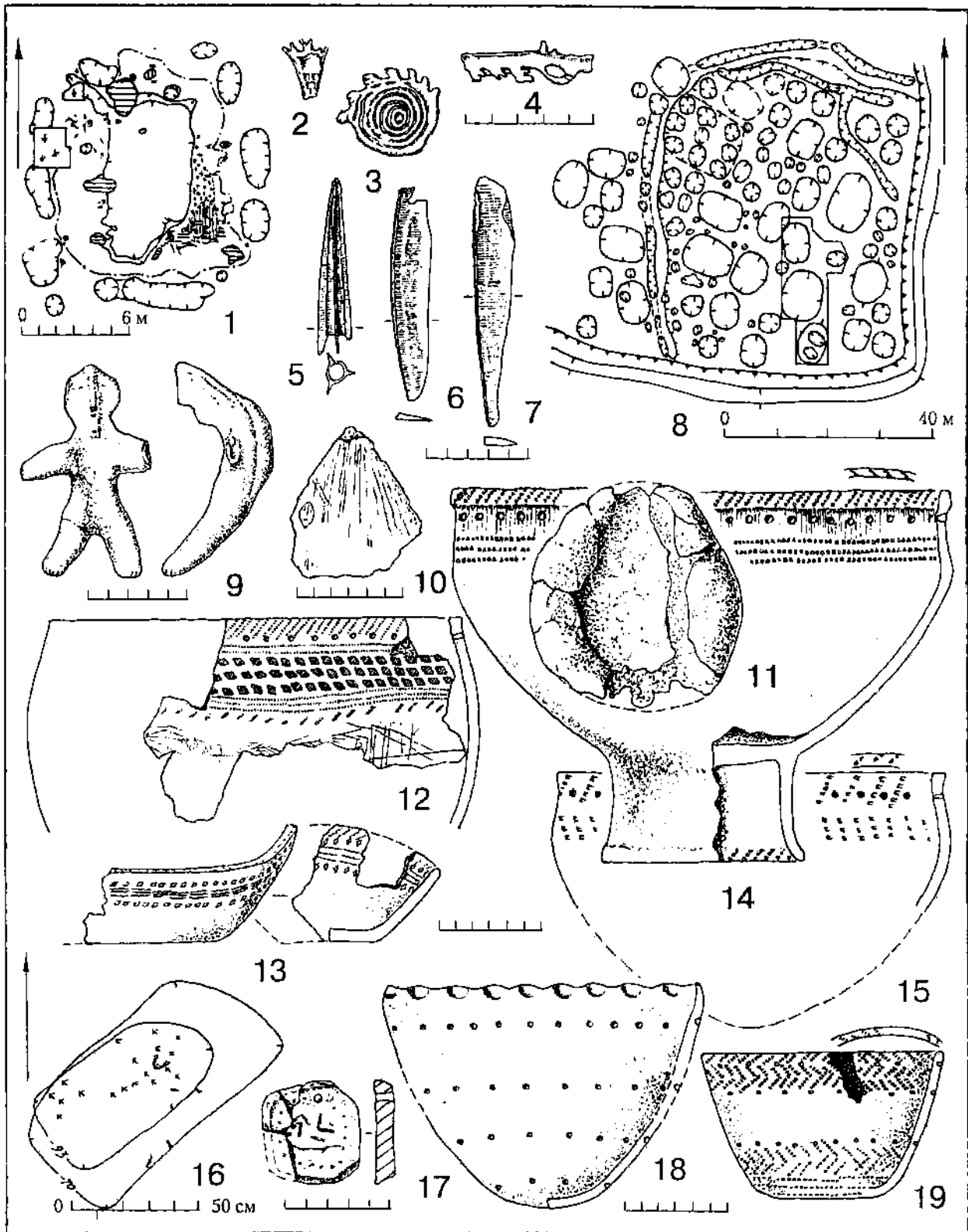

Рис. 11. Ранний железный век. Белоярская культура. 1 — сел. Барсова гора III/10; 2 — гор. Барсов городок I/3; 3, 4 — сел. Барсова гора III/49; 5 — сел. Барсова гора III/38; 6 — гор. Барсов городок I/12; 7, 11, 15 — пос. Вачим 7; 8 — гор. Барсов городок I/2; 9, 17–19 — сел. Барсова гора I/40; 10 — сел. Барсова гора I/23; 12, 13 — гор. Барсов городок I/14; 14 — гор. Барсов городок III/I; 16 — мог. Барсовский VI (2–7 — бронза; 9–19 — керамика)

терочниками, наковальнями. Много брусков, использовавшихся в качестве рыболовных грузил и абразивов, но среди них нет брусков с желобками. Глиняная пластика представлена одной антропоморфной скульптуркой (Сериков, Чемякин, 1998). Интересно, что эта скульптурка вместе с зубом мамонта была найдена в жилище-мастерской по обработке камня (сел. Барсова гора I/40).

Ранние сосуды горшковидные и котловидные, с округлым или приостренным дном. Есть открытые чаши, в их числе одна с уплощенным дном. Внешняя поверхность украшена лишь в верхней трети. Узоры наносились штампами: гребенчатым, мелкоструйчатым, в виде змейки, крестовым и оригинальных форм. Они состоят из рядов разнонаклонных оттисков, горизонтальных линий и зигзагов, горизонтальной «елочки», чередующихся с ямочными вдавлениями. Ряды ямок располагались и на неорнаментированной части тулова, почти до дна — традиция бронзового века. Единичные мотивы образованы треугольниками и другими геометрическими фигурами. Более поздняя керамика в основном котловидная, появляются поддоны. На смену мелкоструйчатому и крестовым штампам пришли ромбические, треугольные и другие, часто с зубцами внутри. Исчезают ряды ямок на тулове. Известны два сосуда с граффити. В конце белоярской культуры на посуде преобладают оттиски крупнозубого штампа.

Ранние белоярские памятники возникли на рубеже первой-второй четвертей I тыс. до н.э. на основе барсовской и атлымской культур, в результате взаимодействия и трансформации последних (Чемякин, Кокшаров, 1984). Их более поздний возраст подтвержден стратиграфически. Близкие параллели белоярской культуре можно найти в памятниках кульминского типа и иткульской культуры Зауралья. Более отдаленное сходство обнаруживается с древностями богочановской культуры Прииртышья и васюганского этапа кулайской культуры (по Чиндиной, 1984). Эволюция белоярской культуры, протекавшая в контакте с другой — калинкинской, заканчивается предположительно в IV — начале III вв. до н.э. Взаимодействие двух культур завершилось формированием на их основе кулайских древностей.

Памятников, где встречена керамика **калинкинской культуры**, в Сургутском Приобье найдено около 40. Из них к собственно калинкинским мы относим 14 селищ и 6 городищ. Более чем на 20 памятниках произведены раскопки, исследованы остатки 40 построек (рис. 12). Среди них отметим городища Барсов городок I/13, I/22, III/2, III/4, Кучиминские XIII и

XIX, селища Барсова гора I/43, III/7—8, III/11, III/20, III/24, Кучиминские IV, XVIII, XXIII (Елькина, 1977; Чемякин, 1981, 1989, 1989a, 1993). Топография поселений не отличается от топографии белоярских и позднебронзовых памятников. Оригинальна линейная планировка селищ. Городища представлены лесными и береговыми, площадь их меньше, чем у белоярских. Постройки наземные, прямоугольные, по площади делятся на три группы (Чемякин, 1994. С. 286—287). Каменный инвентарь невыразителен: терочки, молоточки, шлифовальные плитки из местных булыжников и галек. Цветная металлообработка представлена большим числом тиглей, каплями металла. Среди изделий есть целый и обломки однолезвийных пластинчатых ножей, бляшка и проволоочный браслет.

Сосуды чашевидные и котловидные, с округлым или приостренным дном, иногда на поддонах. Единичны плоскодонные горшки и четырехугольные чашки. Стенки емкостей украшались в верхней части, в композициях ярко выражена зональность. Узоры наносились штампами, среди которых преобладал гладкий; реже применялся короткий гребенчатый. Ряды ямок, жемчужин или их сочетания образовывали разделительный пояс. Композиции состояли из горизонтальных поясков вертикальных или наклонных оттисков штампа, между которыми в нижней зоне (на плечиках) помещался пояс из сгруппированных в шахматном порядке горизонтальных оттисков. Редки зигзаги, меандры, треугольные фестоны.

На калинкинских поселениях впервые в Сургутском Приобье найдены кости домашних животных (лошади — определения Н.Г. Смирнова и П.А. Косинцева). Этот неоднократно зафиксированный факт, как и своеобразие материальной культуры, проявившееся в оригинальной планировке поселений, форме и орнаментации сосудов, не имеют местных корней. В то же время истоки этого не ясны. Вероятно, калинкинская культура сложилась в более южных (юго-восточных ?) районах. Ее носители мигрировали в Сургутское Приобье, где вступили в контакт с белоярскими племенами (Чемякин, 1993. С. 158—159; Чемякин, 1994. С. 283). Сложный характер их взаимоотношений отражен в распространении городищ. Последующие длительные контакты привели к появлению общих черт в культурах. По-видимому, калинкинские племена были ассимилированы белоярскими, в результате чего возникла новая общность — кулайская. Наиболее вероятная дата существования калинкинских древностей — VI—IV—III вв. до н.э.

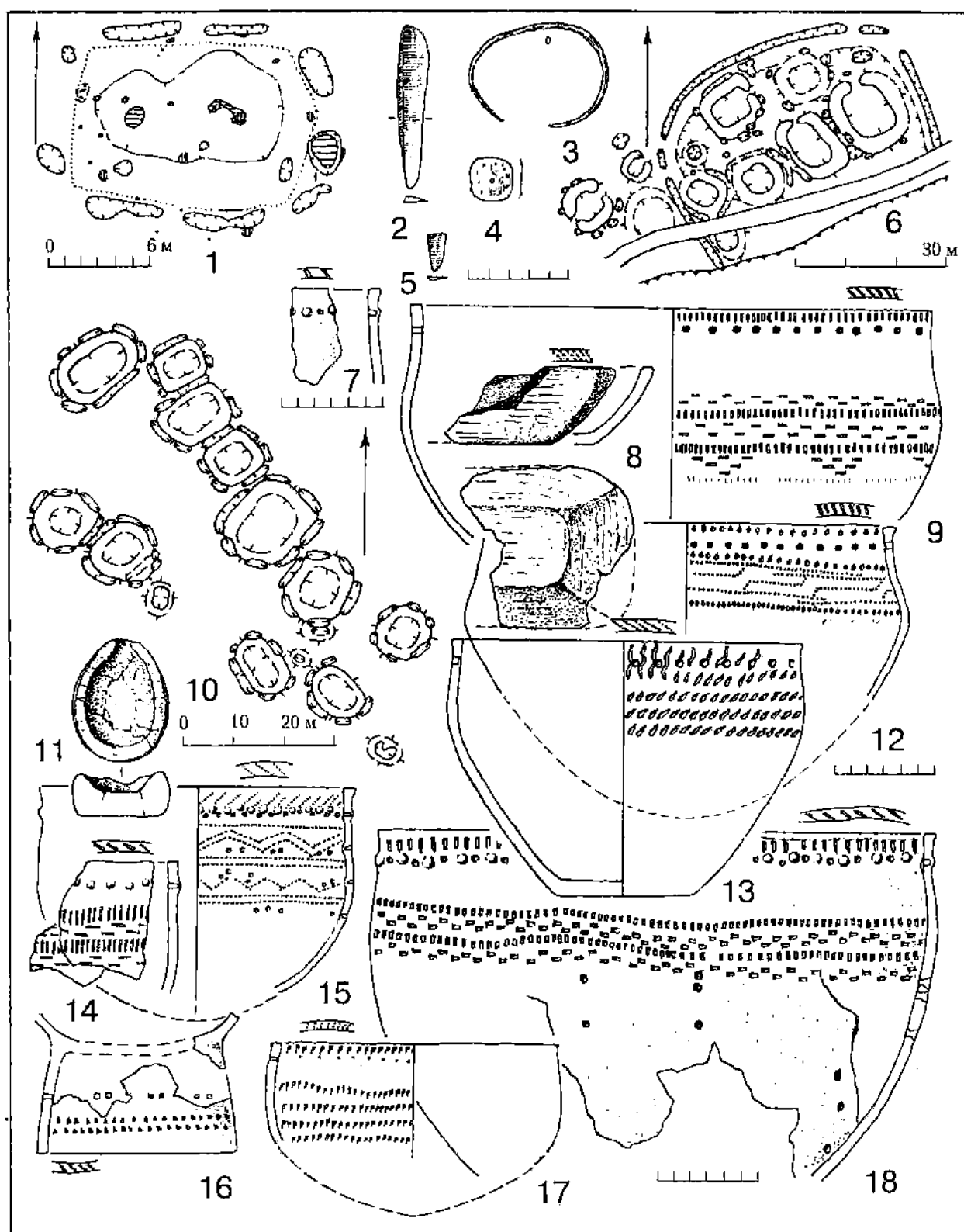

Рис. 12. Ранний железный век. Калининская культура. 1 — сел. Барсова гора III/8; 2, 4 — сел. Барсова гора III/7; 3, 9, 11, 12, 15, 16 — сел. Барсова гора I/43; 5 — сел. Барсова гора III/13; 6, 8, 13 — гор. Барсов городок I/13; 7, 17 — сел. Барсова гора III/24 (объект 317); 10 — сел. Кучиминское XVIII; 14 — гор. Барсов городок I/10 (2—5 — бронза; 7—9, 11—17 — керамика)

Сложение **кулайской культуры** в ее разных вариантах в IV—III вв. до н.э. знаменует начало **кулайского этапа раннего железного века** лесной полосы Западной Сибири. На его протяжении вновь происходит значительная нивелировка материальной культуры в границах северо-западносибирской ИЭО, образуется кулайская КИО. Ее памятники известны вдоль всего течения Оби и низовьев Иртыша, от Барнаульского Приобья на юге до Нижнего Приобья на севере. Исследователи выделяют на разных территориях неодинаковое число стадий культуры, но чаще всего их две: ранняя и поздняя, или саровская. Общность сохраняется и в I тыс. н.э., перерастая в обь-иртышскую КИО эпохи позднего железа. А.П. Зыков и Н.В. Федорова включают в обь-иртышскую общность в качестве первых двух этапов белоярско-васюганский и кулайский (1993, С. 66; Федорова, 2000, С. 39). Мы полагаем, что памятники раннего железного века нецелесообразно включать в ОИ КИО. Иначе с таким же основанием начальный этап этой общности можно отнести к эпохе бронзы. Сейчас уже не вызывает сомнений, что в основе кулайской общности лежала культурно-историческая общность керамики с гребенчато-ямочным орнаментом эпохи бронзы, ареал которой во многом совпадает с ареалом ОИ КИО. Культуры начала железного века (белоярско-васюганского этапа, предшествовавшего собственно кулайскому), непосредственно связанные с «общностью гребенчато-ямочной керамики», демонстрируют перестройку экономики, культуры и, видимо, общества в целом, на переходе от эпохи бронзы к железному веку.

На изучаемой территории известно более 120 кулайских памятников, свыше 40 из них локализованы в урочище Барсова гора (карта 4). Здесь открыты и единственные пока в Сургутском Приобье — на одной из территорий формирования кулайской культуры — погребальные комплексы: грунтовые могильники Барсовский III, VII, погребение на городище Барсов городок I/20. Крупный кулайский могильник Алдыган в Нарымском Приобье еще не получил должного освещения в литературе.

Ранняя стадия (IV—III — I вв. до н.э., рис. 13) представлена селищами и городищами. Среди последних есть лесные и береговые. Этой стадией в Сургутском Приобье датированы городища Барсов городок I/12, I/30, III/3, III/6, селища Барсова гора I/21, III/2—4, III/6, III/10, III/36, III/49, IV/3, Ермаково 5, поселение Остяцкий Живец IV и другие (Елькина, 1977; Чемякин, 1979, 1997). Размеры городищ небольшие, но оборонительные сооружения становятся более мощными по сравнению с предшествующим временем. Планировка по-

селений часто близка круговой. Жилища прямоугольные, часто с коридорообразным выходом. Среди них есть как наземные, так и с углубленным котлованом (или его центральной части). По размерам постройки делятся на четыре группы (Чемякин, 1994. С. 288—290).

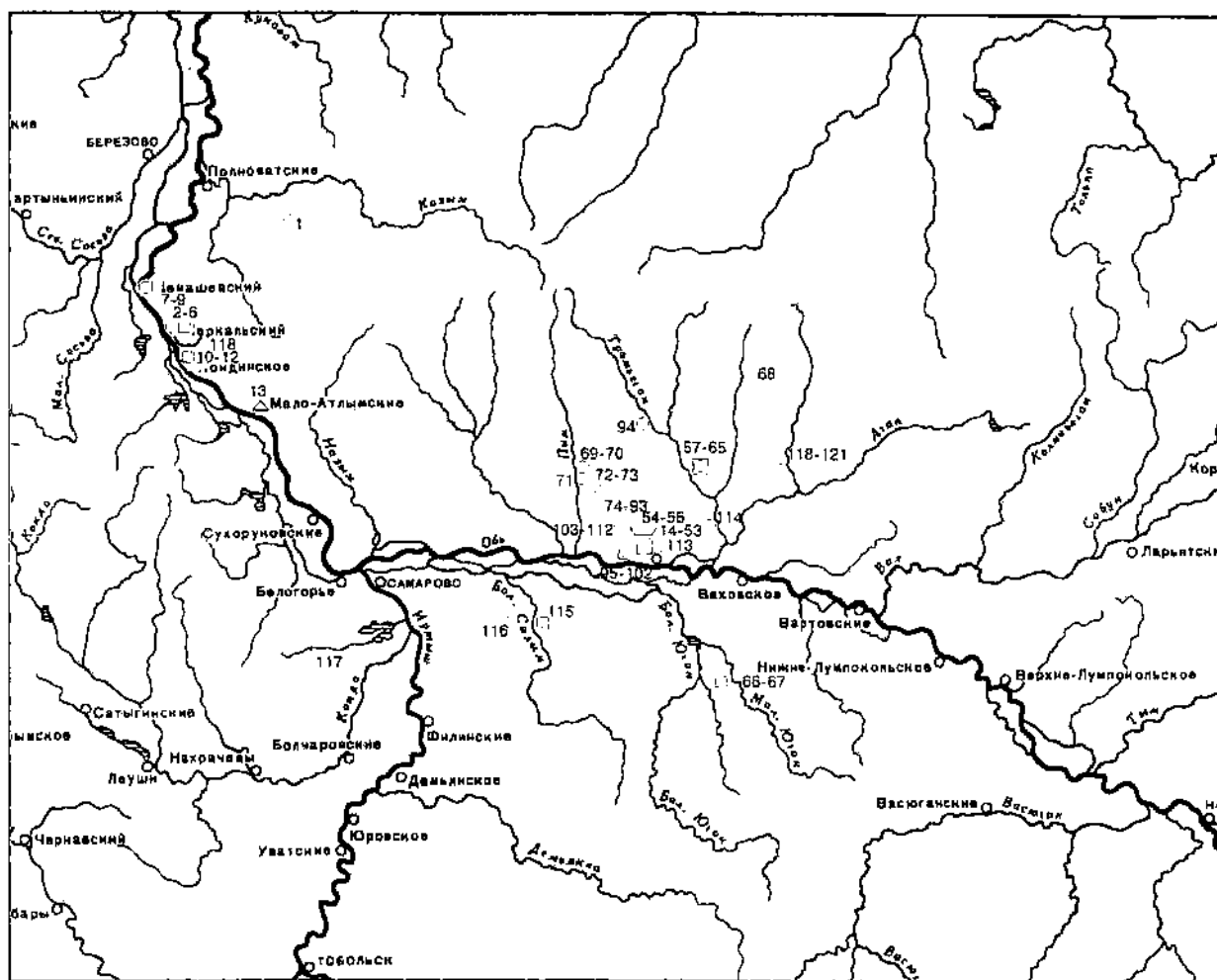
На поселениях найдены каменные орудия, бронзовые украшения, иглы, ножи, сравнительно много культового литья, многочисленны тигли. Распространяются наконечники стрел усть-полуйского и кулайского типов. На городище Барсов городок I/15 в очаге обнаружены обломки железных вещей. Есть стеклянные бусы. Остеологический материал представлен костями северного оленя, бобра, уток и различных видов рыб (определения П.А. Косинцева и А.Е. Некрасова).

Керамика в основном горшковидной формы, с хорошо профилированной шейкой, иногда с ребром на переходе от плечика к тулову. Часть сосудов имела поддон. Венчики сосудов прямые либо слегка скошенные, иногда с карнизом. Посуда украшена горизонтальными поясками из вертикальных, наклонных и горизонтальных оттисков штампов в виде короткой гребенки, уточки или птички, реже уголка. Поддоны иногда орнаментировались вертикальными или наклонными поясками из оттисков этих же штампов или насечками.

Поздняя, или саровская, стадия кулайской культуры (I в. до н.э. — III в. н.э., рис. 13 — 4, 5, 8–11, 15, 19) выделена Л.А. Чиндиной как завершающий этап раннего железного века. Датировка его определена автором в пределах I в. до н.э. — IV в. н.э. (Чиндина, 1984). Если нижняя дата не вызывает возражений, то верхняя представляется несколько завышенной. Надежно датированные комплексы с саровской керамикой Шеркалинского и Барсовского III могильников не выходят за пределы III в. н.э. Судя по исследованиям А.П. Зыкова и Н.В. Федоровой, концом III—IV вв. датируется знаменитая Холмогорская коллекция, относящаяся уже к карымскому времени (Зыков, Федорова, 2001).

Наиболее выразительными памятниками саровской стадии на интересующей нас территории являются городища Барсов городок I/4, I/20, I/25, Кучиминское II, Ермаково XVIII—XX, селище Барсова гора IV/13, святилище на городище Барсов городок I/9, могильники Барсовский III и VII, отдельные находки на городищах Барсов городок I/31, II/1... (Чемякин, 1989а). Эти комплексы имеют ряд черт, не свойственных раннекулайским памятникам второй половины I тыс. до н.э.

Большинство известных поселений этого периода — городища с развитой системой обороны, что резко отличает их от более ранних.

Карта 4. Памятники кулайского этапа раннего железного века.

- Поселение (селище)
- Городище
- ⊗ Комплекс городище-поселение
- Могилики
- Местонахождение

1 — пос. Каксинская гора IV; 2–6 — гор. Шеркалы I, VI, XII, сел. Шеркалы I, III, мог. Шеркалы IX; 7–9 — гор. Перегребное VI, пос. Перегребное 2, 4; 10–12 — гор. Низямы II, пос. Низямы I, 3; 13 — гор. Малый Атлым I; 14–53 — гор. Барсов городок I/4–8, I/12, I/15–18, I/20, I/22, I/26a, I/30–31, III/3, III/5, III/6, свят. Барсов городок I/9, сел. Барсова гора I/4, I/15, I/21, I/22a, I/51, II/18, III/2–6, III/10, III/16–17, III/21–22 III/30, III/36, IV/3, IV/13, пос. Барсова гора III — объект 109; 54–56 — мог. Барсовский III, VII, VIII, погр. на гор. Барсов городок I/20; 57–65 — гор. Ермаково VI, XI, XVIII–XX, сел. Ермаково 4, 5, Путчи-Урий 1, Эгутъягу 6; 66–67 — гор. Мохтик I/2, II/3; 68 — пос. Тлоктлым-ёган I; 69–70 — пос. Амтуньюх 1, 2; 71 — пос. Лархни 13; 72–73 — пос. Тутлеймъяун 18, 19; 74–93 — сел. Моховое 2, 3, 6, 8, 11, 13, 18, 20, 23–25, 27, 28, 32, 34, 36, 37, 41, 44, 46; 94 — сел. Сукуръяун 3; 95–102 — гор. Кучиминское II, IV, IX, XX, сел. Кучиминское IX, XIII; 103–112 — сел. Быстрый Кульеган 9, 16, 33, 55, 60, 61, 83, 91, 95, пос. Быстрый Кульеган 11; 113 — сел. Почекуйское 1; 114 — пос. Ульт-Ягу 2; 115 — гор. Мулнашово 1; 116 — пос. Ынэ; 117 — гор. Стариков мыс I; 118–121 — пос. Имбеган 2, 3, 3.3–3.5.

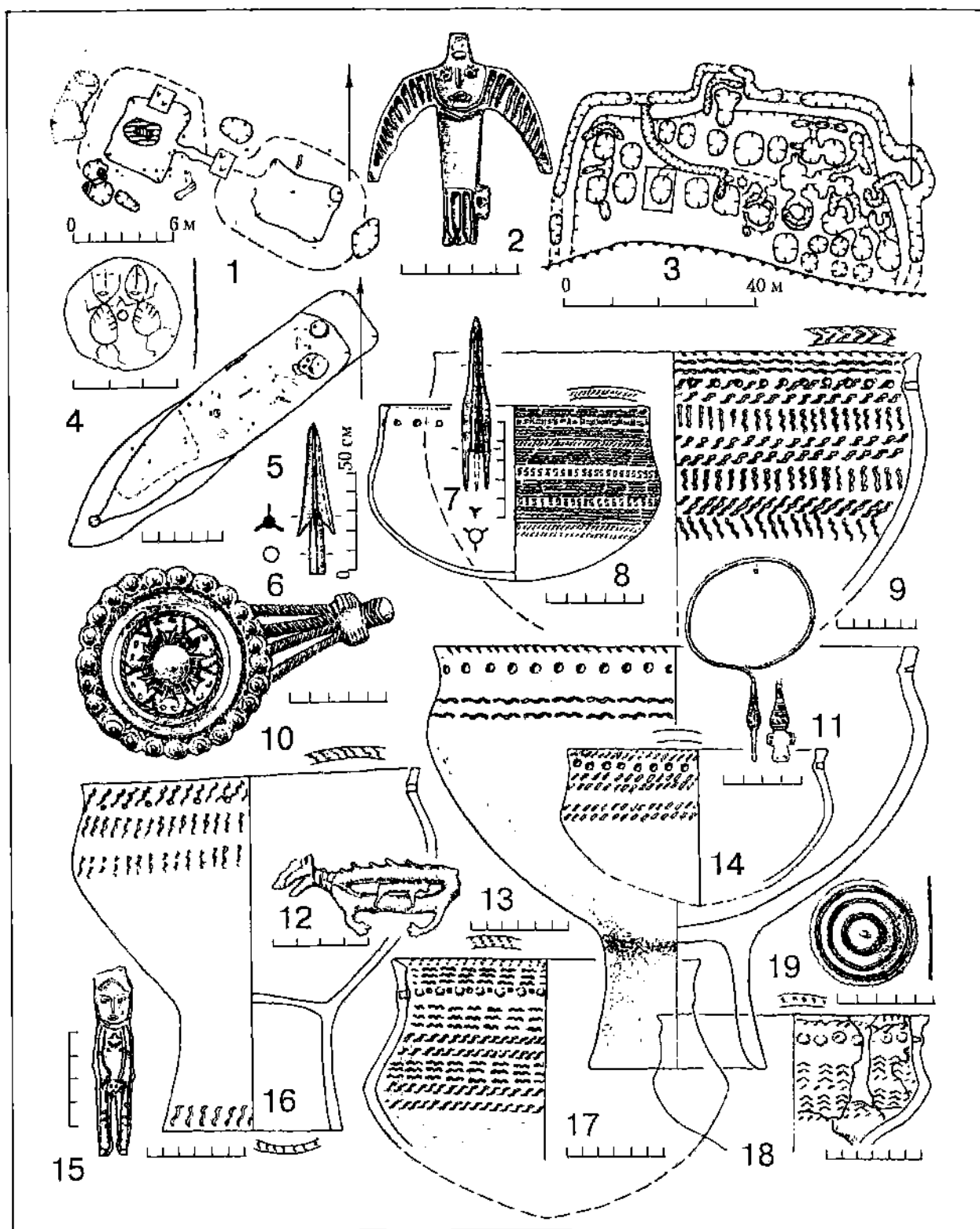

Рис. 13. Ранний железный век. Кулайская культура. 1 – сел. Кучиминское IX; 2 – гор. Барсов городок III/6; 3 – гор. Барсов городок I/5; 4, 10, 11, 15, 19 – святилище на гор. Барсов городок I/9; 5, 8 – мог. Барсовский VII; 6 – гор. Барсов городок I/20; 7 – сел. Барсова гора IV/3; 9 – гор. Барсов городок I/4; 12 – сел. Барсова гора III/21; 13 – сел. Барсова гора III/2 (объект 33); 14 – сел. Барсова гора III/16 (объект 50); 16 – сел. Кучиминский Сор 1; 17 – сел. Барсова гора III/3 (объект 230); 18 – пос. Остяцкий Живец IV (2, 4, 6–7, 10–13, 15, 19 – бронза; 8–9, 13–14, 16–18 – керамика)

В частности, на городищах Барсов городок I/4, I/20, Кучиминском II зафиксированы системы, состоящие из глубокого рва и вала с выступами-бастионами. В толще валов прослеживаются остатки деревянных конструкций стен. На саровской стадии окончательно складывается типичный для средневековья тип жилища — постройка с углубленным на 20–40 см прямоугольным котлованом, коридорообразным выходом, земляной подсыпкой стен и центральным очагом (Борзунов, 1994; Чемякин, 1994).

Погребальный обряд реконструируется по материалам могильников урочища Барсова гора. Умершие захоронены в узких неглубоких грунтовых ямах, на спине, головами на запад, северо-запад, северо-восток и юго-восток (?). Вряде могил зафиксированы остатки деревянного гробовища или лодок. Среди погребального инвентаря — оружие, орудия труда, украшения (в том числе стеклянные бусы разных типов), культовое литье, керамическая посуда (Борзунов, Бельтикова, 1989; Чемякин, Шатунов, 1997). По обряду и сопровождающим вещам сургутские погребения саровской стадии близки синхронным материалам Шеркалинского могильника на Нижней Оби. Можно отметить преемственность некоторых черт погребального обряда с единично известными сургутскими погребениями второй половины I тыс. до н.э. и многочисленными погребальными комплексами VIII—XVI вв.

Самые ранние святилища, зафиксированные в Сургутском Приобье, относятся к рубежу эр, или к началу поздней стадии (Чемякин, 1996; 2000; Древний город..., 1994, С. 52–53). Из могильников и святилищ происходят большинство найденных в этом районе бронзовых изделий с гравировками (Казанцева, Чемякин, 1999).

Поздняя кулайская керамика представлена в основном круглодонными слабопрофилированными и котловидными сосудами, поддоны встречаются очень редко. Венчики нередко сильно скошены внутрь, имеют значительный карниз. Орнамент более густой и спускается ниже по тулову, чем на ранней посуде. Чаще всего посуда украшена наклонными оттисками гребенчатого штампа, но встречаются и фигурные: змейчатый, уголкового, «уточка», «птичка». Получают распространение прокатанные штампы. Основу орнаментальных композиций составляют чередования горизонтальных поясков оттисков одного-двух, редко — трех и более штампов.

В памятниках начала I тыс. н.э. появляются находки, бесспорно свидетельствующие о зарождении местной черной металлургии и металлообработки. Это куски железного метал-

лургического шлака с городища Барсов городок I/4, кузнечный молоток из клада с городища Барсов городок I/20, железные предметы, откованные по достаточно простым технологическим схемам (определения А.П. Зыкова) — археологами найдены иглы и ножи, наконечники стрел из этого металла. Среди изделий выделяются специфические позднекулайские кинжалы с бронзовыми деталями рукоятей из Барсовского III могильника. Близкие формы найдены в Холмогорском «кладе» (см.: Зыков, Федорова, 2001).

В бронзолитейном производстве широко применяются так называемые белые (высокооловянистые) бронзы. Появляются объемные полые вещи. Поверхности отливок подвергаются тщательной внешней отделке. В культовом литье возникают сюжеты, нашедшие дальнейшее развитие уже в раннем средневековье. Среди них полые зооморфные пронизки, реалистичные антропоморфные личины, изображения хищных птиц с распахнутыми крыльями и личиной на груди, медведей в «жертвенной позе», фронтально стоящих фигур мужчин-воинов в доспехах, с косами. Значительная часть цветного металла (оловянистые, оловянно-мышьяковистые и оловянно-мышьяково-сурьмянистые бронзы), скорее всего, связана своим происхождением с Рудным Алтаем (определение С.В. Кузьминых). Обская речная система, вероятно, была той жизненно важной артерией, которая питала металлом и белоярских, и кулайских литейщиков. Следует отметить, что литейщики таежного Приобья — как кулайского, так и предшествующего периода — не были изолированы от основных производящих центров того времени. В отличие от металла ряда культур западносибирской лесостепи (саргатская, гороховская) и горно-лесного Урала (иткульская), здесь использовались самые разнообразные рецепты сплавов. Очевидно, в этом проявляется налаженная еще с эпохи бронзы система поставок меди, бронз и, возможно, лигатуры из алтайских и саянских горно-металлургических центров, а также их открытость к инновациям в литейном деле. Несмотря на приток импорта готовых изделий, собственная металлообработка играет в таежных обществах более заметную и важную роль, чем, например, в саргатском. Кулайское литейное производство до рубежа эр сохраняет — пусть модифицированные — стереотипы древней сусьско-кижировской металлообработки (Кузьминых, Чемякин, 1998).

Находки стеклянных и пастовых бус, бронзовых зеркал, эполетообразных застежек и т.д. отражают контакты с соседними общностями, в частности, с населением Прикамья.

Накопленные кулайские материалы из Сургутского Приобья позволяют предполагать, что в скором времени для сургутского варианта этой культуры будут выделены не две, а минимум три стадии.

Кулайская культура, или общность, в археологической литературе часто связывается с самодийским этносом, реже — с нерасчлененным угро-самодийским. На наш взгляд, значительная часть кулайских племен, по крайней мере в западной части ареала, могла быть угрозязычной (Чемякин, 1995, 2001a, Chemjakin, 1996).

* * *

В целом же хозяйство среднеобского населения в эпоху раннего железа по-прежнему основывалось на охоте и рыболовстве. Значительное увеличение населения, о чем свидетельствует количество археологических памятников, связано с увеличением производительности труда, продуктивности хозяйства. Этим временем предположительно датируются широкое применение засек, использование затягивающихся сетных ловушек при охоте, освоение для рыболовства крупных рек, в том числе Оби и Иртыша (Косарев, 1991. С. 65–66). В раннем железном веке уже существовало транспортное оленеводство, о чем свидетельствуют находки костяных деталей упряжи на Саровском и Усть-Полуйском городищах (Федорова, в печати). Однако было ли оно распространено в Среднеобье — неизвестно. На калинкинских и кулайских поселениях встречены кости домашней лошади. Пока неясно, было ли здесь собственное коневодство или животных покупали в более южных районах для каких-то ритуалов. Но разведение здесь лошадей русскими поселенцами в более поздние времена, как и коневодство в Якутии с ее более суровым климатом и не менее снежными зимами, свидетельствует о возможности существования этой отрасли хозяйства. Литые изображения всадников есть на Усть-Полуйском городище (Федорова, 1997. Рис. 6) и в Холмогорской коллекции, датирующейся следующим — карымским — этапом. Гравированные рисунки всадников известны на бляхах Истяжского клада (Чернецов, 1953. Табл. XX–1–4).

Остеологический материал с памятников раннего железного века малочислен, но подтверждает сделанные выводы. Так, на белоярских памятниках найдены кости северного оленя, лося, зайца, бобра, белки, птиц, рыбы — осетра, стерляди, лососевых, щуки, карпа. На калинкинских поселениях встречены кости северного оленя, соболя, зайца, бобра, рыбы. На пяти селищах обнаружены кости лошади. Фауна кулайских древностей представлена

северным оленем, лосем, лошадью, бобром. Найдены здесь и кости птиц, в т.ч. утки, и рыб — лососевых, щуки, карпа... (Определения Н.Г. Смирнова, А.П. Косинцева, А.Е. Некрасова).

Мы не касаемся здесь социальных проблем, реконструкции древних обществ, но отметим, что новые материалы кулайского времени подтверждают выводы многих исследователей (В.Н. Чернецова, М.Ф. Косарева, Л.А. Чиндиной и др.) об усилившейся дифференциации таежных обществ в конце раннего железного века, сложении развитых военно-потестарных структур. Вероятно, выделяется племенная знать, появляется особая прослойка воинов, усиливается роль военных столкновений (Нягань..., 1995. С. 15, 18).

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (ПОЗДНИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК)

Периодизация памятников эпохи средневековья или, как сейчас все чаще говорят, позднего железного века для Средней и Нижней Оби впервые была предложена в 1957 г. В.Н. Чернецовым (Чернецов, 1957. С. 136–245). Для ее создания он использовал материалы сборов с различных районов севера Западной Сибири. Несмотря на то, что им, в общем, верно была отражена тенденция культурного развития, однако малочисленность источников не позволила ему избежать ошибок и неточностей. Рост источниковой базы позволил в 1991 г. группе уральских археологов — Н.В. Федоровой, А.П. Зыкову, В.М. Морозову и Л.М. Тереховой — значительно скорректировать чернецовскую схему (Федорова и др., 1991. С. 126–145; Борзунов и др., 1992. С. 265–268; Зыков, Федорова, 1993. С. 65–66). По мнению этих исследователей, в пределах всей таежной зоны Западной Сибири население было объединено общностью культуры и исторического развития. Для этой общности ими было предложено название «обь-иртышская культурно-историческая общность». В рамках ее развития для позднего железного века они выделили пять последовательно сменяющих друг друга этапов. До настоящего времени предложенная ими периодизация культурного развития не подвергалась серьезной критике и не пересматривалась ни авторами, ни другими исследователями. Только в 1993 г. на XII Уральском археологическом совещании А.П. Зыков и Н.В. Федорова несколько по-иному представили хронологические рамки выделенных этапов (Зыков, Федорова, 1993. С. 65–66). В предложенной периодизации эти исследователи попытались уйти от понятия «археологическая культура». Однако большинство этих этапов четко разделены по археологическому материалу. То

есть в основу положена культурно-хронологическая классификация именно археологической культуры. При этом не наступает никакого противоречия между терминами «этап» и «археологическая культура» — первый отражает временной отрезок, а второй — его культурное своеобразие.

В предлагаемом обзоре мы будем, прежде всего, опираться на предложенную Н.В. Федоровой и ее коллегами схему, несколько скорректировав ее.

Карымский этап (археологическая культура), III—IV — начало VI вв. (карта 5; рис. 14) впервые с несколько иными датировками был выделен В.Н. Чернецовым. Хронология этапа была скорректирована по датировкам памятников с сосудами карымского типа в Нижнем Приобье: поселения Ипкуль XV, могильников Ипкульского и Козловского.

Наиболее яркие памятники: городища Барсов городок II/6, II/7, II/9, II/10, Кинтусовские 1.1, 3.2, 3.3, 4.1, Соросское V, X, XVII, XXXV, Сартым-урий 18; поселения Кучиминское I, Сартым-урий 17; ранняя группа погребений могильника Сайгатинский 6 (VI). К этому же периоду большинство исследователей относит коллекцию «Холмогорского клада» (Зыков, Федорова, 2001.).

Карымские городища в целом продолжают традицию заключительной стадии кулайской культуры (саровской). Наряду с «неупорядоченной», в них получает дальнейшее развитие уличная планировка. Городища с уличной планировкой, как правило, имеют почти прямоугольные площадки. Мощностные оборонительных сооружений становится меньше, перепады высот между рвами и валами редко превышают 1 м. На городищах Соросское V и XXXV в оборонительной системе имеются выступы в виде бастионов (возможно, места установки башен) — признак, характерный для культур раннего железного века. В отличие от городищ неукрепленные поселения не имеют четкой планировки, объекты располагаются на них без видимого порядка.

Изученные раскопками остатки построек этого времени в основном представляют собой углубленные в грунт на 0,2—0,3 м подпрямоугольные котлованы площадью около 40 кв. м, часто с углубленным коридорообразным входом в одной из торцевых стен и наземным очагом в центре. Такая конструкция построек, относимых большинством исследователей к жилим, остается доминирующей на протяжении почти всего средневековья.

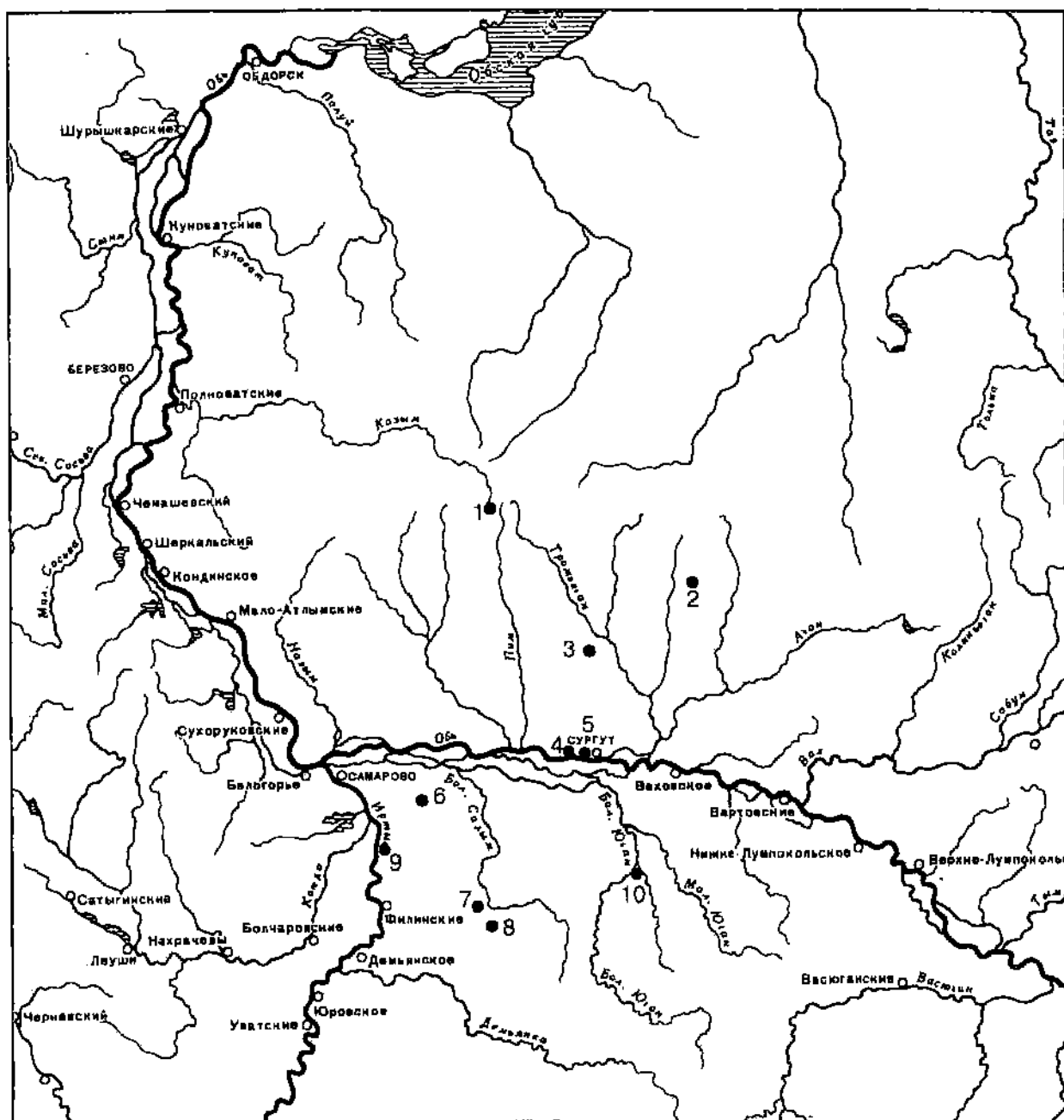
Погребения этого времени были выявлены на могильнике Сайгатинский 6 (VI). Сопровождающий инвентарь погребений очень ску-

ден. Обычно это фрагмент сосуда, нож и иногда точильный камень. Только в одном случае целый керамический сосуд был поставлен у головы погребенного. Наличие на могильнике группы захоронений другого времени (X—XI вв.) позволило достоверно отнести к карымскому этапу лишь 8 погребений. В целом об обряде можно сказать следующее: погребение совершалось по обряду труположения, умерший укладывался вытянуто, скорее всего, на спине в неглубокую прямоугольную яму, обычно головой на юго-запад.

Карымская посуда имеет много схожих черт с позднекулайской (саровской). Это круглодонные сосуды с хорошо выраженной шейкой, в верхней части которой нанесена цепочка округлых вдавлений, часто образующих «жемчужины» с внутренней стороны. Венчик сосуда, как правило, скошен внутрь, имеет профиль желобка и часто образует карнизик с внутренней стороны. Однако в целом сосуды становятся более изящными, черепок тоньше, утонченной становится их профилировка. Изменяется орнаментация: гребенчатый штамп имеет более мелкие зубья, кроме известных ранее «уточки» и «змейки» начинают применяться и другие фигурные штампы. Одним из индикаторных признаков керамических комплексов карымской культуры является использование при орнаментации различных модификаций ромбических штампов, самым распространенным из которых является ромб с четырьмя выпуклыми точками внутри. Горизонтальные орнаментальные зоны порой очень плотно заполнены оттисками таких штампов, расположенных в шахматном порядке или образующих треугольники. На сосудах, орнаментированных исключительно гребенчатым штампом, часто встречаются меандровые композиции. Особую нарядность посуде придают вертикальные или наклонные столбики (ленты) оттисков гребенчатого или волнистого штампа, которые спускаются вниз от плечиков до придонной части.

Особый интерес представляет немногочисленная категория сосудов, имеющих слабопрофилированную форму орнаментированных полосами многорядных желобков или/и налепных валиков («косичек»). Ближайшие аналогии этой керамике мы находим в материалах релкинской культуры — валиковая керамика, тип III по Л.А. Чиндиной (Чиндина, 1991. С.48—49). Похожие сосуды найдены в Восточной Сибири, где они датируются первой половиной 1 тысячелетия нашей эры. Следует отметить близость такой орнаментации декору бронзовых котлов гунно-сарматского времени.

Исходя из этого, О.Б. Беликова и Л.М. Плетнева высказали предположение, что «какие-то группы населения из Восточной Сибири» про-

Карта 5. Памятники карымского этапа (археологической культуры), III–IV – начало VI вв.

1 – Холмогорский клад; 2 – гор. Айка-Еган III; 3 – Городище Ермаково VIII; гор. Путчиурый III; гор. Русский Урий I, II, V, XIII; 4 – сел. Кучиминское I; мог. Сайгатинский VI; 5 – гор. Барсов городок II/6, II/7, II/9, II/10; сел. Барсова гора II/1, II/6; 6 – пос. Усть-Камчинское 2; 7 – Городища Кинтусовские 1.1, 3.1, 3.2, 4.1; пос. Кинтусовские 3.3, 5, 6, 7; 8 – гор. Соровские V, X, XVII, XXXV; 9 – гор. Гришкино I; 10 – сел. Сартым-урий 17, гор. Сартым-урий 18.

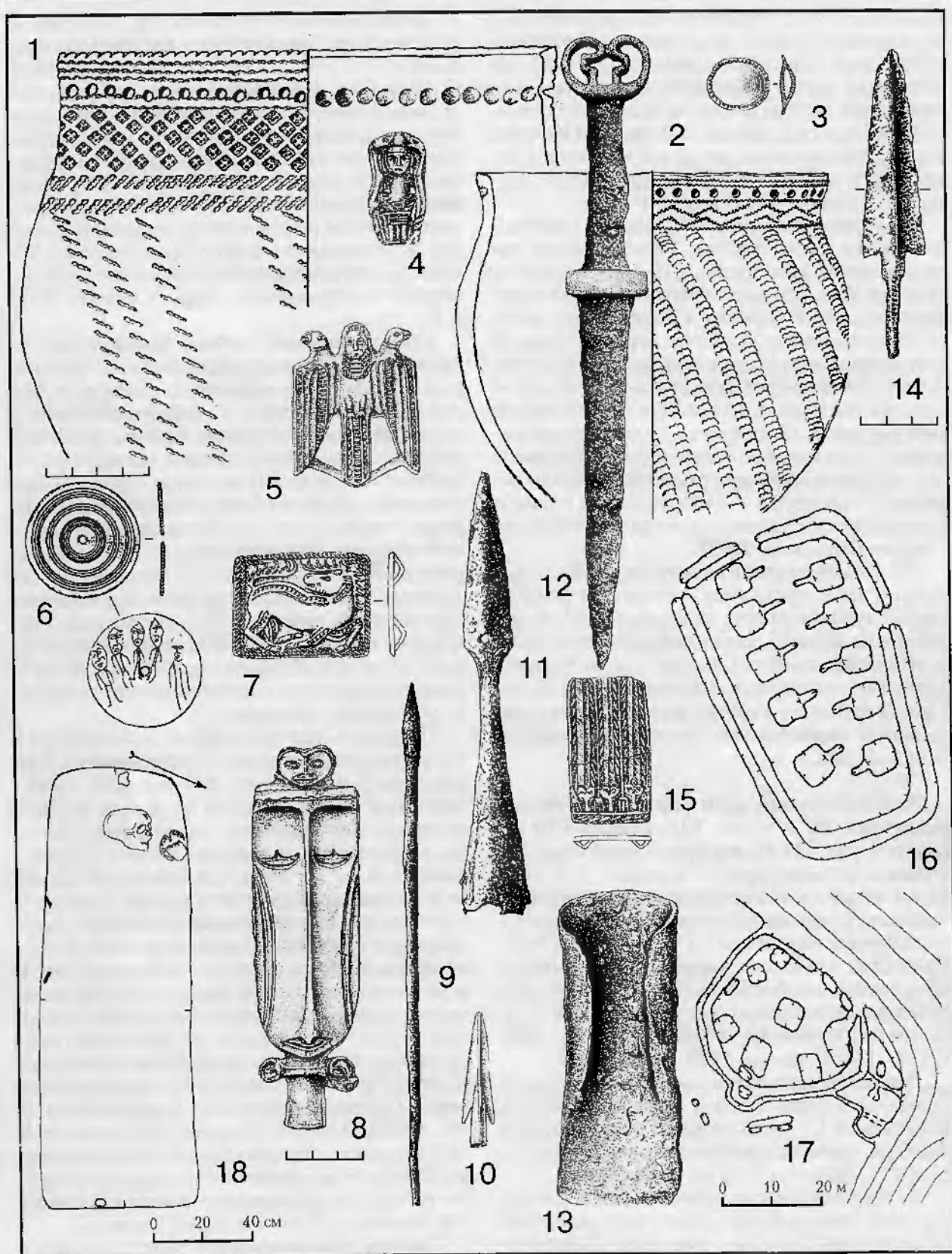

Рис. 14. Средневековье. Карымский этап (археологическая культура), II–IV – начало VI вв. 1 – гор. Барсов городок II/6; 2 – пос. Усть-Камчинское 2; 3–14 Холмогорский клад; 15 – гор. Сартым-урий 18; 16 – гор. Соровское XVII; 17 – гор. Соровское XXXV; 18 – мог. Сайгатинский VI; (1–2 – керамика; 3–8, 10, 15 – бронза; 9, 11, 13, 14 – железо, 12 – железо, бронза)

никали на Обь, вступая во взаимодействие с населением Томско-Нарымского Приобья» (Беликова, Плетнева, 1983. С.118–123). Не исключая такую возможность, отметим, что отдельные сосуды могли попадать из Восточной Сибири на Среднюю и Нижнюю Обь и без каких-либо крупных миграций населения, например, в результате браков, товарного обмена и иных культурных контактов.

С территории Среднего Приобья происходит не так много находок металлических изделий карымского времени. Наиболее представительной коллекцией, которую большинство исследователей относят к этому этапу, является так называемый «Холмогорский клад». В нем были обнаружены очень разнотипные изделия. Это и предметы вооружения: наконечники копий и стрел, кинжалы, однолезвийный меч; предметы, скорее всего, культового назначения: бронзовые личины-идолы, бляшки с зоо-антропоморфными сюжетами; детали ременной гарнитуры с изображением оленя и всадников; стеклянные бусы; бронзовый котел (Зыков, Федорова, 2001).

На то, что изменения в культуре были довольно значительными, что они затронули очень глубокие сферы, указывает и то, что изменились приемы металлообработки и инструментарий, с ней связанный. Так, на карымских памятниках вместо плоских тиглей, характерных для всего раннего железного века, появляются рюмковидные, которые бытовали до начала II тыс. н. э.

Зеленогорский этап (археологическая культура), VI — конец VII—начало VIII вв. (карта 6; рис. 15). В свое время по материалам стоянки Зеленая горка у Салехарда В.Н. Чернецов выделил зеленогорскую культуру и датировал ее ранним железным веком, «доуступолуйским периодом» (Чернецов, 1949). Уральские археологи кардинально изменили представления об этом типе памятников, убедительно датировав их третьей четвертью I тысячелетия нашей эры (Федорова и др., 1991. С.133–135; Морозов, 1993. С.102–109).

Два памятника зеленогорской культуры — городище Барсов городок II/15 и могильник Барсовский V — дали хорошо датирующиеся находки, время бытования которых определяется VI — началом VIII вв. нашей эры.

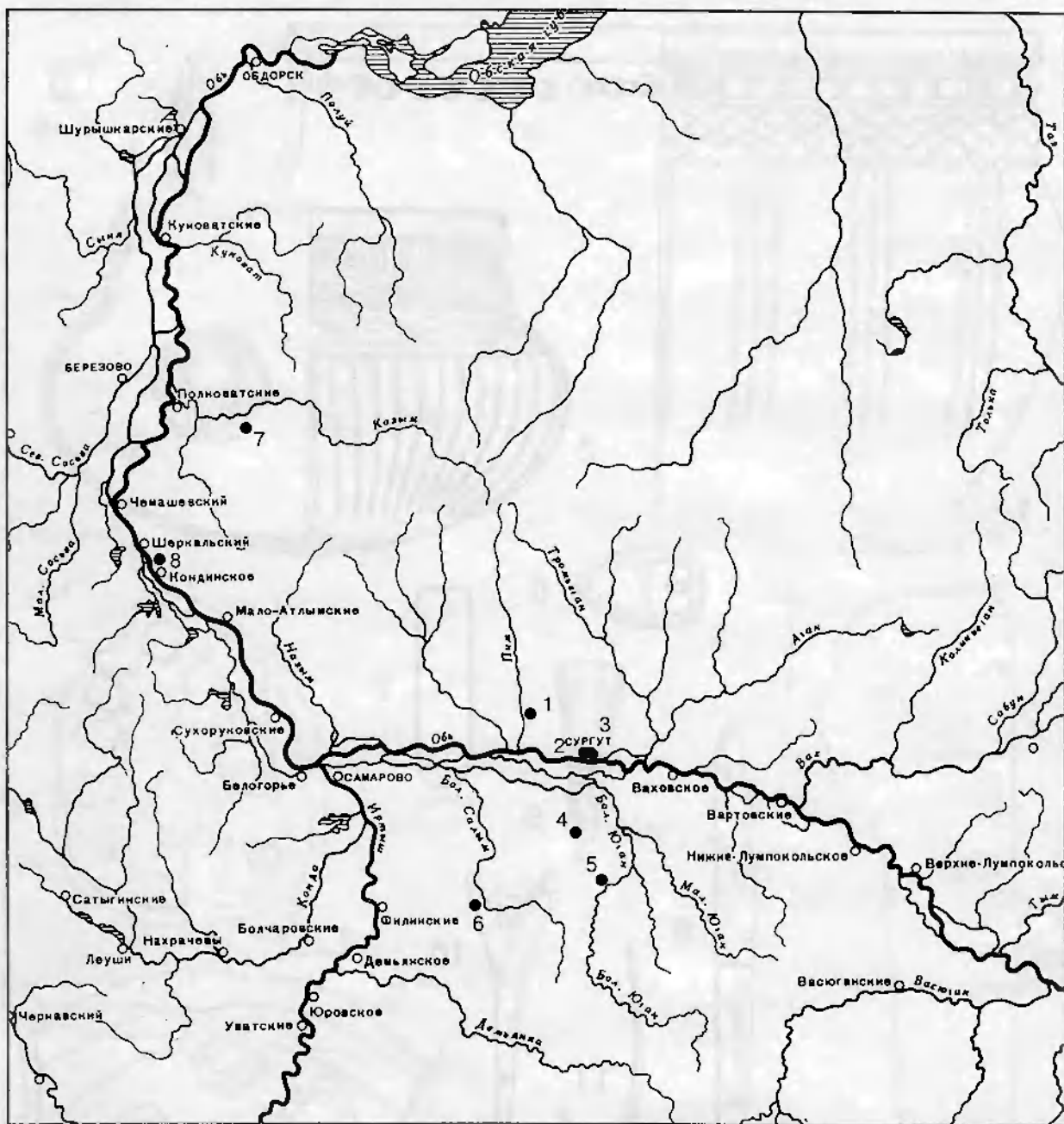
На территории нынешнего расселения хантов памятники зеленогорского типа выявлены в Сургутском Приобье — городища Барсов городок II/1, II/8, II/11, II/12, II/13, II/15, Сургутское I, Барсовский V могильник; на Салыме — городище Кинтусовское 2.1; на Нижней Оби — городища Низямы III, IV, V, Товгор-Лор, Каксинская Гора I и др.

Зеленогорские укрепления по размерам не уступают предшествующим карымским, площадь их от 1180 до 3500 кв. м (Морозов, 1993. С. 104). В их планировке также наблюдается разнообразие. Встречаются прямоугольные городища, застроенные двумя рядами жилищ, обращенных входами друг к другу — городище Барсов городок II/1. Известны круглые или овальные площадки, объекты на которых расположены по периметру: городища Низямы IV, Каксинская Гора I, Кинтусовское 2.1. Нередко встречаются городища с «неупорядоченной планировкой» — Барсов городок II/13 и II/15.

Оборонительная система большинства зеленогорских городищ аналогична карымским: рвы и валы также выражены слабо и скорее явились результатом подсыпки основания стен, а не несли специальной оборонительной функции. Заметным отличием является отсутствие в зеленогорской культуре городищ с выступами в обороне (бастионами) и появление укреплений с несколько более сложной системой обороны. Так, 4 жилища на площадке городища Барсов городок II/5 отделены от остальных дополнительным рвом, аналогичная ситуация и на городище Каксинская гора. Раскопками изучено около 20 построек зеленогорской культуры. Жилища в основном аналогичны карымским, но отличаются от них несколько большими размерами.

Погребальные комплексы зеленогорской культуры представлены 17 погребениями Барсовского V могильника. Все они были ориентированы по линии СЗ-ЮВ, имели в плане овальную или трапециевидную форму, размеры, видимо, обуславливались ростом погребенного, глубина могил не превышала 30 см. По отдельным сохранившимся костям было установлено, что все погребения одиночные, умершие были уложены головой на юго-восток. Сопровождающий инвентарь немногочислен. В могилах находились фрагменты сосудов, сильно корродированные железные предметы, в одном случае — медное кольцо. Большинство из найденных предметов находилось в межмогильном пространстве, практически на поверхности земли. Одновременность их с погребениями сомнений не вызывает. Видимо, они были связаны с какими-то обрядовыми действиями во время похорон или поминок. Возможно, эти предметы являлись прикладами божествам или духам того мира, куда «уходили» умершие.

Сосуды зеленогорского типа по форме и орнаментальным композициям близки карымским. Некоторые отличия наблюдаются в оформлении венчика, появляются приотстренные профили, образующие козырек с внутренней и/или внешней стороны; часто встречаются

Карта 6. Памятники зеленогорского этапа (археологической культуры), VI — конец VII — начало VIII вв.

1 — гор. Атымлор I, 2 — гор. Барсов городок II/1, II/2, II/5, II/8, II/7 II/11, II/12, II/13, II/15; сел. Барсова гора II/9, II/22, II/23, III/70; мог. Барсовский V; 3 — гор. Сургутское I; 4 — пос. Пучипега 1; 5 — гор. Когончинское; гор. Кунишин-ко-вэнту; 6 — гор. Кинтусовское 2.1; 7 — гор. Каксинская гора I, Товгор-Лор II; 8 — гор. Низямы III, IV, V.

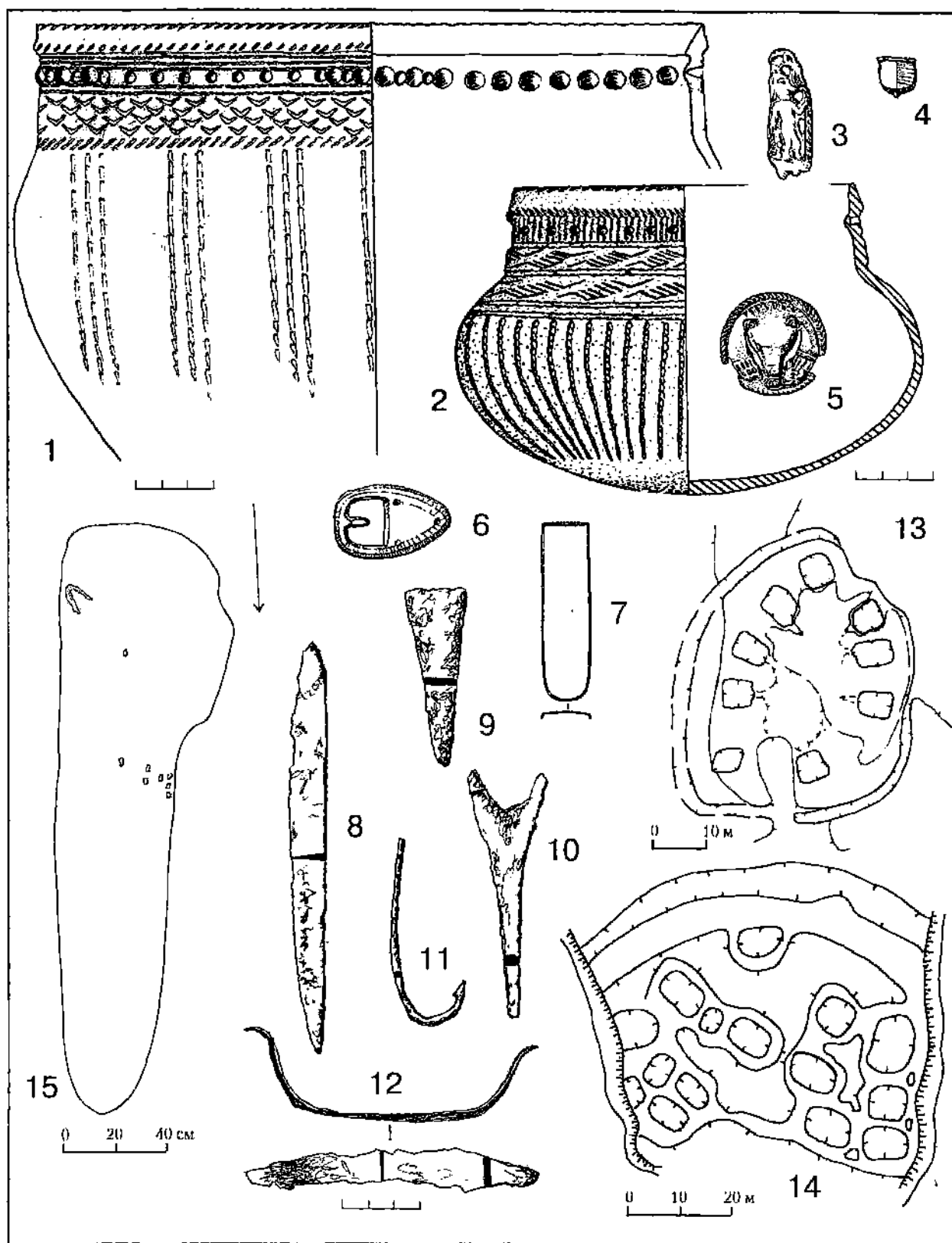

Рис. 15. Средневековье. Зеленогорский этап (археологическая культура), VI – конец VII – начало VIII вв. 1 – гор. Барсов городок II/7; 2 – 12, 15 – мог. Барсовский V; 13 – гор. Кинтусовское 2.1; 14 – гор. Барсов городок II/13; (1–2 – керамика; 3–7 – бронза; 8–12 – железо).

ся налепные венчики. В орнаменте определяющими становятся различные вариации углового и мелкого крестового штампов, тонкие горизонтальные желобки, иногда сгруппированные по несколько штук. В комплексах продолжает встречаться посуда, декорированная желобками и/или валиками.

Близкие аналоги зеленогорским сосудам есть в материалах памятников, относимых к потчевашской археологической культуре Среднего Прииртышья (Чагаева, 1970. С. 227–237; Арамов, 2000. С. 44–50).

Кучиминский этап (археологическая культура), конец VII – начало VIII – конец IX – начало X вв. (карта 6; рис. 16). Впервые был выделен Н.В. Федоровой и ее коллегами (Федорова и др., 1991. С. 135–137. Рис. 2), назван по наиболее полно исследованному памятнику – Кучиминскому V городищу в урочище Сайгатино. В.Н. Чернецов рассматривал подобные материалы в рамках кинтусовского этапа нижнеобской культуры.

В отличие от предыдущих, памятники этого этапа хорошо датированы ранними группами погребений Сайгатинского III и Барсовского I (Барсов городок) могильников, предметы из которых находят близкие аналогии в материалах ломоватовской и неволинской культур, в городах Согда. Верхняя дата – конец IX – начало X вв. – хорошо определяется по вожпайским погребениям, которые были устроены на руинах городища Кучиминское V.

Наиболее крупные комплексы памятников кучиминской культуры открыты на Барсовой горе, в урочище Сайгатино, в окрестностях Соровского озера, возле юрт Ермаковых на Тромъегане.

Можно только догадываться, какие социально-политические перемены происходили в этот период. Происходит быстрое изменение фортификационной традиции. Оборонительная система становится значительно мощнее, хотя городища в среднем лишь ненамного увеличиваются по площади. Перепад высот между дном рва и вершиной вала достигает порой 2 и более метров. Развитие оборонительных систем приводит к тому, что часто площадка городища окружается двумя и даже тремя линиями обороны. Иногда две – три укрепленные площадки имеют общую линию обороны. Уличная планировка городищ в кучиминское время становится доминирующей и достигает совершенства. Площадки таких городищ имеют прямоугольную форму. Вдоль их длинных сторон находятся остатки 2–8 углубленных построек. Входные коридоры жилищ выходят на центральную улицу, которая делит площадку практически на две симметричные полови-

ны. Конструкция построек практически не изменяется в сравнении с предшествующим этапом, но они становятся больше.

К кучиминской археологической культуре отнесены ранние группы погребений Барсовского I (Барсов городок) и Сайгатинского III могильников, всего около ста могил. Они чаще располагались изогнутыми в виде дуги рядами. Большинство из них ориентировались так, что умершие, уложенные на спину, лежали головой в южном направлении с отклонением к ЮВ или ЮЗ. В единичных случаях встречается противоположная ориентация костяков, что, возможно, связано со статусом погребенного, его социальным положением, обстоятельствами смерти или принадлежностью к иному коллективу с другим погребальным обрядом.

Плохая сохранность материала не позволяет судить в полной мере о конструкции внутримогильных сооружений. Иногда при раскопках удавалось проследить, что погребенный был завернут в мех, а затем в бересту. В нескольких младенческих погребениях были зафиксированы остатки деревянного (долбленого?) гроба, возможно, его роль выполняла деревянная люлька. В одном случае младенец был погребен в берестяной люльке.

Большинство погребений одиночные, реже встречаются погребения двух взрослых или двух детей. На могильнике Барсовском I было вскрыто три групповых погребения, в которых находилось 4, 5 и 7 костяков. Погребенные обычно были уложены вытянуто на спине, с вытянутыми вдоль тела руками, иногда они были слегка сведены к тазу. В трех случаях было зафиксировано преднамеренное разрушение костяков – кости, в том числе и череп, лежали компактной кучей в центре ямы (не исключена возможность того, что это результат более позднего грабежа могил).

На Сайгатинском III могильнике была вскрыта могильная яма, на дне которой находилась антропоморфная фигура в рост чело века, изготовленная из прутьев. Погребение подобных изображений – «заместителей умерших», в которые вселялись их души ('вирс-курр' – юг. хант.) еще недавно можно было наблюдать у хантов Большого Югана.

Для кучиминской культуры характерна традиция погребения кукол высотой 20–30 см, имеющих каркас из прутьев, обшитых мехом и набитых мхом или травой. К головной части во всех случаях были приложены бронзовые или деревянные личины, обращенные внутрь кукол. Можно предположить, что первоначально личины были прикреплены к ним лицевой стороной наружу, а зафиксированное положение было придано им при погребении и, вероятно, символизировало смерть. Эти куклы со-

1 — пос. Перегребное II, IV; 2 — пос. Амтуньных 2; 3 — гор. Лархны 16; пос. Лархны 17; 4 — гор. Егоркин Урий I, II; гор. Ермаково I, II, VI, VII; сел. Ермаково XI A; 5 — гор. Атым-Лор II; 6 — мог. Сайгагинский III; гор. Кучиминское V, XI, XIV; сел. Кучиминское IV; 7 — мог. Барсовский I; гор. Барсов городок I/21, I/25, II/2, II/3, II/4, II/5; сел. Барсова гора II/2, II/8, II/11, II/36; 8 — гор. Ульт-Ягун 1, пос. Ульт-Ягун 2; 9 — пос. Лемтино 1; 10 — гор. Ай-ягунское I; 11 — гор. Когончинское; гор. Кунишин-ко-вэнту; 12 — пос. Мамонтово IV; 13 — пос. Ай-ега 1; 14 — гор. Соровское XVI, XXVIII, XXV, XXVI, XXVII; 15 — пос. Усть-Хоттахтыега 3; 16 — гор. Нялинское II, пос. Нялинское IV.

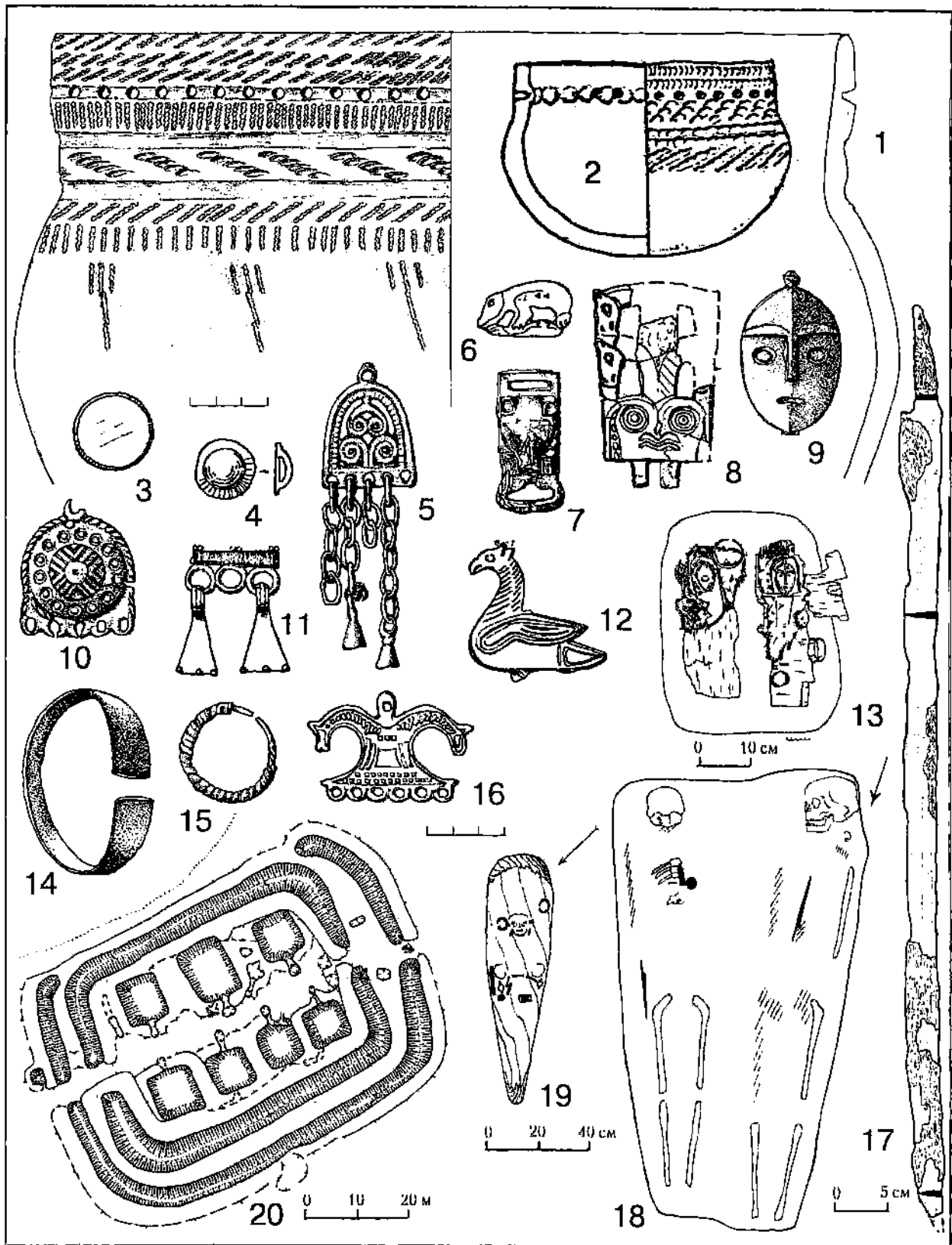

Рис. 16. Средневековье. Кучиминский этап (археологическая культура), конец VII – начало VIII вв. – конец IX – начало X вв. 1 – гор. Барсов городок II/3; 2, 3, 5, 9, 12, 18, 19 – мог. Барсов городок; 4, 6–8, 11, 13 – 17 – мог. Сайгатинский III; 20 – гор. Соровское 25 (XXVI); (1, 2 – керамика; 3 – серебро; 4–12, 14–16 – бронза; 17 – железо).

проводились медными и бронзовыми украшениями, часто к головной части были прикреплены пряди волос. Описанные комплексы либо погребались отдельно, в междоусобном пространстве или на «особом» месте, либо подзахоранивались к погребению женщин. Наиболее близкой аналогией этому является широко распространенная среди сибирских народов традиция изготовления изображений умерших (например, 'итарма' и 'шонгот' у ненцев и некоторых групп северных хантов). Однако отметим, что несмотря на свою распространенность в Сибири, эта традиция не зафиксирована ни у южных, ни у восточных хантов.

Инвентарь погребений представлен в основном металлическими изделиями: бронзовые детали поясной гарнитуры, шумящие подвески, браслеты, височные кольца, накладки из серебряной фольги, бронзовые изделия с зооморфным и антропоморфным декором. В этих группах сосуды встречаются только в нескольких самых поздних погребениях IX в. Погребальная керамика аналогична материалу наиболее поздних кучиминских городищ. Также в погребениях практически не встречаются наконечники стрел. Ножи — самая распространенная находка. В нескольких погребениях в ноги умерших были положены камни. Часто встречаются остатки лицевых покрытий-масок — куски меха или кожи, закрывавшие лицо, с пришитыми на месте глаз, а иногда еще носа и рта металлическими накладками. В целом инвентаря в погребениях становится больше, по сравнению с предыдущими периодами он становится разнообразнее.

В междоусобном пространстве так же, как и на могильниках предыдущего этапа были найдены бронзовые украшения, наконечники стрел, сабли и т.п., видимо, связанные с погребальным обрядовым комплексом.

Необходимо отметить разнородный расовый состав умерших. Есть случаи, когда в одном групповом погребении были погребены люди уральского и европеоидного облика (предварительные определения В.А. Дремова). Это свидетельствует о сложных этнических процессах в регионе, связанных, скорее всего, с миграцией крупных групп населения. Следует также отметить, что большинство сохранившихся черепов взрослых имели следы прижизненной трепанации — овальные отверстия на теменных костях, иногда полностью заросшие. Подобный тип трепанации известен в Приуралье в IV—VI вв. н.э., например, в Бродовском могильнике, что также говорит в пользу подвижек населения.

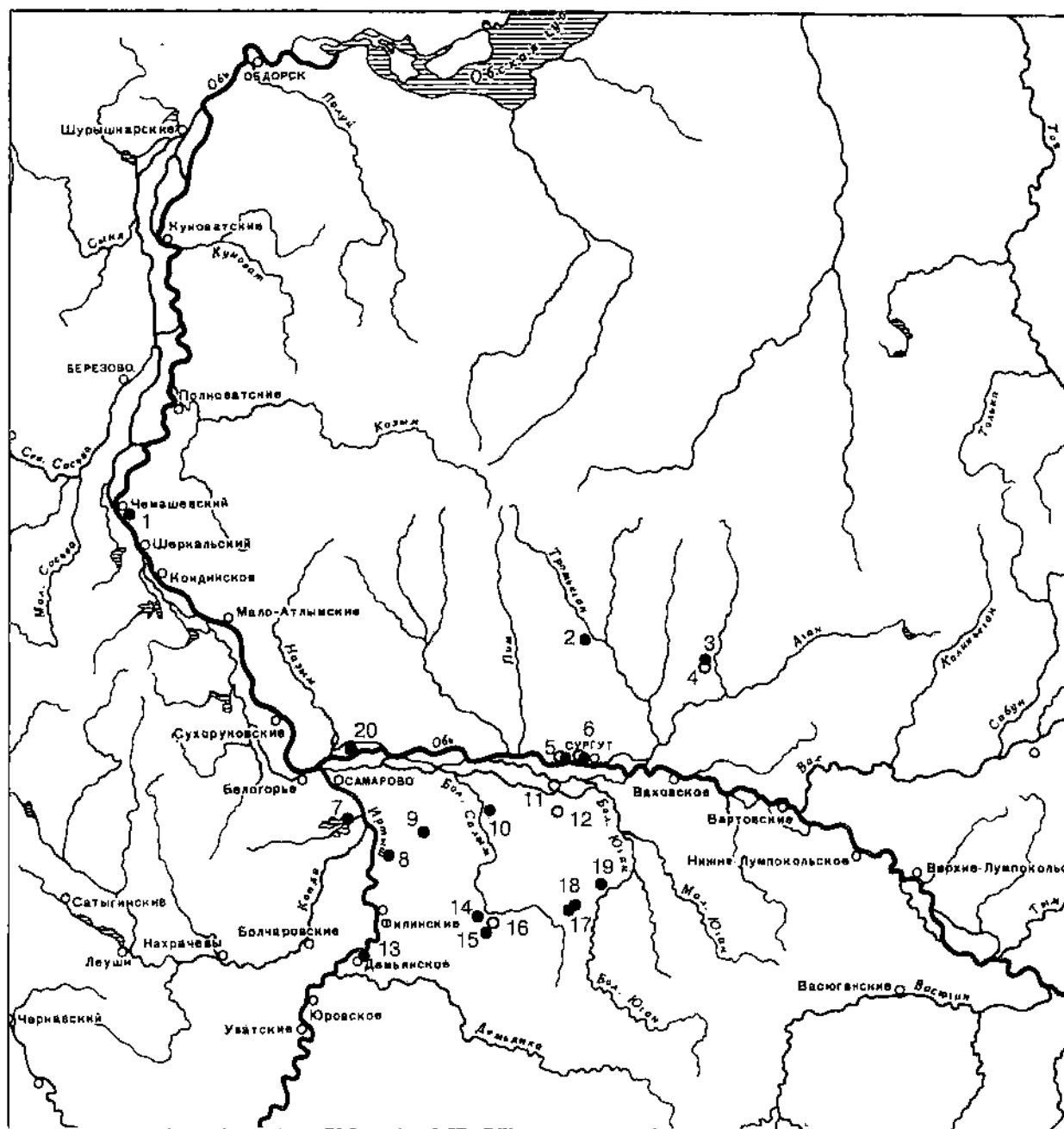
Кучиминские сосуды имеют много схожих черт с керамикой карымского и зеленогорского этапов, но отличаются от них большей мас-

сивностью. В профилировке и орнаментации отсутствует присущая предыдущим этапам вычурность. Набор используемых штампов становится беднее, кроме плоской лопаточки и «гребенки» другие штампы встречаются крайне редко. Композиции орнамента очень стандартны — это, как правило, ряды наклонных или вертикальных оттисков штампов, заключенные между желобками. Характерной становится зона, заполненная наклонными столбиками, которые выполнялись отступающим штампом. Практически идентичной кучиминской представляется наиболее поздняя группа керамики потчевашской культуры Среднего Прииртышья (Финно-угры и балты..., 1987. С. 183—193).

С завершением кучиминского этапа связано широкое распространение на Средней Оби литых бронзовых изделий так называемого «обского стиля». Есть все основания предполагать, что этот стиль зарождается на Урале или/и в Приуралье, так как находки наиболее ранних предметов IV—VI вв. н.э. локализируются именно в этом регионе (Городцов, 1937; Голдина, Водолаго, 1990): В IX—XI вв. он стал доминирующим на обширной территории Урала и Западной Сибири. Бронзовые рукояти ножей и кинжалов обычно украшались фигуркой хищной птицы, зайца или других животных. Встречаются ажурные пряжки, на щитке которых изображалось животное (чаще медведь) или его голова, иногда композиция состояла из нескольких фигур. Наиболее распространенной категорией были полые подвески в виде фигур различных животных и птиц, а также пластинчатые браслеты, на концах которых орнамент обычно завершался головами медведей между лапами.

По всей видимости, война на кучиминском этапе становится одним из наиболее значимых элементов в жизни общества. На войну начинает уходить значительная часть материальных и трудовых ресурсов, например, возведение мощных земляных оборонительных сооружений. Справедливо предположить, что в этот период выделяется сословие воинов, происходит укрепление военно-потестарной системы.

Загадкой остается причина резкого прекращения функционирования кучиминских городищ в конце IX — начале X в. Можно допустить, что сложившаяся система, в отличие от цивилизации, опиралась скорее на личностные императивы и не была способна создавать устойчивые долговременные социальные институты. «Внезапное падение с высот всесиления в трясину разброда — обычная судьба варварской власти» (Тойнби, 1991. С. 553). Не исключено также, что причиной перемен было вторжение иной этнической группы. На это также

Карта 8. Памятники волжской археологической культуры, конец IX – X вв. (○), и кинтусовского этапа (археологической культуры), X – конец XI – первая половина XII вв. (●).

1 – пос. Перегребное 2; 2 – гор. Ермаково I, II, VI, XI; сел. Ермаково 14; 3 – пос. Имнъеган 2, 3; 4 – пос. Имнъеган 1, 2; 5 – мог. Сайгатинский I, VI; гор. Кучиминское IX; 6 – гор. Барсов городок I/31, I/32; сел. Барсова гора II/14, II/17; мог. Барсов городок (Барсовский I); 7 – гор. Стариков Мыс; 8 – гор. Гришкино II; 9 – пос. Совкунины Зимние; городище Вошин-Мыттын; 10 – гор. Мулнашево 2; гор. Мулнашево 3; 11 – мог. Усть-Балык; 12 – пос. Тывъега 2; 13 – Рачевский археологический комплекс; 14 – мог. Кинтусовский (4, 3); 15 – гор. Соровское XV; пос. Соровское XI; 16 – пос. Куим-тор; 17 – гор. Тапатъега 12; 18 – пос. Пунси 1, Каюково 8, 9; 19 – гор. Кулунизы; 20 – гор. Нялинское I и II.

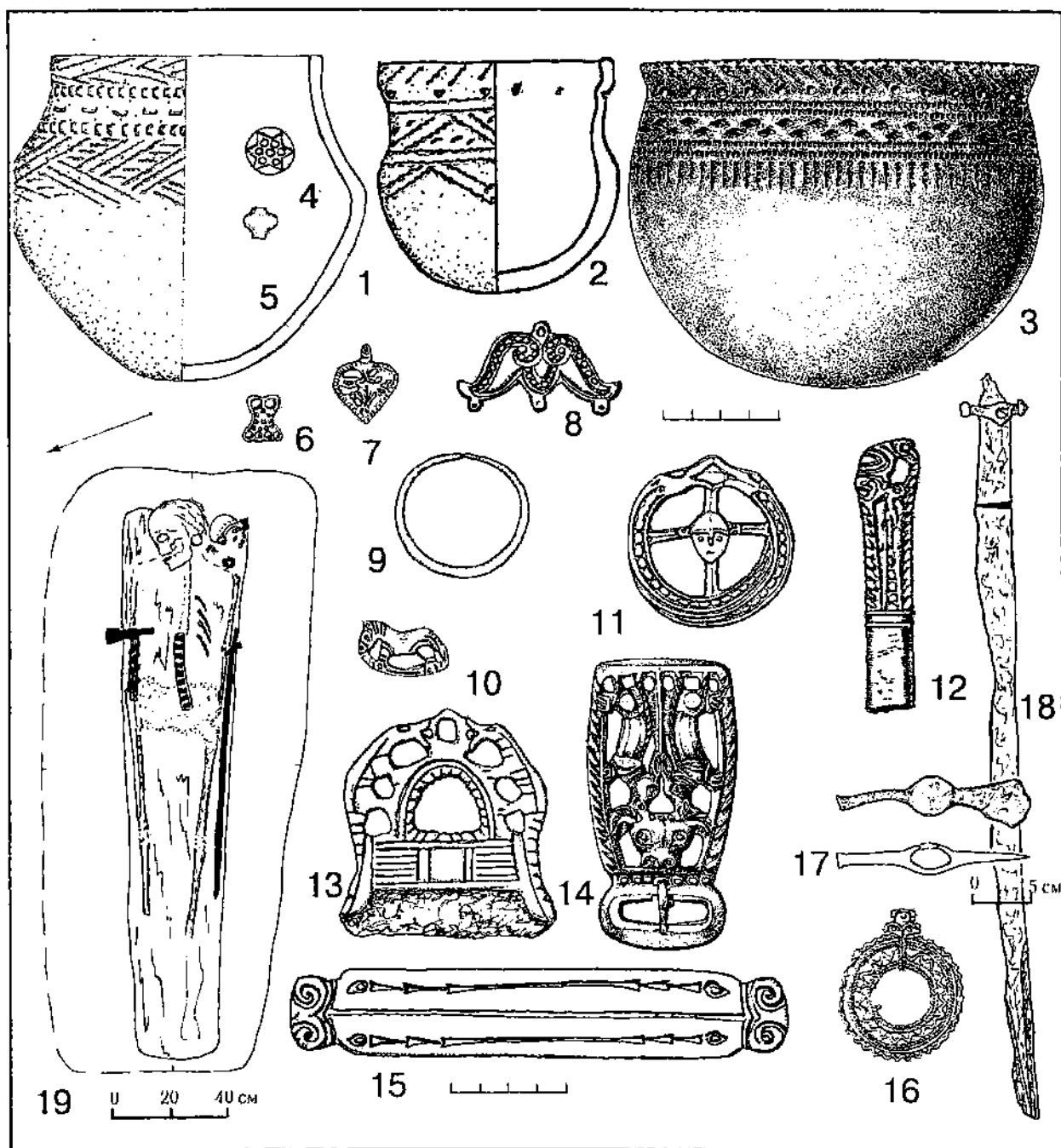

Рис. 17. Средневековье. Вожайская археологическая культура, конец IX—X вв. 1, 2, 11 — мог. Барсов городок; 4, 7, 14, 16—19 — мог. Сайгатинский I; 8—10, 12, 13, 15 — мог. Сайгатинский III; (1—3 — керамика; 4, 5, 7—12, 14—16 — бронза; 13 — бронза, железо; 17, 18 — железо).

указывает появление новой гончарной традиции. Памятники с сосудами этого типа были объединены Л.П. Хлобыстиным в вожпайскую археологическую культуру.

Вожпайская археологическая культура, конец IX — X вв. (карта 8; рис. 17.) По материалам городища Вож-Пай и могильника Барсов городок В.Н. Чернецов выделил вожпайский тип керамических сосудов, отнеся его к оронтурскому этапу развития материальной культуры Нижнего и Среднего Приобья и датировав ее концом VIII—IX вв. (Чернецов, 1957. С. 197—200). В 1972—1973 гг. Л.П. Хлобыстин в западной части Таймыра исследовал стоянку Дюна III с «чистым» вожпайским керамическим комплексом. Радиоуглеродным датированием была установлена дата этой стоянки — рубеж IX—X вв. (900±50 г. н. э.). Обобщив все известные тогда комплексы с вожпайским типом керамических сосудов, Л.П. Хлобыстин выделил на Севере Западной Сибири «локальную культуру», связав ее с самодийским этносом (Хлобыстин, 1982; Хлобыстин, 1993. С. 19—27). Н.В. Федоровой и ее коллегами комплексы с сосудами вожпайского стиля были отнесены к началу кинтусовского этапа и датированы концом IX — X вв. (Федорова и др., 1991. С. 137—139). Отметим, что этническая интерпретация, предложенная Л.П. Хлобыстиным, довольно спорна. Нет достаточно веских оснований, чтобы связывать вожпайскую культуру с каким-либо современным этносом.

Керамика вожпайского типа распространена на широкой территории. Она встречается на многих многослойных средневековых памятниках. Однако «чистые» вожпайские комплексы встречаются довольно редко. К ним можно отнести селища Имнъеган 1, 2, Тыв-ега 2, селище на озере Куимтор, могильник Усть-Балык. До сих пор не известно ни одного вожпайского укрепленного поселения (на городище Вож-Пай укрепления, скорее всего, датируются более поздним временем).

Установлено, что «жизнь» этого культурного явления была недолгой и вряд ли превышала 70 лет. Пока не ясно, где конкретно произошло формирование этой культуры и кто были ее носители. В имеющихся материалах могильников довольно много свидетельств хронологической последовательности кучиминской, вожпайской и кинтусовской культур. Особенно показательны материалы погребально-культового комплекса могильник/святилище Сайгатинский I и могильника Усть-Балык, на которых эта последовательность зафиксирована стратиграфически. Однако эти материалы не позволяют исключать то, что вожпайская культура сосуществовала какое-то время с

кинтусовской. Поэтому пока рано говорить о выделении «вожпайского этапа».

Вожпайская посуда украшена на шейках лентами наклонных полос, ромбами, взаимопроникающими треугольниками, заштрихованной елочкой. В нижней части орнаментальная зона часто завершается «бахромой». Орнамент выполнялся в основном гребенчатым штампом.

Наиболее примечательным памятником этой культуры является ранняя группа погребений могильника Усть-Балык. До сих пор она остается самым представительным и информативным из всех известных датированных комплексов с вожпайским типом сосудов. Благодаря ей и наиболее ранним погребениям Сайгатинского I могильника мы получили представление о погребальном обряде того времени. Чаще умершие укладывались на дно неглубокой могильной ямы вытянуто на спине. У головы ставился маленький сосуд, специально сделанный для этого случая. Остальной инвентарь обычно представлен железным ножом и одним-двумя бронзовыми украшениями (часто зооморфными). Примечательно, что среди вещей, сопровождавших покойного, как и в кучиминских погребениях, наконечники стрел встречались крайне редко, тогда как в погребениях последующих периодов они являются одной из самых частых находок.

Новое культурное явление оказалось неустойчивым, и вскоре, по-видимому в X веке, происходит новая смена культуры. В керамическом производстве это проявилось в формировании новой традиции, сочетавшей в себе вожпайские и кучиминские черты.

Кинтусовский этап (археологическая культура), X — конец XI — первая половина XII вв. (карта 7; рис. 18), был выделен В.Н. Чернецовым и назван так по Кинтусовскому могильнику.

Наиболее известными памятниками кинтусовской культуры являются городища Барсов городок I/31—32, Кучиминское IX, Ермаково XI, Соровское XXXII, Тапатъега 2 и 12, Вандрасовское 1, Вошин-мыттын; поселения Перегребное 2, Барсова гора II/14, могильники Сайгатинские I, VI, Барсовский I, Кинтусовский (4.3); святилище на Кинтусовском V городище.

В этот период городища обычно располагались на высоких мысовидных выступах коренных террас. От кучиминских они отличались меньшими размерами при довольно мощной системе обороны (ширина рвов в среднем 4,6 м, глубина — 2,5 м, высота валов — 0,8 м). Кинтусовские поселения характеризуются насыщенностью и большой мощностью культурного слоя. На городищах находилось от 1 до 8 пост-

роек. Изменилась их планировка, на смену уличной пришла застройка, в которой на современный взгляд особого порядка и закономерности не прослеживается.

В конструкции жилищ особых изменений не фиксируется. Остатки их представляют собой неглубокие подпрямоугольные котлованы с коридорообразными выходами. В центре или у противоположных от входа стен находились наземные очаги.

Могилиники кинтусовской культуры грунтовые, могилы на них расположены компактными группами. Погребения иногда образуют ряды. В целом же в их расположении и ориентировке закономерности не прослеживаются.

Овальные или прямоугольные могильные ямы имели вертикальные или слегка наклонные стенки. Характерной чертой является наличие от одной до трех пар ниш, служивших, видимо, для крепления поперечин перекрытия. Внутримогильные конструкции разнообразны, чаще всего фиксируется обкладка стенок и дна досками, реже — колоды и лодки (берестяные и долбленки) с обрезанной кормой (носом). Нередко умерший был завернут лишь в мех и бересту.

Основным способом погребения было трупоположение, в трех случаях зафиксированы следы, которые можно интерпретировать как кремацию. Преобладают одиночные погребения, но есть и парные захоронения взрослых или женщин с детьми. Обычно умерший был уложен вытянуто на спине, руки вдоль тела или слегка сведены к тазу. Выявлено два «сидячих» погребения и одно — скорченное, на спине.

Часто встречается подзахоронение к основному погребению отдельных костей скелета — верхней части черепа, реже одной из длинных костей скелета. Зафиксирован один случай двухъярусного погребения.

Самую многочисленную категорию в сопровождающем инвентаре составляют керамические сосуды. Иногда сосуды находились несколько выше дна, в засыпке. Видимо, изначально они стояли на перекрытии погребальной камеры, при этом они ставились вверх дном. Кроме железных ножей одну из самых многочисленных категорий составляют наконечники стрел. Умершие сопровождалась бронзовыми и серебряными украшениями: бусами, пронизками, различными подвесками. Наиболее яркими являются предметы бронзовой зооморфной пластики: пронизки, полые и плоские подвески, пряжки, браслеты, рукояти ножей и кресал. В нескольких случаях находки накладок в глазницах позволяют предполагать использование в обряде погребальных масок.

Стандартностью набора предметов выделяются погребения воинов. В них, как правило,

находят два набора наконечников стрел, лежащих с двух сторон на уровне коленных суставов; оружие — сабля, топор или копье; нож, иногда с бронзовой рукоятью. Непременным атрибутом являются височные кольца. На уровне пояса или немного ниже находятся воинские пояса или предметы зооморфного литья. В некоторых случаях зафиксировано, что последние находились в кожаных мешочках.

На площади могильников кинтусовской культуры фиксируются остатки обрядовых комплексов. В одном случае крупное святилище примыкало непосредственно к могильнику (Сайгатинские I). Оно было расположено на более древнем Кучиминском V городище и состояло из скопления кострищ и жертвенных ям. Наиболее интересный объект — остатки наземной прямоугольной бревенчатой постройки с жертвенным кострищем. Она перекрывала два погребения, после пожара остатки постройки были перерезаны третьим погребением. Датировка святилища определяется находками — X—XV вв.

Керамика, происходящая из надежно датированных комплексов поселений и могильников, позволяет рассмотреть хронологические изменения в орнаментации кинтусовских сосудов. В погребениях встречаются в основном сосуды небольшого размера. Следы длительного использования, фиксируемые на многих из них, не позволяют отнести их к специальной погребальной посуде. Скорее всего, это посуда индивидуального пользования.

В основном кинтусовские сосуды представлены горшками с округлым, иногда приостренным дном. Реже встречаются емкости чашевидных и ладьевидных форм. Венчик уплощенный или приостренный; на шейке, выше ямочно-жемчужной зоны, часто встречается валик.

В орнаментации кинтусовской посуды нашли отражение кучиминские и вожпайские черты. В целом ее стиль ближе к кучиминской, но очень часто присутствует полоса «взаимопроникающих треугольников», характерная для вожпайских сосудов.

Вещевой инвентарь кинтусовских памятников широк и разнообразен. Предметы вооружения представлены наконечниками стрел, боевыми ножами, прямыми и изогнутыми саблями, топорами, наконечниками копий, фрагментами кольчужных и пластинчатых доспехов. Кроме предметов зооморфного обского стиля среди украшений встречаются разнообразные подвески, бубенцы, серьги, височные кольца. Аналогии многим из них можно найти в материалах Новгорода, родановской и вымской культур. Распространение получают также серебряные изделия, выполненные в технике филигрании и

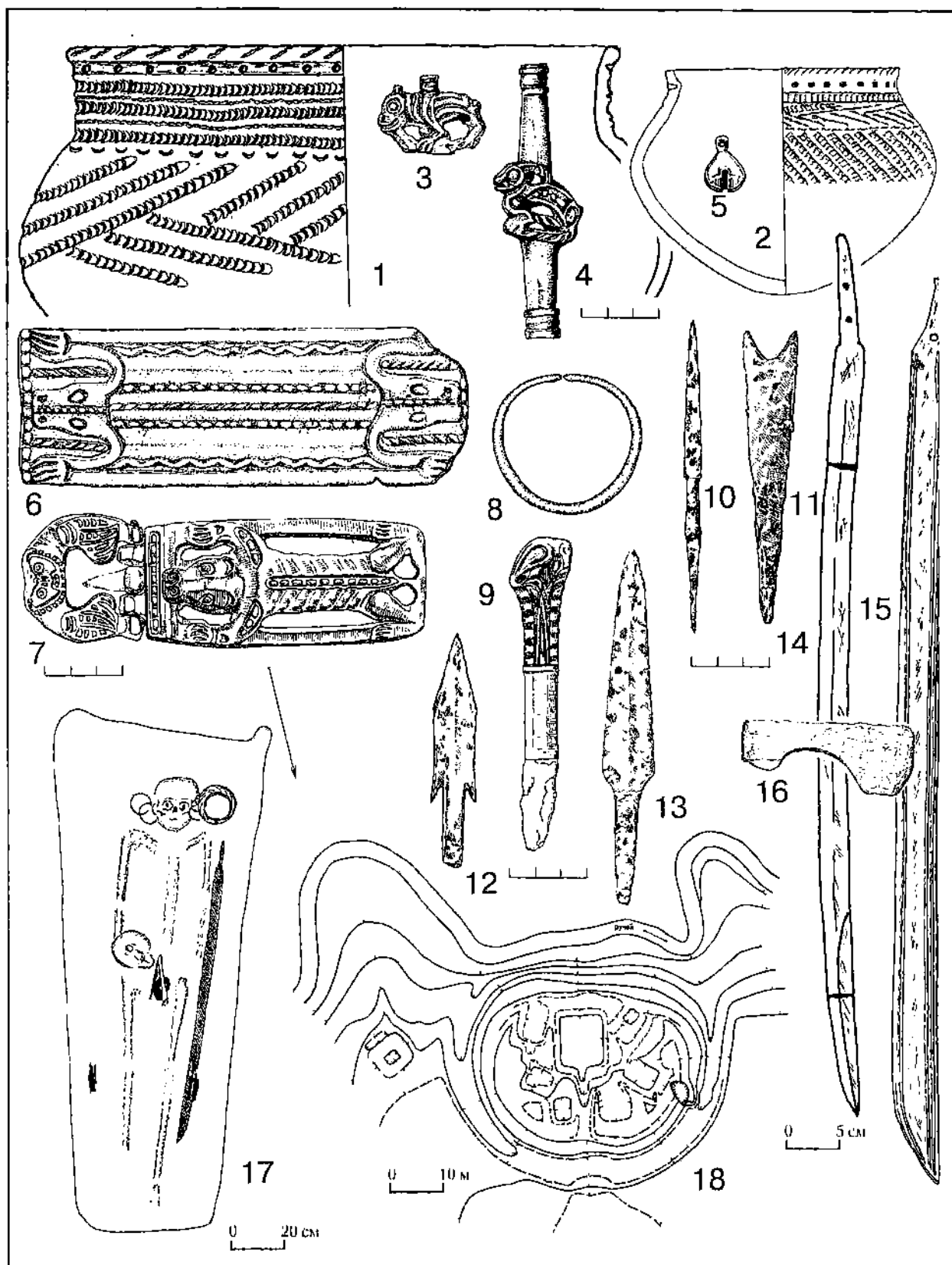

Рис. 18. Кинтусовский этап (археологическая культура), X – начало XII вв. 1 – гор. Барсов городок I/31; 2–4, 16, 17 – мог. Сайгатинский I; 5–15 – мог. Сайгатинский VI; (1–2 – керамика; 3–8 – бронза; 9 – бронза, железо; 14–16 – железо); 18 – гор. Соровское 15 (XV).

завозимые, по-видимому, из Волжской Болгарии. Встречаются также чаши из каленой бронзы иранского производства.

Явный рост числа импортных предметов, скорее всего, говорит о развитии торговых связей и промыслов, которые позволяли ее обеспечивать. Основным товаром, вывозимым с Севера Западной Сибири, могла быть пушнина. Действительно, в арабских источниках X—XII вв. мы находим множество свидетельств чрезвычайного спроса на пушнину. Ею уплачивалась дань, ее использовали в качестве денег, одежда из нее была символом престижа. Некоторые меха стоили чрезвычайно дорого. Так, на арабском Востоке стоимость одной шкурки чернобурой лисы доходила до 100 динариев (Хузин, 1997. С. 141—160). Однако отметим, что несмотря на западную направленность связей, в материалах кингусовских памятников мы не находим предметов бесспорно русского производства. Видимо, Волжская Болгария доминировала в торговом обмене, обеспечивая транзитный товарный обмен с другими торговыми и ремесленными центрами.

Типы керамики, распространенные на памятниках кингусовской культуры, встречаются на сопредельных территориях, среди материалов одновременных культур: на памятниках усть-ишимской культуры в Среднем Прииртышье (Коников, 1992. С. 62. Рис. 6; Финно-угры и балты..., 1987. С. 199—200) и тынского типа в бассейне Тавды (Викторова, 1970. С. 264—265). Близка к кингусовской посуда юдинской культуры в среднетаежной зоне восточного склона Урала (Викторова, 1973. С. 153—154; 1968. С. 245—249; Финно-угры и балты..., 1987. С. 170—171). Близкие черты в орнаментации и форме сосудов, похожий набор орудий труда, оружия и украшений говорят в пользу существования некой общности (историко-культурной общности), которая особенно проявилась с развитием торговых отношений. Однако отметим, что серьезного анализа по этому поводу пока не проведено.

В конце XI — первой половине XII в. начались процессы, которые привели к очередному изменению культуры. Однако в отличие от подобных событий в прошлом этот процесс носил переломный характер. Есть все основания полагать, что именно с этого времени на рассматриваемой территории формируются основные современные этнические группы обских угров. Происшедшие изменения привели к появлению культурных элементов, которые почти в неизменном виде можно было наблюдать у хантов еще сто лет назад, а некоторые из них сохранились и до наших дней. Примечательны в этом смысле находки керамических антропоморф-

ных фигурок XII—XIII вв. (поселения Малый Балык 2, Тапатъега 2, городища Рачево, Ендырь, Барсов городок I/31, I/32, могильник Сайгатинский 4 (IV) и др. (Терехова, Широков, 1986; Федорова, 1979). Система орнаментации этих фигурок находит аналогии в узорах и украшениях на одежде хантов.

Подобные изменения происходят и на сопредельных территориях. Особенно показательна в этом смысле смена погребального обряда в таежном Зауралье. Доминировавший здесь обряд трупоположения сменяется трупосожжением (Викторова, 1973. С. 133—168).

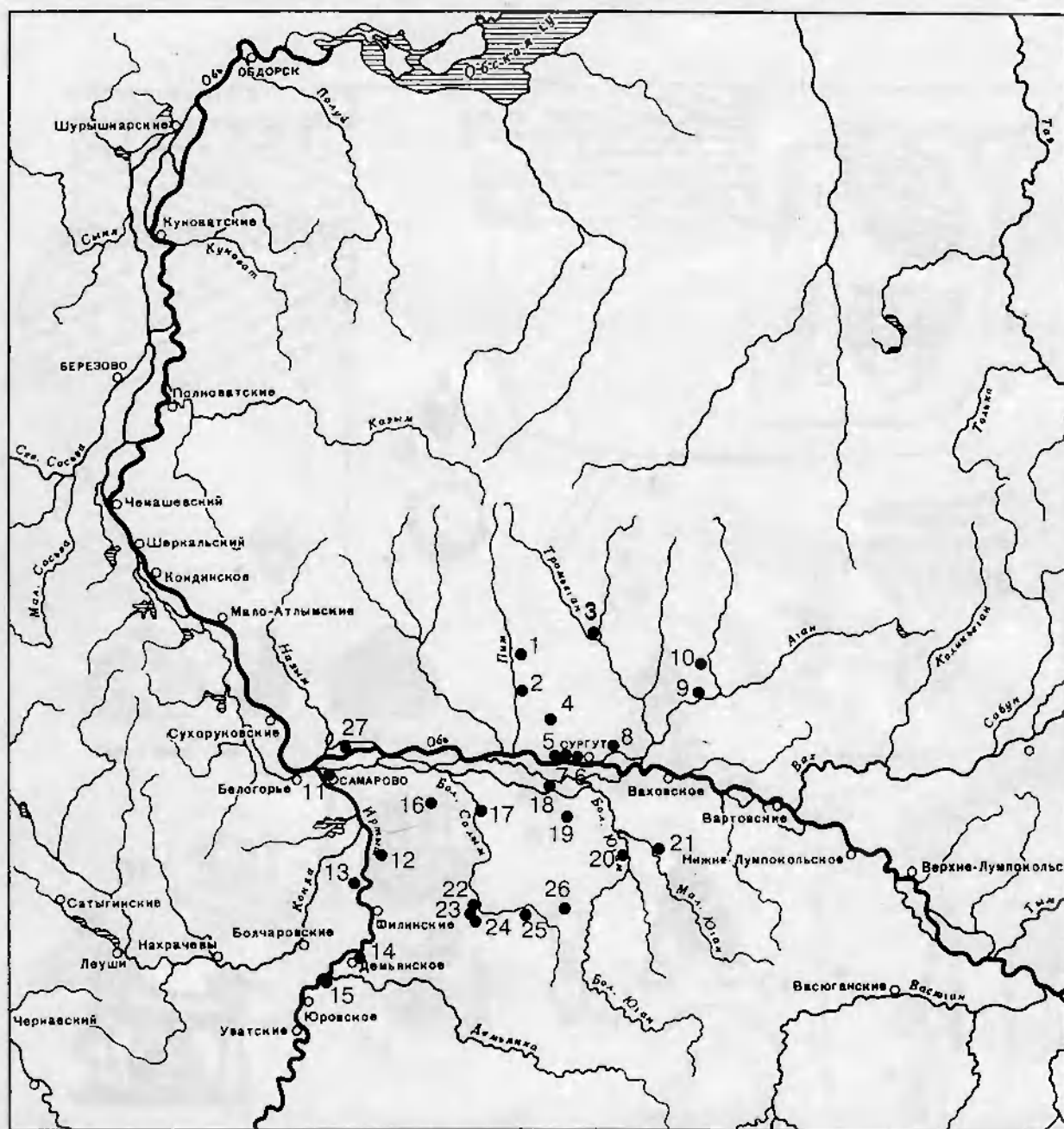
Сайгатинский этап, конец XI—XII — XV (XVI?) вв. (карта 9; рис. 19, 20) был выделен группой уральских ученых и назван по урочищу, в котором расположены наиболее яркие памятники этого периода (Федорова и др., 1991. С. 141—142). На сегодняшний день это в большей степени хронологическое понятие, нежели культурное. Изменения, происходившие в этот период, были настолько значительны, что если подходить с чисто археологическими критериями, то выделить единую археологическую культуру пока не представляется возможным.

К настоящему времени известно несколько позднесредневековых памятников: городища Барсов городок IV/1, Вочлор 1, Вочимъяун 10, Усть-Чупал 18, Вош-рап, Остяцкий Живец; селища Барсова гора IV/1, IV/16, IV/17, Кучиминское XVI, Ермаково 14, Нюрм; могильники Барсовский IV, Сайгатинский IV, V, поздние группы погребений на Сайгатинских I, III могильниках, могильнике Усть-Балык; святилища Сайгатинское 1 и на городище Барсов городок I/6 и др.

Исследователями отмечено, что поселения и городища XII—XV вв. часто находились в глубине террас, на значительном удалении от берега, иногда более 1 км. Такое расположение диктовалось, по всей видимости, не только хозяйственными и социальными факторами, но и соображениями безопасности. Размещение построек на поселениях преимущественно беспорядочное, скученное.

Укрепления (городища), как правило, располагались на труднодоступных возвышенностях. Они имели небольшую площадь и мощную систему обороны. Склоны эскарпировались на значительную высоту. От остальной части возвышенности площадка отделялась глубоким и широким рвом. Небольшие по площади городища (в среднем около 300 кв. м), скорее всего, представляли собой своеобразный замок или крытый двор — укрепление под единой крышей.

Конструкция жилых построек в основном сходна с конструкцией жилищ предшествую-

Карта 9. Сайгатинский этап, конец XI–XII – XV (XVI ?) вв.

1 – гор. Воч-лор; 2. Городище Воч-ега; 3 – гор. Тат-Ягуи XIV, XV; 4 – пос. Быстрый Кульеган 75, 97; 5 – гор. Сайгатинское I, гор. Кучиминское XXI, мог. Сайгатинский I, III, IV, V; 6 – гор. Остяцкий Живец; 7 – гор. Барсов городок I/31, 32; сел. Барсова гора IV/1, IV/17, IV/18, IV/19, IV/20, IV/21, IV/22, IV/26, мог. Барсовский I, V; 8 – мог. Моховой 45, 46; 9 – гор. Старые Покачи 5; 10 – Поселение Имнъеган 2.3; 11 – гор. Самаровское; 12 – гор. Гришкино II; 13 – гор. Цингалинское; 14 – Рачевский археологический комплекс; 15 – гор. Мало-Ярковское (Демьянское); 16 – гор. Вошин-Мытты; 17 – Укрепленная часть пос. Мулнашево 3; 18 – мог. Усть-Балык; 19 – гор. Усть-Пыть-Ях 5; 20 – гор. Частухинский Урий; 21 – мог. Киняминский 1, 2; 22 – гор. Вош-Рап (Нир-Вож); 23 – пос. Ай-ега 3; мог. Кинтусовский (4.3); 24 – гор. Вандрасовское; 25 – гор. Усть-Чупал 18; 26 – гор. Тапатъега 2; 27 – пос. Нялинское V.

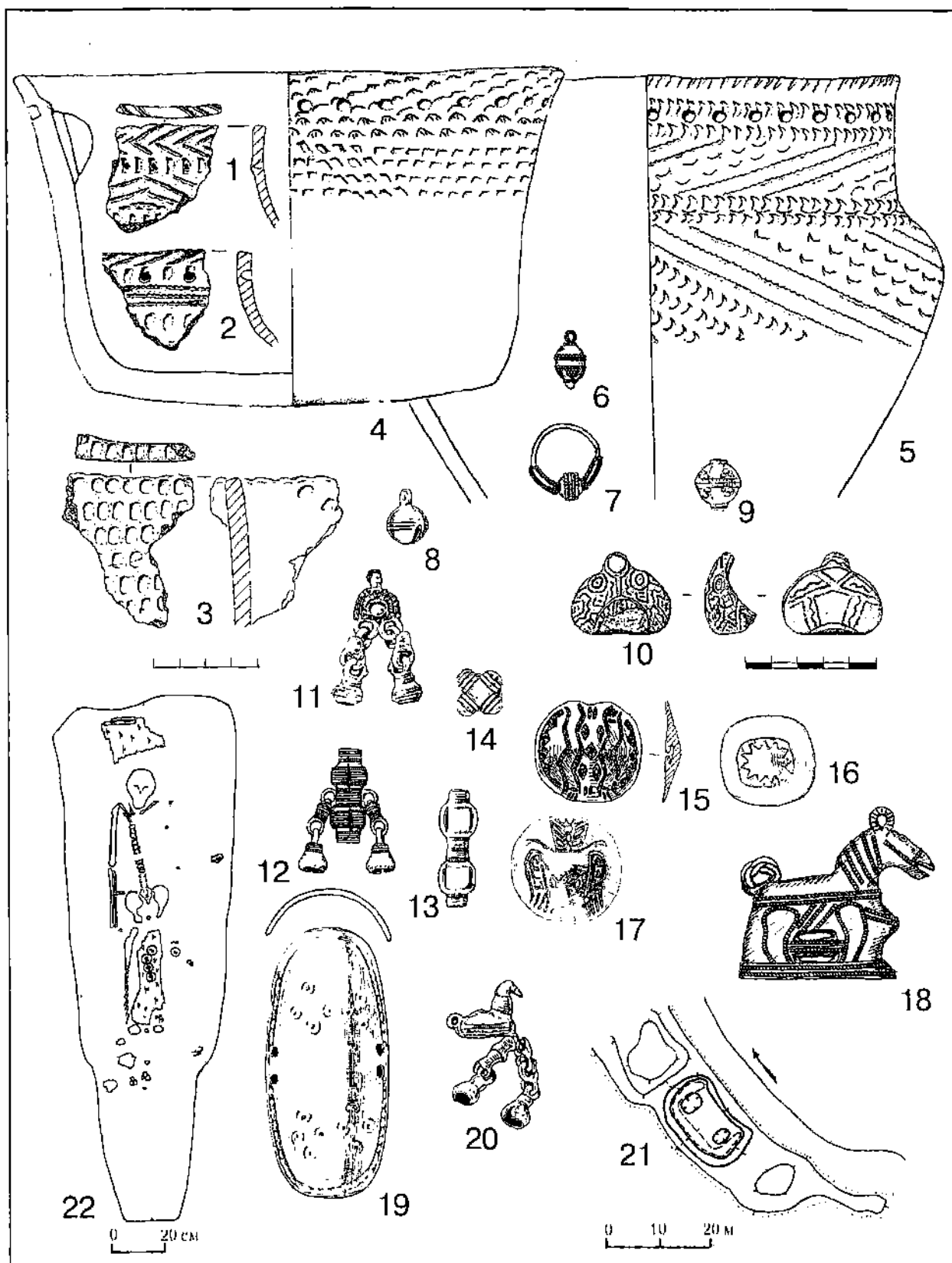

Рис. 19. Сайгатинский этап – материалы конца XI–XIII вв. 1–3, 10, 21 – гор. Танатъега 2; 4–9, 11–20, 22 – мог. Сайгатинский IV; (1–5, 10 – керамика; 6, 7 – серебро; 8, 9, 11–20 – бронза).

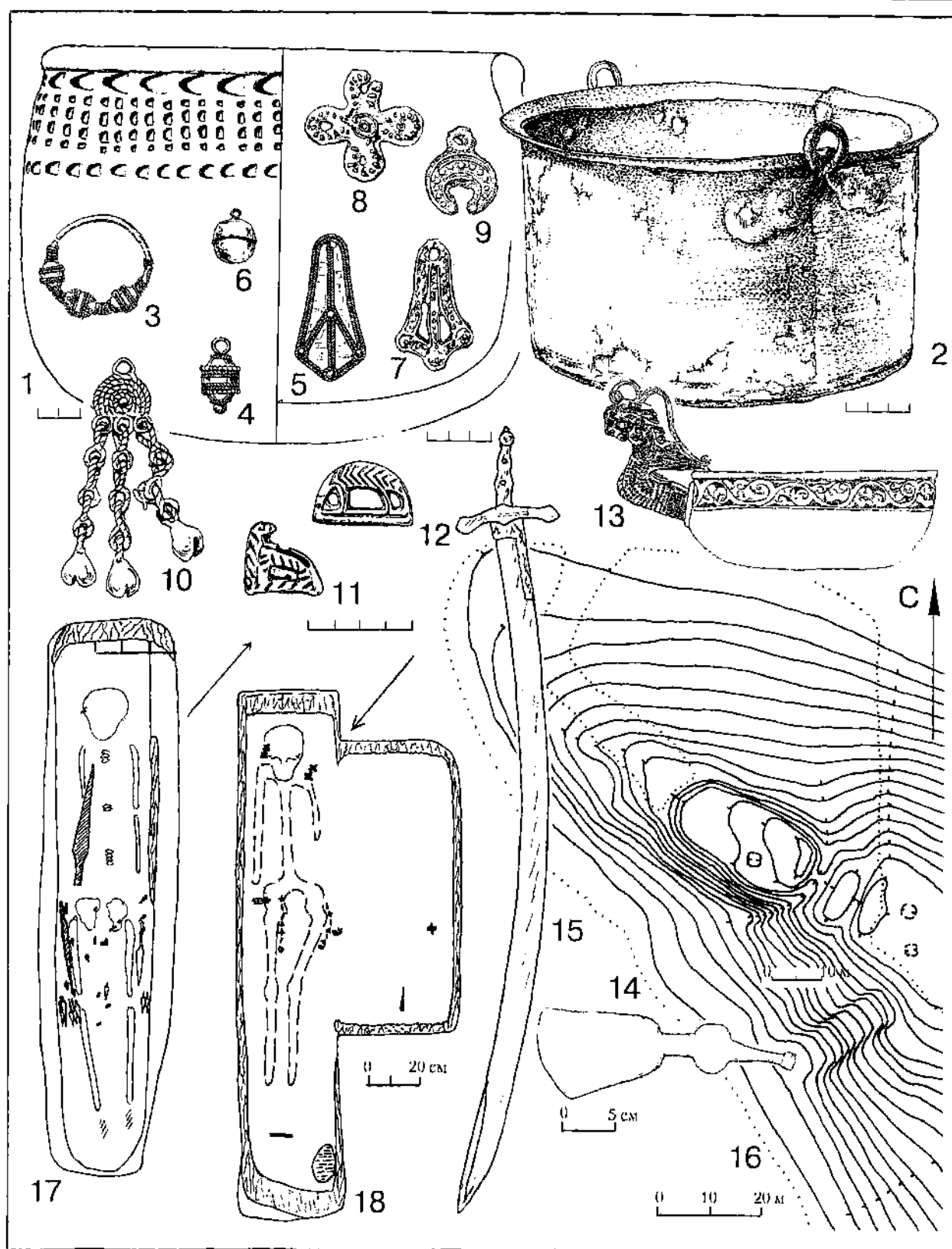

Рис. 20. Сайгатинский этап — материалы XIII-XV вв. 1-2, 7-14, 17, 18 — мог. Сайгатинский IV; 3-6 — мог. Сайгатинский III; (1 — керамика; 2, 6 — медь; 3-5, 13 — серебро; 7-12 — бронза; 14, 15 — железо); 16 — гор. Вош-ран (Нур-вож) (план).

них этапов. Изменения коснулись прежде всего отопительных систем. Центральный очаг часто обкладывался камнями, некоторые исследователи высказывают предположение о существовании в этот период каменок. В ряде построек в углу фиксируются остатки глинобитных печей (чувалов?).

Погребения конца XI — середины XIII вв. во многом сохраняют черты предыдущего времени. Сохраняется неустойчивая ориентация погребений, сопровождающий инвентарь во многом представлен теми же категориями предметов. Однако значительно сокращается количество погребений с глиняными горшками. Широко начинают использоваться медные котлы, которые ставились в ноги умершего. Эта традиция закрепляется настолько, что порою вместо металлического котла в могилу клали его керамическую копию.

Со второй половины XIII в. планировка могильников становится более упорядоченной. Плотность могил в группах возрастает. Они располагаются довольно строгими рядами. Абсолютное большинство погребенных ориентированы головой на юго-восток. Значительно изменяются и внутримогильные конструкции. Выделяются следующие основные типы: колода; обкладка стенок и дна ямы досками в распор; сочетание колоды и обкладки. Иногда встречаются погребения в лодках. В среднем размеры могильных ям становятся значительно больше, длина некоторых из них достигает 3—3,5 м. Глубина их обычно небольшая — 30—40 см, но встречаются ямы глубиной 1—1,5 м. При этом глубокие погребения отличаются неординарным инвентарем (оружие, богатый набор украшений и т.п.).

Большинство погребений одиночные, реже встречаются парные погребения взрослых, детей, женщин с младенцами. Обычная поза, которую придавали умершему — вытянуто на спине, руки вытянуты вдоль тела или слегка сведены к тазу.

По сравнению с предыдущими этапами увеличивается количество предметов в погребениях, в основном за счет бронзовых и медных изделий. Вещей из серебра также становится значительно больше. Появляются новые типы предметов. Среди женских украшений стоит выделить накосники, до сих пор встречающиеся у хантыйских женщин.

В конце XI — первой половине XII в. происходит резкая смена гончарной традиции — изменяются пропорции и орнаментация сосудов, другой становится технология их изготовления; появляются новые типы, например, керамические реплики медных котлов. С этого периода количество глиняной посуды начинает резко сокращаться и к XIV в. она почти исчезает. Ви-

димо, потребность населения в сосудах для приготовления пищи и других хозяйственных нужд удовлетворялась медными котлами, получаемыми в обмен на пушнину и иные продукты промысла. Немногочисленные керамические сосуды поступали, скорее всего, также из других регионов.

На наш взгляд, такие изменения в культуре были связаны прежде всего с переориентацией хозяйства. Возможно, именно на сайгатинском этапе в таежной зоне становится доминирующим хозяйственно-культурный тип высокопродуктивного охотничье-промыслового хозяйства, нацеленного на товарный обмен, в котором основным товаром была пушнина. Видимо, в этот же период получает распространение глубинно-таежный тип оленеводства (Головнев, 1993. С. 80—84). Олень стал тем транспортным средством, которое позволило еще больше интенсифицировать пушную охоту.

Середина XIII — XIV вв. была ознаменована тем, что на Евразийском континенте сложилось крупное политическое образование — Золотая Орда. Оно во многом определяло культурное, общественное и политическое развитие огромного количества государств и народов. В середине XIII в. оформился ее восточный улус, занимавший территорию от Аральского моря до среднего течения р. Тобол — государство Шейбанидов. К концу XIV в., судя по письменным источникам, этот улус относил к своим владениям территорию на север чуть ли не до Северной Сосьвы. В Сибирских летописях также упоминаются походы татар на Обь, в результате которых «остяки» и «вогуличи» были обложены данью. Татары заняли ряд «городков» по Иртышу, например Тяпар-вож у юрт Цингалинских (Нестеров, 1993. С. 234—236; Патканов, 1891. С. 4—5).

Влияние татар на культуру обских угров трудно переоценить. Видимо, в этот период на севере Западной Сибири начинают бытовать чувалы и хлебные печи, в обиход входят многие тюркские украшения и элементы одежды, происходит активное языковое заимствование. Не исключено, что институт князей и княжеств в том виде, в котором его застали у хантов русские, сложился именно под татарским влиянием. Не случайно, что имена «остяцких» и «вогульских» князей, зафиксированные в русских документах, имеют тюркские корни: Игичей, Алач, Аблегирим и т.п.

Одним из самых крупных и могущественных княжеств, зафиксированных в русских источниках, была Кода. В пору своего расцвета оно занимало территорию по Оби от устья Казыма до впадения в нее Иртыша и далее по Иртышу до впадения Согрома. Занимая стратегически важную территорию, это княжество вело до-

вольно агрессивную политику по отношению к соседям, совершая на них многочисленные опустошающие набеги. У хантов Средней Оби до сих пор сохранились предания о набегах 'курын-ях', так называли кодских хантов. При колонизации Сибири Москва воспользовалась воинственностью и страстью к грабежу «кодских остяков» для покорения «югорских и остяцких племен» (Бахрушин, 1935. С. 39—62).

Новый этап культурного развития в регионе следует связывать уже с русской колонизацией Сибири. Археологическое изучение этого периода еще только начинается. На наш взгляд, расширение базы археологических источников именно по этому периоду и сопоставление их с письменными документами позволит в дальнейшем «подобрать ключ» к более древнему прошлому региона.

ЛИТЕРАТУРА

- Адамов А.А., 2000. Археологические памятники города Тобольска и его окрестностей. Тобольск; Омск: ОмГПУ. С. 95.
- Бадер О.Н., 1970. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР М.: Наука. С. 157—171.
- Бессмертных А.Н., 1996. Отчет об археологических работах в Нижневартовском районе Ханты-Мансийского автономного округа, проведенных осенью 1996 года. Екатеринбург. (В тексте — Бессмертных, 1996б).
- Бессмертных А.Н., 1996. Отчет об археологической разведке в Сургутском и Нижневартовском районе Ханты-Мансийского автономного округа, проведенной осенью 1995 года. Екатеринбург. (В тексте — Бессмертных, 1996а).
- Борзунов В.А., 1994. Городища второй половины раннего железного века // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Поселения и жилища. Кн. I. Томск: Изд-во ТГУ. С. 318—331.
- Борзунов В.А., Бельтикова Г.В., 1989. Раскопки городищ Барсов городок I/3 и Барсов городок I/20 // АО Урала и Поволжья. Сыктывкар.
- Борзунов В.А., Ковригин А.А., Погодин А.А., Сергеев А.С., Стефанов В.И., 1996. Разведка в зонах нефтепромыслов Сургутского района // АО-1995. М.: ИА РАН. С. 317—319.
- Борзунов В.А., Корякова Л.Н., Федорова Н.В., 1992. Семинары по проблемам археологии раннего железного века и средневековья Зауралья и Западной Сибири (Екатеринбург, 1989, 1990) // РА, № 3. С. 265—268.
- Борзунов В.А., Погодин А.А., 2001. Раскопки укрепленного жилища Быстрый Кульеган 38 (12) // АО—2000 г. М.: Наука. С. 206—207.
- Борзунов В.А., Стефанова Н.К., 2001. Кулайский «поселок из одного двора» на Барсовой горе и некоторые проблемы изучения кулайской общности // Материалы по археологии Обь-Иртышья: Сб. науч. трудов. Сургут: РИО СургПИ. С. 96—109.
- Борзунов В.А., Чемякин Ю.П., 1994. Поселения и постройки культур эпохи поздней бронзы северной тайги Западной Сибири // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Поселения и жилища. Кн. I. Томск: Изд-во ТГУ. С. 176—190. Рис. 10.
- Васильев Е.А., 1978. Гребенчато-ямочная керамика Среднего Приобья // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ.
- Васильев Е.А., 1979. Отчет о полевых работах Нижнеобского археологического отряда летом 1978 г // Архив ИА РАН, Р-1, 7010. Томск.
- Васильев Е.А., 1977. Отчет о полевых работах Сургутского археологического отряда летом 1976 г. // Архив ИА РАН, Р-1, д. 6263. Томск.
- Васильев Е.А., 1982. Северотаежное Приобье в эпоху поздней бронзы (хронология и культурная принадлежность археологических памятников) // Археология и этнография Приобья. Томск: Изд-во ТГУ.
- Васильев Е.А., 1978. Энеолитическое время в бассейне р. Вах // Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск: Изд-во ТГУ. (В тексте — Васильев, 1978а).
- Васильев Е.А., 1989. Энеолит и ранний бронзовый век средне- и северотаежного Приобья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / АН СССР, ИА. — М.
- Васильев Е.А., Мец Ф.И., 1994. Памятники игрековского типа в Среднем Приобье // Сургут, Сибирь, Россия. Междунар. науч.-практич. конф., посвящ. 400-летию города Сургута: Тез. докл. (Сургут, 22—25 марта 1994 г.). Екатеринбург. С. 35—38.
- Визгалов Г.П., 1992. Отчет об археологической разведке в районе Пыть-Ях в Нефтеюганском районе Тюменской области, в среднем течении р. Большой Балык. / Архив АВ КОМ.
- Викторова В.Д., 1973. Ликинский могильник X—XIII вв. // ВАУ. Свердловск: Изд-во УрГУ. Вып. 12. С. 133—168.
- Викторова В.Д., 1970. Этапы развития фигурно-штампованной орнаментации на сосудах памятников бассейна р. Тавды // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ. С. 254—270.
- Генинг В.Ф., 1967. Уральская комплексная археологическая экспедиция // АО-1966. М.: Наука.
- Глушков И.Г., 1992. Отчет о полевых работах Мегионского отряда летом 1992 г. Тобольск.
- Глушков И.Г., Глушкова Т.Н., 1992. Текстильная керамика как исторический источник. Тобольск. 186 с.
- Городков Б.Н., 1913. Поездка на Салым // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск. Вып. XXI, II отд.
- Денисов В.П., Мельничук А.Ф., 1991. Второе жилище Хуторской стоянки // Неолитические памятники Урала. Свердловск: Изд-во ИИА УрО РАН. С. 21—31.
- Древний город на Оби: история Сургута. 1994. Екатеринбург: Изд-во «Тезис».
- Дрябина Л.А., Осоткина Л.А., Семенова В.И., 1980. Работы Тюменской экспедиции // АО-1979. — М.: Наука.
- Дубовцева Е.Н., 2000. Керамика быстрипс-

кого культурного типа // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии: Материалы 40-й регионал. археол.-этнограф. студенч. конф. Новосибирск: Изд-во НГУ. Т. I. С. 62–63.

Дубовцева Е.Н., 2002. Опыт моделирования древних орнаментов // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока: Материалы XLII РАЭСК. Омск: Изд-во ОмГПУ. С. 230–232.

Дубовцева Е.Н., 2001. Технологический анализ керамики быстринского культурного типа // Сургут в отечественной истории: Сб. тез. докл. и сообщ. Всероссийской науч. конф. Сургут.

Елькина М.В., 1978. Новые данные о поселениях раннего железного века Сургутского Приобья (к вопросу о культурной принадлежности) // Ранний железный век Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ.

Елькина М.В., 1981. О месте сургутских поселений в раннем железном веке лесной зоны Западной Сибири // ВАУ. Свердловск: Изд-во УрГУ. Вып. 15.

Елькина М.В., 1977. Поселения раннего железного века в Сургутском Приобье // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск: Изд-во УрГУ. (ВАУ. Вып. 14.). С. 104–118.

Елькина М.В., Федорова Н.В., Чемякин Ю.П., 1975. Работы Сургутского отряда // АО-1974. М.: Наука.

Зыков А.П., 1987. Вооружение обских угров // Ранний железный век и средневековые Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во ЧелГУ. С. 143–154.

Зыков А.П., 1981. Отчет о разведке в зоне строительства подсобного хозяйства объединения «Сургуттрансгаз» в Сургутском районе Тюменской области. // АКА УрГУ, ф. II, д. 383.

Зыков А.П., 1982. Отчет об археологической разведке у д. Сайгатино в Сургутском районе Тюменской области летом 1982 г. // АКА УрГУ, ф. II, д. 384.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В., 1994. Угорское наследие. (Древности Западной Сибири из собрания Уральского университета). Екатеринбург: Внешторгиздат. С. 160.

Зыков А.П., Федорова Н.В., 1993. Обь-Иртышская культурно-историческая общность эпохи железа // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург: Изд-во ИИА УрО РАН. С. 65–66.

Зыков А.П., Федорова Н.В., 2001. Холмогорский клад: коллекция древностей III–IV вв. из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург: ИД «Сократ». С. 176.

Ивасько Л.В., 1992. Отчет об археологической разведке в зоне нефтеразработок НГДУ «Правдинскнефть» в Нефтеюганском районе Тюменской области в бассейне р. Тыв-ега летом 1992 г. // Архив АВ КОМ. Оп. 2, д. 13.

Ивасько Л.В., 1993. Отчет об археологической разведке в Нефтеюганском районе Тюменской области в бассейне р. Юганская Обь летом 1993 г. Т. 1 (текст). Т. 2 (приложение). // Архив АВ КОМ, оп. 2, д. 25.

Ивасько Л.В., 2002. Укрепленное поселение каменного века Каюково 2 // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург.

Казанцева Т.Г., Чемякин Ю.П., 1999. Гравировки на металлических изделиях эпохи раннего железа Приуралья и Западной Сибири // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф. Генинга: Материалы науч. конф. Ч. 1. Из истории уральской археологии. Духовная культура Урала. Екатеринбург: Изд-во УрГУ. С. 103–111.

Карачаров К.Г., 2002. Отчет о научно-исследовательской работе. Археологическое обследование среднего течения р. Аган в Нижневартовском районе ХМАО в 2001 году. — Нефтеюганск

Карачаров К.Г., 1996. Отчет о научно-исследовательской работе. Историко-культурная экспертиза месторождений, разрабатываемых АО «ЛУКОЙЛ-Лангепаснефтегаз», 1995 год, в 2 книгах. Екатеринбург.

Карачаров К.Г., 2001. Отчет о научно-исследовательской работе. Историко-культурное обследование месторождений, разрабатываемых ТПП «Покачевнефтегаз» в Сургутском и Нижневартовском районах ХМАО, 2000 год, в 3 книгах. Нефтеюганск.

Карачаров К.Г., 1986. Отчет об археологической разведке в районе д. Сайгатино Сургутского района Тюменской области. // АКА УрГУ, ф. II, д. 426.

Карачаров К.Г., 1987. Отчет. Разведка в Нефтеюганском районе Тюменской области. // АКА УрГУ, ф. II, д. 440.

Карачаров К.Г., 1988. Отчет о раскопках могильника Барсов городок (Барсовский I) у пос. Барсово в Сургутском районе и разведке на Соровских озерах у пос. Салым в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области. // АКА УрГУ, ф. II, д. 455.

Карачаров К.Г., 1989. Отчет о разведке в районе пос. Салым в окрестностях развезда Кинтус на границе Нефтеюганского и Уватского районов. // АКА УрГУ, ф. II, д. 477.

Карачаров К.Г., 1990. Отчет об археологических исследованиях на трассе проектируемой автодороги и ЛЭП от пристани на р. Обь

до БСИ Сургутского НХК в 1990 г. // АКА УрГУ, ф. II, д. 520.

Карачаров К.Г., 1991. Отчет об археологической разведке в южной части Нефтеюганского района Тюменской области, проведенной летом 1991 г. Т. 1 (отчет). Т. 2 (иллюстрации). // Архив АВ КОМ. Оп. 2, д. 3.

Карачаров К.Г., 1992. Отчет об археологических раскопках памятника Кинтусовское 4 (поселения и могильника), проведенных летом 1992 г. // Архив АВ КОМ. Оп. 2, д. 14.

Карачаров К.Г., 1992. Отчет об археологической разведке в южной части Нефтеюганского района Тюменской области, проведенной летом 1992 г. Т. 1 (отчет). Т. 2 (иллюстрации). // Архив АВ КОМ. Оп. 2, д. 15. (В тексте — Карачаров, 1992а)

Карачаров К.Г., 2001. Отчет о НИР: Реконструктивное археологическое обследование среднего течения реки Малый Юган от юрт Каймысовых до юрт Сурламкиных в Сургутском районе ХМАО в 2000 году. Екатеринбург.

Карачаров К.Г., 2000. Отчет о НИР: Реконструктивное археологическое обследование верхнего течения реки Большой Юган от юрт Ларломкиных до юрт Каюковых в Сургутском районе ХМАО в 1999 году. Екатеринбург.

Карачаров К.Г., 1991. Погребальная керамика Сургутского Приобья XIII—XV вв. // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск: Изд-во УИИЯЛ УрО АН СССР. С. 205—218.

Карачаров К.Г., 1993. Хронология раннесредневековых могильников Сургутского Приобья // Хронология памятников Южного Урала. Уфа. С. 110—118.

Кардаш О.В., 1991. Отчет о разведке археологических памятников в северо-западной части Нефтеюганского района в нижнем течении р. Большой Балык и бассейне р. Малый Салым, проведенной летом 1992 г. Т. 1. // Архив АВ КОМ. Оп. 2, д. 5.

Кернер В.Ф., 1974. Отчет о разведке археологических памятников в районе Барсовой горы (Сургутский район Тюменской области) в 1974 г. // АКА УрГУ, ф. II, д. 258.

Ковалева В.Т., 1997. Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: поселение Ташково II. Екатеринбург: Изд-во УрГУ.

Ковалева В.Т., 1989. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск: Изд-во УрГУ.

Кокшаров С.Ф., 1993. Охотничьи ямы-ловушки на северо-западе Сибири // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. Екатеринбург: УИФ «Наука». С. 162—169. (В тексте — Кокшаров, 1993а).

Кокшаров С.Ф., 1982. Отчет об археологической разведке, проведенной на Барсовой горе в июле 1982 г. // АКА УрГУ, ф. II, д. 380.

Кокшаров С.Ф., 1991. Хронология памятников бронзового века р. Конды // ВАУ. Екатеринбург: Изд-во УрГУ. Вып. 20. — С. 92—101.

Кокшаров С.Ф., 1993. Энеолит и бронзовый век бассейна р. Конды: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / АН СССР, ИА. М.

Кокшаров С.Ф., Чемякин Ю.П., 1991. Памятник бронзового века в окрестностях д. Сайгатино // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск: Изд-во ОмГУ. С. 43—52.

Кондрашён А.Н., 2000. Отчет о историко-культурной экспертизе в Сургутском и Нижневартовском районах Ханты-Мансийского автономного округа в 1999 г. Ханты-Мансийск.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К., 1991. Культуры бронзового века предтаежного Тоболо-Иртышья (по материалам работ УАЭ) // ВАУ. Екатеринбург: Изд-во УрГУ. Вып. 20. С. 70—92.

Корякова Л.Н., 1991. Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири. (Тоболо-Иртышская провинция в начале железного века). Екатеринбург. С. 53.

Косарев М.Ф., 1981. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука.

Косарев М.Ф., 1987. Бронзовый век Сибири и Дальнего Востока (Главы 1—7; Заключение) // Эпоха бронзы лесной полосы СССР (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 тт.). — М.: Наука.

Косарев М.Ф., 1991. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. М.: Наука.

Косарев М.Ф., 1993. Из древней истории Западной Сибири. Общая историко-культурная концепция. М.

Косинская Л.Л., 1999. Археологические памятники бассейна р. Пур (итоги исследований 1990—1998 гг.) // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф. Генинга: Материалы науч. конф. Ч. 2. Новейшие открытия уральских археологов. Екатеринбург: Изд-во УрГУ. С. 93—98.

Косинская Л.Л., 2000. Археологические памятники бассейна реки Пур // Научный вестник. Вып. 3. Археология и этнология. Материалы науч.-исслед. конф. по итогам полевых исследований 1999 г. Салехард. С. 13—23.

Косинская Л.Л., 1991. Исследования на Вычегде и в Сургутском Приобье // АО Урала и Поволжья. Ижевск.

Косинская Л.Л., 2001. Керамические комплексы в неолите Западной Сибири (таежная зона) // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН. (В тексте — Косинская, 2001а).

Косинская Л.Л., 1999. Неолит севера Западной Сибири: проблема южных связей // XIV Уральское археологическое совещание: Тез.

докл. Челябинск: «Рифей». (В тексте — Косинская, 1999а).

Косинская Л.Л., 1994. Неолит таежной зоны Западной Сибири: проблемы и перспективы // Сургут. Сибирь. Россия. Междунар. науч.-практич. конф., посв. 400-летию города Сургута: Тез. докладов. Екатеринбург. С. 86—89.

Косинская Л.Л., 1994. О роли миграций в раннем неолите Урала и Западной Сибири // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул: Изд-во АГУ. С. 35. (В тексте — Косинская, 1994а).

Косинская Л.Л., 1999. О схемах развития северного неолита // Обские угры. Материалы II Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск—Омск: Изд-во ОмГПУ. (В тексте — Косинская, 1996).

Косинская Л.Л., 2001. Образ водоплавающей птицы на керамике быстринского типа // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН. С. 57—60.

Косинская Л.Л., 1993. Отчет о раскопках поселения Чернореченское I в г. Сургуте в 1993 г. // АКА УрГУ, ф. II, д. 536. (В тексте — Косинская, 1993а).

Косинская Л.Л., 2001. Памятники быстринского культурного типа в Сургутском Приобье (эпоха неолита) // Материалы по археологии Обь-Иртышья: Сб. науч. трудов. Сургут: РИО СурГПИ. С. 12—14.

Косинская Л.Л., 1982. Поздненеолитическая стоянка Артын на среднем Иртыше // Археологические исследования Севера Евразии. Свердловск: Изд-во УрГУ (ВАУ. Вып. 16). С. 18—27.

Косинская Л.Л., 1993. Поселение Барсова гора II/8 и проблема выделения неолитических культур таежного Приобья // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ. С. 78—80.

Косинская Л.Л., 1998. Чернореченское I — поселение эпохи бронзы в г. Сургуте // Археология Западной Сибири: Сб. науч. трудов. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та.

Косинская Л.Л., Морозов В.М., Шорин А.Ф., 1972. Отчет о разведке и раскопках по берегу протоки Утоплой в районе Барсовой горы. // АКА УрГУ, ф. II, д. 126.

Кузьминых С.В., Чемякин Ю.П., 1998. Об источниках цветного металла в древних культурах Сургутского Приобья // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. Теория, методология, практика (Материалы XI Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф.). — Томск: Изд-во ТГУ. С. 113—116.

Литвиненко М.Н., 2000. Поселение Быстрый Кульеган 66 — новый источник по эпохе неолита Сургутского Приобья (каменный ин-

вентарь) // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии: Материалы 40-й регионал. археол.-этногр. студенч. конф. Новосибирск: Изд-во НГУ. Т. I.

Малоземова О.В., Морозов В.М., 1997. Разведочные раскопки 1991 года и коллекция случайных сборов на городище Усть-Полуй // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск: Изд-во ТГУ. С. 190—203.

Матвеев А.В., Матвеева Н.П., 1995. Новый памятник переходного периода от бронзового века к железному в Сургутском Приобье // Древняя и современная культура народов Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ТюмГУ. С. 53—63.

Матвеева Н.П., 1979. Энеолитическая стоянка в Сургутском Приобье // Вопросы археологии Приобья. Тюмень: Изд-во ТюмГУ. Вып. 2. С. 73—81.

Матвеева Н.П., 1990. Неолитический памятник в Сургутском Приобье // СА. № 2. С. 127—135.

Матвеева Н.П., 1994. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука. 152 с.

Матющенко В.И., 1973. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. I. Неолитическое время в лесном и лесостепном Приобье (Верхнеобская неолитическая культура). ИИС. Томск. Вып. 9. 182 с.

Матющенко В.И., Чемякин Ю.П., Борзунов В.А., 1994. Поселения и жилища Западной Сибири эпох мезолита, неолита и времени перехода к эпохе бронзы. Лесная полоса // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Поселения и жилища. Кн. 1. Томск: Изд-во ТГУ. С. 90—103. Рис. 1.

Михаев А.А., 1992. Новый памятник эпохи раннего металла в Сургутском Приобье // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН. С. 100—105.

Могильников В.А., 1987. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 т. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука.

Могильников В.А., 1990. Этнокультурная история Западной Сибири в средние века: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук / АН СССР, ИА. — М.

Могильников В.А., Коников Б.А., 1983. Могильник подчечалской культуры в Среднем Прииртышье // СА. № 2. С. 170, 179, 180. Рис. 9 — 11, 14, 17; 10 — 8.

Молюдин В.И., 1977. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск: Наука. 174 с.

Морозов В.М., 1993. К вопросу о зеленогорской культуре // Хронология памятников

Южного Урала. Уфа: Изд-во ИИЯиЛ УНЦ РАН. С. 102—109.

Морозов В.М., 1974. Отчет об археологической разведке в Сургутском районе Тюменской области летом 1974 г. // АКА УрГУ, ф. II, д. 179.

Морозов В.М., 1975. Отчет об археологических работах, произведенных в Тюменской области в 1975 году. // АКА УрГУ, ф. II, д. 188.

Морозов В.М., 1981. Отчет о работах Северного отряда УАЭ на трассе газопровода Надым—Пунга—Ивдель. Часть 1. // АКА УрГУ, ф. II, д. 344.

Морозов В.М., 1972. Полевые материалы о разведке и раскопках на I участке Барсовой горы. // АКА УрГУ, ф. I, д. 254.

Морозов В.М., 1994. Работы Северного отряда в бассейне Нижней Оби // АО Урала и Поволжья. Йошкар-Ола: Изд-во МариГУ Южного Урала. С. 98—100.

Морозов В.М., 1981. Средневековые городища Нижнего Приобья // Вопросы археологии Урала. Свердловск: Изд-во УрГУ. Вып. 15. С. 142—147. (В тексте — Морозов, 1981а).

Морозов В.М., Пархимович С.Г., 1984. О культурной и этнической принадлежности поселений р. Тром-Аган // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск: Изд-во УрГУ (ВАУ. Вып. 17). С. 150—157.

Морозов В.М., Чемякин Ю.П., 1991. Культурный Нижний Приобья эпохи железа и их связи с европейским Северо-Востоком // Проблемы историко-культурной среды Арктики: Тез. докл. Сыктывкар. С. 100—102.

Морозов В.М., Чемякин Ю.П., 1997. Древнее поселение в бассейне р. Пим (Краткий археологический очерк). Учеб. пособие по археологии и краеведению. Сургут.

Москвина Н.П., 1979. Исследование неолитических поселений в районе Барсовой Горы // АО-1978. М.: Наука.

Мошинская В.И., 1965. Археологические памятники Севера Западной Сибири. САИ. М.: Наука. Вып. 3—8. 88 с.

Мошинская В.И., 1978. Современное состояние вопроса о роли южного компонента в древней культуре населения Крайнего Севера и Западной Сибири // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ. С. 56—72.

Наговицын Л.А., 1988. Проблемы изучения раннего неолита Волго-Камья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР. Ижевск. С. 67—77.

Нестеров А.Г., 1993. Дорусские государственные образования Урала и Западной Сибири (к постановке вопроса) // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург: УИФ «Наука» (ВАУ. Вып. 22). С. 234—236.

Нягань, 1995. Екатеринбург: «Волот».

Окладников А.П., 1970. Неолит Сибири и Дальнего Востока // Каменный век на территории СССР. М.: Наука. С. 172—193.

Очерки истории Коды, 1995. Екатеринбург: «Волот».

Очерки культурогенеза народов Западной Сибири, 1994. Т. 2. Мир реальный и потусторонний. Томск: Изд-во ТГУ. (В тексте - Очерки культурогенеза..., 1994).

Павлов Н.Я., 1925. План остатков древнего городища на Барсовой горе... Пояснительная записка к плану. // НА ТГИАМЗ, 902. 6/11-12, инв. № 6821.

Патканов С.К., 1891. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб.

Патканов С.К., 1891. Краткий отчет о поездках в Тобольскую губернию с археологическими целями в 1887 и 1888 гг. // ОАК за 1882—1888 гг. — СПб. (В тексте — Патканов, 1891а).

Плешкова Л. А., 1996. Отчет о разведочных работах в Ханты-мансийском районе Тюменской области в 1995 году. Екатеринбург.

Посредников В.А., 1969. Археологические работы на р. Вах // ИИС. Томск: Изд-во ТГУ. Вып. 2.

Посредников В.А., 1973. Большеларьякское поселение II — археологический памятник Сургутского Приобья // ИИС. Томск: Изд-во ТГУ. Вып. 5.

Посредников В.А., 1978. Керамика эпохи бронзы из Большого Ларьяка // Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск: Изд-во ТГУ.

Посредников В.А., 1973. О культурно-этнической принадлежности поселения Большой Ларьяк II и некоторых других памятников в таежном Приобье (эпоха бронзы) // ИИС. Томск: Изд-во ТГУ. Вып. 7. (В тексте — Посредников, 1973а).

Рогозинникова Ю.В., 2002. Атлымский комплекс на селище Барсова гора IV/10 // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока: Материалы XLII РАЭСК. Омск: Изд-во ОмГПУ. С. 259—260.

Селянина М.Ю., 1998. Отчет об археологических исследованиях в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа в 1997 году. Сургут.

Селянина М.Ю., 1997. Отчет об археологической разведке в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа в 1996 году. Сургут.

Селянина М.Ю., 1997. Разведка в бассейне р. Большой Юган // АО 1996 года. М.: Наука. С. 351—352.

Селянина М.Ю., 1995. Экспедиция Сургут-

ского краеведческого музея // АО — 1994. М.: Наука. С. 298—299.

Семенова В.И., 1990. Археологические памятники как подтверждение исторических преданий // Отчетная науч. конф. Тюменского обл. краеведческого музея и филиалов (ноябрь 1990 года): Тез. докл. Тюмень. С. 3—4.

Семенова В.И., 1983. Исследования в окрестностях пос. Урьеве // АО-1981. М.: Наука.

Семенова В.И., 1997. Итоги работы Северного отряда археологической экспедиции объединения «Тюменский областной краеведческий музей» (1983—1993 гг.) // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: Тюмень. С. 140—159.

Семенова В.И., 1980. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства нефтепровода Урьевское — Южный Балык в 1979 году. // Архив ИА РАН. Р-1/7658. Тюмень.

Семенова В.И., 1981. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства нефтепровода Урьевское — Южный Балык в 1980 году. // Архив ИА РАН. Р-1/8467. Тюмень.

Семенова В.И., 1989. Отчет об археологических исследованиях в Сургутском районе Тюменской области в 1988 году. // Архив ИА РАН. Р-1/13541. Тюмень.

Семенова В.И., 1991. Отчет об археологических исследованиях в Сургутском районе Тюменской области в 1990 году. // Архив ИА РАН. Р-1/17844. Тюмень.

Семенова В.И., 1981. Раскопки Урьевских городищ // АО-1980. М.: Наука.

Семенова В.И., 1984. Работы в Сургутском и Нефтеюганском районах Тюменской области // АО-1982. М.: Наука.

Словцов И. Я., 1890. Материалы о распределении курганов и городищ в Тобольской губернии // Известия Императорского Томского Университета. Томск. Кн. II.

Спицын А. А., 1906. Шаманские изображения // ЗОРСА. СПб. Т. VIII, вып. 1.

Старков В. Ф., 1980. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука.

Стефанов В. И., Кокиаров С. Ф., 1990. Северное Зауралье накануне бронзового века // СА. № 3. С. 44—63.

Сухина Л. В., 1968. Отчет об исследовании археологических памятников в окрестностях г. Сургута летом 1968 г. // АКА УрГУ, ф. II, д. 64.

Талица И. А., 1953. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // МИА. М. № 35.

Терехова Л. М., 1986. Рачевский археологический комплекс // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск: Изд-во УрГУ (ВАУ. Вып. 18). С. 114—122.

Терехова Л. М., Карачаров К. Г., 1994. Раннее и позднее средневековье. Среднеобская низ-

менность // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2. Мир реальный и потусторонний. Томск: Изд-во ТГУ.

Терехова Л. М., Широков В. Н., 1986. Глиняная культовая пластика Рачевского археологического комплекса // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск: Изд-во УрГУ (ВАУ. Вып. 18). С. 131—138.

Тойнби А. Дж., 1991. Постигание истории. М.: Прогресс.

Троицкая Т. Н., Дураков И. А., 1995. Еще раз о культе медведей // «Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить»: Сб. материалов. Барнаул: Изд-во АГУ. С. 97—107.

Федорова Н. В., [1997]. Во дни предначальные. Сокровища древнего святилища Усть-Полуй в Екатеринбурге / Буклет выставки. Екатеринбург.

Федорова Н. В., 1991. Золотоордынская торевтика в Приобье // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск: Изд-во УИИЯЛ УрО АН СССР. С. 193—204.

Федорова Н. В., 2000. Иконография медведя в бронзовой пластике Западной Сибири (железный век) // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. С. 37—42.

Федорова Н. В., 1981. Итоги четырехлетнего изучения поселений I тысячелетия н.э. Барсовой горы // ВАУ. Свердловск: Изд-во УрГУ. Вып. 15. С. 140—142.

Федорова Н. В., 1979. Новые находки мелкой антропоморфной пластики на поселениях конца I тыс. н.э. в Среднем Приобье // ВАП. Тюмень: Изд-во ТюмГУ. Вып. 2. С. 145—151.

Федорова Н. В., 1976. Раскопки средневекового городища в районе Барсовой горы близ г. Сургута // АО-1975. М.: Наука.

Федорова Н. В., Зыков А. П., Морозов В. М., Терехова Л. М., 1991. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. Екатеринбург: Изд-во УрГУ. Вып. 20. С. 126—145.

Хлобыстин Л. П., 1993. Вожпайская культура на Западном Таймыре и вопросы ее этнической интерпретации // Ad Polus. Археологические изыскания. СПб: Изд-во «Фарн». Вып. 10.

Хлобыстин Л. П., 1967. Археологические исследования в окрестностях с. Селиярова на Оби и в бассейне р. Конды в 1966 г. // V Уральское археологическое совещание (Тез. докл. и сообщ.). Сыктывкар.

Хлобыстин Л. П., 1967. Исследования на севере Западной Сибири // АО-1966. М.: Наука. (В тексте — Хлобыстин, 1967а).

Хузин Ф. Ш., 1997. Волжская Булгария в домонгольское время (X — начало XIII веков). Казань.

Чагаева С.А., 1970. О хронологии памятников Чувашского мыса // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ. С. 227—237.

Чемакин Ю.П., 1979. Городища Барсов городок I/11 и I/12 — памятники раннего железного века Сургутского Приобья // ВАП. Тюмень: Изд-во ТюмГУ. Вып. 2. С. 131—144.

Чемакин Ю.П., 1981. Городища Барсов городок I/13 и I/14 // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск: Наука. С. 62—69. (В тексте — Чемакин, 1981а).

Чемакин Ю.П., 1995. Еще раз об усть-полуйской культуре // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ. С. 201—203. (В тексте — Чемакин, 1995а).

Чемакин Ю.П., 1998. Жилище белоярской культуры из Сургутского Приобья // Археология Западной Сибири: Сб. науч. трудов. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та. С. 73—86.

Чемакин Ю.П., 1996. Жилище эпохи поздней бронзы в Сургутском Приобье // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири. Томск: Изд-во ТГУ. С. 64—76. (В тексте — Чемакин, 1996а).

Чемакин Ю.П., 2001. Исследования в окрестностях поселка Угут Сургутского района // Сургут в отечественной истории: Сб. тез. докл. и сообщ. Всероссийской. науч. конф. Сургут: Изд-во СургГУ, 2001. С. 24—26. (В тексте — Чемакин, 2001б).

Чемакин Ю.П., 1993. К вопросу о белоярско-васюганском этапе в раннем железном веке таежного Обь-Иртышья // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург: Изд-во ИИА УрО РАН. С. 218—219. (В тексте — Чемакин, 1993а).

Чемакин Ю.П., 1991. К вопросу о позднем бронзовом веке Сургутского Приобья // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях: Тез. докл. Уфа: Изд-во БашГУ. (В тексте — Чемакин, 1991а).

Чемакин Ю.П., 1995. К вопросу об этнической принадлежности кулайской культуры // Узловые проблемы современного финно-угроведения: Материалы I Всероссийской науч. конф. финно-угроведов. Йошкар-Ола: Науч. центр финно-угроведения. С. 86—88.

Чемакин Ю.П., 1993. К периодизации памятников каменного века в Сургутском Приобье // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ. С. 117—119.

Чемакин Ю.П., 1975. К периодизации раннего железного века в Сургутском Приобье //

Новейшие открытия советских археологов (Тез. докл. конф.). Киев: Изд-во АН СССР. Ч. II. С. 42—43.

Чемакин Ю.П., 1994. Каменный и бронзовый век Сургутского Приобья (культурно-хронологическая периодизация археологических памятников): Автореф. ... канд. ист. наук / УдмГУ. Ижевск. 21 с. (В тексте — Чемакин, 1994а).

Чемакин Ю.П., 1981. Керамика эпохи финальной бронзы в Сургутском Приобье // ВАУ. Свердловск: Изд-во УрГУ. Вып. 15. С. 87—91.

Чемакин Ю.П., 1996. Кулайское святилище в Сургутском Приобье // Полевой симпозиум: «Святилища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии». Пермь: Изд-во СГПИ. С. 85—89.

Чемакин Ю.П., 1997. Кулайское поселение на Средней Оби // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск: Изд-во ТГУ. С. 179—189.

Чемакин Ю.П., 2001. «Кулайцы» — обские угры или самодийцы? // Самодийцы. Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Томск; Омск: Изд-во ОмГПУ. С. 81—85. (В тексте — Чемакин, 2001а).

Чемакин Ю.П., 1998. Неолит и энеолит Сургутского Приобья // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы междунар. симпозиума). Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН. Т. 1. С. 615—624. (В тексте — Чемакин, 1998а).

Чемакин Ю.П., 1991. Неолитическая стоянка Барсова гора II/17 в Сургутском Приобье // Неолитические памятники Урала. Свердловск: Изд-во УрО АН СССР. С. 184—196.

Чемакин Ю.П., 1980. Новый могильник в Сургутском Приобье // СА. № 3. С. 276—280.

Чемакин Е.Ю., 2002. Новые данные о поселениях и постройках карымского этапа // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока: Материалы XLII РАЭСК. — Омск: Изд-во ОмГПУ. С. 368—370.

Чемакин Ю.П., 1994. Поселения и постройки раннего железного века Сургутского и Нижнего Приобья // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Поселения и жилища. Кн. 1. Томск: Изд-во ТГУ. С. 92, 275—296. Рис. 16—19.

Чемакин Ю.П., 1991. Проблемы археологии раннего железного века в Сургутском Приобье // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: Тез. докл. Барнаул: Изд-во АГУ. (В тексте — Чемакин, 1991б).

Чемакин Ю.П., 2001. Ранние комплексы на городище Барсов городок I/8 // Материалы по археологии Обь-Иртышья: Сб. науч. трудов. Сургут: РИО СургПИ. С. 18—25.

Чемакин Ю.П., 1983. Ранние памятники Сургутского Приобья (Доклад на VIII Уральском археологическом совещании. Свердловск, 21.04.1983). Свердловск.

Чемакин Ю.П., 1983. Раскопки на Барсовой горе // АО-1981. М.: Наука. (В тексте — Чемакин, 1983а).

Чемакин Ю.П., 2000. Раскопки ранних памятников на Барсовой горе // АО-1998. М.: Эдиториал УРСС. С. 350—352. (В тексте — чемакин, 2000а).

Чемакин Ю.П., 2000. Святилище кулайской культуры на Барсовой горе // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики. Материалы тематической науч. конф. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та. С. 155—159.

Чемакин Ю.П., 1993. Селище Барсова гора I/43 — памятник калинкинской культуры // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во УИФ «Наука» (БАУ. Вып. 22). С. 158—182. (В тексте — Чемакин, 1993б).

Чемакин Ю.П., 1979. Сургутское Приобье в I тыс. до н.э. // Вопросы финно-угроведения: (Тез. докл. XVI Всесоюз. конф. финно-угроведов). Сыктывкар. Ч. II. (В тексте — Чемакин, 1979а).

Чемакин Ю.П., 1980. Сургутское Приобье на рубеже II—I тысячелетий до н.э. (Доклад на VII Уральском археологическом совещании. Ижевск, 4.04.1980). (В тексте — Чемакин, 1980а).

Чемакин Ю.П., 1989. Сургутское Приобье во II—I тысячелетиях до н.э. // Материалы VI Международ. конгресса финно-угроведов. М.: Наука. Т. 1. С. 137—139.

Чемакин Ю.П., 1989. Сургутское Приобье в эпохи бронзы и раннего железа // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во НГПИ. С. 60—74. (В тексте — Чемакин, 1989а).

Чемакин Ю.П., Кокшаров С.Ф., 1991. Новое поселение барсовской культуры // Жилища народов Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ. С. 106—114.

Чемакин Ю.П., Кокшаров С.Ф., 1984. Поселение начала I тысячелетия до н.э. на Барсовой горе // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск: Изд-во УрГУ (БАУ. Вып. 17). — С. 115—130.

Чемакин Ю.П., Коротяев В.П., 1976. Много-слойное городище Барсов городок I/10 (к периодизации археологических памятников в Сургутском Приобье) // ВАП. Тюмень: Изд-во ТюмГУ. С. 49—62.

Чемакин Ю.П., Сосновкин И.Н., 1979. Городище Барсов городок I/2 близ г. Сургута // ВАП. Тюмень: Изд-во ТюмГУ. Вып. 2. С. 118—130.

Чемакин Ю.П., Ушаков М.А., 1999. Новый тип энеолитических памятников в Сургутском Приобье // 120 лет археологии восточного

склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф. Геннинга: Материалы науч. конф. Ч. 2. Новейшие открытия уральских археологов. Екатеринбург: Изд-во УрГУ. С. 32—39.

Чемакин Ю.П., Шатунов Н.В., 1997. Охран-ные раскопки кулайского могильника на Бар-совой горе // 275 лет сибирской археологии: Материалы XXXVII РАЭСК вузов Сибири и Дальнего Востока. Красноярск: Изд-во КГПУ. С. 35—36.

Чернецов В.Н., 1968. К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука. С. 41—53.

Чернецов В.Н., 1953. Древняя история Ниж-него Приобья // МИА. М.: Изд-во АН СССР. № 35.

Чернецов В.Н., 1951. Зеленая Горка близ Салехарда // КСИА. Вып. 25.

Чернецов В.Н., 1957. Нижнее Приобье в I ты-сячелетии нашей эры. Обзор и классификация материала. // МИА. М.: Изд-во АН СССР. № 58.

Чиндина Л.А., 1977. Могильник Релка на Средней Оби. Томск: Изд-во ТГУ.

Чиндина Л.А., 1984. Древняя история Сред-него Приобья в эпоху железа. Кулайская куль-тура. Томск: Изд-во ТГУ. 256 с.

Шорин А.Ф., 1974. Отчет о разведке и рас-копках на памятнике Барсова гора в Сургутс-ком районе Тюменской области, проведенных в 1974 году. // АКА УрГУ, ф. II, д. 196.

Шульц Л.Р., 1913. Краткое сообщение об эк-скурсии на р. Салым Сургутского уезда // Еже-годник Тобольского губернского музея. То-больск. Вып. XXI, II отд.

Яковлев Я.А., 1985. Отчет о работах Томско-го отряда археологической экспедиции Томс-кого государственного университета в 1985 году в Томской и Тюменской областях. // ИА РАН. Р 1/10911. Томск

Arne T.J., 1932. Västsibirisk Kultur för 1000 er sedan // Arkeologiska Studier tillägnade H.K.H. Kronprins Gustaf Adolf. Utgivna av Svenska Fornminnesföreningen Stockholm: P.A. Norstedt & söners förlag.

Arne T.J., 1935. Barsoff Gorodok. Ein westsibirisches Gräberfeld aus der Jüngerer Eisenzeit. Stockholm.

Chemjakin Yuri, 1996. Redarding the ethnic belonging of the Kulai culture // Congressus Octavus internationalis Fenno-Ugristarum. Pars VII. Litteratura. Archaeologia & anthropologia. — Jyväskylä: Moderatores. — P. 261—263.

Martin F.R., 1892. En resa i vestra Sibirien, utförd ar 1891 med understöd af Vegastipendiet. 1. Etnografiska och arkeologiska forskningar i Surgutska kretsen // Ymer. P. 64—65.

Martin F.R., 1895, 1897. Sibirica. Ein Beitrag zur Kenntniss der Vorgeschichte und Kultur sibirischer Völker. Stockholm.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВАП — Вопросы археологии Приобья	САИ — Свод археологических источников
ВАУ — Вопросы археологии Урала	УАЭ — Уральская археологическая экспедиция
ИИС — Из истории Сибири	ХМАО — Ханты-Мансийский автономный округ
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР	ЯНАО — Ямало-Ненецкий автономный округ
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР	ИИА — Институт истории археологии
РА — Российская археология	ИИЯиЛ — Институт истории языка и литературы.
РАЭСК — Региональная археолого-этнографическая студенческая конференция	
СА — Советская археология	

Елена Главацкая

ХАНТЫ В СОСТАВЕ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В XVII–XX ВВ.

*Е. М. Главатская,
кандидат исторических наук, доцент
Уральского государственного университета*

Ханты в составе Русского государства в XVII—XX вв.

Изменения в численности и формах поселений хантов XVII—XX вв.

Развитие системы управления в районах проживания хантов

«Пушная» политика русского правительства в Сибири

Ханты и русские: история взаимоотношений и взаимодействия

Ко времени присоединения Сибири к Русскому государству ханты жили по Средней и Нижней Оби и Нижнему Иртышу. Основными хозяйственными занятиями были рыболовство, охота, собирательство и оленеводство. Среди ремесел основное место занимала выделка кож, тканье полотна из крапивы. В хозяйстве отдельных групп хантов значительную роль играла торговля. Как правило, ярмарки проводились после установления зимнего пути в Казымской и Обдорской волостях. Торговыми партнерами хантов были ненцы, селькупы, русские купцы и служилые люди.

В процессе формирования этнической общности хантов значительную роль играла война. Постоянные войны шли с восточной группой манси, с ненцами и энцами, что привело к вытеснению этих народов в более северные районы. Целью военных походов было завоевание промысловых территорий, захват женщин, рабов и оленей, установление даннических отношений.

В условиях межплеменных и военных столкновений с ненцами, татарами и русскими формировались отдельные союзы племен — княжества, во главе которых стояли князья. Более мелкие княжества находились в даннической зависимости от крупных.

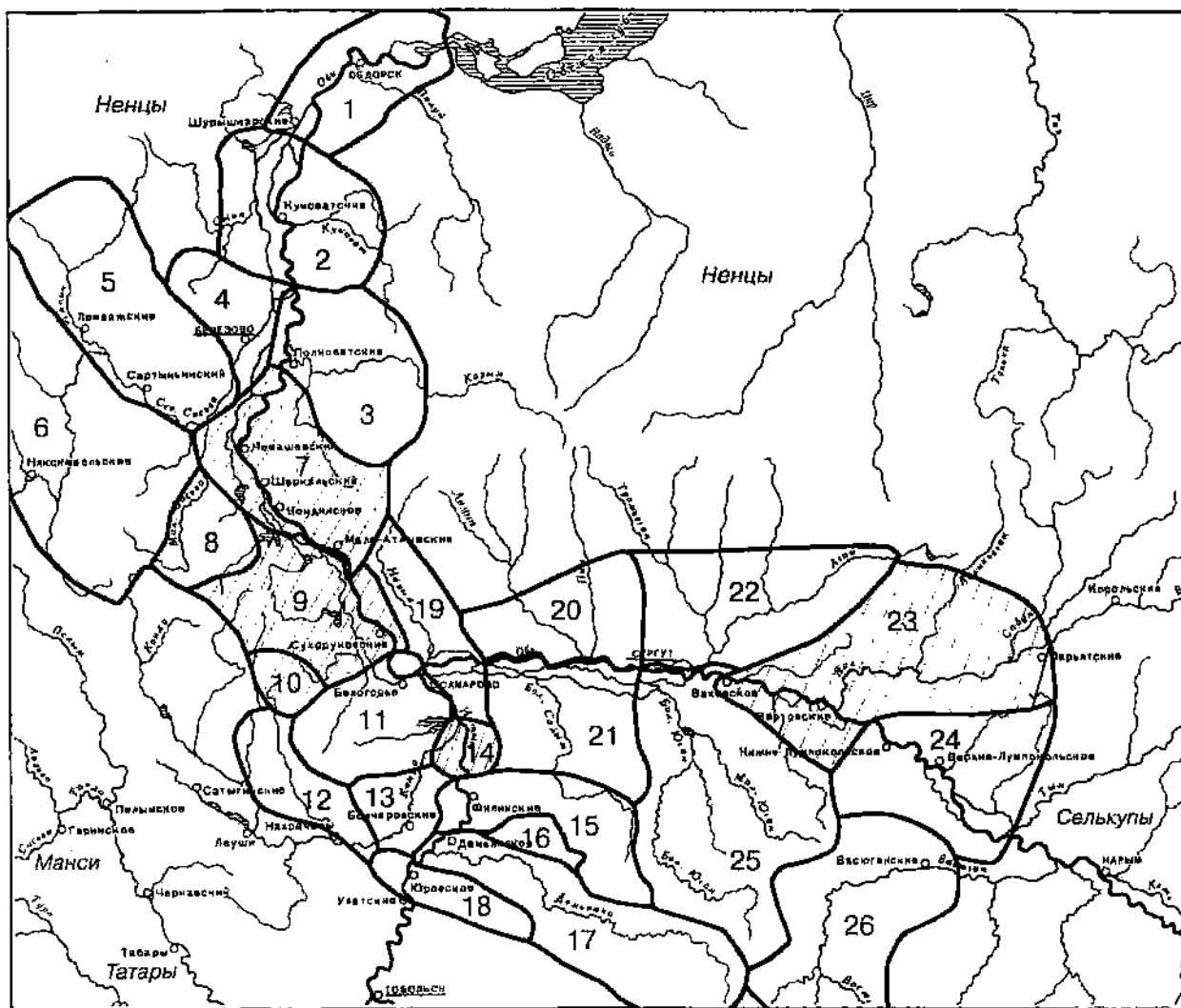
В основе политической организации княжеств была неограниченная власть военной аристократии, правителей различного уровня с определенным кругом прав и обязанностей. Во главе крупных княжеств стоял верховный правитель, которого русские письменные источники XVI—XVII вв. называли «большим князем», вероятно, дословно переводя на русский язык соответствующее хантыйское наименование, не сохранившееся до наших дней. Столицей и резиденцией большого князя было укрепленное поселение, известное по русским письменным источникам как «городок». Городок обычно располагался в глубине княжеского владения, что позволяло обезопасить его от неожиданных нападений, и представлял собой крепость, в которой жили князь с семьей, его рабы и слуги. Здесь же находилось святилище, казна, запас продовольствия, оружия и доспехов для вооружения ополчения, а также основные производственные мастерские: кузнеч-

ные, оружейные и бронзолитейные (см. Зыков, Кокшаров, 2000).

Внутри городок-крепость застраивался большими срубными жилищами, которые связывали друг с другом деревянные мостовые. Помимо этого внутри городка находились специальные постройки для проведения общественных мероприятий — собраний и пиров. По своему назначению городки-крепости хантов были аналогичны феодальным замкам средневековой Европы. В случае необходимости по призыву большого князя могло подняться все боеспособное население княжества. Огромна была и экономическая власть князей, они собирали подати и дань с подвластного населения. Во время таких рейдов князья посещали наиболее чтимые святилища, осуществляли судебные разбирательства (см. Очерки истории Югры, 2000. С. 34—38).

Русская колонизация Сибири нарушила естественный процесс развития хантыйского общества. Хотя некоторые княжества хантов и сохранились после присоединения к Русскому государству на условии исправной платы ясачной повинности (ежегодной сдачи шкурок зверьков ценных пушных пород), однако постепенно, в течение XVII в., они утратили свою самостоятельность. Большая часть территории была разделена на ясачные волости (численностью до 300—400 человек), которые распадалась на более мелкие группы родичей из 20—25 человек, владевших совместно рыбными, пастбищными и охотничьими угодьями. Волости, как правило, возникали на месте бывших самостоятельных княжеств и находились в административном подчинении уездов.

Одним из самых крупных хантыйских княжеств в XVII в. была *Кода* (см. карту 1). Княжество располагалось по обеим берегам Оби и распадалось на две части: собственно Коду и волости, присоединенные к ней пожалованием правительства. В состав Коды входили: Кодский городок Наргакор (Нангакор) (см. карту 2), Низянский городок, Шеркар (Шоркарские юрты), Калдасянские (=Калтысьянские) юрты, Чемап (=Чемашевский юрт), Нарыкор (=Нарыкорские юрты), юрт Вежакор, Вонжакорские юрты, Карымкарский юрт, юрты Большой и Малый Атлым (Бахрушин,

Карта 1. Ясачные волости остяков (хантов) в XVII в. (до 1668 г.). Сост. Е.М. Главацкой.

Березовский уезд

1 – Обдор; 2 – Куноват; 3 – Казым; 4 – Подгородная; 5 – Лятин; 6 – Сосьва; 7 – Кода; 8 – Естыл; 9 – Ендырь; 10 – Васпукол; 11 – Белогорье.

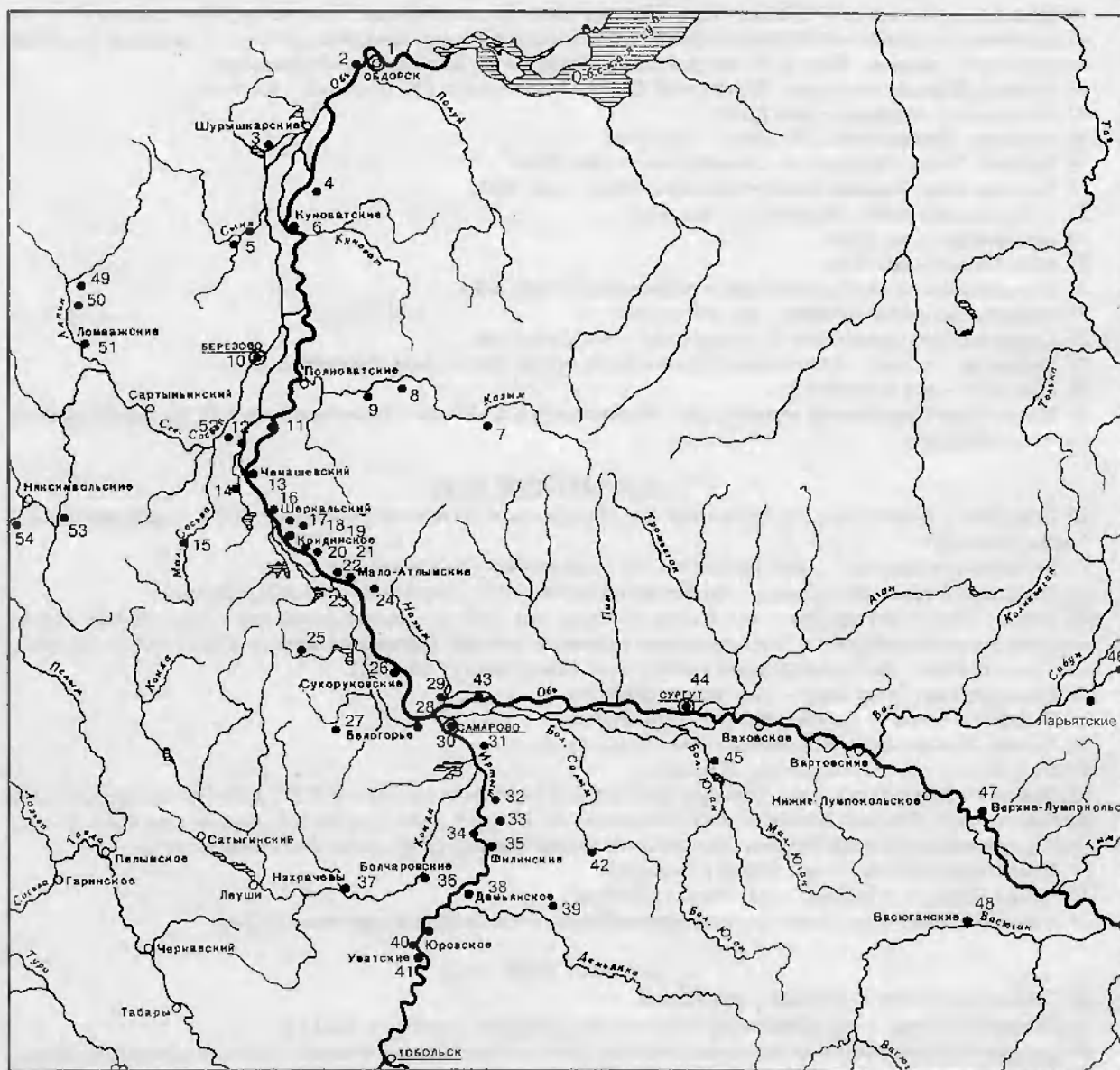
Тобольский уезд

12 – Юконда; 13 – Малая Конда; 14 – Колпукол (Тархан); 15 – Нарым; 16 – Цынга; 17 – Демьян; 18 – Назым (Лебоут).

Сургутский уезд

19 – Темличеева (Базиноновская); 20 – Селиарская; 21 – Салымская; 22 – Бардакова; 23 – Ваховская; 24 – Лунпукольская; 25 – Юганская; 26 – Васьюганская.

 – объединение Кода до 1643 г.

Карта 2. Остяцкие «городки» (юрты) XVII в. Сост. Т.Н. Дмитриевой.

БЕРЕЗОВСКИЙ УЕЗД

1. Обдорский (Носовой, Полуйский, Пулловат-ваши) — волость Обдор (см. карту остяцких волостей XVII в.). Около городка — столицы известного с XV в. остяцкого Обдорского княжества — в 1595 г. основан русский город Обдорск (=Салехард. Здесь и далее после знака = приводится современное название).
2. Собский городок (Сабдин, Собдин, юрты Собские, =Катровож) — вол. Обдор. По С.У. Ремезову, — на прав. б. р. Собь — Застава Обдорская.
3. Войкарский (Войкар, Ноцкой, Ночной, =Усть-Войкары) — вол. Обдор. По С.У. Ремезову, — справа от устья р. Войкар.
4. Уркар (Белой, Лангиваш, =Лангивож) — вол. Куноват.
5. Верх. Сынской (на прав. б. р. Сыня, ? =Овгорт) и Ниж. Сынской (лев. б. р. Сыня) — вол. Куноват.
6. Куноватский — вол. Куноват.
7. Казымский (Юильский) — на карте остяцких волостей XVII в. отмечен за пределами волости Казым.
8. Черикор, Черикар (=Хуллор) — вол. Казым.
9. Кельчикар, Кельчикар, Кичикор (=Кислор) — вол. Казым.
10. Сугмун-вош (=Березов. Русский город основан в 1593 г.) — вол. Подгородная.
11. Вежакорский, юрт Вежакор (=Вежакоры) — вол. Кода.
12. Нарыкор, Нарыкорские юрты (=Нижние Нарыкары) — вол. Кода. Примерно на этом месте, чуть выше, — г. Нарыкорской на карте Ремезова.
13. Чемаши, Чемашевский юрт (=Чемаши) — вол. Кода.
14. Калдасянские, Килдясанские (=Калтысьянские) юрты — вол. Кода.

15. Шухтунгорские юрты (=Шактур-Горт, Шухтур-Горт, Шухтыргорские, Эстальские, Шухтунгорт) — условно отмечены как центр остяцкой волости Ястыл (Естыльской): вол. известна с XVII в., но названия юрт этой территории — только с XVIII в. Позже селения по Малой Сосьве называются возульскими.
16. Шеркар, Шоркарские юрты, Шеркарский, Шеркальский городок (=Шеркалы) — вол. Кода.
17. Низянский (=Низямы) — вол. Кода.
18. Наргакор, Нангакорский, Нангакор — вол. Кода.
19. Кодский, Кода (=Кондинское, Октябрьское) — вол. Кода.
20. Курмыш-юган, Кармыш-юган (=Кормужиханка) — вол. Кода.
21. Вонжакарские юрты, Конжегоре — вол. Кода.
22. Бол. Атлым — вол. Кода.
23. Мал. Атлым — вол. Кода.
24. Карымкарский юрт, Нарыкорской (=Карымкары) — вол. Кода.
25. Эндырь, Эндырский городок — вол. Эндырская.
26. Сухорукские, Сухорукы (=Сухорук) — вол. Эндырская.
27. Вастухоль — условно обозначен центр волости Вастукол (Вас-Пукаль, Вастукол(ь)ская).
28. Белогорье — вол. Белогорская.
29. Муальмский (Назымский) городок — вол. Назымская (у Б.О. Долгих = Темличеева). По К.Н. Сербиной — это два отдельных городка.

ТОБОЛЬСКИЙ УЕЗД

30. Саларово — Белогорская или Темличеева вол. (Самаровский ям основан русскими в 1637 г. Современный город Ханты-Мансийск).
31. Базьяновы (=Базьяны) — вол. Темличеева или Базинонская (Базьяновская).
32. Колтухов (Колтукол, Куль-Пугль) — вол. Колтукол (Тархан), по К.Н. Сербиной — на лев. б. р. Иртыш.
33. Нарым, Нарымский городок — вол. Нарым (в первой пол. XVII в. — Верилимская вол.). Впоследствии городок перестал существовать, но его имя сохранялось в названии волости: Нарымская волость XVIII—XIX вв. Местонахождение городка — предположительно в районе юрт Сотниковых (=Сотник).
34. Цынгалинский (Тяпар-вош) — вол. Нарым (Цынга?).
35. Фышинские юрты (=Горноправдинск) — вол. Нарым.
36. Енеевы (Болчаровские, =Болчары) — вол. Малая Конда.
37. Нахрачевы (=Кондинское) — вол. Юканда.
38. Демьян (=Демьянское) — вол. Демьянка (Демьянский ям основан русскими в 1637 г.). По Г.Ф. Миллеру, городок остяцкого князя Демьяна, возможно, был расположен на 30 верст ниже Демьянского яма, на горе Чукас (=совр. Чугас), напротив остяцкой деревни, названной «по князю Романе» (совр. бывш. д. Нижний Роман).
39. Цынгальский (Цынга) — вол. Цынга (Цыньяла).
40. Назым (Лебоут, =Лебаут) — вол. Назым (Лебоут).
41. Уватские (=Уват) — вол. Назым (русская деревня Увацкая и погост Увацкой известны с XVII в.).

СУРГУТСКИЙ УЕЗД

42. Салымский городок (=Салым) — вол. Салым.
43. Селярские юрты — вол. Селярская (русское село Селярово известно с XVII в.).
44. Сургут — условно как центр Бардаковой волости. Русский город Сургут основан в 1594 г. вблизи городка остяцкого князя Бардака на территории Бардакова княжества, в XVII в. — Бардаковой волости (правобережье Оби, нижнее течение рек Тромьеган и Аган). Аслытская вол. XVII в. располагалась по Оби выше Сургута.
45. Юганское (Торомкат, =Юган) — вол. Юганская. Отмечено как погост (п. Юганска) у Ремезова.
46. Ларятские (=Большой Ларьяк) — условно как центр Ларьяцкой волости 1-й пол. XVII в. (по К.Н. Сербиной), находившейся по реке Вах, выше Ваховской волости, обозначенной на карте Б.О. Долгих. Очевидно, что селения были и по правому берегу Ваха (ср. соврем. село Ларьяк = село Ларятское XVIII в.). Выше юрт Ларятских нами отмечено обозначенное у Ремезова селение Ваховска Алач?ва (известно, что в конце XVI в. Ваховская волость была захвачена кодским князем Игичеем Алачевым во время участия в войне с Пегой Ордой).
47. Верхне-Лумпокольское (Верхнее Лумпокольское, то же (по КБЧ) Лундук вышней (=Верхняя деревня, Криволицкое) — вол. Лумпокольская, Лумпукольская.
48. Васюганские юрты (Церковные, =Сред. Васюган) — условно как центр Васюганской вол. Здесь, как и в некоторых других волостях, для XVII в. селения не указаны, но волость известна с XVI в.
49. Юильский городок на Ляпине (Сыгве).
50. Мункес, Мункос, Мукесские (=Мунгес) — вол. Ляпинская.
51. Ляпинский городок, Ломважские (=Ломбавож) — вол. Ляпинская.
52. Люликар (Люликарьские, =Люликары) — Сосьвенская вол.
53. Татсы (=Усть-Татсуи) — Сосьвенская вол.
54. Каменный (Искар, манс. Ахтас-ус, =Янытаул) — Сосьвенская вол.

Примечания:

1. Ляпинская и Сосьвенская (Сосьвинская) волости в XVII в. считались остяцкими, поэтому на карте показаны некоторые городки и этих волостей.
2. На карту нанесены городки (юрты), упоминаемые в литературе и местонахождение которых установлено. Показать все селения, отмеченные на карте С.У. Ремезова, в данном случае не входило в задачу исследования.

1955. С. 116). Первым кодским князем, признанным Москвой, был Алач. После него во главе княжества стоял его сын Игичей, вдова Анна, сын Михаил и с 1632 г. — внук Дмитрий.

Кроме Кодских городков Алачевым принадлежало также несколько волостей: примыкавшая к Коде с юга Ендырская волость, расположенная вдоль р. Ендырь, Ваховская волость Сургутского уезда, Вас-Пукол — Березовского и Кол-Пукол — Тобольского. В середине XVII в. общая численность населения Коды была около 2180 человек* (Долгих, 1960. С. 57, 64, 65, 80).

На рубеже XVI—XVII вв. шел активный процесс консолидации хантыйского общества, сопровождавшийся борьбой за политическую власть. В этой борьбе самое активное участие приняло княжество Кода, чему очень способствовала поддержка Москвы. Начало XVII в. характеризовалось глубокими социально-политическими потрясениями в России. Не обошли эти события стороной и Нижнее Приобье. 1607 г. ознаменовался началом крупного антирусского восстания в крае, которое возглавили обдорский князь Василий и его сын Мамрук, ляпинский князь Шатров Лугуев и претендовавший на княжение в Коде представитель боковой линии рода Алачевых Онжа Юрьев. Фактически восстание было продолжением борьбы за власть среди хантыйской знати, в нем приняло участие около 2000 человек. Восставшие неоднократно, но безуспешно пытались взять штурмом город Березов, который являлся одним из центров и оплотом русского господства в Сибири. Потерпев неудачу в военных действиях, младшие князья: Онжа Юрьев, претендовавший на власть в Коде, и Мамрук Обдорский, стремившийся занять место своего отца в княжестве Обдорском, в конце 1607 г. сменили политическую ориентацию и перешли на сторону русских. Это решило исход восстания, оно было подавлено, Онжа Юрьев за переход на сторону русских был пожалован княжением в Коде.

Вдова кодского князя Игичея Алачева, будучи недовольна утратой власти, предприняла попытку объединения всех хантыйских родов и организации нового восстания в 1609 г. Однако заговор был раскрыт и княгиня Анна арестована. Позднее власть в Коде вновь перешла к представителю старшей ветви князей Алачевых — Михайлу. Отношения с Русским государством складывались не просто. Кода смогла сохранить относительную независи-

мость до середины XVII в., однако боевые отряды кодских хантов (от 50 до 200 человек) постоянно участвовали в военных экспедициях русского государства. В 1604 г. кодские ханты помогали ставить Томский город, в 1607 г. участвовали в походе на князя Василия Обдорского, в 1617—1618 гг. были посланы в поход против тунгусов и участвовали в строительстве Маковского и Енисейского острогов, в 1620 г. были использованы для задержания беглых ссыльных, а в 1627 г. совершили еще один поход против тунгусов и эвенков Нижней Тунгуски. Многие города Сибири строились при участии кодских хантов, они выполняли подводную повинность, связывая оторванные друг от друга на тысячи километров поселения русских колонистов (см. Бахрушин, 1955. С. 122—123).

Одним из обязательных видов службы кодских хантов Русскому государю были ежегодные походы на озеро Ямыш за солью. Этой повинностью ханты особенно тяготились, что стало одной из причин восстания против князя Дмитрия Алачева в 1636 г. Центром, куда стекались восставшие, был городок Кармыш-Юган. Восстания повторялись и в дальнейшем, что, в частности, послужило поводом для отстранения князя Дмитрия Алачева и перехода в 1643 г. его вотчины, как и вотчины Онжиных Юрьевых, в пользу Москвы. Население было переведено в разряд государевых ясачных людей, а на бывшей территории Кодского княжества была создана ясачная волость Кодские городки.

После падения Коды политический центр хантов переместился на север, во владения обдорских князей. Последний раз верхушка кодских хантов попыталась вернуть свою самостоятельность в 1662 г., когда совместно с князьями Обдорскими она составила заговор с целью восстановления самостоятельности хантыйских княжеств. В коалицию были вовлечены практически все волости Березовского уезда: Обдорская, Ляпинская, Кодская, Сосьвинская, Казымская, Куноватская, Естыльская и Подгородная, прежде бывшие самостоятельными княжествами. Заговор был раскрыт, и восстание не состоялось, но под предлогом наказания виновных были казнены многие представители хантыйской знати (там же. С. 123).

Второе по значению место после Коды в Березовском уезде занимало *Обдорское княжество*, расположенное у впадения Оби в море. Столицей княжества был, видимо, Пулноват (Носовой), на месте которого впоследствии русскими был основан Обдорский городок, после чего резиденция обдорских князей была перенесена в Булван-Пукольские юрты. Важное место в жизни обдорских хантов занимал

* Общую численность волостей и княжеств мы определяем, используя методику Б.О. Долгих: суммируя ясачное население и умножая на коэффициент 4 (Долгих, 1960. С. 13).

также городок Войкар (Ночной) благодаря торговле с ненцами и городок Уркар (Белый).

Один из обдорских князей в конце XVI—начале XVII в. принял московское подданство и был крещен. Известный по источникам как Василий Обдорский, он был казнен в 1607 или 1608 г. за попытку восстания. Спустя чуть более полвека, в 1662 г., березовским воеводой был обвинен в антирусском заговоре и казнен его внук Ермак Мамруков. Установившаяся в XVIII в. в Обдорской волости династия князей Тайшиных получила дворянство и просуществовала до конца Российской империи. Согласно документам ясачного учета, в Обдорской волости в середине XVII в. насчитывался 161 ясачный человек (Долгих, 1960. С. 65), что могло соответствовать общему населению приблизительно 650 человек. Обдорские князья уплачивали ясачную и несли другие повинности в пользу русского государства: давали проводников и оленей, ездили с вестями, участвовали в военных походах, ловили преступников.

Ляпинское княжество было известно по русским источникам еще с XV в. В 1586 г. ляпинский князь Лугуй признал власть Москвы, был достаточно лоялен и обязался платить семь сороков соболей в год с подчиненного ему населения. Сын князя Лугуя, Шатров, напротив, стремился вернуть былую независимость своих владений и был постоянным участником антирусских выступлений в 1600 и 1607 гг. В ходе окончившегося неудачей восстания 1607 г. князь Шатров Лугуев был схвачен и повешен (Бахрушин, 1955. С. 138). После его гибели княжество распалось на Подгородную волость, Ляпин и Куноват. В Куновате утвердилась одна из линий княжеского рода — Артанзиевы. В середине XVII в. в этих волостях — осколках некогда большого княжества — числилось 317 ясачных людей (Долгих, 1960. С. 65), что могло соответствовать общему числу — приблизительно 1270 жителей.

Остальные княжества Березовского уезда были меньшими по численности и играли менее заметную роль в политической борьбе в XVII в. *Сосьвинское* (Сосьвенское) княжество с многочисленными городками: Искар, Тапсы, Нячин, Заглей, Вороней, Хюликар (=Люликар) быстро утратило свое политическое значение, но сохранялось как религиозный центр. Первое место в Сосьве принадлежало не князьям, а служителям культа. В 30-х и 40-х годах XVII в. лучшим человеком в Сосьве был «шайтанщик» Мундер, в 1654 г. в жертвоприношении Сосьвинскому богу участвовало шесть «шайтанщиков» (Бахрушин, 1955. С. 139). В середине XVII в. на территории бывшего Сосьвинского княжества проживало 312 ясачных лю-

дей (Долгих, 1960. С. 65), т.е. общее число жителей могло быть около 1250 человек.

Казымское княжество имело в своем составе три городка: Казым на устье р. Казым*, Кинчикор (=Кельчикар) и Черикор. В середине XVII в. в бывшем Казымском княжестве, которое возглавлялось князьями и мурзами, насчитывалось 137 ясачных людей (там же), что могло соответствовать общему населению около 550 человек. Подчинившись и признав власть Москвы, они должны были платить ясак по 4 сорока соболей (160 шкурок) и по 2 черные лишицы в год (Бахрушин, 1955. С. 138—139).

Белогорское княжество после завоевания было разделено на две Белогорские волости, которые входили в административную структуру Березовского и Сургутского уездов. В обеих насчитывалось приблизительно 88 человек ясачных (Долгих, 1960. С. 64), что могло соответствовать населению общей численностью около 350 человек. Если политический центр до середины XVII в. находился в Коде, то Белогорье приобрело большое значение благодаря своим святыням и оракулам. Можно говорить о том, что оно стало религиозным центром общехантыйского значения (Бахрушин, 1955. С. 139—140).

В XVII в. существовали также два *Демьянских хантыйских княжества*. Одно из них с центром в Бояровских (Бояровых) юртах на р. Демьянке принадлежало потомкам князя Бояра, который подчинился Ермаку, и насчитывало в середине XVII в. 48 ясачных людей (Долгих, 1960. С. 57), что приблизительно могло соответствовать общей численности населения в 190 человек. Другое княжество, принадлежавшее князю Демьяну (=Нимняюну), было разгромлено Ермаком, и на его месте были созданы две Верх-Демьянские волости, в которых в середине XVII в. проживало около 80 человек (там же).

В *Назымском городке*, который в 1598 г. возглавлял князь Лебоут, числилось в середине XVII в. 60 плательщиков ясака (там же), что соответствовало общей численности около 240 человек.

Городок Нарым находился в конце XVI в. под управлением князя Тыгана. Число плативших ясак людей в середине XVII в. составляло 63 человека (там же), т.е. все население Нарыма могло состоять из 250 человек.

Оба эти княжества, вероятно, мирно вошли в состав Русского государства, платили ясак и не принимали активного участия в политической борьбе за власть.

* Местоположение этого «городка» точно не установлено (возможно, что он был в районе Полновата), но хорошо известно о существовании Казымского (Юильского) городка в верхнем течении Казыма.

В Сургутском уезде, как и в Березовском, почти каждая волость в XVII в. совпадала с отдельным хантыйским княжеством. Наиболее заметным в XVII в., по историческим источникам, являлось княжество Бардака. В начале XVII в. оно еще сохраняло определенную долю независимости. Признав власть Москвы, князь платил ясак, помогал в завоевании соседней селькупской Пегой Орды. Конец независимости княжества был положен в 1619 г., когда сыновья сургутского князя Бардака Кинема и Суета напали на отряд, сопровождавший русский воеводу. После этого нападения родственники Кинемы были взяты в аманаты, Суета, вероятно, погиб, а власть в Бардаковой волости перешла к дальним родственникам князя Бардака. К Сургутскому уезду всего было приписано 10 ясачных волостей: Селияровская, Базионовская (Темlicheева), Салымская, Большая Юганская, Меньшая Юганская, Бардакова, Лунпокольская, Ларьятская и Васьюганская. Всего в них проживало около 2400 человек (Бахрушин, 1955. С. 141–142).

Таким образом, естественный процесс формирования государственных структур и консолидации хантыйского общества был прерван к середине XVII в. в результате колонизации края русскими. Часть знати погибла в ходе завоевания и подавления восстаний, остальные лишились политического и экономического влияния. Те, с кем удавалось установить мирные отношения, попадали в серьезную зависимость от русской администрации. В хантыйском обществе шли необратимые процессы децентрализации в рамках прежних княжеств и городков, разрушения древних институтов и структур и формирования новых социальных отношений.

Аборигенное население Березовского, Сургутского и Тобольского уездов (в составе которых оказались территории проживания хантов) было переписано к середине XVII в. в ясачные книги, по которым производился сбор ясачной повинности — обычно от 5 до 12 соболей со взрослого мужчины в год. Если добыть соболей не удавалось, то разрешалось платить повинность шкурками белок, бобров, песцов, выдр, лисиц, росомах, горностаев, оленей, лосей или деньгами. Если раньше пушная охота не играла значительной роли в хозяйстве хантов, то с установлением ясачного режима она выдвинулась на первый план. Снижение продуктивности пушного промысла уже в XVII в. привело к тому, что некоторые ханты вынуждены были закладывать свои охотничьи и рыболовные угодья. Однако вплоть до 1763 г. ясак взимался преимущественно пушными, оленьими и лосиными шкурами. В 1763 г. была проведена Первая ясачная комиссия, которая

установила новые размеры и условия сдачи ясачной повинности. Кроме того, была отменена система аманатства и институт ясачных сборщиков. С этого времени ответственность за своевременную и полную сдачу повинности ложилась на волостных старшин, которых избирали сами ханты. С конца 20-х г. XIX в. управление аборигенным населением начало осуществляться на основе Устава об управлении инородцами, подготовленного М.М. Сперанским. Одной из целей введения Устава было стремление перевести хантов на оседлый образ жизни и привести систему управления ими в большее соответствие с российскими формами. Результатом комплекса экономических реформ XIX в. стало сокращение этнической территории хантов и усиление политики русификации по отношению к ним.

* * *

Религиозные верования хантов существовали в различных формах. Описанию богатейшего религиозного наследия хантов посвящено большое количество научных работ. Задачей данного исследования было проследить политику правительства в отношении религиозных традиций хантов и религиозные изменения, произошедшие у них за 400-летний период существования в структуре Русского государства. Религиозные традиции — объект изучения, который с трудом поддается систематизации, тем не менее, для удобства исследования была использована система, предложенная профессором университета Санта-Барбары Н. Смартом (Smart, 1991. Р. 6). Описывая религии народов мира, он выделил несколько проявлений (измерений) религии: ритуальное, мифологическое, доктринальное, этическое и социальное. Не все эти аспекты в равной степени представлены в религиозных традициях хантов. Трудно, например, говорить о доктрине при отсутствии теологии, поэтому доктринальное проявление религиозных традиций будет заменено на культовое, то есть почитание хантами многочисленных божеств и духов — *лонгхов**.

В русских письменных источниках, описаниях миссионеров и научных работах божества, почитаемые хантами, назывались «шайтанами» или «идолами». Первые описания и труды по истории верований различных народов обычно составлялись учеными-христианами. Это привело к тому, что была выработана терминология, которая уже в основе своей неслала оттенок уничижительного, а иногда и от-

*Здесь и в дальнейшем для обозначения духов и богов, почитаемых хантами, будет использован термин *лонгхи* из диалекта восточных хантов.

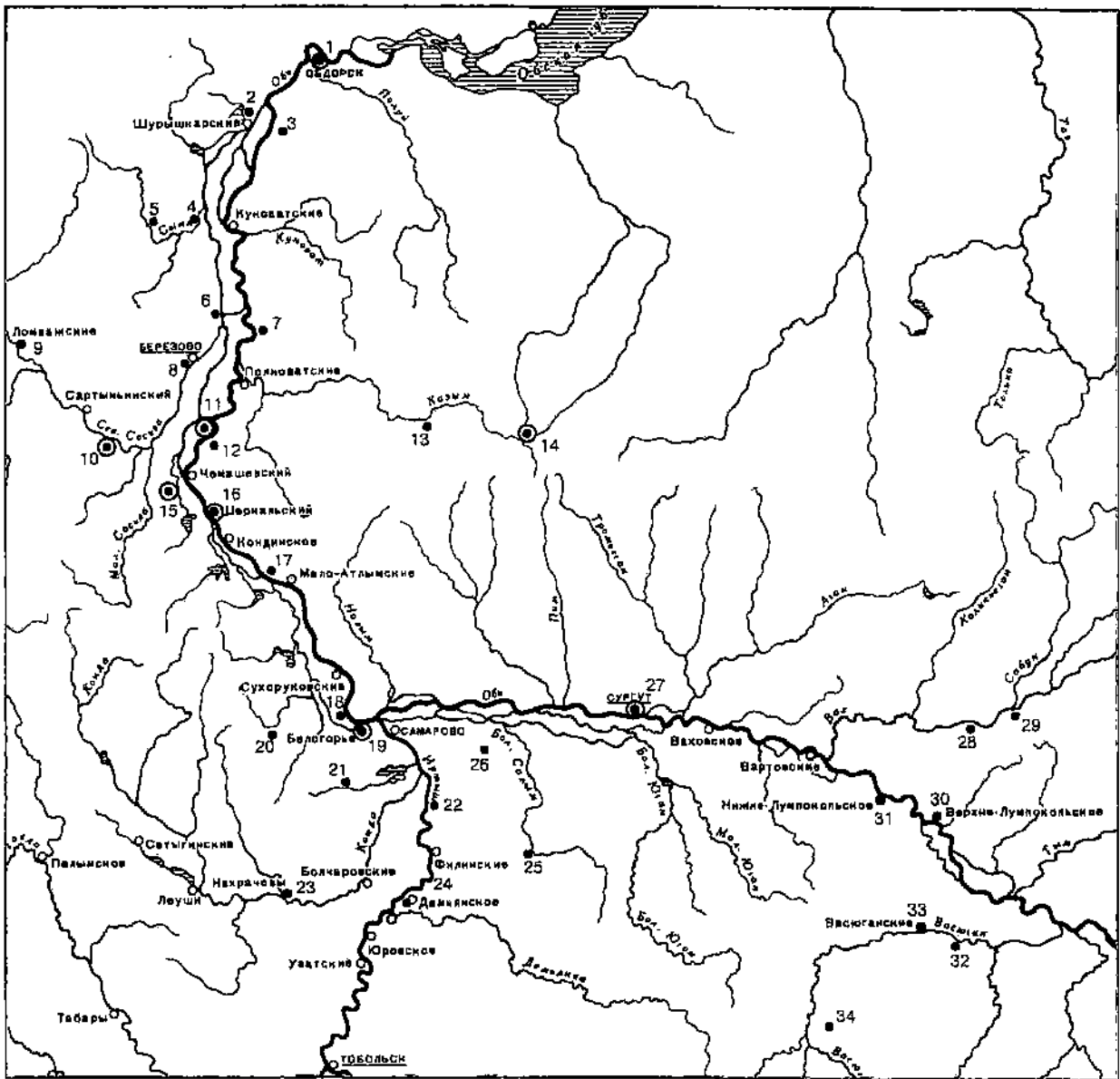
кровенно враждебного отношения к нехристианским верованиям. Так, религиозные традиции народов Сибири не только в описаниях миссионеров, но и в работах исследователей назывались идолопоклонством, изображения божеств, которым они поклонялись — идолами и шайтанами, а священные места — кумирнями и капищами. Борьба с религией в советское время привела к тому, что эта терминология и пренебрежительное отношение к нехристианским верованиям утвердились в отечественной научной литературе. Однако и в постсоветский период эволюционистский взгляд на развитие религий, рассматривающий политеистические религии как низшие, а монотеистические — высшие формы религиозного сознания, косвенно поддерживает сложившуюся ситуацию в области терминологии и создает ловушку. Погружение в прохристианскую терминологию XVII—XIX вв. исподволь настраивает и исследователя и читателя на принятие правомерности и необходимости борьбы с «идолобесием» — верованиями народов Сибири, разрушения «богомерзких капищ» — священных мест и сжигания «бездушных истуканов» — изображений божеств. Даже современные исследования еще не до конца освободились от этого. Например, в одной из последних работ, касающейся религиозных традиций хантов, манси и ненцев, термин «идолы» как в кавычках, так и без них продолжает активно использоваться (см. Очерки истории Югры, 2000. С. 239 и др.). Зарубежная наука с приходом в нее представителей различных народов и религиозных традиций постепенно скорректировала свою терминологию. При этом предпочтение было отдано терминам, заимствованным непосредственно из языка изучаемого народа.

Многие исследователи обращали внимание на то, что у хантов существовало представление о трехчастной вертикальной модели мира, в которой каждый из миров: верхний, средний и нижний, населены многочисленными лонгами — богами и духами различной степени важности. Некоторые из них доброжелательны по отношению к человеку, другие нейтральны или недоброжелательны. Со всеми необходимо установить хорошие отношения, с тем чтобы заручиться поддержкой от одних и предотвратить негативные последствия возможных действий других. Каждый хант, ведущий традиционный образ жизни, почитает определенных духов, которые считаются его личными покровителями. Связь между человеком и духом определяется во время специального обряда, проводимого вскоре после его рождения. Другая категория духов, почитаемых отдельными группами хантов, — это *лонги* — хо-

зяева отдельных речных бассейнов. Верховное божество Торум (=Нум-Торум) и члены его семьи почитаются всеми хантами, родственными им манси и соседями ненцами.

Значительное место в религиозных верованиях хантов занимал культ мертвых. Каждый умерший, по представлениям хантов, превращался в духа, требовавшего от живых подношений пищей и подарками (Соколова, 1994. С. 383; Лукина, 1990. С. 22–24.) Повсеместно распространен был культ медведя, который по преданию хантов мыслился как первопредок. Ему был посвящен медвежий праздник, который проводился в период зимнего солнцестояния и весеннего равноденствия. Медвежий праздники, или «пляски», были описаны практически всеми исследователями, побывавшими в Сибири в XVII—XIX вв. Известными центрами проведения медвежьих игр в прошлом были Вежакоры и Теги (см. карту 3). Праздники организовывались семьями, которые смогли добыть медведя, они собирали всех членов общины, иногда съезжались гости из отдаленных юрт. Сам праздник мог длиться несколько дней, как правило, 4 дня, если добывали медведицу, и 5 дней, если попался медведь. В течение всего этого времени исполнялись знаменитые медвежьи песни, пляски, разыгрывались сценки из жизни, устраивалась праздничная трапеза.

Каждый из *лонгов* (духов и богов), почитаемых хантами, требовал особого отношения к себе, обычно в виде приношений и жертвоприношений. На протяжении тысячелетий ханты выработали оптимальные формы и правила выживания в суровых условиях северных широт, которые определяли почти все аспекты поведения человека, и даже незначительное нарушение этих правил могло привести к трагическим последствиям. Таким образом, всю свою жизнь человек был вынужден выполнять многочисленные правила и ритуалы. Ритуалы условно можно разделить на три основные группы по степени регулярности и предсказуемости исполнения. Календарные ритуалы (проводятся регулярно и в определенное время года), переходные ритуалы (проводятся по мере достижения определенного социального статуса или свершения жизненного цикла (например, рождение, женитьба, смерть) и кризисные ритуалы, связанные с попыткой преодолеть какое-то несчастье (болезнь, эпизоотию, неудачу на промысле). Основная часть ритуалов, проводимых хантами, представляет собой молитву (общественную, семейную или индивидуальную) и жертвоприношение (в основном оленя или лошади) или подношения в менее серьезных случаях (отреза материи, пищевых продуктов, денег, небольших подарков).

Карта 3. Священные места хантов (XVII—XX вв.). Сост. Т.Н. Дмитриевой.

На данной карте, далеко не претендующей на полноту охвата материала, предпринята попытка показать расположение некоторых священных мест на территории проживания хантов (и манси), используя сведения из опубликованных источников. Это важнейшие культовые места общехантыйского и общеугорского значения, а также ряд святилищ менее широкой известности, важных для жителей отдельных территорий, в том числе «кумирни», существовавшие у обских угров до начала их христианизации.

1. Салехард (бывший Обдорск). Древнейшее святилище Усть-Полуй (со II—I вв. до н.э.). Ангальский мыс (хант. — Лонгх авыт «Мыс духов») — крупное священное место обских угров, связанное с миром умерших.
2. Шурьшкар. Священное озеро Шурьшкарский сор.
3. Ханты-Питляр. Священное озеро Ханты-Питлярский сор.
4. Вытвошгорт. Священное жертвенное место хантов реки Сыня.
5. Святой мыс. Место поклонения Торуку жителей Сыни и окрестных поселков.
6. Теги. Место поклонения богатырю Тек-ики и проведения в прошлом периодических медвежьих игр.
7. Ванзеват. Место, посвященное хозяину Нижнего мира Хын-ики.
8. Березово. Выезжая поселка — Шайтанский мыс (хант. Нанг пай пел — «Мыс лиственный острова», манс. Ялтынг пел — «Святой мыс») и река Шайтанка.
9. Ляпин (бывший Ляпинский городок). Священное место ляпинских остяков, которые сожгли построенную там в 1814 г. церковь.
10. Место бывших Тоболдинских юрт, где находилось святилище, известное русским как «Сосьвинский шайтан». Религиозный центр, объединявший нижнеобских хантов.

11. Везжакоры. Культурный фратриальный центр северных обских угров (фратрия Нор), где проводились периодические медвежьи игрища.
12. Священное место, где приносили жертвы божеству Чохрын-ойка. У него просили помощи в излечении болезней ханты и манси из разных мест, даже с Казыма и Сосьвы.
13. Место нахождения духовной сущности духа-охранительницы реки Казым, богини Вут-ими или Касум-тый-ими у бывшего селения Юильск (Юильский городок).
14. Нумто. Священное озеро, объект поклонения хантов и ненцев. Также связано с Казымской богиней.
15. Калтысьяны (хант. Калтасть курт), бывш. хантыйские юрты (=Кылдясанские, Калтысянские, Калтысьянские). Культурный центр обских угров, место богини Калтасть-анки (хант.), Калтасть-эва (манс.).
16. Шоркар (Шеркалы). Религиозный центр, посвященный одному из главных божеств обских угров — «За миром наблюдающему человеку» (хант. Мир-Вантты-Ху, манс. Мир-Суснэ-Хум).
17. Большой Атлым. Здесь находилось святилище, связанное с военной атрибутикой.
18. Троица. Священное место, где находилось изображение божества, вероятно, известное по русским источникам как Мир-Вантты-Ху, Мастер или Мастерко, «Мастерков шайтан».
19. Белогорье. Крупный культурный центр обских угров, прежде всего фратрии Мось, известный своими святилищами.
20. Вастухоль. В бывшей Вастухольской (Васпукол, Вас-Пуколь) волости был известен «Шайтан крылатый».
21. Солом. Священное место Стариков мыс, где стояли два священных дерева: кедр — Старик и ель — Старуха.
22. Кол-Пукол. Бывший хантыйский городок (XVII в.), имевший на священном месте изображение своего божества.
23. Нахрачи, совр. с. Кондинское, бывш. Нахрачевские (Нахрачинские) юрты, где находилось широко известное святилище, вероятно, Мир-Вантты-Ху.
24. Демьянское. Ниже села — бывш. д. Рачево, прежние Рачевские юрты, где находилось священное место Рача.
25. Салым (бывш. юрты Кынтусовские). Священное озеро Имн-тор (хант. Йимынг тор), или Емин-тув (хант. Йимынг тув), место духа-покровителя реки Салым, «вотчинника» Сотэм-тый-ики («Старика вершины Салыма»).
26. Ай-Ега. Святилище хантов Малого Салыма, место духа-покровителя, «вотчинника» Ай-ега-ики («Старика маленькой реки»).
27. Сургут. Древнее святилище сургутских хантов на Барсовой горе. Последний обряд жертвоприношения зафиксирован здесь в 1973 г.
28. Лабаз-Еган, бывш. деревня. Старинное священное место с двумя культовыми изображениями из пней.
29. Пузьюг. Место обитания «духа стрелочного дерева».
30. Верхнее Лумпокольское (совр. Новолуцкое), бывш. деревня. Прежде здесь существовало священное место, о чем свидетельствует название селения — из хант. Нум-лунгк-пухэл — «Верхняя деревня духа-охранителя». После постройки церкви в начале XVIII в. ханты назвали селение Нум-Торым-кат-пухэл — «Верхняя деревня с церковью (букв. «с домом бога»).
31. Нижнее Лумпокольское (совр. Александровское). Из хант. Ил-лунгк-пухэл — «Нижняя деревня духа-охранителя». Здесь также была построена церковь и появилось новое хантыйское название селения Ил-Торым-кат-пухэл — «Нижнее село с церковью».
32. «Жабье место» в устье Нюрольки. В прошлом женщины здесь выбирали себе мужей.
33. Средний Васюган. Шайтанский мыс — священное место Выен-Анкаля-пэй — («Хитрого Анкаля мыс»).
34. Озерное. «Старуха-мыс» и другие священные места у озера Тух-эктор.

В богатой хантыйской мифологии существовало, а под влиянием христианизации усилилось представление о триаде главных божеств: *Торуме*, его жене (или сестре) *Калтац* (=Калтась) и их младшем сыне *Мир-Вантты-Ху* (См. Кулемзин, Лукина, 1977. С. 139–141; 1992. С. 100; Лукина, 1990. С. 14–15; Соколова, 1994. С. 383; Головнев, 1995. С. 528–558.). Кроме того, мифологический аспект религии проявляется и в огромном количестве священных мест, почитаемых хантами, каждое из которых связано с определенным лонгхом, его местопребыванием, сюжетом из его жизни или реальным событием из истории самих хантов. Таким образом, ландшафт и отдельные его объекты связывают современную жизнь хантов с их прошлым, как реальным, так и мифическим. На территории свешенных мест может находиться амбарчик с изображением божеств и разнообразными прикладами, а может и не быть ничего, кроме необычной формы природного или ландшафтного объекта и костровища, свидетельствующего о регулярно проводимом ритуале почитания лонгха. К числу ритуальных предписаний поведения на священном месте относятся запреты на хозяйственную и промысловую деятельность. На их территории запрещается рыбачить, охотиться, рубить дрова, собирать ягоды.

* * *

Религиозные традиции играют огромную роль и в формировании этических норм в обществе. Одним из важнейших правил в жизни хантов считалось соблюдение многочисленных предписаний и ритуалов. Эти правила, по представлениям хантов, должны были защитить человека от неприятностей, даровать здоровье, удачу и счастье. Ограничения, особенно многочисленные для женщин, достигших фертильного возраста, помогали регулировать отношения в общине и семье (См. Лапина, 1998; Песикова, 1997). Согласно данным фольклора, боги не только передали людям этические нормы, но они наблюдают за тем, как эти нормы соблюдаются, и могут наказать как нарушителя, так и членов его семьи.

Религиозные традиции имеют большое значение для функционирования общества как определенного коллектива людей. Общественные ритуалы — моления и жертвоприношения в священных местах — собирали всех членов коллектива вместе. Система оповещения участников способствовала развитию связей и коммуникаций между людьми, жившими в отдаленных местах. Во время сборов для моления очень часто принимались решения по жизненно важным вопросам.

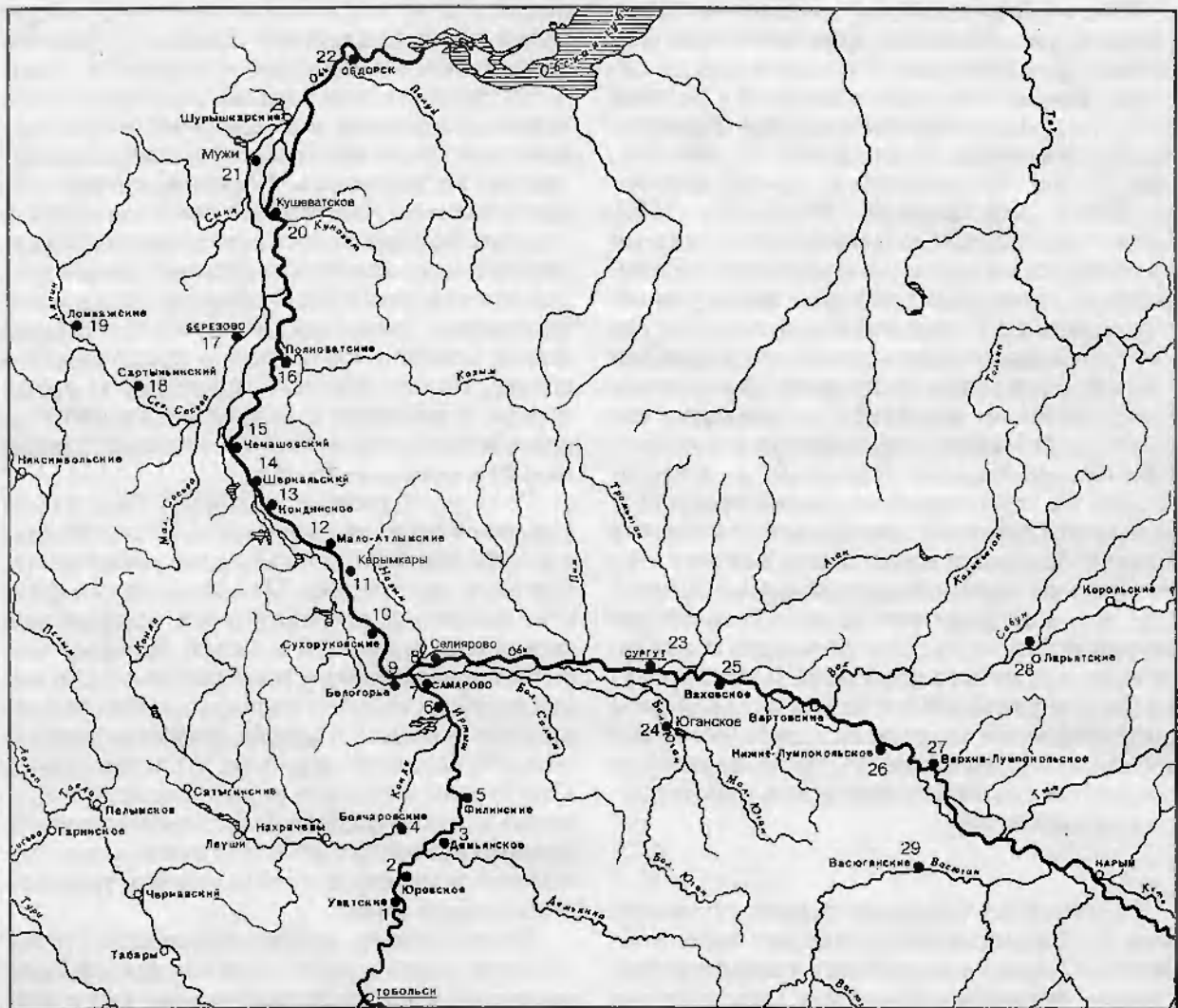
Медвежьи праздники (игрища) также тра-

диционно играли важную интегрирующую роль в жизни коллектива. Любые проявления асоциального поведения — воровство, жадность, трусость, хвастовство, пьянство — публично высмеивались во время медвежьих игрищ, в то время как храбрость, ловкость, мастерство восхвалялись. Короткие сценки, разыгрываемые участниками представления, в которых имитировалось поведение члена коллектива, замеченного в каких-нибудь проступках или слабостях, было обязательной частью программы праздника, и для зрителей было всегда понятно, кого именно представили в сценке. Половозрастное разделение во время игрищ, и особенно в период их подготовки, способствовало более глубокой социализации каждого члена коллектива.

Роль религиозных лидеров — *шерты-ко* (шаманов в русских письменных источниках) в жизни хантыйского общества также не может быть переоценена. Они выступали в качестве целителей, предсказателей, посредников между миром лонгхов и людей. Шаманы часто принимали важные решения, созывали людей на общественные ритуалы, помнили правила организации и детали проведения ритуалов, обычаи, весь комплекс этических норм. Они играли огромную роль в процессе сохранения и передачи этнического знания и опыта данной группы из поколения в поколение, помогали своим сородичам сохранить традиционный образ жизни.

Таким образом, можно утверждать, что все аспекты религиозного наследия хантов были ориентированы на формирование и укрепление коллективного самосознания хантов.

Важнейшими религиозными центрами хантов в XVI–XVII вв. были Белогорье и Сосьва. На Белогорье, близ устья Иртыша, по выражению С.У. Ремезова, «бе у них молибище большее... богине древней» (см. Бахрушин, 1955. С. 108) — общеугорское святилище в честь богини-жизнеподательницы *Калтац ими*, или *Калтац анки*. Впоследствии оно было перенесено князем Алачем на север, в юрты Кылдысянские (См. Очерки истории Коды, 1995. С. 97). Само название этих юрт, зафиксированное в ряде вариантов (Кылдысянские, Кильдысанские, Кылдысанские, Калтысянские, Кильтысянские, хант. *Калтац-Курт*), непосредственно связано с именем богини *Калтац* — покровительницы женщин. По представлениям обских угров, она, дающая детей и посылающая человеку душу, способствовала рождению ребенка и заботилась о его здоровье (Карьялайнен, 1995. Т. 2, С. 133–137; Мартынова, 1992. С. 74–76; Матвеев, 1997. С. 57). Важное положение и большое почитание *Калтац* основано на том, что она еще и определяла жизненный путь человека. Ее культ

Карта 4. Христианизация обских угров (строительство церквей на территории проживания хантов и манси). Сост. Т.Н. Дмитриевой.

Селения отмечены в направлении с юга на север и с запада на восток – по ходу русского освоения Иртыша и Оби и движения миссионеров.

1. Уватское – XVII в. 2. Юровское – XVIII в. 3. Демьянское (Демьянский ям) – XVII в. 4. Болчаровское – XIX в.? 5. Филинское – XVIII в. 6. Реполово – XVIII в. 7. Самарово – XVII в. 8. Селиярово – XVIII в. (ок. 1714). 9. Белогорье – XVIII в. (1714). 10. Сухоруковское – XVIII в. (1714). 11. Карымкары – XVIII в. (ок. 1714?). 12. Малый Атлым – XVIII в. (1714). Церковь сгорела в 1847 г. 13. Кондинское – XVII в. (первая церковь построена в 1600 г., в 1656 г. основан Кондинский Святотроицкий монастырь с каменной церковью). 14. Шеркарский (Шеркальский) городок – XVIII в. (1774). 15. Чемашевский (Чемашевское) – XVIII в. 16. Полноватское (Казымское) – XVIII в. (1714, 1756), XIX в. (1817), XX в. (1912). 17. Березово – XVII в., XVIII в. До 1723 г. существовал Березовский Воскресенский монастырь, но он был переведен в с. Кондинское и соединен с существующим там монастырем. 18. Сартыньинский (Сосвинский) городок – XVIII в. (ок. 1714). 19. Ляпинский городок (=Ломважские) – XVIII в. (ок. 1714). Церковь была сожжена хантами-язычниками, имевшими близ Ляпина свое «священное место». 20. Кушеватское – XVIII в. (ок. 1714). 21. Мужы – XVIII в. (ок. 1714). 22. Обдорск – XVII в. (1602), XVIII в. (1744), XIX в. (1867). 23. Сургут – XVI в. (1594?), в XIX в. каменная церковь. 24. Юганское – XVIII в. (1716). 25. Ваховское (=Локозово) – XVIII в. (1716, 1727). 26. Нижне-Лумпокольское (=Александровское) – XVIII в. (1716, 1733). 27. Верхне-Лумпокольское (=Кривоуцкое) – XVIII в. (1716, 1721). 28. Ларьятское – XVIII в. (1716). 29. Церковные (Васюганские) – XVIII в.?

состоял в жертвоприношении (Карьялайнен, 1995. Т. 2. С. 135–137). У восточных хантов ей соответствовал образ *Анки-пуго* (Головнев, 1995. С. 535–538).

Помимо этого в Белогорье, согласно сведениям, собранным во время миссионерской поездки митрополита Филофея Лещинского, в начале XVIII в. было еще три святилища. Иоганн Бернард Мюллер, сосланный в Тобольск пленный капитан драгун шведской армии, участвовал в поездке миссионеров к хантам и манси и подготовил рукопись «Об обычаях и нравах остяков и о том, как они были обращены из язычества в христианскую религию Греческого исповедания в 1712 г.». Эту рукопись Иоганн Мюллер отправил в Санкт-Петербург в 1716 г., а по возвращении в Европу опубликовал в 1720 г. в Берлине. Позднее она вышла приложением к немецкому и английскому изданиям и частично приведена во французском варианте книги Ф. Вебера по истории и современному состоянию России. Именно эта работа стала основным источником информации в Западной Европе о религиозных традициях хантов и начале распространения православия в их среде*. Что касается отечественных исследователей Сибири, то большинство сочло труд И. Мюллера в значительной степени повторяющим текст (или даже переводом текста) Григория Ильича Новицкого, сосланного в Тобольск украинского казачьего полковника, который также участвовал в экспедиции миссионеров и также подготовил рукопись «Описание о народе остячком» в 1715 г. Сходство текстов совершенно очевидно, но это практически неизбежно, поскольку оба автора находились в составе небольшого отряда людей, занятых общим делом, описывали одно и то же событие, в одно и то же время. Вместе с тем при тщательном сопоставлении текстов становится заметно, что Г. Новицкий и И. Мюллер обращали внимание и описывали различные детали священных мест и религиозных ритуалов хантов, в соответствии с тем, что каждому из них удалось узнать и что вызвало наибольший интерес (Главацкая, 1999. С. 82–102.).

Согласно описанию, составленному Иоганном Мюллером, в начале XVIII в. в Белогорье находилось три основных божества, которые пользовались особым почитанием хантов. Два из них стояли рядом друг с другом прямо в юртах *Bilhorsky* (= Белогорских). Первый, не имеющий названия, был наиболее важным и почитаемым. И. Мюллер признался, что не мог описать точно, как выглядело божество, поскольку, не видел его. Ханты, прослышав о том,

что Митрополит Филофей Лещинский едет к ним с целью крестить по царскому указу, убрали изображение божества с пути миссионеров, опасаясь, что его могли сжечь. Далее И. Мюллер сообщил, что по описанию самих хантов божество представляло собой бревно, покрытое красной тканью, верхняя часть которого была вырезана в форме головы человека. Изображение было обернуто большим количеством кусков ткани, пожертвованных божеству, а голова увенчана шапкой из дорогих шкур черных лис (см. Müller, 1722–1723. P. 83). Здесь уместно обратить внимание на тот факт, что в рукописи Григория Новицкого нет описания изображения этого божества. Он лишь сообщил, что ханты «сохранили сего истукана и унесоша в Конду, откуда же и Кондийским нарекоша. там же Вагулитам, единомысленным зловерия своего союзником, в соблюдение даша, сего ради и не получихом видети и известно описать о бесстыдном изображении его...» (Новицкий, 1941. С. 61). Позднее, когда опасность миновала, божество с Конды тайно было возвращено на прежнее место. В середине XVIII в. в русских источниках оно было известно под именем «Мастерков шайтан». Возможно, именно это божество, столь почитаемое и охраняемое хантами и манси, и было младшим сыном бога *Торума* и богини *Калтац*, культурным героем и покровителем обских угров, *Мир-Вантты-Ху* (манс. *Мир-Сусне-Хум*). Среди многочисленных названий этого божества у хантов — *Мастерко*, *Ворт* — «Господин, князь, герой», *Орт-ики* — «Богатырь-старик», «Князь-старик», *Нум-Сорни* — «Верхний Золотой», *Ун-ики* — «Большой старик», *Кон-ики* — «Царь-старик» или «Господин-старик» и др. В верованиях он представляется как всадник на белом восьмикрылом коне, объезжающий мир на высоте облаков; он может являться и в облике гуся. В Белогорье было главное святилище этого духа (Лукина, 1990. С. 18–19; Кулемзин, Лукина, 1992. С. 95).

Изображение другого божества, согласно И. Мюллеру, стояло рядом с первым и представляло собой медную фигуру в виде гуся с распростертыми крыльями. Этот бог, хоть и сделанный из меди, был далеко не таким значимым, как первый. Деревянное божество считалось более древним и, следовательно, более опытным. Кроме того, Гусь повелевал гусями, утками и другими дикими птицами, и его положение было значительно ниже, чем у главного бога, который командовал самим Гусем, и когда было необходимо отправиться в путь, садился на его крылья и приказывал отвезти себя туда, куда хотел. Ханты делали подношения Гусю, когда собирались на охоту на птицу и не очень ценные сорта соболя (см. Müller, 1722–1723. P. 84). Это

*В данной работе было использовано английское издание текста 1722–1723 гг.

описание функций Гуся и его отношений с более чтимым божеством, спрятанным от миссионеров, также совершенно расходится с рассказом, приведенным Г. Новицким, и является оригинальным текстом Й. Мюллера. Г. Новицкий вместо этого подробно описал устройство священного места Гуся и его внешний вид, упомянул о том, что ему приносили в жертву скот, чаще всего лошадей, и выразил свое негативное отношение к почитанию Гуся (см. Новицкий, 1941. С. 61).

Третье божество, по сообщению Й. Мюллера, называлось Старик Обский. Незадолго до приезда миссионеров его изображение стояло напротив города Самарово, где находилось одно из мест пребывания божества. Другое священное место Старика Обского было у слияния рек Иртыш и Обь. Поклоняющиеся ему ханты меняли местопребывания Старика Обского раз в три года, перевоза с большой торжественностью по Оби с одного места на другое в специально сделанной для него лодке. Это был бог, повелевающий рыбой, которую, по представлению хантов, он заставлял приплыть из моря в Обь, чтобы они могли поймать ее. Изображение божества было деревянным с длинным носом, покрытым железом, которым, как считали ханты, он и вытягивал рыбу из моря. У него было два маленьких рога на голове и стеклянные глаза, значение которых ханты не могли объяснить. Возле Старика Обского были положены военные доспехи, символизирующие его победу и превосходство над всеми морскими богами (См. Müller 1722–23. Р. 84–85). Не вдаваясь в подробности, отметим лишь, что описание этого божества, хоть и имеет много общего в рукописи Г. Новицкого и в работе Й. Мюллера, все же отличается рядом существенных деталей. Оригинальными в работе Мюллера являются описание лодки для перевоза Старика Обского с одного места на другое, некоторые детали «наказания» божества в случае неудачного лова и подробности «реабилитации» и возвращения изображения Старика Обского на прежнее место после улучшения лова.

Помимо крупных святилищ в Белогорской волости и Килдысянских юртах священные места располагались почти в каждом городке или селении на территории Коды. В Шоркарских юртах (Shorhaw), например, находилось местопребывание божества, также широко чтимого хантами. Его описание содержится только в работе Г. Новицкого. Это было антропоморфное изображение с серебряным лицом. Судя по сведениям, приведенным и Г. Новицким, и Й. Мюллером, Шоркарское божество обладало даром предвидения, предсказав появление миссионеров и призвав людей

отстоять верования своих предков и не дать разрушить священное изображение (Новицкий, 1941. С. 72; Müller, 1722–1723. Р. 91). Два других известных кодских святилища были связаны с военной атрибутикой. Они располагались в Большом Атлыме, где хранились два железных копы в берестяной пайве, и в Нарыкарах, где было священное место «крылатого старика» — орла, которого олицетворяли семь стрел, завернутые в ткань (Бахрушин, 1955. С. 104; Морозов и др., 1995. С. 160) (см. карту 3).

Еще одно священное место, глубоко почитаемое хантами, упомянутое только в описании Г. Новицкого, располагалось в Прохоровской волости. О нем говорится лишь то, что это было «многославимое скверного идола капище» (Новицкий, 1941. С. 89).

Имена многих хантыйских божеств, имеющих более узкую сферу влияния, до сих пор можно обнаружить в названиях местности. Это местные духи-предки, богатыри древних времен и лесные боги-духи, хозяева угодий. Им также приносились жертвы, чтобы добиться расположения и помощи. К числу лесных духов относились лонгхи, которых, как и духов-предков, изображали в виде деревянных фигур, иногда для них в тайге устанавливали лабазы (амбарчики на сваях). Практически каждое село имело своего бога — охранителя рода и, соответственно, священное место, где он проживал по представлениям хантов.

* * *

Осуществление христианизации хантов началось параллельно с их военным подчинением. Первоначально это касалось только знати. В 1600 г. по челобитью Анны, вдовы князя Игичея Алачева, в Кодском городке была построена церковь Живоначальной Троицы с приделом Николая Чудотворца и церковь во имя Соловецких угодников (Миллер, 1941. Т. 2. № 9. С. 154).

Однако в XVII в. христианизация не входила в круг первоочередных задач, которые виделись правительству. Заинтересованное в регулярном поступлении пушнины в качестве ясачной повинности от аборигенов, русское правительство не могло пойти на риск, усиливая нажим на верования населения присоединенных территорий. Поэтому, в соответствии с Российским законодательством, на территории Сибири борьба с язычеством и насильное распространение христианства (а следовательно, и массовое крещение) в XVII в. считались противозаконными. Это, конечно, не означает, что закон полностью соблюдался, но он служил мощным сдерживающим фактором (Главацкая, 1995а. С. 23–32).

XVIII в. ознаменовался началом миссионерской кампании в Сибири. Уже в январе 1701 г. появился указ Петра I «о расширении в сибирских иноверцах святого крещения до самого государства Китайского», позднее эта политика была подтверждена указами 1703, 1706, 1710 и 1711 гг. Царь повелевал местным властям оказывать всяческое содействие духовным лицам, направляемым в сибирские города в «ясашные вагулскую и остяцкую земли... для призывания и приведения чрез проповедь слова Божия в душеспасительное крещение и истребления по юртам мнимых их богов шайтанов, кумирниц и протчих нечестивых чтилищ...» (Цит. по: Древний город на Оби, 1994. С. 218). Указом 1710 г. сибирскому митрополиту Филофею Лещинскому предписывалось крестить хантов, «идолов огнем палить и рушить и капища их разорять». В русле проведения этой политики в 1712 г. состоялась первая поездка митрополита Ф. Лещинского в Белогорскую волость, Шоркарские юрты и Кодские городки, в результате которой было крещено около 10 человек в Коде и разрушены все священные места хантов по Оби от Тобольска до Березова. В описании этих событий мы опять обнаруживаем расхождения в текстах И. Мюллера и Г. Новицкого. И. Мюллер сообщил, что крещено было 10 или 11 человек (Müller, 1722—1723. P. 92), в то время как Г. Новицкий писал о том, что помимо князя было крещено еще 13 человек (Новицкий, 1941. С. 73). Указание в ряде работ (см. Акишин, 1996. С. 123; Очерки истории Коды, 1995. С. 162) на то, что в Коде в 1712 г. было обращено 30 человек, является, видимо, опечаткой или неправильным прочтением текста Г. Новицкого, в котором определенно указывается, что крещено было «тринадесят», т.е. тринадцать человек.

В 1713 г. обряды крещения были благополучно, по сообщению Г. Новицкого, проведены в Васпукольских, Казымских, Шоркарских и Белогорских юртах. В Атлыме миссионеры сначала встретили отпор, но потом ханты согласились креститься (см. Новицкий, 1941. С. 74—75). Неудачей окончилась попытка крещения в Бурейковых юртах, ханты прогнали миссионеров. Подводя итог экспедиции 1713 г., Г. Новицкий сообщил, что было крещено 3500 человек, проживавших по берегам Иртыша, Оби и ее протокам (см. там же. С. 77). Отношение хантов к экспедиции выразилось в слухах, передаваемых новокрещеными, о том, что было им видение «по воздуху летевшаго огнепална некоего мужа вооруженна», ударяющего копьём в судно митрополита Филофея Лещинского со словами: «Вторицею терплю ти; в третие же не потерплю» (там же).

В 1714 г., во время очередной поездки к хантам, попытка крещения в Бурейковых юртах опять закончилась неудачей. Однако в тех местах, где обряд был совершен в 1713 г., уже начали возводиться храмы. В ряде волостей они были сооружены на священных местах хантов. Таким образом, миссионеры использовали традиционное для населения ритуальное пространство, изменив сам ритуал. Церкви были возведены в Прохоровской волости, Сухоруковских юртах и Малом Атлыме (см. Новицкий, 1941. С. 89). Обряд крещения в 1714 г. был благополучно произведен в Карымкарских юртах над многими жителями, в том числе и «шайтанчиком», вероятно хранителем священного места, Явлаком (Новицкий, 1941. С. 90). Конечным пунктом назначения в эпопею 1714 г. стал город Березов, где было произведено массовое крещение (более полутора тысяч) хантов. И. Мюллер, обещая при первой возможности написать историю массового крещения хантов в 1713 и 1714 гг., сообщил о том, что это произошло благодаря тому, что большая часть хантов была собрана вся вместе, и если бы не это, то розыск их по лесам занял бы, по меньшей мере, лет десять (см. Müller, 1722—1723. P. 92). Что же заставило хантов собраться в город для крещения? Г. Новицкий сообщил об этом лишь то, что Обдорская, Сосьвинская, Ляпиская и Куноватская и прочие волости «властию томошних (т.е. Березовских. — Авт.) комендантов правительствуются» и многие жители этих волостей собрались в Березов и приняли крещение. (Новицкий, 1941. С. 90). Из этого можно сделать предположение, что жители были собраны в г. Березов властью коменданта. Характеризуя события в Березове, исследователь истории Сибири М.О. Акишин пишет: «В самом факте сбора князцов в Березове нет ничего удивительного, насильно их туда собрать никто не мог (в случае опасности остяки (ханты. — Авт.) прятались от русских в тайге, найти их там было почти невозможно)». (Акишин, 1995. С. 124). Автор забывает, однако, что в первой четверти XVIII в. еще существовал институт аманатства. В русских городах в распоряжении властей всегда имелось несколько аманатов — заложников из числа представителей знатных семей, которые служили гарантией покорности оставшихся на свободе. Так что от «приглашений» комендантов и воевод хантыйская знать обычно не отказывалась, завися от них экономически и дорожа судьбой родственников — аманатов. Кроме того, об использовании принуждения в ходе массового крещения в Березове в 1714 г. существует и прямое свидетельство. Один из окрещенных в это время, обдорский князь Тайшин, сообщил о том, что «в православную христианскую веру крестил ево неволю, насильно стольник Иван Бибииков» (РГИА. Оп. 5. 1726 г. Д. 253. Л. 32 об.; Акишин, 1996. С. 124).

Значительное количество хантов, которые не пришли креститься в город, оставалось еще некрещеным, поэтому Филофей Лещинский, отправляясь в Тобольск, оставил в Березове священников, которые позднее обошли все оставшиеся селения по протокам, совершая обряды крещения, разоряя и сжигая священные места хантов (см. Новицкий, 1941. С. 90).

В 1716 г. Ф. Лещинский крестил хантов в Балинских и Сахалинских юртах, а также живших вокруг Сургута, по рекам Ваху, Лямину сору и Салыму. Всего в 1716 г. было обращено 3,5 тыс. человек. В 1718 г. была совершена еще одна поездка и крещение сургутских хантов.

Сложнее пришлось миссионерам в северных районах проживания хантов. Когда в 1726 г. Ф. Лещинский предпринял попытку крещения в Обдорской волости, ему оказали решительный отпор. Вооруженные луками ханты забросали судно миссионеров стрелами и не дали им возможности высадиться на берег (См. Огрызко, 1941. С. 42–43). Позднее князья обдорские все же приняли крещение: Василий Тайшин в 1726 г., а Василий Мурзин в 1742 г. Однако миссия занималась не только крещением. Важной частью борьбы с язычеством стало уничтожение изображений объектов культа хантов. В 1723 г. в Березовском уезде русской администрацией были отобраны и сожжены 1200 деревянных и 5 железных изображений божеств в Калдысьяньских, Нерымкарских, Вежакарских и Суредких юртах, в Естыльской волости — 246, в Шаманских юртах — 146, в Вас-Пуколской — 20 (Бахрушин, 1955. С. 106–107).

В XVIII в. началось и активное строительство церквей на территории хантыйских волостей. В 1714 г. уже были воздвигнуты: в Белогорской волости — Святотроицкая церковь; в Сухоруконской — Духосошественная; в волости Малый Атлым — Преображенская; в Шокарской (=Шеркальской) — Спасская. Позднее церкви были основаны в Чемашах, на р. Казыме в с. Полноват (Успенская), Ляпине (Богоявленская), Сосьвинском и Кушеватском селениях (Христорождественские). В Сургутском уезде появились в Селиярской волости — Церковь Успения Пресвятой Богородицы; в Юганской и Балытской — Предтеченская; в Тымской — Святого Николая; в Ларьякской (=Ларьятской) — часовня. В 1721 г. в двух Лумпокольских волостях построили церковь Рождества Христова. В 1727 г. в Ваховской волости была сооружена церковь Богоявления Господня. В 1733 г. в двух Лумпукольских волостях (=Лумпокольских) появилась церковь Рождества Пресвятой Богородицы. В 1744 г. открыли церковь в Обдорске (см. Акишин, 1996. С. 125–129) (см. карту 4).

После того, как был нарушен процесс политической консолидации хантыйского общества, его объединение стало ориентироваться на религиозные центры, имевшие общехантыйское и даже общеугорское значение. Но начавшаяся политика всеобщей христианизации закрыла и этот путь консолидации. Формальное и порой насильственное крещение аборигенов привело к новому витку напряженности в крае и началу активного противодействия крещению. В результате миссионерская кампания в Сибири, инспирированная государством, потерпела неудачу: большая часть окрещенных не стала от этого христианами, а антирусские настроения среди населения усилились.

Граница христианского (где русское влияние было достаточно сильно) и языческого миров проходила в XVIII в. по линии Обдорского городка. На севере Западной Сибири сложился своеобразный союз обдорских хантов и ненцев, совместно выступавших против находившихся в сфере влияния русской власти соплеменников. Начало XVIII в. характеризовалось постоянными набегами на принявшие крещение хантыйские волости. В 1718 г. ненцы при содействии обдорского князя Тайши Гындина совершили набег на хантов Куноватской и Ляпинской волостей, во время которого несколько человек были убиты и изувечены. Рейды ненцев в эти волости повторились в 1722 г., сопровождались убийствами, сожжением церкви — символа русского господства, надругательствами над крещеными, грабежами и угоном оленей (Миненко, 1975. С. 292–293). В те же годы ненцы совершали набеги на Подгородную волость, потом снова на Куноватскую, ограбили Награчевские (=Нахрacheвские) и Жижимховские юрты, где убили несколько крещеных хантов. Только после вмешательства Березовского воеводы набеги прекратились.

Новая полоса волнений началась в 1826–1828 гг. Поводом послужили слухи о готовящемся насильственном крещении. Зачинщиками выступили ханты Ендырьских юрт. Однако открытое выступление на этот раз властям удалось предупредить (см. Миненко, 1975. С. 294–295).

После подавления волнения московское правительство сделало ставку на Обдорского князя в управлении краем. В результате власть княжеских родов на Севере оставалась непоколебимой до конца XIX в. Рост политического влияния обдорских и куноватских князей в XIX в., злоупотребления в практике сбора податей, регулирования земельных конфликтов не раз вызывали столкновения между хантыйскими князьями и вождями ненцев (например, восстания Ваули Пиеттомина и Пани Того).

Российская колонизация, в результате которой происходили миграции населения с запада на восток и с юга на север, подтолкнула угров к продвижению на север Приобья. В ходе этих миграций происходили столкновения между нижнеобскими самоедами и мигрантами уграми, шел процесс смещения угорского и самодийского населения. Это послужило основой складывания самобытной этнической общности северных хантов (Перевалова, 1997. С. 21).

В середине XIX в. начался новый этап наступления на религиозные верования хантов. В 1832 г. для распространения православия среди аборигенного населения Сибири была создана Обдорская миссия под руководством иеромонаха Макария, которая вскоре была закрыта по просьбе тобольского губернатора из-за начавшегося на Ямале восстания ненцев. В 1844 г. Кондинский мужской монастырь был преобразован в миссионерский. При нем было организовано начальное училище для детей хантов с целью подготовки толмачей для миссионеров и «помощников в деле миссии». С этой же целью в 1846 г. была создана русско-туземная школа в Обдорске. Она помещалась в доме священника П. Попова, знавшего язык хантов, и содержалась за его счет. Обучение по своему характеру было церковным. В 1852 г. школа была передана в ведение духовной миссии, которая ставила цель подготовить «туземных христианизаторов» и с их помощью привлечь хантов к православию. Однако желающих отдать детей в школу не нашлось.

Поскольку миссионерам приходилось проповедовать народам, ведущим кочевой образ жизни, была выработана своеобразная форма работы — организация походных (передвижных) церквей, институт которых был официально введен в 1854 г. Императорский указ гласил: «Для совершения богослужений и христианских треб у просвещенных Св. Верою остяков и самоедов, обитающих в обширном Обдорском приходе Березовского округа и для успешнейшего обращения в православие... остающихся в идолопоклонстве, учредить при Обдорской Петропавловской церкви походную церковь...». (ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 25. Д. 127. Л. 35 об.). Эти походные церкви сыграли основную роль в деле крещения хантов, хозяйство которых базировалось на кочевом оленеводстве. Они получили высокую оценку и самих миссионеров. Священник Петр Попов, один из самых выдающихся деятелей миссионерского дела в Северо-Западной Сибири, так отзывался о походных церквях: «... жизнь оседлая пока еще для инородцев Северного края — перемена довольно тяжелая, она для них мучительна, и по бесплодию почвы страны суро-

вой не может дать им тех выгод, какие доставляет им кочевая жизнь, следовательно, средством первоначальным и более удобным может быть только походная церковь. Проникая в самые отдаленные места, она, принося свет христианского учения во все места, наполненные мраком заблуждений, свободно может рассеять его, смягчить нравы и обычаи народа и мало-помалу расположить его к жизни оседлой». Походная церковь, по мнению П. Попова, должна была возбуждать зрительные чувства народов Сибири «приличным благолепием, слух — приятным пением, нравственные чувства — благочестием и отличною нравственностью служителей церкви» (ТФ ГАТО. Ф. 402. Оп. 3. Д. 73. Л. 27–28 об.).

С 1865 г. в Северо-Западной Сибири стали возникать миссионерские станы, сеть миссионерских институтов постоянно расширялась. В 1867 г. в Обдорске была учреждена вторая походная церковь, открыта Сургутская миссия и Тазовский стан (ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 26. Д. 590. Л. 85; Д. 651. Л. 24). Миссионеры с походной церковью и причетниками должны были постоянно находиться в разъездах по стойбищам для отправления богослужения и христианских треб у крещеных и обращения некрещеных. Церковь, как и государство, старалась опереться на авторитет знати. В 1865 г. князь И. Тайшин вынужден был дать архиепископу Варлааму письменное обязательство, с приложением своей именной печати, что будет «исполнять христианские обязанности... и содействовать обращению в христианскую веру всех без разбору подведомственных ему инородцев» (Цит. по: Свешников, 1959. С. 96). Для того, чтобы легче добиться согласия на крещение, миссионеры начали применять закон «О сложении ясака на 3 года с инородцев, вступающих в христианскую веру», введенный Петром I и неоднократно подтверждавшийся в последующие годы.

С целью приобщения аборигенов к христианству с детства, миссионеры, разъезжая по юртам, пытались уговорить хантов отдавать детей в Обдорскую миссионерскую школу, но лишь в исключительно редких случаях и с большим трудом удавалось привлечь в школу сирот. По данным миссионеров, в обдорской школе в разные годы училось от 4 до 30 человек.

Для усиления влияния на духовный мир аборигенного населения в 1897 г. был разработан ряд мер, в том числе в Обдорске была открыта школа с общежитием для 15 «инородческих» детей — прообраз будущих интернатов, но и на этот раз набрать учеников не удалось (Дунин-Горкавич, 1994. С. 66).

Не лучше обстояло дело и с крещением. С 1854 по 1879 г. в среднем, по сведениям мис-

сионеров, ежегодно крестилось не более 56 человек, несмотря на то, что в это время действовали уже три миссии (Обдорская, Кондинская и Сургутская) и применялись все меры, вплоть до принуждения (Иринарх, 1906. С. 21).

С начала XX в. миссия стала еще больше уделять внимания школьному делу, созданию на хантыйском и ненецком языках учебной литературы и переводам церковных книг. В 1900 г. была издана «Емынг ястопса» — Священная история на хантыйском языке, а в 1903 г. — «Предначинательные молитвы». Параллельно с переводами священник Егоров работал над созданием учебной литературы. Им был подготовлен и издан букварь для обучения детей хантов.

До 1905 г. в школах еще до некоторой степени привлекался родной язык учащихся, позднее произошел полный переход на русский. Миссионеры больше уже не делали попыток введения обучения на родном языке не только из-за отсутствия учебников и малого количества учеников, но и потому, что русское правительство стало открыто проводить политику русификации. Со второй половины XIX в. процессы ассимиляции хантов русскими значительно усилились, особенно подвержены ей были южные районы расселения хантов.

Однако ханты испытывали этническое давление не только со стороны русских. С XVIII в. территория расселения хантов Ляпинско-Сосьвинского бассейна стала местом притока манси, в результате которого усилились ассимиляционные процессы. В XVIII в. население этих территорий еще было смешанным, а к началу XIX в. процесс ассимиляции хантов манси здесь практически завершился, часть хантов при этом вынуждена была переселиться в соседние Обдорскую и Куноватскую волости. Одновременно ханты испытывали сильное этническое давление со стороны сибирских татар, при этом преобладали процессы ассимиляции хантов татарами.

* * *

Аграрные и административные преобразования конца XIX в. представляли собой совершенно новый этап в истории коренных народов Сибири в структуре Российского государства. Проведение землеустройства сопровождалось насильственным изъятием в колонизационный фонд земель, находившихся в пользовании хантов, многие кочевники были причислены к категории оседлых, при этом их новые «крестьянские» оклады во много раз превышали размер прежней ясачной повинности. Административная реформа упразднила «Устав об управлении инородцев» 1822 г. и ставила управление аборигенов в полную зависимость от крестьян-

ских начальников (Дамешек, 1983. С.125). Таким образом, впервые за всю историю русской национальной политики в Сибири ставилась задача коренных изменений в жизни аборигенного населения. Этот комплекс мероприятий шел в русле новой внутренней политики Российского государства, направленной на скорейшую и полную русификацию населения. Результатом было обострение антирусских настроений в среде коренных народов, усиление протеста как в пассивных, так и в активных формах и подъем национального самосознания. По времени эти события совпали со сменой политической власти в России, однако в Сибири реальное становление Советской власти началось лишь после окончания гражданской войны 1918—1921 гг. Война привела к нарушению сложившихся торговых связей, нехватке охотничьих припасов, отсутствию товаров, падению в два раза, по сравнению с довоенными годами, пушного и рыбного промыслов. Оленеводство, не успевшее в полной мере восстановиться после эпизоотии 1911 г., также испытывало серьезные трудности. Голод и болезни свирепствовали на стойбищах и в юртах. По наблюдениям современников, смертность превышала рождаемость. Возросла опасность вымирания северных народов (Копылов, 1994. С. 10).

Однако связанное со сменой государственной власти ослабление идеологического давления на хантов привело к оживлению процесса складывания этнического самосознания и роста инициативы. В 20-х гг. XX в. началось советское строительство в районах расселения хантов. В 1922 г. состоялся Съезд представителей коренного населения Севера, который принял резолюцию о выделении Обского севера в особую административную единицу с местным управлением и центром в с. Самарово (ныне г. Ханты-Мансийск). Вероятно, это была еще одна попытка подтолкнуть процесс этнической консолидации хантов. Однако это решение было отменено, и центром Обского севера стал г. Тобольск. Одновременно был создан отдел Наркомнаца по охране и управлению народностями Севера России. В очередной раз вопрос о судьбе хантов оказался не в их руках. Основная цель вновь созданного органа состояла в том, чтобы помочь «отсталым» народам Севера догнать Центральную Россию. С этого времени начали предприниматься активные попытки партийного и советского строительства у народов Севера. Однако эти мероприятия не находили отклика в среде хантов.

В 1923 г. комиссия по проверке административной работы на Севере пришла к выводу, что «инородцы» управлялись своими старшинами, сохранившимися с царских времен. Поэтому было решено начать готовить партий-

ных лидеров из числа представителей малочисленных народов. В 1924 г. были созданы первые родовые сельские советы (Кушеватский и Мужевской), а в местные райисполкомы и сельсоветы избрали 154 ханта.

Кроме того, в 1924 г. при Президиуме ВЦИК был организован Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера). При его поддержке была осуществлена Приполярная перепись населения северных районов, данные которой послужили основой для проведения землеустройства, национального районирования, организации учреждений культуры, просвещения, здравоохранения.

В 1925 г. Тобольский окружной исполнительный комитет утвердил «Временное положение об управлении туземными племенами на северных окраинах Тобольского округа», которое базировалось на идее использования традиций и органов самоуправления у коренного населения (Мартынова, 1996. С. 85). В результате в январе-феврале 1926 г. был создан Казымский туземный Совет с центром в селе Полноватское, однако уже в 1930 г. начинается реформирование органов управления по территориальному принципу. Идея национально-территориальной автономии была реализована в создании Остяко-Вогульского национального округа. Однако автономия эта была чисто формальной, поскольку реально округ находился в подчинении партийных, областых, федеральных и союзных властных структур.

В конце 20 — 30-х гг. XX в. был нанесен еще один удар по процессу этнической консолидации хантов. Началась борьба с «эксплуататорскими элементами»: зажиточными хантами и шаманами. Они были лишены избирательных прав, их ограничивали в использовании охотничьих, рыболовных и оленьих угодий. В 30-е годы эта борьба особенно обострилась: ханты отказывались участвовать в выборах в местные органы управления (туземные советы) в тех случаях, когда им не удавалось избрать в них наиболее уважаемых людей, т.е. богатых соплеменников и шаманов.

В 30-х гг. XX в., в связи с коллективизацией, начался очередной процесс перераспределения земельных, водных и промысловых ресурсов в пользу образованных колхозов за счет владений богатых родов. Поскольку изъятие земель вызвало протест хантов, бюро Ханты-Мансийского окружного комитета партии приняло в 1936 г. постановление об изъятии у богатых хантов — противников коллективизации в Сургутском районе, в особенности в Тром-Аганском национальном Совете, 1500 оленей. Одновременно хантов старались перевести на оседлый образ жизни. В 1935 г. в Ханты-Мансийском округе было основано уже 50

крупных поселков, в которые были принудительно сселены бывшие кочевники.

Борьба советских и партийных органов с «отсталостью» приводила к разрушению традиционного уклада жизни хантов. Основными институтами в насаждении советских культурных ценностей стали культбазы. Одной из самых энергичных была Казымская культбаза, построенная на р. Казым (по ее притоку р. Амне). Первый удар был нанесен по православию, которое пустило к этому времени корни в тех районах, где ханты проживали в тесном контакте с русскими. В начале деятельности культбазы по атеистической борьбе ханты, в значительной степени воспринявшие христианство, пытались защитить церковь в с. Полноват от передачи ее под «культурное учреждение». Они увезли к себе в юрты ключи от церкви, однако позднее вынуждены были примириться с решением Совета, после чего церковь была передана под клуб (см. Соколова, 1971. С. 216—219).

На собраниях колхозников активистами подготавливались и проводились акции, направленные против «пережитков прошлого», а на самом деле против традиций и этических норм хантов. В частности, проводились собрания, на которых женщин провоцировали на отказ носить платки и закрывать лица от родственников по мужской линии. Организовывались массовые показательные стрижки кос у мужчин. Резкое вторжение чуждой идеологии и практики хозяйствования в традиционный жизненный уклад вызвало крайне негативное отношение хантов к начавшимся преобразованиям. Даже само название «культбаза» несло в себе злое начало в представлениях хантов, так как «куль» по-хантыйски — черт (Головнев, 1995. С. 574).

В 1931—1933 гг. недовольство коренного населения нововведениями особенно усилилось. Центром сопротивления новой власти и ее мероприятиям стал Казым. Основными требованиями хантов были: отмена твердых заданий по сдаче оленины, пушнины и рыбы, восстановление в правах зажиточных хантов и шаманов, отмена обязательного обучения детей в школах и закрытых интернатах, ликвидация Казымской культбазы и фактории «Уралпушнина», которую устроили на священном для хантов месте — озере Нум-то. В начале 1934 г. конфликт вылился в вооруженное восстание хантов. Казымский мятеж принял жесткие формы и был подавлен: 88 человек арестовано, 51 (в том числе 29 шаманов) — осужден (см. Лезова, 1993. С. 66—67). После изоляции наиболее авторитетных и состоятельных хантов процесс советизации пошел быстрее. К весне 1934 г. 77% детей было охвачено школой.

В 1937 г. письменность хантов была переведена с латинского (который ввели и пытались использовать в течении нескольких лет) на русский алфавит с дополнительными знаками, в 1930—1950 гг. продолжались работы по созданию письменности хантов на шести диалектах и говорах: обдорском, казымском, среднеобском, шурышкарском, ваховском, сургутском (Кулемзин, Лукина, 1992. С. 8).

Однако, несмотря на определенные достижения в области введения всеобщего школьного образования, сторонники быстрее «просвещения» «отсталых народов» понимали, что необходима постоянная борьба с «религиозными пережитками». Удар по религиозным верованиям хантов был нанесен дважды: в ходе «культурной революции» в конце 20-х — в 30-е гг. и «научно-атеистической деятельности» в 60-е гг. Борьба с посещением священных мест велась постоянно. Для того чтобы ликвидировать священные избушки с изображением богов-покровителей, проводились беседы. Хантов, совершающих подношения и жертвоприношения духам-покровителям, вызывали на партийные собрания. Отдельно устраивали агитационные собрания для женщин. И только после такой тщательной подготовки организовывали общегражданское собрание, на котором добивались согласия хантов на вывоз избушки со священного места.

В январе 1962 г., например, на собрании колхозников было принято решение уничтожить культовое место в поселке Юильск, на реке Кельс-Юган. Это был священный амбар с культовыми изображениями, почитавшимися стариками-хантами окрестных поселков. Священный амбарчик был ликвидирован. Богатые приклады частично конфискованы (114 золотых и серебряных монет), частично расхищены. Сохранившиеся культовые изображения попали в разрозненном состоянии в Березовский районный и Ханты-Мансийский окружной музеи.

В амбарчике, очевидно, хранились изображения предков нескольких групп казымских хантов, возможно, привезенные из других мест в период массовых переселений в 1930—1940-е гг. По мнению З.П. Соколовой, в священном амбарчике находилась богиня *Вут-ими*, которая считалась главным духом-предком и покровительницей казымских хантов. Она очень почиталась также обдорскими, куноватскими, обскими и сургутскими хантами. Песню о ней исполняли на медвежьих праздниках. Изображение *Вут-ими* было перенесено в другой амбарчик около Юильска. Священные избушки после предварительной идеологической подготовки вывозили также с вершины р. Амня, из района озера Нум-то и многих других мест (см. Соколова, 1971. С. 216—219).

В 50—80-е гг. XX в. происходило дальнейшее разрушение традиционного религиозного мировоззрения хантов. Почти полностью исчезла практика общественных жертвоприношений, которая безусловно являлась важным этноконсолидирующим фактором. Вместо этого возле «шайтанских избушек» устраивались индивидуальные жертвоприношения. Существенные изменения претерпели обряды, связанные с промысловой деятельностью, они практически утратили свое религиозное содержание. Медвежий праздник, например, стал приурочиваться к отстрелу зверя по лицензии. Дольше других и полнее сохранились обряды погребального комплекса и все то, что связано со здоровьем и личным благополучием. При этом отсутствие общественных культовых мест для пожилых людей стало компенсироваться индивидуальными (Кулемзин, Лукина, 1992. С. 102).

Социалистические преобразования 40—50-х гг. XX в. стали решающими факторами разрушения традиционного быта и хозяйства хантов. Политика сселения в центральные усадьбы опустошила промысловые угодья, нарушила исконные хозяйственные связи. В 50-х гг. начались первые постоянные лесозаготовительные работы в районах проживания хантов, и именно в это время были сведены кедровые леса в Сургутском районе.

Значительная часть хантов была выселена с родовых территорий, где они проживали в сезонных селениях, в новые, нетрадиционные поселки, построенные в 1950-х гг. в связи с переводом полуседлых и кочевых хантов на оседлый образ жизни, укрупнением и реорганизацией хозяйств, ликвидацией мелких традиционных селений. Все население Югана, например, было решено переселить в поселки в юртах Тайлаковых, Тауровых, Каюковых, Киняминных и в Угуте. Жилище в таких поселениях состояло из бревенчатого домика размером в 20—30 кв. м и участка в 9 соток (Бахлыков, 1996. С. 146). Эта практика привела к очередному сокращению этнической территории хантов, утрате возможности вести традиционный образ жизни и усилению процесса ассимиляции.

Серьезным ударом по экологическому балансу стало нефтегазовое освоение края. Строительство трубопроводов и нефтяных вышек повлекло как прямое отчуждение земли под промышленные и жилые объекты, так и резкое загрязнение окружающей среды. Развитие индустриально-сырьевого комплекса вызвало, кроме того, резкий приток новопоселенцев.

Начало интенсивного промышленного освоения Сибири поставило под угрозу родовые угодья хантов и возможность вести традиционный образ жизни. В условиях этой опасности начался новый этап подъема националь-

ного самосознания народа. Процесс консолидации хантов, происходивший в последние 50–60 лет под влиянием национальной государственности и национального движения в защиту своих территорий от промышленного освоения, ознаменовался возникновением в 1989 г. движения «Спасение Югры». Стал возрождаться интерес к духовным традициям хантов не только среди ученых, но и у самих носителей этой неповторимой культуры. Одними из первых и самых активных выступили казымские ханты, которые возродили один из важнейших элементов хантыйской культуры — традицию проведения медвежьих праздников, начали собирать и записывать

песни. Один из таких праздников состоялся в январе 1991 г. в д. Юильск (см. Молданов, 1994. С. 41; 1996. С. 266–269). Продолжают действовать и восстанавливаются священные места хантов. Например, озеро Нум-то до сих пор является местом постоянных жертвоприношений и молений хантов.

Одним из результатов деятельности общественных и политических организаций стало рассмотрение и принятие закона о родовых угодьях, и, согласно конституции 1993 г., Ханты-Мансийский округ получил статус равноправного субъекта Российской Федерации. С этого времени должна начаться новая страница в истории народа ханты.

ИЗМЕНЕНИЯ В ЧИСЛЕННОСТИ И ФОРМАХ ПОСЕЛЕНИЙ ХАНТОВ XVII–XX вв.

В XVII в. ханты занимали обширную территорию Урала и Западной Сибири. Природные условия определили не только численность населения тайги, но и формы расселения людей. Жизнь в тайге — это жизнь в небольших поселках, в маленьких коллективах. Большие общности и большие селения не могли существовать, поскольку в этом случае людям приходилось бы уходить на охоту слишком далеко, а окрестных водоемов не хватило бы для обеспечения всех самым необходимым продуктом питания — рыбой. Рациональнее всего было редкое дисперсное расселение.

Вся территория проживания коренного населения Сибири была поделена на волости. В основу волостного деления хантов были положены реально существовавшие во второй половине XVI в. общности, являвшиеся, вероятно, архаичными локальными группировками хантов. Они различались по характеру, о чем косвенно свидетельствует неравномерное распределение населения по волостям: от 1 до 650 плательщиков ясака в XVII в. (См. Долгих, 1960. С. 21–85.). Эта неравномерность сохранялась и в XVIII, и в XIX вв.

Если первоначально волости XVII в. и были генетически связаны с локальными этническими общностями хантов, то потом из-за многочисленных миграций населения этническая монолитность волостей оказалась разрушенной. В результате уже в XIX в. волости хантов, расположенные по Оби и Иртышу, представляли собой разнородные в этническом отношении общности, а волости, расположенные в бассейнах обских притоков, являлись локальными этническими группами (Мартинова, 1994. С. 160).

В административном отношении волость являлась основной единицей учета коренного населения, ее жители составляли категорию ясачных людей во главе с сотником, который отвечал за правильный и своевременный сбор ясака и осуществлял судебные функции в соответствии с нормами обычного права. Волостная общность рассматривалась администрацией прежде всего как коллектив плательщиков ясака. Хотя никаких официальных территориальных границ волости не имели, у ясачных существовало представление о границах своей волости вследствие того, что ее состав был довольно стабильным (там же). Ежегодно проводимые переписи только усиливали это чувство.

Внутри волости селения отстояли на 10–40 километров друг от друга. Коллективы их

были экзогамными объединениями, они совместно владели общими угодьями, что позволяет предположить родовой характер этих коллективов. Территориальное объединение этих родов составляло юрты.

На типичном поселении хантов, расположенном, как правило, на берегу реки, у леса, постройки располагались на некотором расстоянии друг от друга: жилой дом, один или несколько хозяйственных амбаров (чаще всего свайных), навесы для хранения имущества, глинобитная печь для выпечки хлеба, открытый летний очаг для приготовления пищи, вешала для просушки сетей, одежды и обуви, конструкции для сушки и копчения рыбы, кораль для оленей, домики для собак.

Территории расселения хантов в XVII в. в основном входили в состав Тобольского, Березовского и Сургутского уездов. К числу хантских волостей Тобольского уезда в XVII в. относились Назым, Нарым, волость Цынга, или Цыньяла, Демьян («Верх Демьянки Митькина», «Верх Демьянки Григоровая»), Малая Конда, Тархан (=Колпукол), Юконда. В 20-х гг. XVII в. в них насчитывалось около 1260 человек; а в 1717 г. — 1912 человек. Значительный прирост численности был связан как со сложностями и неточностью учета населения в XVII в., так и с его естественным приростом.

В состав Березовского уезда входили: Назым, Обдор, Куноват, Сосьва, Естыл, Ляпин, Белогорье, Подгородная, Кода, Ендырь, Васпукол. Всего в Березовском уезде проживало в 1645 г. около 5700 человек, а в 1712 г. — 10228 человек. Причины роста численности хантов те же, что и в Тобольском уезде.

В Сургутский уезд входило все хантское население, жившее по Оби и ее притокам выше устья Иртыша. В составе уезда хантскими были: Темличеева (Базионовская), Селиарская, Салымская, Бардакова, Юганская, Ваховская, Лунпукольская (=Лумпоколская), Аслыпская, Васюганская. Общая численность сургутских хантов в начале XVII в. составляла около 3400 человек, а в конце века она снизилась до 2800 человек. Сокращение связано, вероятно, с тем, что население Белогорской и Васюганской волостей было выведено из Сургутского в Березовский и Нарымский уезды.

В течение XVII–XIX вв. границы расселения хантов изменились незначительно, однако внутри ареала их проживания произошли весьма существенные перемещения населения, а доля аборигенов сократилась за счет увеличения пришлого русского населения.

Во второй четверти XIX в. территория, занимаемая хантыйскими волостями, входила в состав Тобольского, Березовского и Сургутского округов Тобольской губернии и Томского округа Томской губернии.

Позднее, во второй половине XIX в., ряд волостей Тобольской губернии были реорганизованы в инородные управы. В Березовском округе они совпадали с прежними волостями, за исключением Котской инородной управы, объединившей 7 «Кодских» волостей. В Сургутском округе инородные управы включали несколько волостей: Тундринская — 4, Юганская — 3, Локосовская — 4, Лумпокольская — 5, Ларьятская — 3 (см. Мартынова, 1994. С. 161).

Изменения в численности населения волостей в XVII—XX вв.

Иртышские ханты в XIX в. были разделены на 7 волостей: Туртасскую, Назымскую, Тарханскую, Нарымскую, Темлячевскую, Селиярскую, Салымскую. По материалам Б.О. Долгих, в конце XVII в. в них числилось 439 плательщиков ясака. С учетом коэффициента 3,6, установленного Б.О. Долгих для Тобольского уезда, общая численность населения составляла около 1580 человек; к 1816 г. она возросла до 2840 человек, частично за счет более полного учета. На протяжении XIX в. численность иртышских хантов сокращалась и к 1897 г. составила 1503 человека (См. Мартынова, 1994. С. 161—164).

Демьянские ханты в XIX в. образовывали Верхне-Демьянскую волость, занимавшую территорию бассейна р. Демьянки и часть прилегающего к нему бассейна Иртыша. В XVII в. демьянские ханты относились к трем Демьянским волостям с численностью населения 346 человек. За XVIII в. численность демьянских хантов изменилась незначительно (в 1795 г. — 387 человек). В XIX в. началось сокращение, темпы которого ускорились во второй половине века: с 347 человек в 1816 до 124 человек в 1897 г. (там же. С. 164.).

Кондинские ханты в XIX в. объединялись в Меньше-Кондинскую волость, занимавшую нижнее течение р. Конды. В XVII в. в низовьях Конды располагалась волость Малая Конда с населением 324 человека. За XVIII в. численность кондинских хантов увеличилась вдвое и продолжала расти и в XIX в., достигнув в 1897 г. 934 человек (там же. С. 165).

На месте знаменитого Кодского княжества в середине XVII в. была создана волость Кода (=Куда), которая в XVIII в. была переименована в волость Кодские городки, куда вошли Ендырь и Васпукол. В конце XVIII—XIX вв. она делилась на 7 волостей: Белогорскую, Ен-

дырьскую, Малоатлымскую, Большеатлымскую, Нагакарскую, Шеркальскую, Чемашевскую. По данным Б.О. Долгих, в XVII в. в волости Кода (вместе с Ендырем и Васпуколом) проживало 2140 человек. К 1795 г. численность волости выросла до 3741 человека, а в XIX в. сократилась и составила в 1897 г. всего 2511 человек (там же. С. 167).

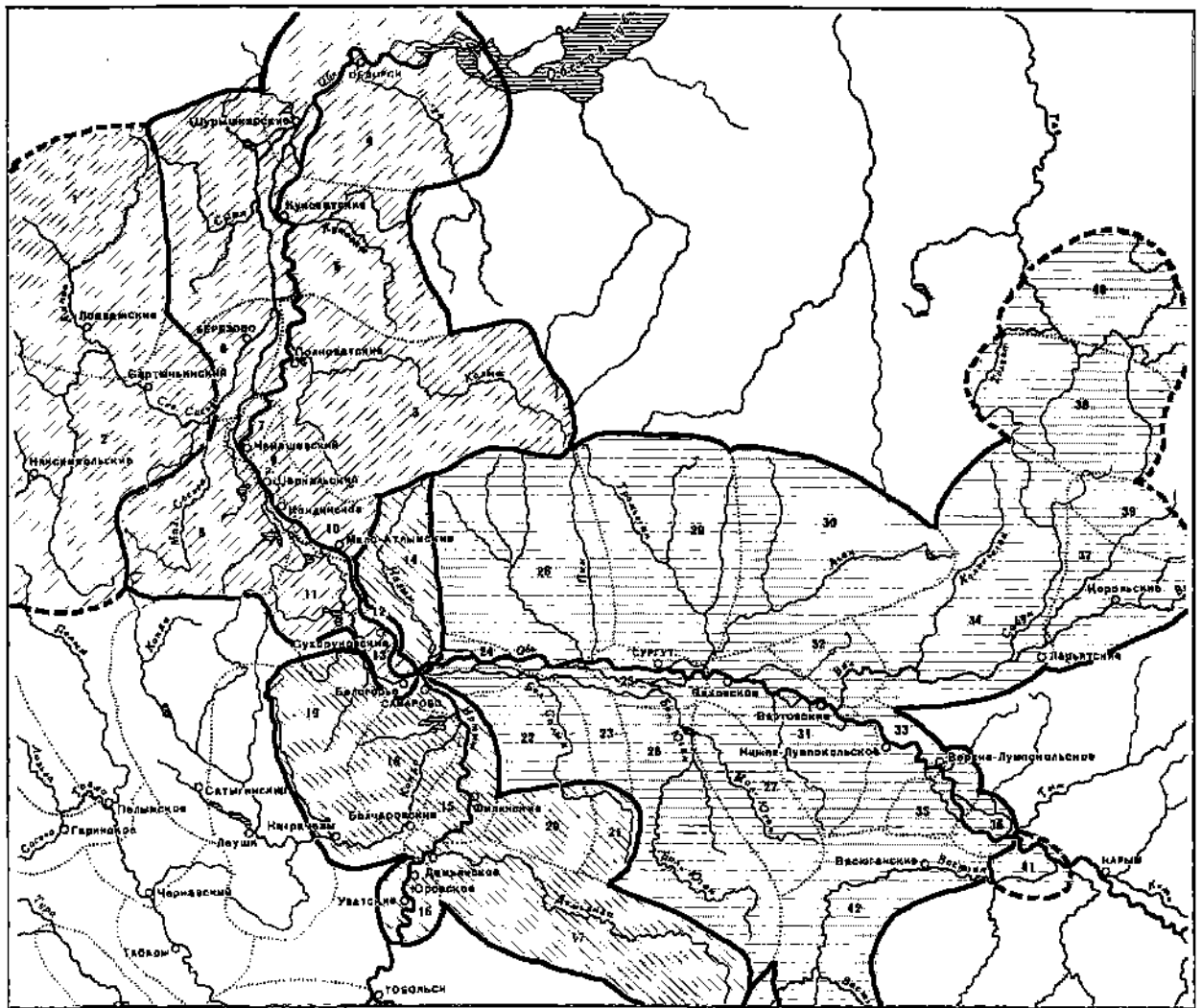
Подгородная волость располагалась к северу от Кодских городков. Она занимала бассейн р. Вогулки и прилегающую к ней часть Оби. В XVII в. в волости Подгородная проживало около 420 человек. За XVIII в. ее численность возросла до 508 человек, а затем началось сокращение, в результате чего к 1897 г. в ней проживало только 394 ханта (там же. С. 168).

Казымская волость занимала бассейн Казыма с притоками и правобережье Оби в районе устья Казыма. В 1680 г. в волости Казым проживало около 670 человек, за XVIII в. население волости увеличилось до 794. В XIX в. численность казымских хантов росла быстрыми темпами и в 1897 г. составила 1331 человек (там же).

Куноватские ханты населяли Куноватскую волость, которая занимала территорию по берегам Большой и Малой Оби с притоками Сыня, Питляр, Куноват. В 1795 г. в волости насчитывалось 8 городков и 1 юрты. В 1816 г. к ним добавились Унгорский и Вандиязский городки. В 1680 г. в Куноватской волости было около 870 человек. К концу XVIII в. их численность возросла до 1938 человек. На протяжении XIX в. население Куноватской волости отличалось стабильностью по сравнению с другими группами хантов и в 1897 г. составляло 1684 человека (там же. С. 169).

Самые северные группы хантов объединялись в Обдорскую волость, которая располагалась в низовьях Оби, занимала бассейны рек Войкар, Собь, Собтыеган, Полуй, Надым. В XVII в. в волости Обдор насчитывалось около 990 человек. К концу XVIII в. население возросло до 2927 человек, что объясняется улучшением системы учета. В столь отдаленных от центра местах ведение учета было связано с большими трудностями, ясачные книги нередко заполнялись со слов князей или старшин, которые старались назвать меньшее число ясакоплательщиков, к тому же мужское население всячески укрывалось от сборщиков ясака. В XIX в. наметился спад роста населения волости, и к 1897 г. численность обдорских хантов сократилась до 2533 человек (Мартынова, 1994. С. 169—170).

Юганские ханты населяли в XIX в. три волости: Больше-Юганскую, Мало-Юганскую и Подгородно-Юганскую (=Юганская Подгородная). В конце XVII в. их численность со-

Карта 5. Остяцкие волости в конце XVIII в. Сост. Т.Н. Дмитриевой по: З.П. Соколовой (Соколова, 1983).

Пунктиром выделены: Ляпинская и Сосьвинская волости (№1, 2), т.к. в XVIII в. преобладающим населением в них были манси (ханты-аборигены смешивались с манси-пришельцами); Караконские волости на р. Вах и на р. Таз (№ 39, 40), Тымская вол. на р. Таз (№ 38) — их население в XVIII в. было селькупско-хантыйским; Ларьякская вол. в нижнем течении Васюгана и прилегающей части Оби (№ 41) — ее население преимущественно составляли селькупы (возможно, что в XVIII в. здесь жили ханты и селькупы).

Волости: 1 — Ляпинская; 2 — Сосьвинская; 3 — Казымская; 4 — Обдорская; 5 — Куноватская; 6 — Подгородная; 7 — Чемашевская; 8 — Естыльская; 9 — Шеркальская; 10 — Мало-Атлымская; 11 — Ендырская; 12 — Сухорукотская; 13 — Белогорская; 14 — Самаровская; 15 — Нарымская; 16 — Назымская; 17 — Верхне-Демьянская; 18 — Меньше-Кондинская; 19 — Больше-Юкондинская; 20 — Тарханская; 21 — Темлячевская; 22 — Салымская; 23 — Балытская; 24 — Селиярская; 25 — Юганская Подгородная; 26 — Больше-Юганская; 27 — Мало-Юганская; 28 — Пимская; 29 — Тром-Юганская; 30 — Аганская; 31 — Ваховская; 32 — Лумпокольская на р. Вах; 33 — Лумпокольская на р. Обь; 34 — Салтыкова (Ларьятская) на р. Вах; 35 — Салтыкова на р. Обь; 36 — Пирчина; 37 — Тымская на р. Вах; 38 — Тымская на р. Таз с притоками; 39 — Караконская на р. Вах; 40 — Караконская на р. Таз; 41 — Ларьятская; 42 — Васюганская.

- Сургутский уезд
- Тобольский уезд
- Березовский уезд

ставляла около 410 человек, а в конце XVIII в. — 1306 человек. Увеличение численности более чем в 3 раза объясняется, как и у обдорских хантов, улучшением системы учета. На рубеже XVIII—XIX вв. происходит уменьшение численности юганских хантов до 873 человек, но к концу XIX в. она снова начинает расти и к 1897 г. составила 1046 человек (там же. С. 171).

Сургутские ханты проживали вдоль рек Пим, Аган, Тромъеган. В XVII в. в этом районе располагались волости Бардакова и Аслыпская, в XVIII—XIX вв. Пимская, Аганская и Тром-Юганская. В конце XVII в. у сургутских хантов насчитывалось около 230 человек, а к 1795 г. их количество возросло до 637 человек. В течение XIX в. численность сургутских хантов продолжала незначительно увеличиваться и к 1897 г. составила 684 человека. При этом наибольший прирост пришелся на первую половину века, в особенности у пимских хантов (там же).

Ваховские ханты в XIX в. делились на 6 волостей: Ваховскую, две Лумпокольские, две Салтыковы, Пирчину. В XVII в. на территории расселения ваховских хантов существовали две Ваховские волости и Лумпокольские волости с общей численностью около 920 человек. В 1795 г. численность ваховских хантов составила уже 1848 человек, увеличившись более чем в 2 раза. В XIX в. она продолжала расти быстрыми темпами, увеличившись к 1858 г. до 2973 человек (там же. С. 172—173).

Васюганские ханты, входившие в XIX в. в Васюганскую волость, проживали в бассейне р. Васюган. По сведениям Б.О. Долгих, в XVII в. их численность составляла около 310 человек. В 1897 г. в 32 юртах волости проживало 586 хантов. Кроме того, в конце XIX в. 80 хантов проживало в Ларьятской и Парабельской волостях Томского округа (там же).

Часть хантов продолжала жить в западных волостях, прежде хантыйских, а в XIX в. населенных преимущественно манси. В 1897 г. в Кондинской волости проживало 8 хантов; в Ляпинской волости — 25 хантов; в Сосьвинской волости — 30 хантов (там же. С. 178).

Таким образом, с конца XVII до начала XIX в. численность южных хантов увеличилась на 22%, в то время как у северных и у восточных сократилась на 8% и 6% соответственно. Однако у различных этнографических и территориальных групп хантов демографические процессы развивались неравномерно.

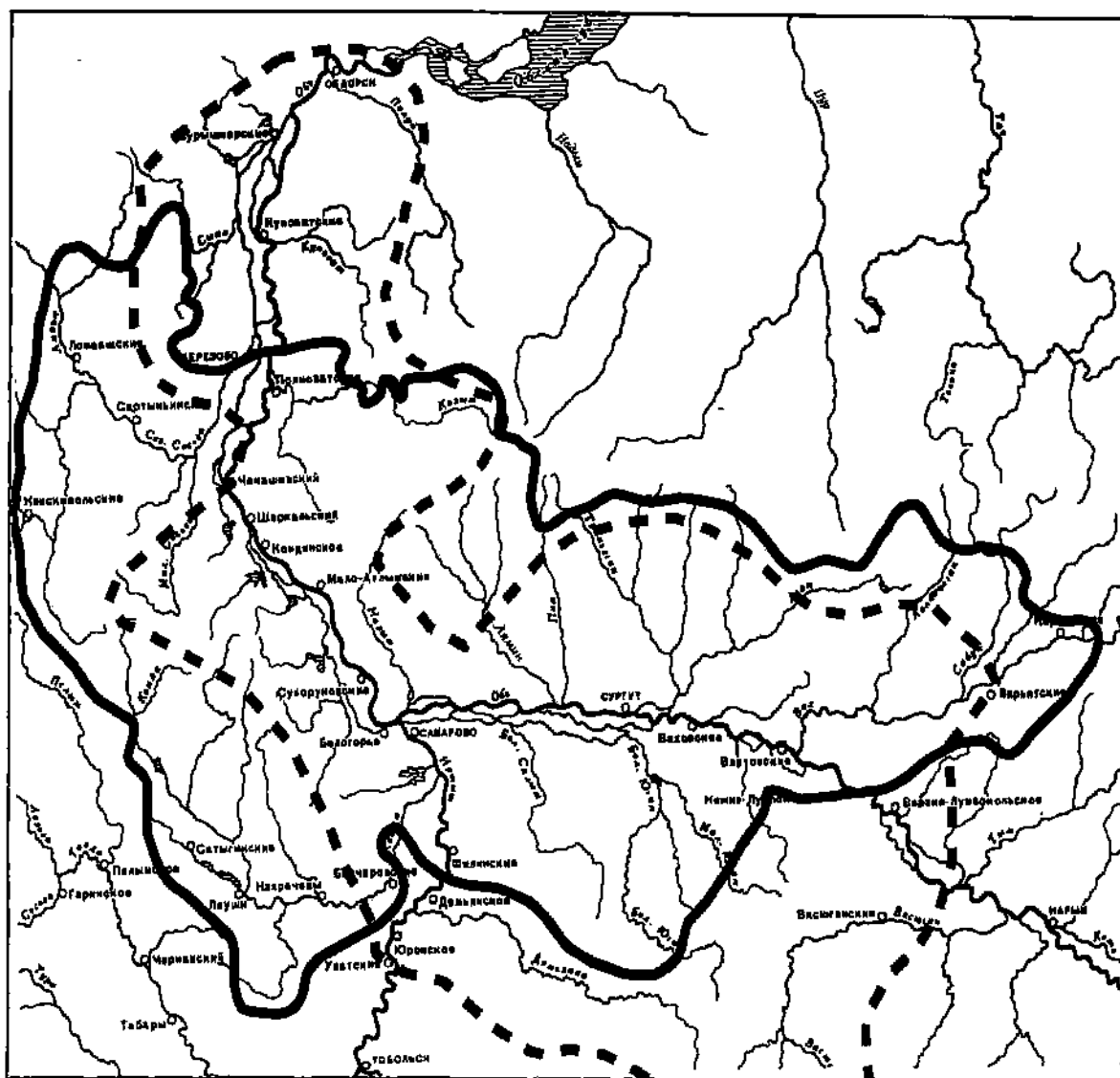
* * *

В первой половине XIX в. общая численность хантов увеличилась на 6%, а затем стала сокращаться. К концу XIX в. численность южных хантов уменьшилась на 26%. При этом

значительное сокращение произошло у демьянских хантов, уменьшалось хантыйское население по Иртышу, а число кондинских хантов постоянно росло (там же. С. 174). Численность северных хантов в XIX в. сократилась на 5%, при этом существенно уменьшилось население Обдорской волости, в меньшей степени Куноватской и Подгородней, а население в северных Кодских волостях увеличилось на 5%. За этот же период население Казыма возросло в 1,5 раза, значительный прирост произошел у восточных хантов (на 59%). Особенно быстро росла численность ваховских хантов. По Малому Югану, Пиму, Тромъегану отмечалось сокращение населения (там же).

Увеличение численности казымских хантов (на 68% с 1795 по 1895 г.) можно объяснить большим притоком населения с Нижней Оби (Куноватская, Подгородняя волости), Северной Сосьвы и Ляпина. Увеличение численности обдорских хантов в начале XIX в., очевидно, связано с притоком населения с юга. Начавшееся затем сокращение численности можно объяснить вхождением части хантыйских семей в роды туидровых ненцев. Таким образом, у хантов в XIX в. выявляются следующие направления миграций: с Иртыша на Конду, Среднюю и Нижнюю Обь; по Средней Оби и на Вах; с Северной Сосьвы на Обь и Казым. Имели место передвижки хантыйского населения и в других направлениях: с Оби на притоки, с Казыма на Назым, Лямин, Пим, Среднюю Обь, с Демьянки — на Юган, с Иртыша — на Салым, Аган, Пим, Юган. Таким образом, несмотря на то, что общая численность хантов за XIX в. изменилась не существенно, численность отдельных групп, как территориальных, так и этнографических, подверглась значительным колебаниям, обусловленным миграционными процессами. Переселения хантов происходили постоянно, на всем протяжении XIX в. Миграции способствовали усилению межэтнических контактов, смешению территориальных групп.

На тот факт, что хантыйское население в XVII—XIX вв. отличалось весьма большой миграционной активностью, указывали в своих работах многие исследователи. Причинами миграций в XVII—XVIII вв. было стремление коренных жителей укрыться от ясачного обложения и христианизации, и это приводило к передвижению населения на север и восток. В конце XVIII—XIX вв. миграции стимулировались уже потребностями экстенсивного рыболовецко-охотничьего хозяйства, находившегося в большой зависимости от экологических условий. Необходимость освоения новых угодий в результате истощения старых заставля-

Карта 6. Территория расселения хантов в конце XIX – начале XX в. Сост. Т.Н. Дмитриевой (по карте «Geographical Distribution of the Uralic languages». – Finno-Ugrian society, Helsinki, 1993).

- Границы территории расселения хантов
 Границы современного Ханты-Мансийского автономного округа

ла хантов искать места, более богатые рыбой и зверем. Главной магистралью, по которой проходили перемещения хантов, была Обь. Наибольшей мобильностью в XIX в. отличались ханты Кодских городков, Куноватской и Подгородной волостей.

Кроме того, хантыйское население переходило на Обь, надеясь прокормиться у богатых песков или нанимаясь в работники к русским рыбопромышленникам (Мартынова, 1994. С. 182).

В XIX в. усилилось проникновение в Сибирь русского торгового капитала, расширились масштабы аренды рыболовных и охотничьих угодий аборигенов. Предпринимательская деятельность купцов и крестьян вынуждала хантов переселяться в отдаленные районы. В то же время развитие товарно-денежных отношений, превращение рыболовного промысла в товарную отрасль хозяйства способствовало концентрации населения вблизи богатых песков и административно-торговых центров (там же).

Несмотря на различные мотивы миграций, их механизм был сходен. Отдельные семьи или группы семей дисперсно расселялись на новых местах, при этом исчезали и вновь образовывались целые селения (там же. С. 183).

На изменение этнической территории хантов влияли и отношения с соседними народами. Продвигавшееся с запада мансийское население потеснило автохтонное хантыйское на восток, в низовья Конды, а затем и далее — на Обь. В первой половине XIX в. завершился процесс ассимиляции кондинских хантов мансийским населением в бассейне средней Конды. До середины XIX в. хантами считалось население Леушанской волости, которое было ассимилировано переселившимися с Тавды манси (там же).

Анализ численности хантыйского населения в XIX в. позволяет выявить у хантов два

основных демографических сдвига: большой прирост населения в восточных волостях Сургутского округа (вероятно, за счет притока с запада) и сокращение численности южных хантов (вероятно, за счет ассимиляции русскими и татарами).

На протяжении XX в. на численность и территорию расселения хантов продолжали активно влиять ассимиляционные процессы, особенно в западных и южных районах, кроме того, существенно сократилось население тех районов, где с 50-х гг. началось интенсивное промышленное освоение края: лесозаготовки, развитие нефтегазового комплекса. Однако абсолютная величина хантыйского населения в XX в. по сравнению с XIX в. значительно возросла. Если в 1897 г. она составила 15611 человек, то в 1970 — 21000, а в 1989 г. — 22283 человека.

В последние десятилетия XX в. увеличилось число смешанных браков в связи с ростом пришлого населения, особенно в районах, где развивается нефтегазовая промышленность, и в селениях по Оби и Иртышу (Соколова, 1985. С. 96—98).

Изменениям подверглись и формы поселений. Большинство хантов живет оседло в крупных, застроенных в советское время поселках. Это селения на 200—500 хозяйств, с правильной уличной планировкой, электрифицированные и радиофицированные, с сетью бытовых и культурных учреждений — магазинами, почтой, клубом, больницей, школой и интернатом, баней и другими культурно-бытовыми объектами. Продолжает расти количество хантов, проживающих в городах (там же. С. 114).

Традиционный тип поселения — стойбище со всеми характерными постройками — сохранился в некоторых районах, где основным занятием населения до сих пор остается оленеводство, охота и рыболовство.

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В РАЙОНАХ ПРОЖИВАНИЯ ХАНТОВ

Формы власти, которые существовали у хантов до вхождения в состав Русского государства, были типичны для обществ военной демократии. Эти институты сформировались в условиях разложения патриархально-родовых отношений и постоянных военных столкновений. Хантыйские князья, с которыми встретились русские в Сибири, являлись потомками военных вождей. Они стояли во главе укрепленных селений-городков с прилегающей к ним территорией. В руках вождей сосредотачивались значительные материальные ресурсы в виде военной добычи, в их руках концентрировалась и власть над соплеменниками, которая являлась наследственной. У отдельных групп южных хантов формирование властных структур шло под влиянием татарской военно-административной и фискальной системы.

Универсальной формой социальной организации у хантов была община, являвшаяся территориально-хозяйственной единицей жизнеобеспечения и самоуправления. Традиционная община представляла собой группу хозяйств (несколько семейно-родственных групп), сообща использовавших промысловые и пастбищные угодья (Мартынова, 1995. С. 66). Общины были разными по численности населения и занимаемым им территориям. У обских хантов, в хозяйстве которых доминировало рыболовство, общины объединяли 7–20 хозяйств численностью 20–100 человек. У хантов, живущих по верховьям обских притоков, в хозяйственном комплексе которых была весьма значительна роль охоты, преобладали общины из 2–3 родственных хозяйств с 5–15 жителями (там же). Рыболовные, охотничьи, пастбищные, сенокосные и ягодные угодья, закрепленные за общиной, были территориями непосредственного хозяйствования населения. Посторонние могли пользоваться угодьями только с разрешения общины и за плату.

Важнейшие вопросы внутриобщинной жизни решались на собраниях, где правом голоса пользовались все взрослые мужчины. На собраниях решались вопросы о распределении угодий, сроках промыслов, времени и маршрутах перекочевок, раскладке повинностей. Помимо этого на собраниях решались и некоторые судебные дела (там же. С. 67). Обычно собрания проходили один-два раза в год и приурочивались к сбору ясака или ярмаркам, когда все население собиралось в одном месте. Община имела также религиозно-культовую и коммуникативную функции — поклонение общим святыням, проведение праздников.

Завоевание русскими столицы Сибирского ханства поставило казаков перед проблемой организации управления краем. Таким образом, русская система организации управления народами Сибири начала складываться уже в ходе завоевания и полностью оформилась в первой четверти XVIII в. Население, в том числе и ханты, были «приведены к шерти» (присяге) на государево имя и обложены государевой повинностью — ясаком.

Основной социально-административной единицей в крае в XVII–XX вв. стала ясачная волость. В начальный период формирования русской административной системы управления в волость включались исторически сложившиеся группы населения. Территория волости не была сплошной, а представляла собой совокупность нескольких различных участков, принадлежавших общинам. В пределах волостных границ имелись «запасные» угодья («ничейные» по отношению к общинам, составляющим волость) и заповедные (священные) места, необходимые для ведения экстенсивного пастбищно-промыслового хозяйства и воспроизводства биоресурсов (там же).

В области административного деления и управления русская колонизация практически не принесла ничего существенно нового по сравнению с владычеством в крае Сибирского ханства. Не имея возможности на первых порах рассчитывать исключительно на свои силы, русское правительство стремилось опереться на местную знать. Сохранив существовавшее до прихода русских ясачное обложение, царская администрация использовала и традиционные формы внутреннего управления коренных народов (Копылов, 1965. С. 87).

Однако проявились и совершенно новые для хантов черты взаимодействия каждого человека в отдельности с государством. Прежде всего, являясь людьми государевыми, ясачные люди получили право на защиту со стороны царя. Это выразилось в возможности обращения непосредственно к царю в поисках защиты от притеснений местной администрации в лице воевод, князей и служилых людей. Этим правом ясачные, как свидетельствует актовый материал XVII в., пользовались довольно активно. В Москву шел непрерывный поток челобитных — коллективных и персональных от ясачных людей по всевозможным вопросам: от глобальных проблем устройства управления краем до семейных склок.

Интересное сочетание обычного и государственного права наблюдалось в области ведения судебных дел. Как правило, не рассчиты-

вая на свои собственные силы и стремясь не вмешиваться во внутреннее устройство волостей, царское правительство на первых порах оставляло суд и управление в компетенции князей и сотников, которые и осуществляли его на основе традиционного права.

Логичным итогом развития политики в крае было то, что одна из важнейших функций, сбор государственных повинностей, постепенно перешла из рук представителей племенной знати, «лучших людей», к русским служилым людям, которые назначались воеводами. Это, безусловно, подрывало самостоятельность волостей и подавляло процесс складывания (а где она уже имелась — развития) феодализирующейся знати.

Что касается судопроизводства, то и здесь по авторитету хантыйской знати также был нанесен ощутимый удар. Ясачный человек, недовольный решением соплеменников по какому-либо делу, мог обратиться к самому царю, а поскольку дело в итоге разбиралось воеводой, то это автоматически еще более сокращало компетенцию племенной знати. И хотя при разборе дела учитывались традиции и обычаи, существовавшие в среде коренного населения, тем не менее сама процедура с «повальным обыском», «очной ставкой», «послушеством» и использованием «жеребия» в особо запутанных случаях была чисто русской. И судьи, естественно, были представителями русской администрации (Главацкая, 1992. С. 12).

Так достигались две цели: положение представителей родовой знати низводилось до рядовых ясачных людей и одновременно возрастал авторитет русской администрации, питаемый идеями наивного монархизма. Элементы социальной демагогии в политике царизма, а также реальные действия столичных властей по защите податного населения окраин от опустошительного корыстолюбия местных администраторов поддерживали подобные иллюзии. Любой из именных царских указов сибирским воеводам в отношении аборигенов предписывал держать «ласку и бережение», чтобы, упаси Бог, их чем-нибудь не «ожесточить». Копии жалованных грамот выдавались на руки лучшим людям «для спору» с воеводами и «всяких чинов русскими людьми». И, действительно, были случаи, когда ясачные люди пытались, предъявляя такие государевы грамоты, защитить свои права. Существовала практика зачитывания перед ясачными людьми «государева жалованного слова». Смысл его сводился к тому, что ханты «обнадеживались» в том, что они могут рассчитывать на защиту государя в случае, если кто-то посмеет их обидеть. Таким образом как бы провозглашался союз между великим государем, с одной стороны, и

ясачным человеком, с другой. Сама церемония прочтения жалованного слова проходила в торжественной обстановке. Князей, сотников и лучших ясачных людей приглашали в съезжую избу, где их встречали воевода и подьячий в «цветном платье». Тут же должны были присутствовать и русские служилые люди, тоже в «цветном платье» и с ружьями.

Изменения, свидетельствовавшие о переменах в жизни хантов, прежде всего коснулись верхушки общества. Часть представителей аборигенной знати погибла во время вооруженных столкновений и восстаний в начале XVII в. Значительное число князей и «лучших людей» содержалось в русских городах в качестве аманатов. Что касается оставшихся, то на смену существовавшей ранее передаче власти по наследству постепенно начала приходиться система, при которой окончательное решение зависело от мнения русской администрации (Главацкая, 1995б. С. 26–27).

С подобными проблемами в делах о наследовании власти и имущества сталкивались и относительно самостоятельные кодские князья Алачевы. Показательным является тот факт, что после смерти князя Игичея Алачева, получившего за службу царю две волости во владение, его брат Онжа Юрьев смог добиться прав на них, лишь обратившись в Москву. В своей челобитной Онжа, после подробного перечисления всех заслуг перед русским государем, сообщал о том, что «у брата его был по их вере палтыш болван, чем он княжил и котскими остяками владел, и тот палтыш, как брата его не стало, взят на Березов, в казну...» (Миллер, 1937. Т. 1. N 59. С. 416). Сам факт того, что священный символ власти кодских хантов (вероятно, изображение богини *Калтац*) хранился в казне в русском городе и мог передаваться воеводой лишь по велению царя, свидетельствовал об эфемерности самостоятельности княжества Кода.

Помимо зависимости в вопросах наследования власти позиции племенной знати подрывались и системой аманатства. Для удержания народа от антирусских вооруженных выступлений и гарантии исправного поступления ясака в русские города брали заложников-аманатов — из числа хантыйской знати. Подолгу живя в русских городах, аманаты имели возможность познакомиться с русской культурой, религией, сблизиться с представителями русской знати. При этом, конечно, ослабевали их связи с сородичами. Элементы русской культуры, перенятые аманатами во время совместного проживания с русскими, встречали непонимание, а зачастую и негативную реакцию в среде соплеменников, что также не способствовало повыше-

нию авторитета хантыйской знати. В результате произошел разрыв экономических, религиозных, нравственных связей между хантыйской знатью и большинством населения. В княжестве Кода, например, это привело к тому, что часть населения сама отказалась от подчинения своему князю и выразила желание перейти в категорию государственных ясачных людей. Донос на кодского князя Дмитрия Алачева был подан его же ясачными людьми, и защиту они искали у русского царя. В челобитной ясачного ханта Тележки с товарищами (всего 30 человек) говорилось о том, что им «за князем Дмитрием быть ... невозможно» из-за различных «насилств и тесноты и обиды великие». Ханты обвиняли своего князя в том, что «от его насилств» многие «з женишками и з детишками разорилис и детишок своих изакладывали и испродали и промыслов своих отбыли в конец и от насилства погибли и задолжали великими неоплатными долги» (РГАДА. Ф. 214. Ст. 203, Л. 7). Выход из сложившейся ситуации ханты видели только один, его-то они и предлагали в своей челобитной царю Михаилу Федоровичу: «...пожалуй нас, сирот своих, вели, государь, нам, сиротам (твоим быть) за собою, государем» (там же. Л. 8). Так сильно было стремление перейти в разряд государевых ясачных людей и избавиться от своего князя, что кодские ханты обещали «всякие... государевы службы служить» вплоть до участия в ямской гоньбе и сулили «великую прибыль в ясаке». А в заключение заявили, что все, кто от «князя Дмитриева насилства Алачева разбрелись розно с женишками и детишками... услыша твою, государеву, к себе милость и презрение все соберутца по старинным местам» (там же. Л. 9).

Насколько велика была пропасть, разделявшая князя Алачева и подчиненных ему кодских хантов, свидетельствует тот факт, что он «боялся от них», жил в осаде, а в Тобольск и в Березов, по словам воеводы, ехать не смел и просил «для береженья» прислать к нему служилых людей «сколько будет пригоже». «Пригоже» в Коду оказалось послать 10 человек, «чтоб кодские остяки над князем Дмитрием Алачевым безвестно какова дурна не учинили» (там же. Л. 31). В Москве, естественно, уже всерьез обеспокоились, идет ли в данном случае речь лишь о том, чтобы только убить ненавистного князя, или ханты затеяли «воровство» и «измену» против русского царя. В результате березовским воеводой было начато расследование. Князь Дмитрий стремился засвидетельствовать свою лояльность и лишний раз напомнить о многочисленных услугах, оказанных его предками московским государям. Ясачные ханты столь же активно обвиняли его

во всех смертных грехах, начиная с того, что он отнимал у них пушнину, приготовленную для сдачи в ясак, и кончая тем, что «жен и дочерей их к себе на постелю насилством емлет» (там же. Л. 49).

Князь Дмитрий отверг все обвинения, а часть хантов встала на его сторону, заявив во время «повального обыска», что челобитные на князя ханты «били» ложно, «не любя его», а «не хотят за ним быть потому, что князь Дмитрий тех своих вотчинных остяков от всякого воровства унимает» (там же. Л. 80). Тем не менее судьба его была предрешена — князь был вызван в Москву, а вотчины перешли полностью под государеву руку.

Конечно, развитие пушного промысла и торговля пушниной могли стать той почвой, на которой бы расцвела экономическая самостоятельность и в итоге — государственные структуры хантов, однако и этот путь был для племенной знати заказан. Функции, выполнявшиеся лучшими людьми, в XVII в. постепенно переходили к компетенции русской администрации. Часть хантыйской знати погибла в ходе подавления восстаний местных племен против русских в XVII в. Казымские князья хотя и передавали свое звание по наследству в течение XVII и XVIII вв., фактически власти не имели. Сосьвинское княжество сохранилось лишь как религиозный центр. Подобная же участь постигла и Белогорское княжество после гибели князя Самара в сражении с казаками. Князья Пельмские, разделившие участь аманатов, совершенно обрусели и были определены в сибирские дворяне. Династия кодских князей Алачевых благодаря своей лояльности Русскому государству продолжалась лишь до середины XVII в., но и она утратила власть.

Таким образом, процесс создания государственных структур у коренных народов был прерван в XVII в. Безусловно, на первых порах, в условиях нехватки служилых людей и постоянной угрозы нападения со стороны различных племен, русская администрация была заинтересована в сотрудничестве с представителями местной знати. Однако создание сильных государственных структур у коренных народов шло вразрез с интересами Русского государства в регионе. Москва не собиралась делить власть с местной знатью, да и, в общем-то, не могла рассчитывать на прочный союз с ней. Поэтому уже с самого начала складывания системы управления создается слой служилых из числа хантов, принявших христианство. Будучи тесно связанными и материально зависимыми от русской администрации, новокрещены, наряду с русскими служилыми людьми, призваны были создать опору царскому правительству в управлении краем (Главацкая, 1992, С. 12–13).

В течение XVIII в. постепенно нарастали условия для изменения политики в отношении управления краем. Прежде всего был завершен процесс унификации форм ясачного обложения, которое трансформировалось в феодальную ренту. Кроме того, был введен принцип коллективной ответственности рода или волости за сдачу повинности. Функции сбора ясака снова перешли в руки князей и старшин. Указом от 6 марта 1789 г. управление и суд, за исключением серьезных уголовных преступлений, вверялись главам ясачных волостей и родов «иноверческим начальникам». Главы волостей и родов, «князцы» и старшины, были в основном выборными и утверждались в должности губернскими властями. Наследственное управление своими волостями и княжеский титул сохранили лишь обдорский князь Матвей Тайшин и куноватский Яков Артанзиев. Это было связано с тем, что позиции русских на Крайнем Севере, в труднодоступных районах, граничащих с землями «немирных» обдорских пенцев, были слабы и без помощи сильных хантыйских княжеств осуществлять управление в крае было нереально. Однако и эти князья были только привилегированными главами ясачных волостей и не имели политической самостоятельности. Поскольку статус князей не был высок, у хантов активно функционировали органы коллективного самоуправления. Общество, например, выбирало волостного старшину, а в том случае, если он чем-то не устраивал, его могли переизбрать.

Сроки пребывания в должности глав волостей не были определены и зависели от авторитета избранного и его способности исполнять возложенные на него обязанности. Несмотря на то, что старшины официально были наделены всей полнотой власти в своей волости, единолично они решали только мелкие вопросы. Серьезные дела решались при общих «сходах», которые происходили во время ярмарок, приуроченных к сдаче ясака, или во время проведения общественных жертвоприношений на священных местах.

* * *

Интересы фиска привели к выработке консервативно-охранительной политики в отношении социальных структур хантыйского общества. Эти же причины обусловили формирование специфической системы управления. Она допускала сохранение традиционных хантыйских общественных и правовых институтов и их определенную самостоятельность. Организация административного устройства впитала все многообразие этносоциальной организации хантов, допустила существование пестрой номенклатуры должностей и различ-

ные принципы их замещения, неодинаковый объем компетенции и степень вознаграждения. Универсальными оставались лишь принципы сбора ясака и утверждение волостных старшин губернской администрацией.

Следующим шагом на пути интеграции хантов в систему общероссийских административно-правовых отношений стал Устав об управлении инородцев, введенный в 1822 г. Согласно Уставу, все аборигенное население Сибири в зависимости от образа жизни, социальной структуры и хозяйственной деятельности делилось на три сословно-административных разряда: оседлых, кочевых и бродячих со специфическими формами управления. Большая часть хантыйского населения на основании Устава была отнесена к разряду кочевых и бродячих. В разряд кочевых были определены ханты Тобольского округа, совершавшие постоянные сезонные перекочевки. Они считались крестьянским, но особым сословием, которое должно было платить ясак. Для них была предусмотрена специфическая, отличная от крестьян и оседлых, форма управления, состоящая из двух ступеней. В каждом стойбище, насчитывающем не менее 15 семейств, вводилось родовое управление, состоящее из старосты и одного-двух помощников.

Родовые управления, в свою очередь, подчинялись инородной управе, состоящей из головы, двух выборных и письмоводителя. В разряд бродячих Уставом были причислены ханты Березовского округа, «переходящие с места на место по рекам и урочищам». В отличие от кочевых, они не несли денежных земских и губернских повинностей. Кроме того, для них было предусмотрено только Родовое управление, состоящее из одного старосты, который по своему статусу и компетенции приравнялся к голове Инородной управы (Конев, 1995. С. 80).

Цель введения разрядной системы заключалась в постепенном переводе бродячих и кочевых хантов в категорию оседлых, которые фактически приравнялись к русским крестьянам. Перевод из бродячих в кочевые и из кочевых в оседлые должен был, по мнению авторов проекта Устава, осуществляться во время очередной ревизии и только с согласия самих аборигенов.

В 40-х гг. XIX в. бывшие инородческие волости Тобольского и Березовского округов были переименованы в инородные управы. При этом инородные управы были созданы не только у кочевых, но и у бродячих на период сдачи ясака и состояли, как правило, из одного головы, именуемого иногда старшиной или князцом. Со второй половины 60-х гг. XX в. начался процесс укрупнения хантыйских инородных управ Тобольского округа за счет объединения

под их началом нескольких волостей. Кроме того, две хантыйские волости — Темлячевская и Верх-Демьянская — вообще были причислены к Самаровской и Демьянской русским волостям на правах сельских обществ. Это свидетельствовало об изменении политики в отношении сибирских аборигенов: об отказе от принципа постепенной трансформации общественно-экономического уклада хантов и признании необходимости их быстрого подчинения общероссийскому законодательству.

В отличие от кочевых Тобольского округа, у хантов разряда бродячих Березовского округа сложился иной вариант управления. Инородным управам подчинялись старшины отдельных городков (юртов), которые на практике выполняли функции родовых управлений.

В Сургутском округе вводилась двухступенчатая форма управления: 17 волостей были преобразованы в 5 инородных управ, которые получили статус инородческих волостных правлений. За прежними волостями сохранились права родовых управлений. Каждая управа возглавлялась старшиной с двумя кандидатами при нем. Волостные начальники переизбирались на сходах раз в три года и утверждались губернскими властями (Конев, 1995. С. 116–117).

Конец XIX в. ознаменовался дальнейшим ослаблением родовых связей и формированием новых типов территориальных общностей хантов. Важную роль в этом процессе играли общины сходы, ставшие основным институтом общественного самоуправления инородных управ. Сходы проводились раз в год во время ярмарок и ясачного сбора, и в них принимало участие все взрослое мужское население управы. Решения на сходах принимались двумя третями голосов, принятые постановления скреплялись печатями старшин и кандидатов, заверялись в полицейском управлении и утверждались на губернском правлении (там же. С. 118).

* * *

Несмотря на ярко выраженную политику правительства, направленную на скорейшую унификацию управления аборигенным населением Сибири с русским крестьянством, организация «инородческого» управления не была до конца разрушена административными преобразованиями конца XIX в. Фактически традиционная система управления сохранялась у хантов до 1924 г. Социалистические преобразования медленно внедрялись в жизнь аборигенов Приобья, и хотя волостные инородческие управы и были переименованы в волостные Советы инородческих депутатов, однако их состав и даже старшины оставались прежними (Мартынова, 1996. С. 83).

В 20-е гг. XX в. был введен новый принцип районного деления в Приобье. Центром управления Обским Севером стал г. Тобольск. Тобольскому округу подчинялось 6 районов: Тобольский, Березовский, Кондинский, Обдорский, Самаровский, Сургутский. Проводить мероприятия Советской власти среди аборигенов Севера было особенно трудно, и поэтому в 1924 г. был создан специальный координирующий орган для связи госаппарата с местными органами самоуправления — Комитет Севера. Вопросами управления в районах проживания хантов с 1925 г. стал заниматься специально созданный Тобольский Комитет Севера. С этого времени был взят курс на развитие органов самоуправления у народов Севера. Было утверждено «Временное положение об управлении туземных народностей на северных окраинах Тобольского округа». Согласно этому положению, первичным органом управления у хантов должен был быть юртовый туземный съезд, избиравший юртовое управление или юртовый совет из расчета по 1 представителю от 30 жителей. Юртовые советы создавались в каждом населенном пункте, где проживало более 100 человек.

Высшей инстанцией местной власти был районный съезд юртовых управлений, избравший районный туземный совет (райтузсовет). В результате введения Временного положения на территории проживания оседлых хантов было организовано 2 райтузсовета: Казымский, с центром в селе Полноват, в составе которого насчитывалось 10 юртовых управлений и проживало 1554 ханта, и Юганский райтузсовет, с центром в селе Юган, в состав которого входило 5 юртовых управлений и проживал 741 хант. Позднее, в 1927–1929 гг., организация туземных советов была распространена и на кочевое и полукочевое население Обского Севера. Были созданы Тром-Юганский, Балыко-Пимский, Шурьшкарский, Сосьвинский и Куноватский райтузсоветы.

Райтузсоветы формировались по родовому принципу, и их компетенция была гораздо шире полномочий прежней туземной администрации. Советы знакомили население с действующим законодательством, занимались закупкой пушнины, на них были возложены судебные функции (там же. С. 86).

В 1930 г. был образован Остяко-Вогульский округ (в 1940 г. переименован в Ханты-Мансийский). С этого времени формирование местных органов власти у хантов велось по единому общесоветскому образцу, уже без учета локальных особенностей и местных традиций. Выборы советов всех уровней хотя и проводились тайным голосованием, но кандидат всегда был только один на одно депутатское мес-

то, так что выборы носили чисто формальный характер. Часть населения, объявленная «нетрудовыми элементами» — представители княжеских родов, зажиточные оленеводы, старшины и шаманы — была вообще лишена избирательных прав. К началу 1940-х гг. в Ханты-Мансийском национальном округе действовали окружной, городской, районные, сельские, поселковые советы депутатов трудящихся, которые охватывали влиянием все категории населения.

Деятельность советов, государственных учреждений, кооперативных, профсоюзных, женских, молодежных объединений находилась под строгим контролем местных партийных организаций. Монопольным правом эксплуатации земельных, водных, топливно-

энергетических ресурсов владели государственные территориально-производственные комплексы (Прибыльский, 1995. С. 96).

Что касается национальной автономии, провозглашенной в 1930 г., то она была лишь формальной, поскольку была низведена до уровня второстепенной административной единицы и подчинялась областной, республиканской и союзной структурам власти. В течение нескольких десятилетий оставались неустраиваемыми законопроект, определяющие и регламентирующие правовой статус, полномочия и функции национальных автономий, обеспечивающие социальную защиту народов Севера. Только с 1993 г. Ханты-Мансийский автономный округ приобрел статус равноправного субъекта Российской Федерации.

«ПУШНАЯ» ПОЛИТИКА РУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В СИБИРИ

Основной повинностью для всего аборигенного населения Северо-Западной Сибири с самого начала их присоединения к Русскому государству стала ясачная повинность — ежегодная сдача мехов зверей ценных пушных пород. Для сбора этого вида повинности все взрослое мужское население ясачных волостей было переписано еще в конце XVI в. Обычный размер повинности каждого жителя составлял 5–12 соболей. Даже если охотник сдавал в ясак шкурки других зверей, производился пересчет их цены в соболях. Таким образом, соболь оставался общей единицей учета на протяжении всего XVII и начала XVIII в.

Помимо окладного ясака, т.е. количественно установленного и записанного в ясачных книгах, существовала еще и неокладная повинность коренного населения края — «поминки». Но если ясак каждый должен был платить за себя сам, то поминки приносил сотник «с товарищи» от всей подведомственной сотни. Несмотря на то, что поминки количественно не оговаривались и рассматривались обеими сторонами как добровольное подношение, они с самого начала подлежали учету в ясачных книгах. Было общепринятым, что поминки, как и основной ясак, уплачивались соболями, и если вместо них приносили меха других зверьков (белки, выдры, росомехи и т.д.), то сотники объясняли это тем, что «они соболей не добыли». Во второй половине XVII в. поминки уже становятся обязательными, и в наказах ясачным сборщикам, отправлявшимся в юрты, говорилось об обязанности «сбирать государев ясак и поминки весь сполна, без недобору» (Главацкая, 1998. С. 36). По итогам ясачного сбора и по донесениям воевод об изменениях в ясачных волостях составлялись окладные книги. Помимо общего размера ясака в них учитывалось его денежное содержание и доля каждого ясачного человека, его долги и их причины.

Собранную «мягкую рухлядь», пушнину, привозили в город Верхотурье, где разбирали шкурки соболей и куниц в связки по 40 штук, и счет уже вели «сороками», а лисиц и бобров — по 10 штук, и учитывали десятками. Для сбора мехов и их оценки привлекались торговые люди различных городов. Разобранный ясак отправлялся в Москву в приказ Казанского дворца в сопровождении служилых людей. После получения ясачной казны из столицы на Верхотурье посылали отписку с росписью количества привезенных мехов, чтобы можно было проверить, все ли довезено.

Первоначально условия сбора ясака были

достаточно мягкими. В случаях, когда ясачные люди обращались с челобитной не посылать к ним в юрты ясатчиков, обещая, что привезут ясак сами, воеводы должны были «славить им то на волю». По поводу поминок в государевых грамотах говорилось: если принесут сами добровольно, то расписать в ясачных книгах, а если не принесут, то не настаивать. Такая мягкость в отношении сбора повинностей характерна для начального этапа освоения края, когда позиции местной русской администрации были еще слабы, а вероятность активного сопротивления со стороны сибирских народов значительна.

Не полагаясь полностью на крестное целование выбранных ясатчиков, правительство предписывало им «...привозить с собой из волостей по человеку и по два лутчих людей» для того, чтобы воевода мог расспросить, «таков ли ясак с них имали и нет ли им от ясатчиков какие продажи и убытков и безчестья» (там же. С. 36–37).

Помимо этого еще в 1601 г. во все уезды Сибири были разосланы царские грамоты, в концентрированном виде излагавшие взгляд правительства на отношения с коренными народами и их повинности. В них содержался наказ — с ясачных людей «...ясаков лишних... не имати и вновь не прибавливать...ясак имать рядовой, как кому мочно заплатить смотря по вотчинам и по промыслам» (там же. С. 37). В некоторых волостях и юртах определялась лишь общая величина повинности, а то, как она будет распределена между всеми членами, решалось ими самими.

В дальнейшем обязанность и право сбора ясака полностью перешли в компетенцию местной русской администрации, а ясачным людям не оставалось ничего другого, как только обращаться с просьбами как-то упорядочить эту процедуру и оградить их от обид ясатчиков. Сборщики ясака должны были следить, чтобы ясак вносился согласно окладу: качественной пушпиной. В наказах конца XVII в. особо подчеркивалось, что необходимо принимать «в государев ясак и поминки соболи с пунками и с хвостами и лапами, а лисицы с лапами и с хвостами ж». Интерес правительства к подобным деталям был вызван тем, что многие ясачные ханты «хвосты, пунки и лапы» отрезали от шкурок и продавали русским торговцам. На жизненную необходимость подобных торговых сделок указывали многочисленные челобитные ясачных людей с просьбой разрешить им сдавать шкурки без лап и хвостов, поскольку «они ими кормятца,

покупая у русских людей хлеб и платье». Однако такие просьбы, как правило, не встречали понимания со стороны русского правительства, заинтересованного в поступлении мехов высокого качества (Главацкая, 1995в. С. 129—130).

Если обнаруживалось, что у охотника остались после полной сдачи еще меха, особенно дорогие — соболя или чернобурой лисы, то ясачный сборщик должен был привезти его в съезжую избу, где осуществлялась купля мехов в государственную казну. Таким образом, ясачный человек лишался возможности продать меха на рынке по более высокой цене, что не могло не отражаться на состоянии его хозяйства (там же. С. 129).

Ясачные сборщики должны были также взять долги, накопившиеся за несколько прошедших лет. Их тоже предписывалось собирать пушшиной, а у кого ее не было — «постелями, волинами, оленьими», и только в самом крайнем случае допускалась уплата деньгами*. И это официальное разрешение свидетельствовало о том, что, несмотря на упорное стремление русской администрации сохранить натуральную повинность мехами, жизнь заставляла вносить поправки. Шло внедрение товарно-денежных отношений в хозяйство коренных народов края. Источение ясачных угодий заставляло хантов искать другие пути и формы уплаты повинности. Многие просто вынуждены были заложить свои угодья.

Прекрасно понимая, какую опасность таили в себе возможные конфликты на почве сбора ясака, московское правительство постоянно направляло указы воеводам со строгим предупреждением следить за ясачными сборщиками, которые тем не менее находили пути обогащения. Приезжая в юрты, служилые старались оценить шкурки как можно дешевле, давая иногда всего половину или даже треть реальной цены. Те же шкурки в Верхотурье оценивались значительно выше, и разница шла в пользу сборщика. Это повторялось из года в год, и при сохранении одного и того же денежного содержания оклад в количестве шкурок имел совершенно определенную тенденцию к росту. Этот количественный рост ясачного оклада становился особенно обременительным в условиях, когда влияние русской крестьянской колонизации становилось довольно ощутимым. В результате хозяйственной деятельности русского населения (подсечно-огневой системы земледелия, углежжения, смолокурения и других промыслов) изменялась экологическая ситуация в крае. В первую очередь не-

гативные последствия этого процесса почувствовали те волости, вблизи которых располагались русские поселения. Правительство следило за тем, чтобы сделать это воздействие минимальным и сохранить ясачные волости как основной источник поступления пушнины. В ряде царских грамот воеводам запрещалось селить русских людей в ясачных волостях и даже в их непосредственной близости. Когда колонисты обращались с просьбой выделить им место под папню или покос, в обязанности местной администрации входило выяснение: действительно ли место свободное. Если же русские все же занимали ясачные угодья, то в большинстве случаев приходил указ выселить поселенцев. Тем не менее остановить процесс колонизации было не в силах да и не входило в планы русской администрации. Следствием этого было наступление пашни на охотничьи угодья ясачных людей, миграции и сокращение этнической территории хантов.

Таким образом, в качестве причин, негативно влиявших на состояние выполнения основной повинности и, что в сущности то же самое, на хозяйство, ясачные люди называли: близость и вторжение русских на территории ясачных вотчин; распространение подсечного земледелия; распространение традиционных русских крестьянских промыслов, связанных с использованием лесных ресурсов; сокращение численности ясачных людей; злоупотребления со стороны местной администрации (Главацкая, 1998. С. 38).

В XVII в. успешно развивался также и русский пушной промысел, который во много раз превосходил по количеству добываемого зверя размеры промысла аборигенов, что не могло не сказаться на хозяйстве последних, а следовательно, и на сдаче ясака. Отписки воевод подтверждали невозможность собрать с хантов ясак соболями полностью, исчисляя долги за несколько лет в сотнях рублей. Денежная доля в ясачном сборе постепенно увеличивалась и, согласно подсчетам В.И. Шункова, достигла во 2-й половине XVII в. 50%.

Снижение продуктивности пушного промысла, настойчивость администрации в сохранении натуральных форм повинностей наряду с начавшимся втягиванием ясачных в товарно-денежные отношения привели к тому, что некоторые из ясачных вынуждены были закладывать свои охотничьи угодья. Делоопроизводственные материалы XVII в. зафиксировали большое количество подобного рода сделок ясачных со служилыми и посадскими людьми и даже с оброчными крестьянами. В результате аборигены утрачивали права на землю, взяв у кого-либо деньги и не имея возможности уплатить необходимую сумму в срок.

*«Постелями» называли невыделанные шкуры оленя или лося, которые использовались хантами в качестве постели.

Отдавая угоды, ясачное население снимало с себя обязанность платить ясак. Это, естественно, шло вразрез с интересами правительства, которое всячески стремилось сохранить существование ясачных земель. Прежде всего были предприняты попытки остановить процесс перераспределения земель в крае. Правительство Алексея Михайловича юридически запретило покупать ясачные вотчины, что нашло отражение в одной из глав Соборного Уложения 1649 г.

Несмотря на политику правительства, направленную на то, чтобы сохранить ясачные угоды, процесс перераспределения земель в пользу пришлого русского населения, начавшийся еще в первой половине XVII в., остановить не удалось. Несоответствие между формой и величиной повинности и возможностями хозяйства коренных жителей края привело к таким парадоксальным на первый взгляд явлениям, как покупка мехов ясачными хантами у русских для того, чтобы потом сдать их в государев ясак. Все эти факты свидетельствовали о том, что уже во второй половине XVII в., а к его концу особенно, назрела необходимость изменения системы эксплуатации ясачного населения Северо-Западной Сибири. Тем не менее вплоть до 1763 г. ясак взимался исключительно пушминой, оленьими и лосиными шкурами, а сам сбор ясачной повинности был отпущен на произвол местных властей, результатом чего были злоупотребления. В целях упорядочения ясачного сбора правительством Екатерины II в 1763 г. была создана ясачная комиссия. Комиссия установила новый размер повинности в зависимости от числа ясачных людей, согласия родоначальников и продуктивности и размеров промысловых угодий. Ханты получили право платить повинность пушминой или деньгами или тем и другим вместе. Кроме того, была отменена система аманатства и отменен институт ясачных сборщиков. Функции сбора ясачной повинности с этого времени полностью перешли в руки волостных старшин (Миненко, 1975. С. 242–243).

Сначала результаты реформы были благоприятны, однако с течением времени эта система сбора ясака перестала оправдывать себя. Прежде всего изменилась численность хантов в отдельных волостях; хозяйства, находившиеся в непосредственной близости с русскими, также претерпели изменения. Появились новые

виды деятельности, и за счет этого снизилась роль традиционных промыслов, в частности, охоты. Наконец, твердые приемочные цены на пушнину, установленные комиссией, со временем вышли из соответствия с реальными. Ясачные ханты стремились вносить повинность не одним родом зверя, а разными, заменяя одни другими, и наконец полностью перешли на уплату ясака деньгами, что было для них менее обременительно.

Поэтому не удивительно, что уже в начале XIX в. потребовалось новое реформирование системы ясачного сбора. «Устав об управлении инородцев», принятый в 1822 г., переводил ясачный сбор на денежную основу, однако рецидивы политики консервации социальных и экономических отношений, попытки возобновить сбор ясака пушминой и запретить свободную торговлю имели место вплоть до конца века (см. Дамешек, 1983. С. 132). Официальное признание свободной частной торговли с хантами и денежного сбора ясака означало отмену политики консервации в вопросах экономики. В конечном итоге сами коренные жители были заинтересованы в развитии экономических и культурно-бытовых связей с русскими, поэтому отрицательно относились к политике консервации (там же).

В конце XIX в. правительство отчасти осуществило замену ясачного сбора государственной оброчной податью, однако вплоть до начала XX в. ясачную повинность стремились собирать все-таки пушминой. Эта политика тормозила появление и развитие новых видов хозяйственной деятельности хантов, сдерживала развитие товарно-денежных отношений в Сибири.

В советское время политика консервации социальных отношений была заменена политикой быстрого включения хантов в состав «развитых» народов. В 1930-е гг. было развернуто движение за создание звероводческих колхозов, объединений по пушнодобыче. Ясачная повинность была заменена на планы и обязательства по заготовке рыбы и пушнины. Безусловно, это оказало негативное влияние на традиционное хозяйство хантов и систему их духовных ценностей.

Индустриальное развитие сибирского региона в 1950-е гг. и особенно нефтегазовый комплекс последних десятилетий XX века привели к дальнейшему значительному сокращению и истощению охотничьих угодий, а в ряде районов и к их полному разрушению.

ХАНТЫ И РУССКИЕ: ИСТОРИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

История первых контактов предков хантов с русскими уходит корнями в XII в., когда новгородские купцы пытались наладить торговые отношения с Югрой. Начало же активных связей относится к концу XVI—XVII вв. После разгрома Сибирского ханства и включения Сибири в состав Российского государства начался первый — «промысловый» этап колонизации Сибири русскими. В это время серьезное влияние на взаимоотношения хантов и русских поселенцев оказывала политика русского правительства. Практически с самого начала она была направлена на консервацию привычных социальных отношений, что привело к относительной безболезненности вписывания аборигенного населения в структуру Русского государства.

Со времени начала интенсивной колонизации хантыйское общество пережило некоторые социальные изменения, что вело к постепенному сближению отдельных групп хантов с категориями русского населения центральных районов страны. Представители родоплеменной верхушки хантыйского общества, которые признали власть русского царя, постепенно влились в русское общество и уже во 2—3 поколении в значительной степени подверглись обрусению.

Следующая группа — «ясырь» — те, кто попал в плен во время вооруженных столкновений с русскими отрядами, был крещен и вывезен в центральные области представителями русской администрации. Положение этих людей было идентично положению холопов. Эта группа также не была многочисленной, поскольку политика правительства была направлена на ограничение закрепощения ясачного населения частными лицами в целях сохранения его как поставщика ценной пушнины.

Большая часть аборигенов становилась государевыми ясачными людьми. По своему экономическому и правовому положению они были близки к русскому черносошному крестьянству.

Несмотря на то, что миссионерской деятельности на территории края не велось, к концу XVII в. все же сложился значительный слой новокрещенов. Аборигены, как правило, шли на такой шаг либо по политическим соображениям, либо привлеченные возможностью освободиться от ясачной повинности. Но в любом случае это было связано с тем, что человек попадал в экстремальное положение и в крещении видел способ разрешить свои проблемы.

Поскольку новокрещенные в значительной степени меняли и образ жизни, то постепенно

менялось и их сознание, система ценностных ориентаций, психология. Их дети разделяли судьбу своих русских сверстников, так что во втором и уж тем более в третьем поколении практически невозможно было отличить сына новокрещена от русского. Этот слой из числа аборигенов, принявших христианство и зачисленных на службу, был самым тесным образом связан с русской администрацией, зависел от нее материально и был опорой в управлении бывшими соплеменниками. Таким образом население, не связанное с пушным промыслом, находившееся в тесных контактах с русскими, неизбежно подвергалось очень значительной русификации.

Между тем анализ различных аспектов политики правительства в отношении коренных народов края в XVII в. позволяет сделать вывод о том, что в ее основе не было заложено элементов грубого экономического, религиозного или этнического угнетения. Наоборот, заинтересованное в ясачном населении как поставщике пушнины русское правительство всячески стремилось защитить интересы хантов.

Вероятно, результатом такой политики было то, что, несмотря на существование большого комплекса противоречий, они обычно не приводили к антирусским восстаниям. Что касается конфликтных ситуаций, то они, безусловно, были, и это естественное следствие любой колонизации. Противоречия могли возникнуть и проявиться на разных уровнях: с правительством, с представителями администрации, в межличностных отношениях. Наиболее конфликтоопасными были последние два. Челобитные хантов на имя царя свидетельствуют о том, что русские не воспринимались ими однозначно. В процессе длительного взаимодействия в районах совместного проживания с русскими у хантов складывалось понимание необходимости хозяйственного сотрудничества, и прежде всего — в торговле. От русских торговых людей ханты получали необходимые им изделия из металла, хлеб, сукно и т.д. Кроме того, хозяйство русских крестьян было более независимо от неблагоприятных природных условий. В челобитных хантов содержатся сведения о том, что русские оказывали им помощь продовольствием в неудачные в промысловом отношении годы.

В Сибирь попадала наиболее активная часть русских, обладавшая высоким уровнем правосознания. Возможно, это оказывало воздействие на формирование правосознания и в среде хантов. Отсюда частые челобитные на имя

царя, свидетельствующие о том, что ханты были неплохо осведомлены относительно своих прав и обязанностей, знали, какой они платили ясак, какому государю и в каком году.

Конечно, не все складывалось гладко между русскими и хантами, и тому множество примеров в челобитных. Одним из наиболее острых был земельный вопрос. Споры возникали из-за удобно расположенных угодий: «пашенных земель, сенных покосов, рыбных ловель» и т.д. Право на владение землей, принадлежавшей хантам, оспаривали русские служилые и посадские люди, крестьяне, монастыри. Земли у хантов отнимали с помощью высоких залладов, обмана, а порой и просто силой. В большинстве случаев правительство принимало сторону коренного населения, что несколько сглаживало остроту противоречий, не давая им возможности достигнуть стадии вооруженных столкновений.

В результате хозяйственной деятельности русского населения изменялась экологическая ситуация в крае, и это наносило удар по промысловому хозяйству хантов. В челобитных часто сообщалось, что русские люди «лесуют» в ясачных вотчинах хантов, что «зверя стало мало, потому что место обрусело» и т.д. Эта ситуация усугублялась злоупотреблениями со стороны администрации в лице воевод, служилых людей, ясачных сборщиков. Защиту от их насилия ясачные ханты искали у русского царя. А царские грамоты, предписывавшие решать все вопросы «не жесточью, а ласкою», были питательной почвой для распространения идей наивного монархизма в среде ясачных хантов.

Дополнительным источником противоречий была религиозная принадлежность. С самого начала подчинив политику христианизации принципу добровольности, власти осознавали то, что пожелавших креститься будет не так уж и много. И, следовательно, достаточно долгое время русскому населению придется жить в тесном соседстве с язычниками и мусульманами. Необходимость поддержания мирных отношений между народами различных вероисповеданий определяла позицию веротерпимости правительства и стремление распространить это качество и на рядовых русских людей.

Меры, предпринимаемые в этой области, не были лишними, поскольку священные места, куда аборигены приносили жертвы и дары, стали объектом посягательств не воинственных миссионеров, а стрельцов, казаков и крестьян. Как и в местах захоронений аборигенов, там находились изделия из серебра, оружие, меха, столь привлекательные для искателей быстрого обогащения.

В 1610 г., например, березовские ханты Юванко Ладькин и Кушкул Наев били челом о том, что «... казаки, пришед к ним, могилы раскопали и животы их поимали, и по вере от шайтанов серебро отнимают и шайтанов грабят». Подать челобитную удалось не сразу, т.к. толмач, с помощью которого ханты общались с представителями местной русской администрации, судя по всему, был подкуплен грабителями и отказался идти в город жаловаться. Во всяком случае, челобитчики объяснили это тем, что он «тем ворах норовит и с теми воры их животы делится». В царской грамоте, отправленной по этому поводу, предписывалось воеводам найти обидчиков, толмача «бить батоги» и «закон учинить, чтобы служивые и всякие люди, и новокрещены у остяков Березовского уезду шайтанов не грабили, и могил у мертвых остяков не раскапывали, и обиды остяком некоторые не чинили» (РИБ. Т. 2. № 91. С. 213; Главацкая, 1995а. С. 29).

Согласившись, правда лишь временно, на сохранение нехристианских верований у нерусских народов, правительство вынуждено было считаться с наличием иноверцев и приспособлять законы к существующему положению. Иноверцы не подвергались процессуальным ограничениям, наряду с православными они могли участвовать в «повальном обыске», когда следствие вынуждено было к нему обратиться. Было совершенно очевидно, что присягу нужно требовать в соответствии с той религией, которую исповедует дающий показания, в противном случае она никак морально не связывала человека. Поэтому законодательство вынуждено было пойти на использование и проявление должного уважения к формам клятвы и религиозным атрибутам хантов. В тех случаях, когда Соборное Уложение 1649 г. предписывало русских свидетелей приводить к крестному целованию, ясачных опрашивали «по их вере, по шерти».

Таким образом, Москва вплоть до конца XVII в. всячески сдерживала миссионерскую деятельность, пресекала насильственные методы в решении проблемы и вынуждена была считаться с существованием иноверцев в государстве.

Несмотря на политику ограничения распространения православия среди коренного населения Сибири, в районах постоянных контактов с русскими сложился заметный слой новокрещенов как в результате нарушения правительственных указов служилыми людьми, так и за счет добровольного принятия крещения. Однако практически все известные нам случаи «добровольного» принятия новой веры были связаны с тем, что человек попадал в экстремальное положение (плен, истощение или

утрата промысловых угодий, совершение преступления, проблемы в создании семьи) и единственную возможность выхода из него видел в крещении. Решившиеся принять новую веру в данном случае неизбежно обрекали себя и свою семью не только на утрату религиозного, но и этнического идентитета. Естественно, это были единичные случаи, и, в общем, на первом этапе религия хантов вполне успешно противостояла распространению христианства.

Однако было бы наивно полагать, что духовное влияние оказывалось лишь православными на «иноверцев». Русские люди, оказавшись в суровых сибирских условиях, сами, в свою очередь, подвергались значительному влиянию культуры коренных народов края. Причины этого явления, помимо всего прочего, коренились в самой природе религии хантов. Она была не столько «религией» в традиционном значении этого слова, сколько образом жизни, и может быть, даже единственно возможным. Тяжелые условия выживания определяли практически все аспекты поведения человека, и даже самое незначительное отступление от них могло привести к непоправимой трагедии. Обязательные для соблюдения правила регулировали отношения человека со всем окружением: природой, другими людьми, богами. Таким образом, поведение человека составляло систему сложных ритуалов, сопровождавших его с самого рождения и до смерти (Glavatskaya, 1996. Р. 380–381). Переселяясь в Сибирь, русские оказывались в необычных для них условиях, и поэтому неудивительно, что, попадая в экстремальные ситуации, они искали выхода в использовании опыта и, следовательно, элементов религии коренных жителей, адаптированных к жизни в этих условиях. Известны случаи, когда русские крестьяне, селившиеся рядом с хантыйскими стойбищами, обращались к шаманам за медицинской помощью.

Таким образом, с самого начала процесса межэтнического взаимодействия, попадая в затруднительные положения, как русские, так и ханты в поисках выхода обращались к опыту и духовным традициям друг друга. В дальнейшем это привело к появлению элементов синкретизма в религии хантов и живучести суеверий в среде православных.

Будучи материально заинтересованным в сохранении стабильности ясачного хозяйства, русское правительство стояло на страже его интересов и выступало арбитром в решении спорных вопросов. Взяв на себя ответственность за регулирование межэтнических отношений в крае, русская администрация делала все возможное, чтобы сгладить имевшиеся

противоречия и не допустить возникновения вооруженных конфликтов. Такая позиция правительства, безусловно, оказывала благотворное влияние на формирование русско-хантыйских отношений, которые все больше характеризовались пониманием неизбежности совместного хозяйствования в крае. Уже в XVII в. появились элементы производственного сотрудничества между хантами и русскими в добыче пушны и торговле.

В результате утверждения ясачного обложения всего коренного населения края произошла некоторая переориентация охотничьего промысла хантов. До этого ханты охотились в основном на крупных копытных животных, водоплавающую и боровую дичь. Меха добывались в незначительном количестве для изготовления одежды и обуви, обмена. В XVII в. добыча пушного зверя стала существенной частью охотничьего промысла и велась для уплаты ясачной повинности и торговли.

XVIII в. — начало XIX в. характеризовались значительным увеличением русского населения Сибири и изменением политики в отношении абортенов. В районах наиболее интенсивных контактов начали происходить изменения в хозяйственном укладе хантов. В хозяйствах некоторых хантов Сургутского и Березовского уездов уже в начале XVIII в. появились лошади, которых они покупали у русских. В середине XIX в. ханты держали также коров и овец, заимствуя у русских способы их содержания (Абрамов, 1857. С. 405).

На протяжении XVIII — первой половины XIX в. русские жители северных городов и приезжие предприниматели стремились к расширению территорий своих промыслов и делали это преимущественно путем усиления деловых контактов с хантами. Обычно ханты сдавали свои рыболовные угодья в аренду русским по знакомству, за натуральную плату или заключая договоры. Русские рыбопромышленники, которые арендовали значительную часть рыболовных угодий хантов, как правило, вели промысел лишь летом. После ухода судов, в осеннее время, ханты сами ловили рыбу на участках, сданных ими в аренду.

Жившие по соседству с русскими ханты переняли у них зимний способ рыбной ловли неводами в прорубях. Под влиянием русских в рыболовецких хозяйствах хантов неводные снасти стали занимать все большее место. Обычно они получали невода в счет платы за аренду угодий.

Конечно, предпринимательство русских арендаторов приводило к оскудению промыслов хантов, и никакие ограничительные меры властей не смогли предотвратить того, что к середине XIX в. приезжие промысловики и

местные русские арендаторы превратились в реальных хозяев рыболовных угодий по Нижней Оби, хотя формально они принадлежали хантам.

Что касается охоты, то здесь под влиянием русского населения все больше внедряется в промысловый быт хантов огнестрельное оружие. При этом применение луков со стрелами и копий значительно сократилось. От русских ханты также заимствовали капканы, которые продавались на ярмарках в большом количестве. Однако были и негативные элементы столь активного взаимодействия. В результате интенсивной промысловой деятельности русских предпринимателей и частых лесных пожаров охотничьи угодья хантов истощились уже к середине XIX в., и их «звериная промышленность» фактически пришла в упадок (Абрамов, 1857, С. 398).

К концу XVIII в. промышленное значение начинают приобретать некоторые ремесла хантов. Традиционные хантыйские лодки шли на продажу русским, ханты успешно торговали луками, нартами и ловушками, лыжами, изделиями из бересты. Спросом пользовался также клей, изготавливаемый хантами, выделанные шкуры и замша, зимняя одежда и обувь, которые превосходили по удобству и теплоте обычную одежду русских. Кроме того, ханты часто подражались косить сено в хозяйствах русских, валить лес на строительство, расчищать лесные площадки под жилье, заготавливали веники. Некоторые ханты подрабатывали также извозом на лошадях и оленях (См. Миненко, 1995, С. 162).

Совместное проживание и ежедневные контакты с русским крестьянством оказались решающим фактором в изменении культурно-бытового уклада хантов, в особенности южной группы. Уже в конце XVIII в. исследователи отмечали сходство домашнего быта иртышских хантов и русских крестьян. Дома большинства хантов, проживающих в южной части края, в середине XIX в. почти ничем не отличались от русских изб этого времени.

Значительное русское влияние испытала и мужская традиционная одежда хантов. Уже в XVIII в. некоторые ханты начали носить русские бараньи шубы, армяки, сапоги и коты. В начале XIX в. у хантов появились рубахи русского покроя с воротниками, украшенные каймой на груди и по подолу. Таким образом, особенно серьезные изменения претерпела мужская летняя одежда, уступившая обычной одежде русских крестьян.

Постоянные хозяйственные и культурные контакты с русскими крестьянами послужили причиной начала распространения земледелия среди иртышских хантов. Северная граница

выращивания зерновых культур в XIX в. доходила до устья р. Конды. Земледелие и огородничество, основные агротехнические приемы и ассортимент культур были полностью заимствованы хантами у соседнего русского населения (Мартынова, 1993, С. 99). Конечно, земледелие хантов не могло удовлетворить их потребности в зерновой продукции, в то время как мучная пища занимала все более существенное место в их рационе. Поэтому в конце XVIII в. были созданы специальные магазины для снабжения народов Сибири хлебом. На первых порах, не владея искусством изготовления хлеба, ханты просто разводили муку в горячей воде, подмешивая в нее сухую рыбу или костную муку, и в таком виде употребляли в пищу. Позднее технология выпечки хлеба была полностью освоена.

В условиях истощения охотничьих и рыболовных промыслов хлеб должен был заменить сокращавшуюся долю мяса и рыбы в рационе хантов. Употребление в пищу хлеба и молочных продуктов помогало пережить неудачные в промысловом отношении годы. К сожалению, под влиянием русских в широкое употребление аборигенов вошли также и спиртные напитки, распространение которых вело, как правило, к полному разорению хозяйства хантов.

Таким образом, в XVIII — первой половине XIX в. хозяйство и материальная культура хантов сохранили свою традиционную основу, однако наметились и некоторые изменения. Активная деятельность русских предпринимателей привела к значительному истощению охотничьих угодий и фактическому переходу в их руки лучших рыболовных угодий хантов. Вместе с тем ханты перенимали у русских новые орудия труда и технологии, развивались некоторые виды промыслов хантов, ориентированные на торговлю с русскими.

XVIII в. принес резкие изменения и в политику в отношении религии народов Сибири и ознаменовался началом энергичной христианизации хантов. Естественным ответом хантов на это было перенесение святилищ в глухие, недоступные места, хотя, согласно хантыйским былинам, священные места традиционно располагались в городках — административно-политических и культурно-религиозных центрах территориально-родовых общин. Формально христианство было воспринято большинством крещеных хантов, они носили нательные кресты, в домах держали иконы. При этом обязанность посещать церкви по великим праздникам воспринималась как своего рода ритуал в честь русского бога. Образы православных святых соотносились с языческими божествами. Наиболее почитаем среди

них был Николай Чудотворец, популярный и среди русского крестьянского населения Сибири. Хантыйская богиня *Калташ*, *Вэн анки* — «Большая (т.е. главная) мать» отождествлялась с Богородицей. *Калташь пух (пох)* — сын богини *Калташ* и *Торума*, главный покровитель и культурный герой обских угров, *Мир Вантты Ху*, соотносился с Христом. Иногда он также отождествлялся и со Святым Георгием, поскольку оба представлялись как всадники на белом коне, и тот и другой — покровители и защитники своей земли и своего народа (Дмитриева, 1995. С. 121–123).

Заимствуя русскую христианскую традицию, ханты совместили некоторые свои обряды и праздники с христианскими. Праздник Благовещение, знаменовавший начало весны, совпал с «Вороным днем», отмечавшимся хантами в связи с прилетом ворон. В этот день женщины и дети шли в лес, разводили костер, готовили еду и встречали ворон ласковыми словами и угощением. К Петрову дню, празднику святых апостолов Петра и Павла (*Петропаел*), ханты приурочили моление своим водным божествам: «Старику вершины Оби» *Ас Тый Ики* («Стариком вершины Оби» называли и сына *Калташ* — *Мир Вантты Ху*), «Старику Малой Оби» *Ай Ас Ики* и «Матушке Воде» *Йингк Анки*. Очевидно, отношение русских крестьян к апостолу Петру как к покровителю рыбаков и рыбного промысла наложило на представления хантов о сверхъестественных силах природы, от которых, по их мнению, зависит успех в добыче рыбы. Кроме того, ханты праздновали или, во всяком случае, знали Рождество — *Торум сэма питум хатл* («День родившегося бога»), Крещение — *Перна хатл* («День креста»), Николин день (*Микюлька хатл*) и Пасху — *Вэн емынг хатл* («Большой святой день») (там же).

В целом, несмотря на активную деятельность православных миссий XVIII–XIX вв., хантам удалось сохранить свои традиционные верования. Сильнее влияние христианизации сказалось на верованиях и обрядах иртышских, кондинских, кодских хантов, т.е. тех групп, у которых были наиболее интенсивные контакты с русским населением.

Вторая половина XIX в. стала временем наиболее значительной перестройки традиционного уклада хантов. Если в отдаленных от Оби местах, по притокам и в Среднем Приобье традиционный образ жизни сохранялся практически без изменений, то по берегам Оби и Иртыша, где сосредоточилась значительная масса русского населения, было распространено земледелие, животноводство и торгово-промышленное рыболовство, ханты подвергались интенсивному воздействию русской культуры.

Здесь активнее протекали процессы обрусения.

Разложение первобытнообщинных институтов у хантов происходило в условиях роста товарности их хозяйства. Уже во второй половине XVIII в. из среды нижнеобских хантов выделилась группа предпринимателей-перекупщиков. Они покупали у русских хлеб, а потом перепродавали его сородичам по значительно более высокой цене. Позднее они стали также заниматься перепродажей вина.

Степень товарности хозяйств разных групп хантов зависела от частоты их контактов с русскими. Особенно высокой была товарность хозяйств южных хантов, в обиход которых все активнее входили деньги.

* * *

Установление Советской власти на Севере Приобья означало резкое изменение политики в отношении коренных народов Сибири. В соответствии с идеологической установкой руководителей государства на построение социализма в России был принят курс на построение коммунистических производственных отношений у народов Севера, минуя все промежуточные стадии развития. Экономика хантов, столь долго находившаяся под влиянием консервативно-охранительной политики русского правительства, была не готова к этому резкому повороту. Кроме того, «низкий» (по представлению русского населения) уровень развития экономики и социальных отношений хантов создавал питательную почву для ускорения идеи о необходимости помочь «неразвитым» народам подняться до уровня «передовых». В это время, вероятно, складывается устойчивое представление о «великих» и «малых» народах, «старшем» и «младших братьях», которое в значительной степени определило отношения между русскими и хантами на многие десятилетия. Создавались органы и комитеты подействию и защите малочисленных народов Севера. Продолжилось активное вмешательство в этнические процессы у хантов, обусловленное стремлением быстрее включить их в структуры административного управления, партийные и комсомольские органы, навязать «передовой» образ жизни. Постепенно ханты начали приспосабливаться и к этой новой политике, но когда активисты «просвещения» малочисленных народов пытались ускорить эти процессы, ханты оказывали сопротивление. Одним из самых ярких таких конфликтов явились события в районе озера Нум-то (см. Головнев, 1995. С. 165–178).

В целом же отношения между хантами и русскими на протяжении всего периода существования Советской власти укладывались в схему отношения старший-младший, когда решения

принимались старшим и являлись обязательными для младшего, старший при этом должен был заботиться и нести ответственность за младшего. Поэтому создавались комитеты по оказанию помощи малочисленным народам Севера, школы-интернаты для детей хантов, разрабатывались меры по культурному подъему народов Севера и вовлечению их в социалистическое строительство. В 1930-е гг. возобновилась работа по переводу кочевого населения на оседлый образ жизни, начали создавать колхозы. К 1940 г. в Ханты-Мансийском округе насчитывалось уже 4 кочевых и 76 полуседлых колхозов. Было также принято решение переселить хантов в новые крупные, специально для них построенные поселки.

Естественно, эти мероприятия, хотя и задуманные с благой целью, принесли неисчислимы беды хантам. Нарушалось их традиционное хозяйство, резко снизилось поголовье оленей и, конечно, уровень жизни хантов. Поэтому с 1950-х гг. Совет министров СССР в очередной раз вынужден был развернуть политику усиления помощи народам Севера. Таким образом, чем больше старались помочь народам Севера, тем сильнее разрушали их традиционный образ жизни и способность адаптироваться к изменяющимся социально-экономическим обстоятельствам.

С 50-х гг. XX в. началось интенсивное индустриальное освоение северных территорий, развитие лесной и рыбной промышленности, а затем и нефтегазового комплекса. Это означало резкое сокращение территорий, приспособленных для традиционного образа жизни хантов. К середине 80-х гг. ситуация достигла той стадии, когда сохранение традиционного образа жизни хантов стало практически невозможным на значительной части территории их проживания. Ханты уже не успевали приспособиться к изменениям окружающей среды, а конфликт между интересами развития нефтегазового комплекса и жизненными потребностями хантов достиг критической точки. Это вызвало подъем этнического самосознания хантов и начало активных попыток защитить свои интересы. Вероятно, самым ярким подтверждением роста активности стала совместная акция протеста хантов и ненцев против развития нефтегазового комплекса в Варьегане. Другим признаком того, что ханты более не доверяют свою судьбу русским и не намерены полагаться на защиту «старшего брата», стало создание ассоциации «Спасение Югры» и стремление установить самостоятельные активные контакты с финно-угорскими народами в других государствах, политическими течениями, международными научными и общественными организациями.

Однако и отношение русского населения к хантам также начинает претерпевать некоторые изменения. В период перестройки в СССР появляются первые сомнения в правильности национальной политики в отношении народов Севера. Правительство России вынуждено было признать свои ошибки в этой области, пойти на принятие законов о статусе малочисленных народов Севера, их права на родовые угодья, сохранение традиционного образа жизни и духовной культуры. Конечно, для изменения отношений на бытовом уровне потребуются значительно больше времени и соблюдение законов, уже принятых на уровне правительства.

Воздействие советской системы и активное индустриальное освоение Западной Сибири стали наиболее мощными факторами, влияющих и на состояние духовной культуры хантов. Коллективизация, сокращение земельных угодий, политика перевода на оседлый образ жизни, административная борьба с традиционными верованиями, укрупнение поселков, воспитание детей в интернатах привели к серьезным изменениям не только в хозяйстве и быте, но и в сфере духовной культуры хантов. Однако она, хотя и претерпела серьезные изменения, все же продолжает сохранять свою социальную значимость и выступает одним из ведущих компонентов этнической консолидации народа.

Изменения в сфере духовной культуры коснулись также мифологической традиции хантов. Знание мифологии у основной массы людей существует сейчас лишь в самых общих чертах и со значительными пробелами. Мифологические тексты утрачивают целостность и распадаются на отдельные сюжеты, которые продолжают бытовать в виде самостоятельных сказок (Зенько, 1993, С. 108). Кроме того, частая конфронтация с нефтяниками нашла отражение в появлении новых версий из цикла рассказов о конце света, о возникновении народов (Кережи, 1997, С. 81).

Исследования показали, что до сих пор довольно хорошо сохранились обряды погребального и родильного циклов. Однако и они видоизменились под влиянием русской и советской традиций. Часто сама могила является иллюстрацией синкретизма в представлениях хантов о загробном мире или простого смешения традиций. На кладбищах можно увидеть традиционную хантыйскую домовину с отверстием для общения с умершим и положенными сверху предметами быта, необходимыми, по представлениям хантов, покойному в его загробной жизни. При этом домовина может быть увенчана восьмиконечным крестом. Порой, наоборот, она может быть устроена по русскому образцу, украшена памятником, венками и цветами или даже обелиском со

звездой, но на нее по традиции положены предметы быта или рога принесенного в жертву оленя (Balzet, 1980. Р. 181—182 и др.).

До сих пор продолжают бытовать жертвоприношения верхним духам и духам-покровителям поселков, «кормления» лесных и водных духов. Сохраняются шаманские обряды камлания, гадания и лечения (Pentikäinen, 1996. Р. 168—173; Kerezi, 1996. Р. 184—198). Однако под влиянием современности меняется круг шаманских духов-помощников, появляются новые образы, например, врачи, которые оперируют больного в случае необходимости (Кережи, 1997. С. 81).

Фольклор также продолжает играть важную роль в жизни хантов, хотя и он претерпевает значительные структурные изменения. Несколько снизилась роль песенной и танцевальной культуры, особенно в молодежной среде, и возросла роль прозаических форм фольклора: сказок, исторических преданий, быличек (Зенько, 1993. С. 109; Лукина, 1990). Таким образом, несмотря на все сложности экономического и социального развития, различные элементы традиционной культуры хантов продолжают бытовать, видоизменяясь и приспособляясь к новым условиям существования.

- Абрамов Н.А., 1857. Описание Березовского края. // Зап. РГО. СПб. Кн.12. С. 327—448.
- Акишин М.О., 1996. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск: ИЦ «Автор».
- Базанов А.Г., 1936. Очерки по истории миссионерских школ на Крайнем Севере (Тобольский Север). Л.
- Бахлыков П.С., 1996. Юганские ханты: История, быт, культура. Тюмень.
- Бахрушин С.В., 1955. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв. // Бахрушин С.В. Научные труды. Л. Т. 3. Ч. 2. С. 86—152.
- Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьев А.И., 1989. Легенды и были таежного края. Новосибирск: Наука.
- Главацкая Е.М., 1992. Политика русского правительства в отношении коренных народов Севера Западной Сибири в XVII в. (На материалах Верхотурского, Пелымского, Березовского уездов). Автореф. дис... канд. ист. наук. Екатеринбург.
- Главацкая Е.М., 1995. Русская власть и коренное население Урала и Зауралья в XVII в. // Ежегодник научно-исследовательского института русской культуры. 1994. Екатеринбург. С. 23—32. (В тексте — Главацкая, 1995а).
- Главацкая Е.М., 1995. Русское государство и народы Северо-Западной Сибири. XVII в. // Проблемы административно-государственного регулирования межнациональных отношений в Тюменском регионе: исторический опыт и современность: Материалы Всероссийской научно-практ. конф. Март 1995 г. Тобольск. С. 26—30. (В тексте — Главацкая, 1995б).
- Главацкая Е.М., 1995. Торговля с «государевыми ясачными людьми» в XVII в. // Сургут, Сибирь, Россия. Междунар. научно-практ. конф., посвящ. 400-летию города Сургута. Докл. и сообщ. 22—25 марта 1994 г. Екатеринбург. С. 122—135. (В тексте — Главацкая, 1996в).
- Главацкая Е.М., 1998. Пушная политика Русского правительства в XVII в. (На примере Верхотурского уезда) // Культурное наследие Российской провинции: история и современность. К 400-летию г. Верхотурья: Тез. докл. и сообщ. Всероссийской научно-практ. конф. 26—28 мая 1998 г. Екатеринбург. С. 35—39.
- Главацкая Е.М., 1999. А был ли выбор: Аргументы против теории ненасильственного крещения хантов и манси в 1712—1715 гг. // Уральский сборник: История, культура, религия. Вып. III. Екатеринбург. С. 82—102.
- Головнев А.В., 1995. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН.
- Дамешек Л.М., 1983. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX — начале XX века. Иркутск: Изд-во Иркутск. ун-та.
- Дмитриева Т.Н., 1995. Взаимодействие христианских и традиционных религиозных представлений у казымских хантов // Узловые проблемы современного финно-угроведения: Материалы I Всероссийской науч. конф. финно-угроведов. Йошкар-Ола. С. 121—123.
- Долгих Б.О., 1960. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // Тр. ин-та этнографии. Новая серия. М. Т. 55.
- Древний город на оби: история Сургута, 1994. Екатеринбург: «Тезис».
- Дунин-Горкавич А.А., 1994. Нужды Тобольского Севера и меры для их удовлетворения. Шадринск: «Исеть».
- Зенько А.П., 1993. Современное состояние традиционной духовной культуры обских угров // Проблемы культурогенеза и культурное наследие: Материалы к конф. Ч. 3. Этнография и изучение культурных процессов и явлений. СПб. С. 106—109.
- Зибарев В.А., 1968. Советское строительство у малых народов Севера: 1917-1932 гг. Томск.
- Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., 2000. Северная Троя: от легенды до точки на карте // Родина. № 5. С. 30—36.
- Иринарх (Шемановский), 1906. История Обдорской духовной миссии // Православный благовестник № 3.
- Карьялайнен К.Ф., 1995. Религия югорских народов. / Пер. с нем. и публ. д-ра ист. наук Н.В. Лукиной. Т. 1—3. Томск: Изд-во Томск. ун-та.
- Кережи А., 1997. Современные явления в духовной культуре восточных хантов // Культурное наследие Азиатской России: Материалы I Сибиро-Уральского исторического конгресса (25—27 ноября 1997 г., г. Тобольск). Тобольск. С. 80—81.
- Конец А.Ю., 1995. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII — начало XX вв.). М.
- Копылов А.Н., 1965. Органы центрального и воеводского управления Сибири // Изв. Сиб. отд-ния. АН СССР. Сер. обществ. наук. Новосибирск. Вып. 3.
- Копылов Д.И., 1994. Предисловие // Судьбы народов Обь-Иртышского севера. (Из истории национально-государственного строительства 1822—1941 гг.): Сб. документов. Тюмень. С. 5—16.
- Кулемзин В.М., Лукина Н.В., 1992. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск: Наука.
- Латына М.А., 1998. Этика и этикет хантов. Томск.

Лезова С.В., 1993. Коллективизация на Казыме // Касум-Ёх. Материалы для обоснования проекта этнической статусной территории. Шадринск: «Исеть». С. 64–70.

Лукина Н.В., 1990. Предисловие // Мифы, предания, сказки хантов и манси. М. С. 3–57.

Мартынова Е.П., 1992. Образ Калташ-анки в религиозной традиции хантов // Модель в культурологии Сибири и Севера: Сб. науч. тр. Екатеринбург. С. 74–85.

Мартынова Е.П., 1993. Русское влияние на культуру хантов // Проблемы культурогенеза и культурное наследие: Материалы к конф. Ч. 3. Этнография и изучение культурных процессов и явлений. СПб. С. 98–100.

Мартынова Е.П., 1994. Обские угры (ханты и манси) // Народы Сибири и Севера России в XIX веке (этнографическая характеристика). М. С. 158–191.

Мартынова Е.П., 1995. Этническое самоуправление и низовое управление у народов Тюменского Севера // Проблемы административно-государственного регулирования межнациональных отношений в Тюменском регионе: исторический опыт и современность: Материалы Всероссийской научно-практ. конф. Март 1995 г. Тобольск. С. 65–68.

Мартынова Е.П., 1996. Советское строительство у хантов и манси (20-е гг. XX в.) // Historia Fenno-Ugrica I: 2. Congressus Primus Historiae Fenno-Ugricae. Oulu. P. 83–88.

Матвеев А.К., 1997. Географические названия Тюменского севера. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та.

Миллер Г.Ф., 1937; 1941. История Сибири М.; Л. Т I; М. Т II.

Миненко Н.А., 1975. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX вв. Новосибирск.

Молданов Т.А., 1994. Поездка Казымской богини в гости к дочери // Народы Северо-Западной Сибири. Томск. Вып. 1. С. 41–55.

Молданов Т.А., 1996. Современные медвежьи игрища северных ханты // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Juväskylä, 10–15. 08. 1995. Pars VI. Ethnologia & Folkloristica. Juväskylä. P. 266–270.

Огрызко И.И., 1941. Христианизация народов Тобольского Севера в XVI–XVII в. Л.

Очерки истории Коды, 1995. Екатеринбург: «Волот».

Очерки истории Югры, 2000. Екатеринбург: «Волот».

Перевалова Е.П., 1997. Этническая история северных хантов (обдорско-куноватская группа) в XVII — начале XX вв.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Новосибирск.

Песикова А.С., Этика поведения этнографа на стойбище. // Сб. науч. трудов Сургутского

гос. ун-та. Вып. 3. Гуманитарные науки. 1997. С. 217–225.

Прибыльский Ю.П., Советизация Севера: реальность и мифы // Проблемы административно-государственного регулирования межнациональных отношений в Тюменском регионе: исторический опыт и современность: Материалы Всероссийской научно-практ. конф. Март 1995. Тобольск. С. 93–97.

Свешников Н.А., 1959. Христианизация народов Нижнего Приобья // Учен. зап. Енисейского гос. пед. ин-та. Серия историко-филологическая. Енисейск. Вып. 3.

Соколова З.П., 1970. Социальная организация обских угров и селькупов // Общественный строй у народов Северной Сибири. М. С. 103–153.

Соколова З.П., 1971. Пережитки религиозных верований у обских угров // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX в. Л. С. 216–219.

Соколова З.П., 1985. Современное культурное развитие и этнические процессы у обских угров // Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера. М. С. 93–120.

Соколова З.П., 1994. Ханты. // Народы России: Энциклопедия. М: Большая Российская энциклопедия. С. 380–383.

Balzer M., 1980. The route to eternity: cultural persistence and change in siberian khanty burial ritual // Arctic anthropology. Vol. XVII. N 1. P. 77–88.

Glavatskaya E., 1996. Christianization-Russification? On the preserving the religious and Ethnic identity of the Ob-Ugrians // Shamanism and Northern Ecology (ed. Juha Pentikäinen) Mouton de Grueter. Berlin; New York. P. 373–386.

Muller J. B., 1722–23. The manners and Customs of the Ostiacks, A nation that extends to the frigid Zone; How they were, in the Year 1712, converted from Paganism to the Christian Religion of the Grecian Confession. With some curious remarks on the Kingdom of Siberia, and the Streights of Nassau or Waigats. Described by John Bergard Muller, a swedish Captain of Dragoons, in the Captivity: and sent by him to Petersburg the 12 of December 1716. // Weber F.C. The present state of Russia being an account of the government of that country, with civil and ecclesiastical; of the Czar's forces by sea and land, the regulation of his finances, the several methods he use of to civilize his people and improve the country, his transactions with several eastern princes, and what happened most remarkable at his court, particularly in relation to the late czarewicz, from the year 1714, to 1720. Translated from the High-Dutch. 1 ed. London; W. Taylor. Pp. 37–92.

Kerezsi A., 1996. Similarities and differences in Eastern Khanty shamanism // Shamanism and

Northern Ecology (ed. Juha Pentikäinen) Mouton de Grueter. Berlin; New York. P. 183–198.

Pentikäinen J., 1996. Khanty shamanism today: Reindeer sacrifice and its mythological background // *Shamanism and Northern Ecology*

(ed. Juha Pentikäinen) Mouton de Grueter. Berlin; New York. P. 155–181.

Smart N., 1991. The Religious experience. Fourth Edition. New York. Macmillan Publishing Company.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА, ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ПРИ СОСТАВЛЕНИИ КАРТ

Абрамов Н.А., 1851. О введении христианства у березовских остяков // Журнал Министерства народного просвещения. Октябрь. 4, LXXII, отд. V.

Древний город на Оби: История Сургута, 1994. Екатеринбург: Изд-во «Тезис».

Дунин-Горкавич А.А. Карта Тобольской губернии, сост. в 1903 г.

Дунин-Горкавич А.А., 1904, 1910, 1911. Тобольский Север. Сиб. Т. I; Тобольск. Т. II; Тобольск. Т. III.

Карта Сибири XVI–XVII вв. (до 1618 г.), 1937. / Сост. К.Н. Сербина // Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л. Т. I, прил.

Карта Сибири первой половины XVII века, 1941. / Сост. К.Н. Сербина // Миллер Г.Ф. История Сибири. М. Т. II, прил.

Книга Большому Чертежу (1627 г.), 1950. / Под ред. К.Н. Сербиной. М.

Косинская Л.Л., Федорова Н.В., 1994. Археологическая карта Ямало-Ненецкого автономного округа. Екатеринбург.

Кулемзин В.М., Лукина Н.В., 1977. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX вв. Томск.

Ремезов С.У., 1958. Хорографическая чертежная книга. 1697 г. // The Atlas of Siberia by Semyon U. Remezov. Facsimil edition with an introduction by Leo Bagrov. Imago mundi, Supplements's Gravenhage, листы 116–120.

Соколова З.П., 1977. Загадка Юильского городка // СЭ., N 4. С. 129–138.

Соколова З.П., 1993. Легенды Бут-Ими. Путешествие по Оби и ее притокам к ханты и манси. Сургут.

Соколова З.П., 1983. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв. Проблемы фратрии и рода. М: Наука.

Соколова З.П., 1976. Страна Югория. М.

Тыликов П.И., 1995. Топонимия населенных пунктов по р. Сыня Шурышкарского района // Проблемы административно-государственного регулирования межнациональных отношений в Тюменском регионе: исторический опыт и современность: Материалы Всероссийской научно-практ. конф. Март 1995 г. Тобольск. С. 97–99.

Munkácsi B. Kálmán B., 1963. Manysi (Vogul) Népköltési Gyűjtemény. IV Kötet. Második rész. Budapest. S. 56–69, карты А, В, С (хантыйские топонимы, вероятно, нанесены на карту К. Папай).

Radomski R., 1994. Ortsnamen des ostjakischen Wohngebietes. Zusammengestellt und bearbeitet von Rosemarie Radomski // Ars Ob-Ugrica. B.11. München: Congregatio Ob-Ugrica.

Schmidt Éva., 1983. Éneknyelvi településnevek az Ob mentén. // Urálistikai Tanulmányok (Hajdú Péter 60. születésnapja tiszteletére). Szerkesztők Bereczki Gábor – Domokos Péter. Budapest. L. 351–359).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

РГАДА — Российский государственный архив древних актов

РГИА — Российский государственный исторический архив

РИБ — Русская историческая библиотека. Спб., 1875

ТФ ГАТО — Тобольский филиал государственного архива Тюменской области

Татьяна Дмитриева

ТОПОНИМИЧЕСКАЯ КАРТИНА ТЕРРИТОРИИ ПРОЖИВАНИЯ ХАНТОВ

(ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ И
СЕМАНТИКИ ХАНТЫЙСКИХ ТОПОНИМОВ)

*Т. Н. Дмитриева,
кандидат филологических наук,
доцент Уральского государственного
университета*

Структура и семантика хантыйских топонимов

Детерминативы

Атрибутивная часть топонима

I. Характеристика животного мира

II. Характеристика растительного мира

III. Сведения о физико-географических естественных объектах и их свойствах

IV. Хозяйство, транспорт

V. Жители

Карта священных мест хантов реки Казым

Ханты — одни из древних аборигенов севера Западной Сибири — расселены по бассейнам притоков Оби и Иртыша, а также по самой Оби в ее нижнем и среднем течении. Это равнинная часть Западной Сибири, в основном расположенная в зоне тайги. Леса пересечены множеством рек, вокруг которых простираются обширные болота и заболоченные местности с бесчисленным количеством озер.

Отдельные районы проживания и диалекты хантов могут быть обозначены по названиям рек, вдоль берегов которых раскиданы их поселения. Хантыйские диалекты, имеющие между собой столь значительные различия, что между их носителями не всегда возможно взаимопонимание, традиционно делятся на три большие группы: северную, южную и восточную.

К северной группе относят диалекты, расположенные между устьем Оби и поселком Шеркалы: обдорский, сыгвинский (ляпинский), диалект села Мужи, диалект по реке Сыня, шурышкарский, казымский, шеркальский.

Южная диалектная область тянется на юг от Шеркалов до устья Иртыша и захватывает районы нижнего течения Иртыша. Эту группу образуют прежде всего иртышский, кондинский и демьянский диалекты, которые можно считать уже исчезнувшими, однако к ней относятся и обладающие признаками перехода к северной группе низямский и кеушкинский диалекты*.

Восточная диалектная группа располагается на восток от устья Иртыша по притокам среднего течения Оби. Сюда относятся салымский (имеющий переходные южнохантыйские черты), сургутский (тромьеганский, юганский, малоюганский, пимский), ваховский, васюганский, вартовский диалекты (см. Хайду, 1985. С. 45).

По мнению Н.И. Терешкина, следует говорить не о трех, а о двух диалектных массивах: о западных, или собственно хантыйских, диалек-

тах (их представители называют себя ханты) и о восточных, или кантыкских, диалектах (эта этническая группа называет себя кантыгу). При этом западная ветвь — все северные и южные диалекты (говоры), которые группируются в наречия: усть-обское (прежде называвшееся обдорским диалектом), приобское (с шурышкарским, казымским и среднеобским говорами) и прииртышское (в него входили усть-иртышский, кондинский и демьянский говоры); в восточной ветви хантыйских диалектов представлены: сургутское наречие (с аганскими, тромьеганскими, пимскими и юганскими говорами; в другом варианте классификации автор выделяет в качестве отдельной диалектной единицы агано-юганский говор), вах-васюганское наречие (с говорами ваховских, васюганских и александровских хантов) и салымское наречие (иначе — салымский говор, входящий в состав сургутского наречия. См. Терешкин, 1966. С. 319—320, 338—341; 1981. С. 3—4).

Хантыйская топонимия заслуживает самого пристального внимания как важнейший памятник языка, истории и культуры ее создателей. Между тем в местах современного проживания хантов их топонимические системы подвергаются разрушению и бесследно исчезают. Это происходит особенно быстро в условиях бурного промышленного освоения Западной Сибири. С большим притоком нового, пришлого населения усиливаются процессы лингвоэтнической ассимиляции коренных жителей, утрачивающих возможность традиционного ведения хозяйства и отходящих от традиционного образа жизни, связанного с рыболовством, охотой, оленеводством, собирательством.

Хантыйские топонимы с самого начала русско-хантыйского взаимодействия, история которого насчитывает несколько веков, подвергались переработке на русской почве и в таком адаптированном виде закреплялись в официальном употреблении, попадая в различные русские источники, начиная с «Книги Большому Чертежу» 1627 г., на географические карты и в административные справочники. Новые города и поселки газовиков и нефтяников, возникшие в наше время, также нередко получают названия, в основе которых ле-

* Е. Вертеш предлагает выделить низямский, кеушкинский, а также шеркальский и атлымский диалекты в самостоятельную группу переходных диалектов с северо- и южнохантыйскими чертами (Vártes, 1985. С. 18; 1990. С. 460—462).

жит хантыйский топоним: адаптированный фонетически или подвергшийся калькированию — переводу на русский язык.

Современное состояние хантыйской топонимии в ее живом употреблении и функционировании изучено крайне недостаточно. Пожалуй, только два региона можно считать обследованными в топонимическом отношении: это бассейн реки Васюган плюс частично бассейн реки Юган (Калинина, 1956—1958) и бассейн реки Казым (автор этих строк, 1987—2001).

Однако обширный материал по топонимии ханты имеется в словарях хантыйского языка — например, у К.Ф. Карьялайнена (КТ 1948) и С. Патканова (Patk. 1900—1901), в исследованиях по хантыйскому языку и фольклору, на различных картах и в целом ряде работ географического, статистического, этнографического и др. характера, посвященных описанию Западной Сибири и ее населения. В этих источниках, относящихся к разному времени (XVII—XX вв.), есть топонимия и таких территорий, где ныне ханты уже обрусели (например, нижнее течение Иртыша и его притоков Конды и Демьянки).

Первое обобщающее исследование по хантыйской топонимии принадлежит Л.И. Калининой*. Значительный вклад в изучение этого материала сделан немецкой исследовательницей Роземарие Радомски**. Ее диссертация и словарь представляют огромный свод извлеченных из всех доступных источников и всесторонне проанализированных хантыйских географических названий.

За основу настоящей статьи взята работа Р. Радомски «Ostjakische Ortsnamen» (далее — Radomski. 1969). Кроме того, привлекаются наши собственные материалы и сведения из некоторых других источников (см. список использованной литературы). Цель статьи — показать специфику структуры и особенности семантики хантыйских топонимов и, таким образом, представить топонимию ханты как ценный источник языковой и этнокультурной информации.

Иллюстративный материал приводится, вслед за Р. Радомски, как правило, в финно-угорской фонематической транскрипции с не-

которыми отклонениями от нее в зависимости от источника материала, в том числе и с применением русской графики. В качестве примеров, которые мы приводим со ссылкой на первоначальный источник, иногда используются адаптированные русским языком хантыйские названия и их русские параллели, однако вопросы хантыйско-русского языкового взаимодействия в данном случае не рассматриваются.

Названия хантыйских диалектов даются в традиционных обозначениях, принятых в DEWOS и используемых Р. Радомски.

Структура и семантика хантыйских топонимов

По своей структуре хантыйские топонимы аналогичны топонимам других языков агглютинативно-суффиксального типа, для которых характерны сложные (составные) географические названия, состоящие из двух, трех, реже четырех, пяти, шести компонентов:

- двухкомпонентные: Trj. *Kul-jāu* «Рыбная река» (КТ 381)***; Kaz. *Naŋk-paj* «Лиственничный остров» (Дмитриева); Irt. (Кг.) *Tor-puxat* «Озерная деревня» = Буренские (КТ 1085);
- трехкомпонентные: Vj. *Rāt-katəŋ-məlaŋ* «Водоворот с домом старика» (КТ 810); Kaz. *Wol-ŋar-szjət* «Большой сырой (т.е. нерельный) ручей» (Дмитриева); Irt. (Ts.) *Pereŋ-ŋāt-taj* «Конец мыса с лесным духом» (КТ 724);
- четырехкомпонентные: Vj. *On-čörčəŋ-juŋ-pelä* «Холм дерева с смолистой спиной (дословно: смола-спина-дерево-холм)» (КТ 36); Kaz. *Mäləŋ-wori-jəxam-kqrt* «Изба бора карасьей старицы» (Дмитриева); Irt. (Ts.) *Rep-otəŋ-xānta-puxat* «Хантыйская деревня у края высокого берега» (КТ 807);
- пятикомпонентные: Kaz. *Jewəŋ-ləra-mānti-aj-jōxap* «К окуневому озеру идущая маленькая река» (Дмитриева);
- шестикомпонентные: Kaz. *Məj-jəš-jāŋxti-aj-jōxap-ləg* «Озеро маленькой реки, где ездят по свадебной дороге» (Дмитриева).

В качестве последнего компонента в топониме, как правило, выступает выполняющий роль имени-классификатора (детерминатива) географический термин, указывающий на вид называемого объекта.

* См.: Калинина Л.И. Хантыйские топонимы Западной Сибири. Дис. канд. филол. наук. Томск, 1962.

** Radomski R. Ostjakische Ortsnamen. Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophischen Facultat der Cristian-Albrechts-Universität zu Kiel. Kiel, 1969; Radomski R. Ortsnamen des ostjakischen Wohngebietes. Zusammengestellt und bearbeitet von R.R. // Ars Ob-Ugrica, Band 11. München, Congregatio Ob-Ugrica, 1994.

*** Примеры из словарей К. Карьялайнена — И. Тойвонена (КТ) и Х. Паасонена (Paas) приводятся, как и у Р. Радомски, в упрощенной (фонематической) транскрипции, разработанной В. Штейнцем.

Детерминативы

В хантыйской топонимии наиболее употребительны следующие детерминативы:

1. Река, ручей

- V Vj. *jəxəp*, Trj. *jāxəp*, Ni. *jōxəp*, Kaz. *jōxəp*, Obd. *jōxəp* (КТ 148), Jg. *jaup* (Paasonen, 1926. S. 33).

напр. V *Kəjəx-jəxəp* «Река ворона» (КТ 300); Trj. *Ört-jāxəp* «Река богатыря» (КТ 84); Jg. *Wōnt-jaup* «Лесная река» (Paasonen, 1926. S. 278); Kaz. *Kelši-jōxəp* «Сорожья (сорога — вид рыбы) река» (Дмитриева — ср. Radomski, 1994. P. 145).

В русской адаптации употребляется в формах **еган, ёган, юган**.

По Л.И.Калининой, названия на **-еган** составляют три замкнутых ареала: 1) северо-запад Западной Сибири (притоки Нижней Оби); 2) бассейны рек Казым, Назым и Лямин; 3) бассейны рек Аган, Вах, выше Ваха несколько притоков Оби до Васюгана, на Васюгане они встречаются единицами (Калинина, 1962 б. С. 13. Ср. Radomski, 1969. P. 13).

Топонимы **Васюган, Юган** и ряд других на **-юган** представляют собой русифицированные варианты хантыйских названий.

- Vj. *jixi*, VK. *jixi*, Irt. *jexə*, Koš. (также) *jāxə* Ni. *jexə*, Kaz. (фолькл.) *jixi* «маленькая река», «ручей, приток» (КТ 146); Irt. *jexə* (Paasonen, 1926. S. 33), Irt. *jega* (Patk. 450), Sal. *jexə* (Терешкин, 1981. С. 76).

напр. Vj. *Welij-jixi* «Оленья речка» (КТ 273), Irt. *Jevén-jega* «Окуневая речка» (Patk. 450), DN *Pästə-jexə* «Речка с протокой» (КТ 741).

На картах встречается в форме **-ера** (район Иртыша), **-игаи**, **-игый** (бассейн Васюгана, начиная от устья Нюрольки), кроме того -- вперемешку с **-ягун** — в бассейне р. Малый Юган (от ср. течения до верховья) и в верховье р. Бол. Юган (Калинина, 1962б. С. 11. Ср. Radomski, 1969. P. 14).

- V Vj. *jixəl*, Mj. *jixəl* «речка, ручеек» (КТ 147); Jg. Ag. *jixəl* (Терешкин, 1981. С. 76).

напр. V. *Мегтыг-игол* «Ельцовая (елец — вид рыбы) речка» (Калинина); Vj. *Näl'-jixəl* «Лиственничная речка» (КТ 578).

На картах встречается в формах **-игол, -игль**.

Употребителен в топонимах в бассейне Ваха и в районе устья Ваха по левобережью Оби у устьев рек Кульюган и Покур, также по Малому Югану (Radomski, 1969. P. 15), по Л.А. Калининой — на среднем и верхнем Васюгане, в верховьях р. Вах вперемешку с другими названиями (Калинина, 1962б. С. 14).

- Vj. *-jaγ*, Trj. *-jāγ*, Kaz. *-jōγ*, в русской адаптации **-ях, -яг**, на севере также **-ех, -ёх** «маленькая река, приток больших притоков Оби» (DEWOS 319).

напр. Vj. *Jaγat-jaγ* «Боровая река» (КТ 148); Trj. *Imi-jāγ* «Река женщины» (КТ 43, 142); Kaz. *Pot-jōγ* «Река с наледью» (КТ 142, 761; Дмитриева).

Встречается в составе топонимов (названия средних и маленьких рек) левобережья Оби в районе Васюгана — Салыма. На правом берегу Оби и на севере только местами (Radomski, 1969. P. 16).

Имеются и параллельные названия, например: Trj. *Səkar-jāγ*, *Səkar-jāxəp*, приток р. Тромъеган (КТ 830) — **Сукур-ях** (Дунин-Горкавич), **Сукур-ягун** (International... 1946—1957).

По народной этимологии термины *-jaγ, -jāγ, -jōγ* «речка» ассоциируются с *jaγ, jəγ* «народ».

На картах встречается в формах **-ях, -яха, -яг, -яга**. Ср.: лев. прит. Югана **Лоул-ях** (Дунин-Горкавич), **Лооль-яха** (Калинина), **Лооль-ях** (Калинина, 1962а. С. 137; International... 1946—1957); на Салыме **Нивринг-яга** (International... 1946—1957) — вероятно, *Kiwrəθ* *η-j*. «Река с прорубью» (см. Radomski, 1994. P. 266).

- V Vj. VK *päsəl*, Mj. Trj. *päsəl*, Irt. *päs, päst*, Ni. *pösəl*, Kaz. *pösəl*, Obd. *päsəl* «протока (большая), рукав реки» (КТ 741).

Термин, как правило, употребляется в названиях протоков Оби (от Васюгана до Обдорска. — Radomski, 1969. P. 23), в русской адаптации — в формах **пасл, пасол**, напр., на средней Оби: **Панковский пасл, Ваховский пасл, Мал. пасол, Летний пасол** (International... 1946—1957).

- V VK *muyət*, Kaz. *mōxət* «рукав реки (маленькая) протока» (КТ 510). В топонимии встречается редко. Ср. Radomski, 1969. P. 24. напр. *Шоур-мохот* «Заячья протока» у Куновата (Дунин-Горкавич, 1915. С. 42), Kaz. *Linta-mōxət* «? — протока» (по нижнему Казыму между р. Казым и р. Обь — Дмитриева).

- Vj. *jayərt*, Kaz. *jəxərt* «развилка, ответвление (реки, дороги)» (КТ 150). В гидронимии = «ручей».

У Р. Радомски примеров топонимов нет. (См. Radomski, 1969. P. 24).

Ср.: Kaz. *jūxət-jəxərt* «Развилка (ручей) с деревьями» (Дмитриева).

По Л.И. Калининой, встречается в названиях притоков на Васюгане (Калинина. 1961б: 215; 1962а: 142).

- Vj. *sajəm*, Irt. *sojəm*, Ni. Kaz. *səjəm* «русло ручья, появляющегося в половодье; ручей» (КТ 820).

напр. Vj. *Кор-сайм* «Болотный ручей» (Ка-

линина, 1959. С. 119–120); Irt. *Voš-sōjām* «Городской ручей» (Patk. 304); Kaz. *Ka/-lāḡ-sōjām* «Ручей конца болота» (Дмитриева).

• Vj. *pōḡ*, Trj. *peḡ* «маленькая узкая река, ручей...» (КТ 664); Vj. *pōḡ* «речушка...» (Munkacsi, 1896. Р. 52).

напр. Vj. *jārākāḡ-pōḡ* «Ершовый ручей» (КТ 1088), Trj. *Sāyī-peḡ* «Грязный (глинистый) ручей» (КТ 664, 827).

Топонимы на -п'ох распространены на Васюгане от устья Нюрольки до верховья Васюгана и по Нюрольке (Калинина, 1962б. С. 14).

• Vj. *lāy* «впадающий в озеро маленький короткий болотный ручей...» (КТ 602), *lāy* «речка» (Munkacsi, 1896. Р. 43), *л'ых* «речка, где ботают (ловят рыбу, создавая шум на воде. — Аом.)» (Калинина, 1959. С. 119).

напр. Vj. *Ellēnāy* «Большой ручей», *Aj-lāy* «маленький ручей» (Munkacsi, 1896. Р. 43).

Встречается в топонимах на Васюгане и, по Калининой (Калинина, 1961б. С. 21), на Югане (Radomski, 1969. Р. 25).

• Vj. *siyēt* «протока между двумя водоемами, ручей, вытекающий из озера или болота» (КТ 841; ср. Терешкин, 1981. С. 428).

напр. Vj. *Ankel-siyēt* «Ручей со столбом (пнем)» (Munkacsi, 1896. Р. 41), V. *Тохсикит* «Озерный ручей (исток)» (Тяботов, 1975. С. 126).

• Vj. *sāw* «маленький ручей, исток между озером или болотом и рекой», Mj. *sāp* «исток из болота или озера» (КТ 863).

напр. Vj. *Kor-sāw* «болотный ручей» (КТ 331).

По Л.И. Калининой, детерминатив встречается и в топонимах на Югане (Калинина, 1961б. С. 214).

Есть также Šerk. *Tuḡ-sap-tor* «Озеро ручья духа» (Angaben...), хотя это слово на севере обычно не представлено (см. Radomski, 1969. Р. 26).

• Kaz. *wīs* «ручей», «проток между озерами», «ручей, соединяющий озеро с рекой» (заимств. из коми. — Дмитриева), напр. *Аḡḡḡ хṡṡṡ wīs* «Ручей с домом духа», *Wḡḡ wīs* «Большой ручей (проток)»; *kāt lār kūt wīs* «Ручей (проток) между двумя озерами» (Дмитриева).

• Irt. (Kḡ) *čum* «короткий ручей» (КТ 943), «источник...» (Patk. 315).

напр. *Tau-kerem-čum* «Источник упавшего коня» (Patk. 315).

• Vj. *jāḡk* «вода» (КТ 160).

Слово есть во всех хантыйских диалектах, но в топонимии представлено редко (Ср. Radomski, 1969. Р. 27).

напр. V. *Sāwīn-jāḡk* — река Сабун (большой прав. приток Ваха — КТ 827), то же *Sabun-jogan* (Castrren, 1856. S. 111).

• V Vj. VK *ās*, Irt. *Obd. ās* (Fil. *ās*), Ni. Šerk. Kaz. *as* (КТ 84, DEWOS 184). Во всех диалектах

это название Оби, кроме того — детерминатив у имен больших, чаще всего удаленных рек; *as* «большая река, поток», «река Обь» (Patk. 415); также в названиях проток (Дмитриева).

напр. VK *Katañ-ās* «Татарская река» = Иртыш в районе Тары (КТ 85), Kaz. *Nataḡ*, *Nataḡ-as*, *Obd. Nataḡ*, *Nataḡ-as* = Надым (КТ 598); Kaz. *Wḡḡt as* «Лесная (таежная) река» — 1. Горная Обь, 2. р. Казым в районе низовья до устья; *Kasam as* — протока между р. Казым и р. Обь (Дмитриева). Irt. *Vander-as* «Выдра-поток» (дословно), приток Салыма (Patk. 415), = Вандрас (См. Radomski, 1969. Р. 12–28.).

2. Озеро

• Trj. *lār* «(большое) озеро...», Mj. *lār*, Irt. *tor*, DN «в котором нет карасей», DT «без истока», Ts. [также] «появляющееся в половодье», Ni. *tor*, Kaz. *lār*, *Obd. lar* «озеро; озеро, появляющееся в половодье (не карасье)» (КТ 1084).

напр. Trj. *Kāčā-lār* «Моховое озеро» (КТ 348); DN *Jempasāḡ-tor* «Святое озеро» (у истока Салыма, КТ 171), Kaz. *Waseḡ-lār* «Утиное озеро» (Дмитриева).

Детерминатив обычен в названиях озер на севере, юге и на Тромъегане (Radomski, 1969. Р. 28), по Калининой — в нижнем и верхнем течении р. Аган, в бассейне р. Тромъеган, по р. Юган, на территории между р. Тромъеган и р. Пим (Калинина, 1962б. С. 16). На Вахе (*lar*) и на Васюгане (*lar*) есть специализированное значение «заливаемый в половодье берег, озеро, образующееся во время половодья», но термин обычно используется как определение в топонимах, так как в качестве основного слова детерминатива выступает *emtar* (Radomski, 1969. Р. 28).

• V Vj. *emtar* «озеро» также V «лужа, болото», Mj. *āmtar* «озеро (большое, болотное)» (КТ 51).

Этот озерный детерминатив обычен на Вахе и Васюгане, в верховьях р. Аган, в бассейнах р. Лямин и Пим (Radomski, 1969. Р. 29; Калинина, 1962б. С. 15–16). К западу от Иртыша встречается единственный раз как название озера и его истока: *Emtar*, русск. **Эндыр, Ендыр**. В качестве апеллятива отмечен в иртышском диалекте только у Патказова: *emtar* «озеро» (Patk. 420). На севере не употребляется.

напр. V *Siṡtāḡ-emtar* «Озеро с ручьем» (КТ 841); *Jjraḡ-emtar* «Жертвенное озеро» (у с. Ларьятское — КТ 182), очевидно, то же — **Элле-пугол-эмтор** «Большое деревенское озеро» (Атлас).

• Vj. Trj. *uri*, Kaz. *wḡri* «превратившееся в озеро старое русло реки» (КТ 74) = русск. «староречье», «старица».

Лексема, известная во всех хантыйских диалектах, как основное слово-детерминатив в топонимах отмечена на востоке хантыйской области (на Вахе и Васюгане — Калинина, 1962б. С. 14; ср. Radomski, 1969. Р. 30), а также на Казыме.

напр. *Mälākəŋ-uri* «Мальковое (маленькой рыбы) озеро» (КТ 560); Kaz. *Nölxəŋ-wəŋi* «Пихтовая старица (озеро)» (Дмитриева). В производных топонимах — напр. Trj. *Oxtəŋ-uri-puəl* «Деревня озера с перешейком» (КТ 27). Ср. также в XVII—XVIII вв. в области Сургута р. **Урай** (Remezov, 1958. Р. 123), *Uraj* (Саб. 183). В русских говорах Сибири **урей**, **урья** — заимствование из хантыйского (Radomski, 1969. Р. 30).

- Vj. *tōy*, Mj. *tōy*, Irt. *təw*, Ni. *tūw* «(маленькое) озеро, лужа» (КТ 971).

Встречается в топонимах Васюгана и Иртыша, на севере — до Малой Сосьвы. На левобережье Оби образует почти замкнутый ареал вплоть до Березово (см. Radomski, 1969. Р. 31). По Калининой, названия на **-тух** есть также в бассейнах рек Бол. Салым и Юган (Калинина, 1962б. С. 16).

напр. Vj. *Süyas-pələŋ-tōy* «Озеро с гнездом ястреба» (КТ 829), Irt. *Mögon-teu* «Карасье озеро» (Patk. 80), Šerk. *Ķālew-tūw* «Чаечье озеро» (Angaben...).

- Vj. *mələŋ*, Irt. *mətəŋ* «залив (реки), водоворот, омут...» (КТ 556).

напр. Vj. *Rät-katəŋ-mələŋ* «Водоворот с домом старика» (КТ 810), Irt. *Lulneŋ-mēteŋ* «Лягушечья лужа (Wasserpfehl)» (место по Конде, где река делает поворот, = русск. **Лягушечий заворот** — Patk. 72). См. Radomski, 1969. Р. 28—32.

3. Поселение

- V Vj. *wač*, Trj. *wāč*, Irt. *woš*, (Kr.) *woč*, (Ts.) *woos*, Ni. Kaz. *wəš*, Obd. *was* «город», Ni. Kaz. (также) «русское село (с церковью)», Kr. (также) «... последняя часть в названиях старинных укреплений» (КТ 259). Во всех диалектах употребляется и как название возвышенных мест.

— **названия остатков городков (городищ):**

напр. Vj. *Aj-rōy-wač* «Город у маленького ручья» (бывшее укрепление в юртах Айполовские — КТ 5); Irt. *Ķūt-voš* «Еловый город» (название одной бывшей остяцкой земляной крепости, остатки которой видны. — Patk. 440).

— **названия больших поселений и центральных пунктов в области проживания хантов:**

напр. V Vj. *Sōymə'-juy-wač* «Березовый город» = Березово (КТ 260, 860), V *Samar-wač* «Город Самара» = Самарово (КТ 259); Šerk. *Šāš-wəš* дословно «Спина-город» = Шеркалы (Angaben...).

- Irt. (только Ts. фолькл.), Obd. *awət*, Kaz. *awət* «место жилья», Trj. *eḡət* «высокий берег реки, бывший остяцкий город, сегодня место жертвоприношения» (КТ 18); первоначальное значение было, очевидно, «высокий мыс с укрепленным поселением» (DEWOS 51).

— **названия поселений:**

напр. Kaz. *Kūn-awət* = Куноват, *Xūš-awət* = Кушеват; Irt. *Elin-āvēt-voš* «? -мыса город» (название старой остяцкой земляной крепости. — Patk. 417).

— **названия мысов:**

напр. Obd. *Lōŋx-awət* «Мыс духа» (КТ 18); Trj. *Lōkət-eḡət* «Мыс глухарей» (вблизи Сургута, КТ 477).

- V Vj. *puəl*, Trj. *puəl*, Irt. *puḡət*, Obd. *poḡəl* «деревня, юрты» (КТ 675).

Слово известно на востоке, на юге и на крайнем севере, в области Обдорска. В других областях такое место называют *kurt*.

напр. Trj. *Sāpərkeŋ-uri-puəl* «Деревня лягушечьего озера» (КТ 865); Irt. (Kr.) *Tor-puḡət* «Озерная деревня» = Буренские (КТ 1085), Obd. *Wul-oš-poḡəl* «Деревня большой стаи рыб» = Княженские юрты (КТ 222).

- Ni. Šerk. *kurt*, Kaz. *kört* «остяцкая, русская деревня, юрты (не деревня с церковью)» (КТ 434; Stein. Chr. 145) = «изба, избушка» (Дмитриева).

Это коми заимствование распространено на севере за исключением Обдорской области, где употребляется слово *poḡəl*, *puəl* (Radomski, 1969. Р. 35).

напр. Kaz. *Kešši-lər-kört* «Деревня сорожьего озера» (Steinitz MS; Дмитриева); в среднем течении Полуя **Ем-юган-горт** «Деревня святой реки» (International... 1946—1957); у с. Мужы, вблизи Обдорска *As-kur* или *As-puəl* «Обская деревня» (Steinitz, 1941. S. 125). См. Radomski, 1969. Р. 32—36.

4. Прочие детерминативы — географические термины, характеризующие местность

- Irt. (Ts.) *wāntə* «мыс» (КТ 229).

Слово употребляется для обозначения летних мест и старых мест жилья.

напр. Ts. *Tor-wāntə* «Озерный мыс» (КТ 229, 1091).

- Irt. *ñāt-*, Kaz. *ñōl* «мыс» (КТ 642). Общее значение слова — «нос», «передняя часть». **напр.** Ts. *Pereñ-ñāt-taj* «Конец мыса лесного духа» (песчаный мыс у Сотниковых юрт — КТ 724); на Оби у устья Казыма **Кеу-нел** «Каменный мыс» (рыболовное место — (Дунин-Горкавич, 1915. С. 18)), **Сумыт-нел** «Березовый мыс» (промысловое место — (Дунин-Горкавич, 1915. С. 18)), ср. Kaz. *Sūmat-ñōl* = русск. **Сомутнёл**, деревня у устья Казыма (Дмитриева).
 - Šerk. *uxät*, Kaz. *qxät* «перешеек между двумя водоемами, путь, по которому... перетаскивают лодки» (КТ 27, DEWOS 49) = русск. «волоок», «перетаска». **напр.** Šerk. *Negät-uxät* «Перешеек женщин» (Stein. MS); Kaz. *Łal-qxät* «Перешеек войны» (по легенде — войны с ненцами — Дмитриева).
 - V Vj. *pāj*, Trj. Irt. *pāj*, Kaz. *paj* «холм, куча», V Trj. Irt. (также) «остров», Kaz. (также) «небольшой лес» (КТ 654). **напр.** Surg. *Pojar-paj* «Холм (остров) героя» (Munkacsı. 48), Sy. *Woš-paj* «Холм с городом» (остатки старого города — (Steinitz, 1941. S. 80), Kaz. *Nañk-paj* «Лиственничный остров» (Дмитриева).
 - Irt. *poxar* «(болотный) остров», Kaz. *poxar* «остров» (КТ 670). **напр.** Irt. *Kun-āwēt-pogor* «? — мыса остров» (название острова на Оби в окрестностях Куновата — Patk. 417), Kaz. *Jrś-pe-rqxar* «Остров вертлявой женщины» (в протоке реки Казым — Дмитриева).
 - V *pelē* «маленький холм», Vj. *pelä* «(береговой) холм» (КТ 775). **напр.** Vj. *On'-čōñčāñ-juu-pelä* «Холм дерева с смолистой спиной» (КТ 36).
 - Kaz. *sāñxät* «береговой обрыв, береговая гора, яр» (КТ 851). **напр.** Kaz. *Aj-xār-sāñxät* «Маленький чистый яр» (Дмитриева), *χūw-sāñxät* «Длинный яр» (Дмитриева).
 - Irt. *ūr* «(поросшая лесом) возвышенность, грива», Jg. *ur* «сторона, угол», Kaz. *wūr* «лес, поросшая лесом гора на берегу реки или среди болота...» (DEWOS 157, КТ 71). **напр.** Kг. *Sumät-ūr-puxät* «Деревня березовой возвышенности» (КТ 860) — производный топоним; Kaz. *Nar-wūr* «Сырой (т.е. пегоревший) лес» (Дмитриева).
 - Irt. *jaxät*, Kaz. *jəxät* «бор» (КТ 148). **напр.** Irt. *Mēnkēñ-jāgam* «Бор лесного духа» (Patk. 76), Kaz. *Wōñ-jəxät* «Большой бор» (Дмитриева).
 - Irt. *χār* «лес», DN «в котором есть дичь» (КТ 327). **напр.** Kг. *Kōšmāñ-χār* «Лес ? места пожара» (КТ 448).
 - Vj. *wōnt*, Irt. *unt*, Kaz. *wōnt* «лес, необитаемый лес» (КТ 55, DEWOS 1600). **напр.** на верхней Оби *Vēs-jax-wōnt* «Лес реки (или народа) мамонта» (Munkacsı, 1896. P. 56); Irt. *Vož-(Voč) unt* (есть и др. варианты топонима) «Лес города» (холм у Цингалинских юрт — Patk. 415, 461); Kaz. *Mōšāñ-jəx-kōrt-wōnt* «Лес деревни мозямского народа» (т.е. семьи хантов по фамилии Лозямовы. — Дмитриева).
 - Irt. Obd. *pāñ*, Ni. Kaz. *pan* «(береговой) песок», Ni. Kaz. Obd. «где ловят рыбу сетью» (КТ 705). Слово часто встречается в названиях рыболовных мест на севере Обской области. **напр.** у Обдорска **Путор-пан** «Островной песок» (Дунин-Горкавич, 1915. С. 12); **Мегдын-пан** «Ельцовый песок» (летние юрты у Бол. Атлыма — Патк. Ст. 30); Kaz. *Mōχsāñ-pan* «Муксуповый песок» (по Оби, ниже Полновата — Дмитриева).
 - Vj. *sej* «береговой песок, песчаный берег» (КТ 817). Часто встречается в названиях рыболовных мест на верхней Оби. **напр.** **Пуглон-сей** «Деревенский песок» (Дунин-Горкавич, 1915. С. 98).
 - V Vj. *kōj*, Irt. *kuj* «болото с кочками и низким лесом» (КТ 383). **напр.** V. *Kōlak-kuj* «Болото ворона» (КТ 300), Irt. *Ėne-kuj* «Большое болото» (в басс. Демьянки — Patk. 421).
 - Kaz. *īpgram* «болото, не качающаяся болотная почва, где растет голубика» (КТ 634, DEWOS 1078). **напр.** Kaz. *Māšja-īpgram* «Закрытое болото» (Дмитриева).
 - Kaz. *ka!* «торфяное болото», «болото в верховьях реки» (КТ 397), «чистое болото, чаще без деревьев» (DEWOS 627). **напр.** Kaz. *ĵemāñ-ka!* «Святое болото» (Дмитриева); и т.д. См. Radomski, 1969. P. 36–39.
- Вследствие метонимического переноса, а также в связи с эллипсисом последнего компонента производного топонима может возникать кажущееся расхождение семантики детерминатива и типа обозначаемого объекта: Ср.:
 — в названиях населенных мест:
напр. Kг. *Jexə-lox* «Речной залив» = Богдановск (КТ 147), то же — *Jega-lōx-pūgot* «Деревня речного залива» (Богдановские юрты в районе Конды — Patk. 448); Kaz. *Warəñ-sāñxät* «Яр с рыболовным забором» — то же, что *Warəñ-sāñxät-kōrt* «Изба яра с рыболовным забором» (Дмитриева); **Хар-соим** «Лесной ручей» (деревня на Нижней Оби — Атлас).
 — в названиях рек:
напр. Vj. **Эллэ-вэр** «Большая запруда», так же **Эллэ-вэр-йыгъай** «речка с большой зап-

рудой» (Калинина, 1959. С. 120); Obd. **Еман-машья-вар** «Святой закрытый заповор» (Дунин-Горкавич, 1915. С. 8); Vj. **Сарт-койм** «Место нереста щуки» (Калинина, 1962а. С. 135).

В ряде случаев хантыйские топонимы представляют собой географические термины-апеллятивы в самостоятельном топонимическом употреблении.

напр. Vj. *jəwəp* 1. «река», 2. «Васюган» (КТ 148) = **Эл'л'о югьон** «Большая река» (Калинина, 1961б: 214); Jg. *jaɣn* 1. «река», 2. «Юган» (Raasonen, 1926. S. 33), то же — Trj. *jāwəp* (КТ 148).

В области верхней Оби и Васюгана отмечены также такие топонимы, как:

протока **Пасол** (Дунин-Горкавич, 1915. С. 96), речка **Пасол** (Дунин-Горкавич, 1915. С. 94) — Vj. *pāsəl* «протока»;

Пех, ручей (Дунин-Горкавич, 1915. С. 9) — Vj. *pəw* «ручей»;

Н'ых, ручей (Калинина, 1959. С. 120) — Vj. *n'yx* «речка, где ботают»;

Эмтор, озеро (Дунин-Горкавич, 1915. С. 96) — Vj. *emtar* «(большое) озеро».

На других территориях ср., например: Irt. *Emtar* (большое озеро с истоком на Обь — Raasonen, 1926. S. 17), *Emdar* — очевидно, то же (назв. озера, протоки Оби и реки на юге Березовского уезда, ниже устья Иртыша — Patk. 420), Kaz. *Pōsā* «Протока» (название протоки реки Казым) = *Хыл-лор-рōsā* «Протока рыбного озера» (Дмитриева).

Негеографические апеллятивы в самостоятельном топонимическом употреблении также возможны напр. Vj. **Вар** «Рыболовный заповор» (название озера — (Дунин-Горкавич, 1915. С. 96)); Vj. **Койм** «Место нереста» (название реки. — Калинина, 1961а. С. 210)), ср. Vj. *Kājim-jāxén* «Нерестовая река» (Munkacsi, 1896. P. 21) (См. Radomski, 1969. P. 39–45).

Таким образом, детерминативы в хантыйских топонимах обозначают гидрообъекты (река, протока, ручей, озеро) и их части, при этом наблюдается большая конкретизация для обозначения разновидностей этих объектов, называют типы **поселений**, указывают на элементы **рельефа и ландшафта** (мыс, перешеек, холм, остров леса, лес, песок, болото и т.п.), также конкретизируя их. В редких случаях географические термины употребляются самостоятельно в функции топонима.

Атрибутивная часть топонима

Атрибутивная часть топонима является носителем информации о называемом объекте и может быть представлена одним или несколькими компонентами сложного слова (словосо-

четания). Определение находится в препозиции. В соответствии с нормами финно-угорского словообразования *определение* может быть выражено именем существительным или прилагательным, также типичны структуры: сущ. + сущ., прил. + сущ., прил. + прил., прил. + сущ. + сущ. и т.д. При этом возможны как бессуффиксальные, так и суффиксальные формы имен-определений.

напр. Vj. **Сег-йыгъэй** «Налимья река» = в русск. передаче **Сакын-игай, Сакин-игай** (Калинина, 1961а. С. 203); Kaz. *Лэр-јохарт* «Озерная развилка» = *Лэргэ-јохарт* (Дмитриева).

Бессуффиксальные определения могут передавать и посессивное значение:

напр. V *Təram-joɣəp*, Trj. *Təram-jāwəp* «Река бога», «Божья река» = **Трем-юган** (КТ 148, 1077), **Тромъеган**; Vj. **Руч-йыгъэй** «Речка русского», «Русская речка» (Калинина, 1962а. С. 129); Kaz. *Kūrək-tiɣləp-lər* «Озеро с гнездом орла» (Дмитриева).

Суффиксальное имя-определение может иметь:

1) суффиксы обладания

-(ə)п напр. V *Lontəp-jay* «Гусиная река» (КТ 1077, *lont* — «гусь»); Kr. *Seytəp-tor* «Озеро с ручьем» (КТ 841, *seyət* — «ручей»); Kaz. *Mūwəp-lər* «Извилистое озеро» (Дмитриева, *mūwi* — «извилища, поворот»).

-(ə)т Очевидно, это вариант предыдущего суффикса, возникший в результате русской адаптации. Ср. Irt. *Vožəp-unt* «Городской лес» (Patk. 401) и Ts. *Wočəm-unt* (КТ 262); Obd. *Kew-ɣatəp-roxəl* «Деревня с каменным домом?» дословно «камень-дом-деревня» (Angaben...) и Obd. **Кех-хатым-погол** (Дунин-Горкавич, 1915. С. 14).

-əp (-əp), -ip, -əw, -(ə)w напр. Irt. (Kr.) *Pəyta-jəŋkəp-tor* «Озеро с черной водой» (КТ 162, 682, *jəŋk* — «вода»), (Ko) *San̄ki-jənkəp-tor* «Озеро с белой [т.е. светлой] водой» (Munkacsi, 1896. P. 30,39); Trj. *Kulip-peɣ-lār* «Озеро рыбного ручья» (КТ 372, 665, *kul* — «рыба»); Vj. *Kōɣri-čipəw-jijj* «Речка с обрывистым берегом» (КТ 25, *čiw* (*čip*) — «обрывистый берег»); Vj. *Oɣər-pelāw-jijj* «Речка с высоким берегом» (КТ 25, *pelā* — «холм на берегу»).

-i напр. Kaz. *Aj-pəti-səjəm* «Маленький ручей с наледью» (Дмитриева), *pəti* — «наледь» (DEWOS 1234). (Ср. Radomski, 1969. P. 142–143).

-ji напр. Trj. *Lārəkji-lār* «Ершовое озеро» (КТ 1088, *lārək* — «ерш»).

2) уменьшительный суффикс -iɬi (Trj.) напр. Trj. *Jāwɬiɬi* (приток Агана — КТ 149; от *jāwəp* «река»).

В атрибутивной части топонимов, особенно в микропонимии, нередко глагольные конструкции, образованные включением в со-

став топонима причастий настоящего и прошедшего времени.

1) суффикс причастий настоящего времени *-tə (-ti)* напр. Šerk. *Putp-suxta-wəš* «Город, у которого дергают крапиву» (Angaben...), *suxta* — прич. наст. вр. от глагола *sux-* «дергать»; V Ирых-сылта-най «Остров, у которого режут жертву» (Шатилов, 1931. С. 82), *šül-* «разрезать (зверя)» (КТ 892); Kaz. *Töxäiti-lär* «Озеро, где неводят» «Неводное озеро» (Дмитриева), *töxä-* «неводить» (DEWOS 1413); *Jiŋk-astti-wəri* «Озеро (старица) (откуда) носят воду» (Дмитриева), *alt-* «носить, таскать» (DEWOS 77).

В хантыйском языке причастия настоящего времени по форме совпадают с инфинитивом. Буквальный перевод причастий на русский язык вызывает затруднения, поэтому приходится прибегать к передаче смысла топонима, используя личные формы глагола. Однако ср. Kaz. *Lär-werti-aj-jöxan* «Маленькая река, делающая озеро» (Дмитриева).

2) суффикс причастий прошедшего времени *-ät* напр. Vj. Пэнтэм-урий «Высохшее озеро (или рукав реки)» (Калинина, 1962а. С. 132); Irt. (Kr.) *Näräsjuχ-senkam-tor* «Озеро, где разбили *näräsjuχ* (струнный инструмент)» (КТ 594); Kaz. *Xp-wəšäm-lär* «Озеро, у которого человек потерялся»; *tifšän-sewäm-kal* «Болото, у которого плели аркан» (Дмитриева).

Подобные топонимы обычно характеризуют ситуацию, происшедшее когда-то событие, а также действие, происходившее неоднократно или повторяющееся постоянно вблизи называемого объекта.

Существительные в функции определения, обозначая людей, животных, деревья и т.д., могут иметь показатель числа:

1) показатель двойственного числа *-kan, -yan, -jan*

напр. V *Niŋkan-joxan* «Река двух женщин» (КТ 576); Irt. (Kr.) *Məyən-wič-sojäm* «Двух земель межевой ручей» (КТ 360); Kaz. *Xojän-xoläm-sjäm* «Ручей, у которого спали двое мужчин» (Дмитриева).

2) показатель множественного числа *-ät* напр. Irt. (DN) *Näwremät-čätäm-tor* «Озеро, где умерли дети» (КТ 654, 936); Šerk. *Rušät-kurt* «Деревня русских» (Steinitz, 1950. S. 155); Kaz. *Aj-wəjat-ləšä-sjäm* «Маленький ручей, у которого стоят звери (= лоси)» (Дмитриева), *ləšä-* — диалектная форма причастия наст.вр. *läti*. (См. Radomski, 1969. P. 136—146).

Семантика определений

Топонимия любого языка и любого региона несет информацию о физико-географической и экологической характеристике территории, о занятиях, хозяйстве, материальной и

духовной культуре местного населения. Хантыйские географические названия подтверждают универсальность этих семантических показателей.

В атрибутивной части хантыйских топонимов встречаются следующие семантические типы:

I. Характеристика животного мира

1. Рыбы

- V Vj. *kul*, Trj. *kul*, Kaz. *хүл* «рыба» (КТ 380).
напр. Vj. *Кулунг-јагъ* «Рыбная река» (Калинина, 1961а. С. 192); Trj. *Кул-јахуэл* «то же» = *Куль-ёган* (у села Покур, большой лев. приток Оби в районе Сургута — КТ 381); Kaz. *Хүләг-јөхуэл* «то же» (КТ 380), Kaz. *Хүл-ләр* «Рыбное озеро» (Дмитриева).
- V Vj. Mj. Obd. *sart*, Trj. *särt*, Irt. *sort*, Kaz. *sort* «щука» (КТ 875). *Esox lucius*.
напр. Vj. *Сартанг-јагъ* «Щучья река» (Калинина, 1961а. С. 197), *Sartan-jaγ*, *Sartan-jaγ-joxan* = *Certala* (КТ 876, 141); Trj. *Särtan-uri-ruwel* «Деревня щучьего озера» (на Аране — КТ 876); Irt. *Sörtan-tör* «Щучье озеро» (Patk. 306), Kaz. *Sörtan-lär* «то же» (Дмитриева).
- Vj. *jöy*, Trj. *jäy*, Irt. Kaz. *jew* «окунь» (КТ 134). *Perca fluviatilis*.
напр. Vj. *Јыгъ-јыгъай* «Окуневая речка» (Калинина, 1961а. С. 196); Irt. *Jevén-jega* «Окуневая река» (Patk. 450); Kaz. *Jewän-lär* «Окуневое озеро» (Angaben...; Дмитриева).
- Vj. *járäy*, Trj. *läräy*, Irt. *tärä* «ерш» (КТ 134). *Acerina cernus*.
напр. Vj. *Järäkän-pöy* «Ершовый ручей» (КТ 1088); Irt. (Kr.) *Tärä-ruxät* «Ершовая деревня» = Туртасские юрты (КТ 1088).
- Ni. *närkä*, Kaz. *närki* «ерш» (КТ 636). *Acerina cernus*.
напр. Šerk. *Närkä-joxan* «Ершовая река» (на Малой Сосьве — Angaben...); Kaz. *Närkän-lär* «Ершовое озеро» (Дмитриева).
- Vj. Mj. Trj. *səy* «налим» (КТ 835). *Lota lota*, ? *Gadus lota*.
напр. Vj. *Сэгъ-јыгъай* «Налимья речка» (Калинина, 1962а. С. 131); Trj. *Säkän-jäxär-ruwel* «Деревня налиимьей реки» = Ермаковские юрты на Третьюгане (КТ 844).
- Kaz. *panne* «налим» (КТ 710). *Lota lota*, ? *Gadus lota*.
напр. *Panne-wəri* «Налимья старица» (Дмитриева).
- Vj. *kōri*, Irt. *kārä*, Kaz. *kārä* «стерлядь» (КТ 421). *Acipenser ruthenus*.
напр. Vj. *К'оринг-вэр* «Стерляжий заповор» (река. — Калинина, 1962а. С. 139); Irt. *Kare-pāsēr* или *-pāst* «Стерляжья протока» (рукав Конды. — Patk. 56).

- Irt. Obd. *sox*, Ni. *suḥ* «осетр» (КТ 831). *Acipenser sturio*, ? *Acipenser baeri*.
напр. Šerk. *Suḥ-uḫət-kurt* «Деревня осетрового перешейка» (Angaben...); на Севере **Сох-велте-пугор** «Остров, где добывают осетра» (рыболовное место. — Дунин-Горкавич, 1915. С. 30).
- V *äyṛaṇ*, VK *äyṛnəṇ*, Trj. *äyṛnə* «язь» (КТ 25). *Leuciscus idus*.
напр. V **Агрян-еган** «Язевая река» (International... 1946–1957); на Агане **Агрян-еган** (Калинина).
- V *möyṭay*, Ni. *mewṭaṇ* «чебак», *Barbus barbus* (= *Cyprinus barbus*); Vj. *möyṭak* «елец сибирский = мегдым», *Leuciscus leuciscus baicalensis* (= *Cyprinus leuciscus*); Trj. *māyṭay* «маленькая белая рыба»; Šerk. *meyṭaṇ*, Kaz. *mewṭi* «язь», *Leuciscus idus* (= *Cyprinus rutilus*); Šerk. также «чебак» (КТ 515–516; DEWOS 917–918; Radomski, 1969. P. 55).
напр. на Агане **Мохтик-яун** «Река белой рыбы» (Калинина); **Мегдын-пан** «Чебачий (язевый) песок» (летние юрты у с. Бол. Атым — (Патканов, 1911. Ст. 30)); Kaz. *Mewṭi-ləg* «Язевое озеро» (Дмитриева); и т.д. См. Radomski, 1969. P. 51–57.

2. Птицы

- V Vj. *kōrək*, Irt. *kōrək*, Kaz. *kūrək* «орел» (КТ 424). *Aquila* ? *ossifraga*.
напр. V *Kōrəy-palaṇ-əmtar* «Озеро с гнездом орла» (КТ 424); Кг. *Kōrkə-pāḫ-tor* «Озеро ? детеныша орла» (КТ 424); Kaz. *Kūrək-sāṇḫat* «Орлиный яр» (Дмитриева).
- Trj. *kōṭaṇ*, Kaz. *ḫōṭaṇ* «лебедь» (КТ 362). *Cygnus color*.
напр. Trj. *Kōṭaṇ-tiḫləṇ-lār* «Озеро с гнездом лебедя» (КТ 362); Kaz. *Wet-ḫōṭaṇ-ləg* «Озеро пяти лебедей» (Дмитриева).
- V Vj. *koṭək*, Trj. *koṭəṇk*, Ni. *ḫulux*, Kaz. *ḫṛləḫ* «ворон» (КТ 300). *Corvus corax*.
напр. V *Koṭəy-joṭəṇ* «Река ворона» = *Kalyk-jugan* (КТ 300), **Колик-еган** (Калинина); на Назыме **Хулук-юган-курт** (Дунин-Горкавич) «Деревня вороновой реки»; Kaz. *ḫṛləḫ-tiḫləṇ-wṛgi* «Старица с гнездом ворона» (Дмитриева).
- Trj. *wārəs* «ястреб» (КТ 239). *Astur*, ? *Accipiter*.
напр. на Агане **Варс-урей-пугол** «Деревня озера ястреба» (Дунин-Горкавич).
- Vj. Mj. Trj. *lōk*, Irt. *luk*, Kaz. *lūk* «глухарь» (КТ 474). *Tetrao urogallus*.
напр. Vj. **Лугь-йыгъай** «Глухариная речка» (Калинина, 1959. С. 115); Trj. *Lōkət-eyət* «Мыс глухарей» (высокий мыс у Сургута — КТ 477); Irt. *Luk-jega* «Глухариная река» (Patk. 72); Kaz. *Lūk-katləm-sāṇḫat* «Яр, у которого поймали глухаря», или «Яр пойманного глухаря» (Дмитриева).
- Vj. *wāsəy*, Irt. *wāsə*, Kaz. *wası* «утка» (КТ 249). *Anas*.
напр. Vj. **Вэск-йыгъай** «Утиная речка» (Калинина, 1962а: 129); Kaz. *Wəp-wasaṇ-ləg* «Большое утиное озеро» (Дмитриева).
- Vj. *lont*, Mj. *lont*, Irt. *tunt*, Kaz. *lont* «гусь» (КТ 1077). *Anser*.
напр. Vj. *Lontəy-jay* «Гусиная река» (КТ 1077); Irt. *Tunt-tor* «Гусиное озеро» (Patk. 434); Kaz. *Lont-wasaṇ-wṛgi* «Гусиная-утиная старица» (Дмитриева); и т.д. См. Radomski, 1969. P. 57–61.

3. Пушные звери

- Ni. Kaz. *wōḫsar* «лиса» (КТ 215). *Canis vulpes*.
напр. Šerk. *Wōḫsar-səjəṇ* «Лисий ручей» (Angaben...); Kaz. *Wōḫsar-ləg* «Лисье озеро» (у озера находится звероферма. — Дмитриева).
- VVj. *wok'i*, Trj. *woki* «лиса» (КТ 212). *Canis vulpes*.
напр. V **Воги-ях** «Лисья река» (прав. приток Оби напротив устья Салыма. — International... 1946–1957 (Калинина, 1961б. С. 213)).
- VVj. *maḫ*, Trj. *māy* «бобер» (КТ 502). *Castor fiber*.
напр. Vj. **Мах-аллам-йыгъай** «Речка, где лежал бобер» (Калинина, 1959. С. 114), точнее, «Речка лежавшего бобра».
- Kaz. *jīḡ-wəj* «бобер», букв. «водяной зверь» (КТ 204, DEWOS 1563).
напр. Kaz. *jīḡ-wəj-jōḫaṇ* «Бобровая река» = русск. Бобровка (Дмитриева).
- VVj. *ḡōḫəs*, Mj. *ḡōḫəs*, Kaz. *ḡōḫəs* «соболь» (КТ 607). *Mustella zibellina*.
напр. на Агане **Негус-яун** «Соболиная река» (Калинина).
- Vj. *tōyər*, Irt. *čawər*, Ni. Kaz. *šowər* «заяц» (КТ 980, 928). *Lepus*.
напр. Vj. **Тогърэнг-йыгъай** «Заячья речка» (= русск. Тогрун-игаи — (Калинина, 1961а. С. 205); Кг. *Čawər-puḫət* «Заячья деревня» = (русс.) Šaurovskie (КТ 928); Бер. *Šowər-tōḫət-roḫər* «Остров заячьей протоки» (деревня к югу от Куновата. — Angaben...).
- Trj. *lāṇki*, Kaz. *laṇki* «белка» (КТ 1067). *Sciurus*.
напр. Surg. *Lenki-pasel* «Беличья протока» (назв. ручья — (Munkacsi, 1896. P. 63)); Бер. *Laṇki-wəš* «Беличий город» (место на Оби у села Мужы — (Steinitz, 1941. S. 124)) = Лангивожские (Дунин-Горкавич), Лангивож; и др. См. Radomski, 1969. P. 61–64.

4. Крупные звери

- Vj. Irt. *iḡ, iḡ*, (Кастрен) *jig, jḡ* «медведь» (КТ 22, DEWOS 27). *Ursus*.

К. Карьялайнен считает это слово старейшим остяцким названием медведя (Karjalainen, 1927. P. 10). На востоке и на юге это нормальное, не табуированное слово (Radomski, 1969. P. 65).

напр. «*jigwaja-teuch*, то есть Медвежье озеро» называют сургутские остяки озеро в истоке р. Юган в Барабинской степи (Castren, 1856. P. 86). Компонент - *waja* ср. с Vart. Ligr. Mj. *wajəḡ*, Trj. Jg. *wājəḡ*, Irt. *woja* «зверь» (КТ 204–205, DEWOS 1562), - *teuch* ср. с Vj. Vart. Ligr. Trj. *tōḡ*, Trj. Mj. *tōḡ*, Jg. *tōw*, Irt. *tāw* «небольшое озеро» (КТ 971, DEWOS 1406); Vj. **Игь-погълым-сайм** «Речка, которую медведь топтал» (Калинина, 1959. С. 115). См. Radomski, 1969. P. 65.

- Vj. Trj. *ḡōḡ* «лось» (КТ 602). *Cervus alcer*.
напр. Vj. **Нѣх-пель-йыгъай** «Речка лосиного уха» (Калинина, 1959. С. 114), **Нѣх-п'о-нох-п'ох** «Ручей лосиной морды» (Калинина, 1959. С. 114).

Вообще и лося, и медведя ханты называют табуированно: просто «зверь» (ср. выше; см. КТ 204–205), что также находит отражение в топонимии. Ср., например, на Казыме: *Wəj-ḡōtəḡ-wḡri* «Старица с берлогой», буквально «с домом зверя», т.е. медведя; *Wḡn-wəjat-ləḡš-səjəḡ* «Большой ручей, у которого стоят звери», т.е. лоси (Дмитриева). Ср. Radomski, 1969. P. 48–51.

- В эту же группу включаем V Vj. *weli*, Trj. *wāli*, Kaz. *wīli* «олень» (дикий или домашний), Vj. также: семейное имя (КТ 272–273; DEWOS 1583).
напр. Vj. **Weliḡ-jjḡi** «Оленья речка» (КТ 273); **Вели-пугол** «Оленья деревня» = **Оленьи** (Шатилов, 1931. С. 106, 165); **Велимские** (Дунин-Горкавич); Trj. **Вели-лор** «Оленья озеро» (International... 1946–1957); Kaz. *Wīli-šəḡḡəḡ-aj-jōḡap* «Маленькая река с оленьим пастбищем» (Дмитриева). См. Radomski, 1969. P. 64–67.

5. Домашние животные

- Irt. *tāw*, Kaz. *lāw* «лошадь» (КТ 1043).
напр. Irt. *Tāw-kerəḡ-čim* «Ручей упавшего коня» (Patk. 315); Kaz. *lāw-ləḡ* «Лошадинное озеро» (у озера есть камень, похожий на лошадь. — Дмитриева).
- Vj. *āmp*, Kaz. *amp* «собака» (КТ 48).
напр. Vj. **Эмпынг-сайм** «Собачий ручей» (Калинина, 1962а. С. 139); Kaz. *Amp-wḡčči-wḡri* «Озеро (старица), где пропала (умерла) собака» (Дмитриева). См. Radomski, 1969. P. 68.

6. Прочие (мелкие) животные

- Trj. *sāparki* «лягушка» (КТ 865).
напр. Trj. *Sāparkaḡ-urḡ-puḡal* «Деревня лягушечьего озера» (две деревни по Третьякову — КТ 865).
- Irt. *lulneḡ* «лягушка» (КТ 483).
напр. Irt. *Lulneḡ-mēteḡ* «Лягушечий поворот (реки)» = **Лягушечий заворот** (Patk. 72).
- Kaz. *nawər-nē* «лягушка» (КТ 565).
напр. Kaz. *Nawər-nē-wḡri* «Лягушечья старица» (Дмитриева).
- Vj. *koḡni*, Irt. *ḡāšḡaj*, Kaz. *ḡāšḡa* «муравей» (КТ 352).
напр. Vj. **Котни-н'ых** «Муравьиный ручей» (Калинина, 1962а. С. 130); Irt. *ḡāšḡai-teu* «Муравьиное озеро» (Patk. 427); Kaz. *ḡāšḡa-jḡḡəḡ* «Муравьиный бор» (Дмитриева). См. Radomski, 1969. P. 68. Ср. ниже раздел V. «Жители» (1. Семейные и родовые имена и прозвища).

II. Характеристика растительного мира

1. Лес, виды деревьев

- V Vj. *wḡnt*, Trj. *wōnt*, Irt. *unt*, Kaz. *wḡnt* «лес, глухой лес, урман» (КТ 55).
напр. Jg. *Wḡnt-jawḡ* «Лесная река» (Paasonen, 1926. S. 278); Kr. Ts. *Un-wāntə* «Лесной мыс» = **Урманские** (юрты) (КТ 55, 229); Kaz. *Wḡntəḡ-ḡōl* «Лесной мыс» (Дмитриева).
- Vj. *kālma* «кедровый лес» (КТ 373).
напр. Vj. **Калм-алынг-йыгъай** «Речка конца кедровника» (Калинина, 1962а. С. 133).
- Ni. Kaz. *ləḡḡ-jḡḡ* «кедр», букв. «шишковое дерево» (КТ 373). *Ceder. Pinus sibirica* Major.
напр. Kaz. *Nəḡḡ-jḡḡ-raj-ləḡ* «Озеро с кедровым островом» (Дмитриева).
- V Vj. *jaḡəḡ*, Trj. *jāḡəḡ*, Kaz. *jḡḡəḡ* «сосновый бор», Kaz. «покрытый оленьим мохом» (КТ 148).
напр. Vj. *jaḡəḡ-jaḡ* «Боровая река» (у юрт Тейкина), *jaḡəḡ-jaḡ-puḡal* «Деревня боровой реки» = Тейковы на Васюгане (КТ 148); Kaz. *jḡḡəḡ-jōḡap* «Боровая река» (Дмитриева).
- Vj. *opčəḡ*, Trj. *ōpčəḡ* Kaz. *wḡnši*, Obd. *onsi* «сосна» (КТ 55). *Pinus silvestris*.
напр. на Пуре **Ончих-еган** «Сосновая река» (Дунин-Горкавич); Kaz. *Wḡnšəḡ-səjəḡ* «Сосновый ручей» (Дмитриева).
- Vj. *kol*, Irt. *ḡut*, Kaz. *ḡol* «ель» (КТ 366). *Pinus abies, Picea*.
напр. Vj. *Koləḡ-jāḡ-puḡal* «Деревня еловой реки» = **Кадылька, Кадыльские** юрты на Васюгане (КТ 370); Irt. *Xūt-voš* «Еловый город» — остатки городка (крепости) у бывших **Кол-**

пиховских юрт (Patk. 440), русское название восходит к хант. *Кол-пухал* «Еловая деревня» (ср. *Кол-Пухол* — остяцкая волость XVII в.) > Irt. *Xut-puxat*. См. Radomski, 1994. P. 157-158.

- Vj. *ñalki*, Trj. *ñälänkj*, Irt. *ñätχä*, Kaz. *ñölxä* «пихта» (КТ 651). *Abies alba*.
напр. Trj. *Ñälänkeñ-jäχär* «Пихтовая река» (КТ 651); Kaz. *Ñölxen wöri* «Пихтовая старица» (Дмитриева).
- V *ñänk*, Mj. Irt. *ñänk*, Kaz. *ñänk* «лиственница» (КТ 578). *Larix sibirica*.
напр. на Агане **Нанг-еган** «Лиственничная река» (Калинина); на Покуре **Нанг-йигль** «Лиственничная речка» (International... 1946-1957); на севере **Лабытнанги** «Семь лиственниц» (селение у Обдорска. — Атлас), **Лабытнангские юрты** (Патканов, 1911. Ст. 36).
- Vj. *jäχäl* «березовый лес» (КТ 153).
напр. Vj. *Jäχäl-jäχ* «Река березового леса» — *Jäχäl-jäχ-jöχän* (КТ 153).
- V Vj. *söymät*, Mj. *säχmät*, Irt. *sümat*, Kaz. *sümat* «береза» (Vj. только в сложных словах) (КТ 860). *Betula*.
напр. Vj. **Сугмитынг-йыгбай** «Березовая речка» (Калинина, 1959. С. 113), Jg. **Сугмутен-ях** «Березовая река» (Калинина); Kaz. *Sümat-wäč* «Березовый город» — **Березово** (КТ 260, 860), ср. выше детерминатив 3. «Поселение»; и др. См. Radomski, 1969. P. 69-73.

2. Прочие растения

- V Vj. *polan*, Ni. *putp*, Kaz. *polp* «крапива», Vj. «для изготовления веревок и сетей» (КТ 783). *Urtica cannabina*.
напр. Vj. **Полнэнг-жыгбай** «Крапивная речка» (Калинина, 1962а. С. 139); Kaz. *Polp-awät* «Крапивный мыс» (КТ 18) = **Полноват**, село на Оби у устья Казыма (Дунин-Горкавич и др.). Возможно, первая часть топонима — другое слово. Ср. Radomski, 1994. P. 320. (См. Дмитриева, 1999. С. 19-22).
- Mj. *käpək* «брусника» (КТ 407).
напр. Jg. *Käpək-röp-p* «Деревня (у) брусничной горки (берега)» (Munkacsí, 1896. P. 66).
- Vj. Trj. *käč* «мох» (КТ 348).
напр. Trj. *Käčä-lär* «Моховое озеро» (КТ 348).
- Kaz. *tünk* «мох, высохшая водяная пена», Kr. *töñk* «высушенный корень травы для разжигания огня», Fil. *tünk* «мох для разжигания огня» (КТ 994).
напр. Irt. *Tünk-jega* «Моховая река» (назв. многих маленьких рек в области Конды — Patk. 434); Šerk. *Tünkən-jöχän* «то же» (Angaben...); Kaz. *Tünk-sört-jöχän* «Река мохового перешейка» (Дмитриева); и др. См. Radomski, 1969. P. 69-73.

III. Сведения о физико-географических естественных объектах и их свойствах

1. Указание на соседний объект

Значительная часть хантыйских топонимов содержит в определяющей части **указание на соседний объект**, ориентируя таким образом топоним на местности. При этом практически все географические лексемы, выступающие в функции детерминативов, могут оказаться в составе топонима, выполняющая роль определения (бессуффиксального или суффиксально оформленного).

— названия гидрообъектов:

- Ni. *jöχan*, Kaz. *jöχan* «река» (КТ 148).
напр. Ni. **Еган-курт** «Речная деревня» (Дунин-Горкавич); Kaz. *Jöχanən-kört* «то же» (Angaben...).
- Irt. *päs, päst*, Ni. *pös/* (pöst-) Kaz. *pösä*, «протока» (КТ 741).
напр. Irt. *Pöst-on-pügöt* «Деревня устья протоки» = **Троицк** (Patk. 196), бывш. селение Троица на Оби ниже устья Иртыша (*pöst-on-puxät*); Kaz. *Pösä kört* «Деревня у протоки» (Дмитриева).
- Irt. (Kr.) *čim* «короткий ручей» (КТ 943).
напр. Kr. *Čim-tor* «озеро ручья» (КТ 943).
- Kaz. *säjät* «ручей, русло ручья» (КТ 320).
напр. Бер. **Соим-горт** «Деревня (у) ручья» (Angaben...). В топонимии Казыма при чрезвычайной употребительности термина *säjät* в качестве детерминанта, как атрибутив он встречается в единичных случаях. Ср.: *säjät jöč əwəłr* «Озеро устья дороги у ручья» (Дмитриева).
- Vj. *jar*, V. *lar*, Mj. *lär*, Irt. *tor*, Ni. *tor*, Kaz. *lor*, Obd. *lar* «озеро», «сор», V Vj. (только) «образующееся в половодье» (КТ 1084).
напр. Surg. *Lär-pite-puxät* «Деревня конца озера» (Munkacsí, 1896. P. 51); Kr. *Tor-wäntə* «Мыс озера» (летнее поселение у Красноярска (= Красноярские юрты, Красный Яр) — КТ 229, 1091); Kaz. *Lärən-jöχart* «Озерная развилка (ручей)» (Дмитриева); Obd. *Lar-was* «город (у) озера» = Шурышкарские юрты (КТ 259).
- V Trj. *uri*, Kaz. *wöri* «озеро, образовавшееся из старого русла реки» (КТ 74) — русск. «староречье», «старица».
напр. Vj. *Uri-puxäl* «Деревня (у) озера» — **Чворовые** на р. Нюрелька (КТ 74); Kaz. *Wöri-aj-jöχan* «Маленькая река (у) старицы» (Дмитриева); и др. См. Radomski, 1969. P. 76-81.
- названия форм рельефа:
- Irt. Obd. *poχər*, Kaz. *poχər* «остров» (КТ 670).
напр. у Обдорска *Poχər-poχäl* «Островная

- деревня» (Angaben...), *Xālas-poḡar-kort* «Деревня острова покойника» (Angaben...); Kaz. *Poḡḡal-lar* «Озеро с островом» (Дмитриева).
- Vj. *pāj* «остров», Kaz. *paḡ* «холм, бугор, куча, остров (леса)» (КТ 654–655).
напр. Vj. *Пей-тшентш-н'ых* «Ручей спины (т.е. за спиной) острова» (Калинина, 1962а. С. 132); Kaz. *Pāl-paḡ-aj-jōḡal* «Маленькая река (у) высокого бугра» (Дмитриева).
 - Vj. *pelä*, V. *pelä*, Irt. (Kam.) *pāt* «холм», Vj. Kam. «поросший лесом на берегу» (КТ 755).
напр. Vj. *Пелянг-йыгъэй* «Речка с холмом» (Калинина, 1962а. С. 130); Kr. *Poj-pat-puḡat* «Деревня (у) осинового холма» = **Бойбалинские юрты** (КТ 660), *pat* = возможно также Irt. «высокий» (см. ниже), но ср. Irt. (Ko.) *Poj-pat-jexā* ? «Река у осинового холма» = «Pojpalinskaja tjecka» (Raasonen, 1926. S. 192).
 - Ni. Kaz. *sāḡḡat* «береговой обрыв, гора, яр», «урманный яр» (КТ 851).
напр. Kaz. *Sāḡḡat-jōḡat-kort* «Деревня бора на яру» (Дмитриева) и т.д.

Для характеристики рельефа могут использоваться и собственно определения — прилагательные «крутой», «высокий» и т.п.; напр. Irt. *pat*, Kaz. *pāl* «высокий» (КТ 777). Ср. Ber. *Pāl-wāš* «Высокий город» (Angaben...); Kaz. *Pāl-paḡ-aj-jōḡal* «Маленькая река (у) высокого бугра» (Дмитриева), Kaz. *Pāl-wūr-sōḡat* «Ручей (у) высокого леса» (Дмитриева). Ср. Radomski, 1969. P. 81–85.

2. Характеристика качества земли и воды (некоторые из этих лексем встречаются также в функции детерминатива)

- Kaz. Obd. *kew* «камень» (КТ 385).
напр. Kaz. *Kew-pāl-kort* «Изба (у) каменного мыса» (Дмитриева).
- Ni. Kaz. *sej* «песок» (КТ 818).
напр. Ber. *Sej-puḡar* «Песчаный остров» (деревня) (Angaben...); Kaz. *Sej-lar* «Песчаное озеро» (Дмитриева).
- Vj. *kor*, Irt. *ḡur*, Kaz. *ḡor* «топкое болото», «лыва» (КТ 330).
напр. Vj. *Kor-sāw* «Болотный ручей» (КТ 331), русск. **Кур-сав** (Калинина, 1962а. С. 198); Kr. *ḡur-jexā* «Болотная река», деревня = Яркинские юрты, около с. Цингала (= Цингалы) (КТ 331); Kaz. *ḡor-jōḡal* «Болотная река» (Дмитриева).
- Tj. *sāḡi* «глина, грязь (на берегу)» (КТ 826).
напр. Tj. *Sāḡi-reḡ* «Грязный ручей» (КТ 664, 827).
- Vj. *pāḡḡ*, Kaz. *pāḡ* «сырой» (КТ 630), в топонимии может быть = «негорелый» (Radomski, 1969. P. 88).
напр. Vj. *Nāḡḡ-teḡi-puḡal* «Деревня (у) сырого русла» = Лесморovy (КТ 631); Kaz. *Nar-*

sōḡat «Сырой (т.е. негорелый) ручей» (Дмитриева).

- V Vj. *okāḡ*, Tj. *ākāḡ* «быстрый, с сильным течением» (КТ 15).
напр. V. **Оккын-еган** «Быстрая река» (Калинина); Tj. **Оген-ягун** «то же» (International... 1946–1957); Jg. **Окон-ях** «то же» (Дунин-Горкавич).
- Vj. *māl*, Kaz. *māl* «глубокий» (КТ 556).
напр. Vj. **Мель-урий** «Глубокая протока» (Калинина, 1962а. С. 131); Kaz. *Māl-lar* «Глубокое озеро» (Дмитриева).
- V *saram*, Kaz. *sōḡat* «мелкий, неглубокий», букв. «сухой» (КТ 877).
напр. V **Сарм-сабун** «Сухой Сабун» (верховье реки Сабун — Калинина); Kaz. *Sōḡat-Kasat* «Сухой Казым» (1. протока реки Казым, 2. приток р. Казым в верховье — Дмитриева); и т.д. См. Radomski, 1969. P. 85–91.

3. Величина

- V Vj. *āj*, Tj. Irt. Obd. *āj*, Ni. Kaz. *aj* «маленький» (КТ 3).
напр. Vj. **Эй-йыгъэй** «Маленькая речка» (Калинина, 1962а. С. 205); V **Ай-колын-еган** «Маленькая еловая река» (Калинина); у Сургута *Aj-as*, *Aj-es* «Малая Обь» (Munkacsi, 1896. S. 15); Irt. *Aj-jega* «Маленькая река» (Patk. 410); Kaz. *Aj-jōḡat* «Маленький бор» (Дмитриева); Obd. *Aj-was* «Маленький город» = Войкарские юрты (КТ 259).
- Vj. *ōkāt* «маленький» (КТ 24).
напр. Vj. **Уккум-п'ох** «Маленький ручей» (Калинина, 1962а. С. 131).
- V Vj. *allā*, Mj. Tj. *anl*, Tj. также *an'l*, Jg. *antl* «большой» (КТ 42, 61; DEWOS 115).
напр. Vj. **Илли-еган** «Большая река» (Дунин-Горкавич, 1915. С. 94); V **Элле-еган** «то же» (Калинина); Tj. **Энтль-моккун-ях** «Большая бобровая река» (Калинина, 19616. С. 213); Jg. **Энтль-тур-ях** «Большая — ? — река» (Калинина, 19616. С. 213).
- Irt. *enā* «большой» (КТ 52, DEWOS 109).
напр. *Ėne-tōḡ* «Большое озеро» (озеро к югу от Нюрковских юрт в районе Конды — Patk. 421); *Ėne-kuj* «Большое болото» (название болота в районе Демьянки — Patk. 421).
- Ni. Šerk. *uḡā*, Kaz. *wōḡ*, Sy. *uḡ* «большой» (КТ 53, DEWOS 110).
напр. на севере **Уне-посл** «Большая протока» (протока Оби — Angaben...); Kaz. *Wōḡ-ḡōḡat-lar* «Большое нерестовое озеро» (Дмитриева); Sy. **Ун-вож-горт** дословно «большой-город-деревня» (Дунин-Горкавич).
- Obd. *wul* «большой» (КТ 222).
напр. Obd. **Вуль-посль**, протока «Большая протока» (Патканов, 1911. Ст. 36).

Чаще всего топонимы с компонентами «большой», «маленький» составляют соотносительные ряды, характеризую величину расположенных рядом объектов, например: **Илли-сарт-тор** «Большое щучье озеро», **Ай-сарт-тор** «Малое щучье озеро» (у Лумпокольских юрт — (Дунин-Горкавич, 1915. С. 94)); **Энтль-ими-ягун** «Большая река женщины», **Ай-ими-ягун** «Малая река женщины» (на Тромьегане — Калинина; International... 1946-1957); **Ун-вож-горт** «Большая деревня (у) города», **Ай-вож-горт** «Малая деревня (у) города» (на Сыне. — Дунин-Горкавич); **Урп-лрпх-хэтэ-лэр** «Большое озеро с домом духа», **Ай-лрпх-хэтэ-лэр** «Малое озеро с домом духа» (на Казыме. — Дмитриева). При этом компонент «Большой» в названии главного объекта может опускаться, например: **Колик-еган** «Река ворона», ее приток **Ай-колик-еган** «Малая река ворона» (на Вахе. — International... 1946-1957). Возможны соотносительные ряды из трех топонимов: **Хрп-жōхп** «Болотная река», ее притоки **Урп-хрп-жōхп** «Большая болотная река» и **Ай-хрп-жōхп** «Малая болотная река» (на Казыме. — Дмитриева).

• V. *wāp*, Trj. *wāp*, Kaz. *wap* «короткий» (КТ 225).

напр. на Агане **Ван-еган** «Короткая река» (International... 1946-1957); Kaz. *Wap-tūwi* «Короткий поворот» (протоки *Srām-Kasām*. — Дмитриева).

• Vj. *krū*, Mj. *kō* «длинный» (КТ 285).

напр. Vj. **Когь-урий** «Длинное старое русло реки» (Калинина, 1962а. С. 131).

• Vj. *wānt*, Trj. Kr. *wāt*, Kaz. *was* «узкий» (КТ 252).

напр. Trj. *Wat-jaxan* «Узкая река» = Васюган (КТ 252); Kr. *Wat-tor* «Узкое озеро» (КТ 253); Kaz. *Was-wpri* «Узкая старица» (Дмитриева).

• Vj. *komat*, *komā* «широкий» (КТ 304).

напр. Vj. **Комы-жогъон** «Широкая река» (Калинина, 1961а. С. 198). См. Radomski, 1969. P. 91-95.

4. Цвет

• Vj. *pāwi*, Ni. *pōwā*, Kaz. *pōwi* «белый» (КТ 562). В топонимии может иметь значение «светлый», «чистый».

напр. Vj. **Нэгъи-жынкы-жыгъэй** «Речка с белой водой» (Калинина, 1961а. С. 193); Kaz. *Nōwi-jīnkār-lar* «Озеро со светлой водой» (Дмитриева); Kaz. *Nōwi-sānḡat* «Белый яр» (на месте этого яра ныне находится город **Белоярский** — Дмитриева).

• Vj. Trj. Irt. *pāytā*, Kaz. *piti*, Obd. *puti* «черный» (КТ 682).

напр. на Агане **Рэйтэ-жәһп-пуһал** «Деревня у черной реки» (КТ 682); Kaz. *Piti-jīnkār-lar* «Озеро с черной водой» (Дмитриева).

• Vj. Irt. *wartā* «красный» (КТ 244).

напр. Irt. *Vérde-tōr* «Красное озеро» (в районе Конды — Patk. 457). См. Radomski, 1969. P. 96-97.

5. Расположение

Характеристика объекта по месту его расположения может содержать не только указание на соседний объект (ср. выше), но и давать представление о местонахождении называемой реалии относительно других: выше или ниже по течению реки, в верховье или у устья, в центре или на краю и т.д.

• V Kr. *num*, Vj. *num*, Kaz. *pūt* «верхний, расположенный выше» (КТ 567), может обозначать также «южный».

напр. Vj. *Num-sārān-puḡal* «Верхняя зырянская деревня» (по реке *Sartān-jax* = Чертала — КТ 872).

• V Vj. *kōt* «промежуток», *kōtaw*, Trj. *kōtap*, Irt. *kōtāp*, Kaz. *kūtāp* «средний», Ts. *kōttāp* «центральный пункт» (КТ 451).

напр. Vj. *Kōt-sārān-puḡal* «Средняя зырянская деревня (по Чертале — КТ 452, 872); на Агане **Кутып-еган** «Средняя река» (Калинина); на Казыме *Kūtāp-jōḡan* «то же» (Дмитриева); Ts. *Kōttāp-puḡat* «Центральная деревня» = Сотниковские — КТ 452).

Топонимы (гидронимы) с компонентом «средний» могут входить в соотносительные ряды: «верхний» — «средний» — «нижний» и «большой» — «малый» — «средний» (ср. выше), — обозначая во втором случае не величину объекта, а опять-таки его местонахождение относительно «большого» и «малого».

• V Vj. *il*, Irt. *it* «ниже, нижний», *itpā* «ниже, под чем-л.» (КТ 112-113).

напр. Vj. *Il-sārān-puḡal* «Нижняя зырянская деревня» (по Чертале. — КТ 113); Ts. *Woč-itpā-puḡat* «Деревня ниже города (под городом)» = Цингалинские юрты (КТ 260); **Ит-ях** «Нижняя река» (приток Назыма. — Дунин-Горкавич (Калинина, 1961б. С. 213)).

• Šerk. *ōwās* «нижнее течение, низовье» (Steinitz, 1950. S. 152), Kaz. *ōwās* «область в устье реки», «север» (DEWOS 29), также «нижний (по течению)», «северный» (Дмитриева), Kr. *āwās* «нижний» (КТ 17, DEWOS 29).

напр. Šerk. *Ōwās-woš* «Город нижнего течения» = Березово (Steinitz, 1950. S. 152); Kaz. *Ōwās-pe/āk-Kasām-jōḡan* «Река Казым с северной стороны» (правое, северное русло реки Казым в нижнем течении = протока *Srām-Kasām*. — Дмитриева); Kr. *Āwās-jam* «Нижняя (по течению) почтовая станция» = Самарово (КТ 18, 166).

• Vj. *tōj*, Trj. *tōj*, Kaz. *tīj* «верхнее течение, вер-

- ховые реки» (КТ 966).
напр. Vj. *Югъон-тый-жыгъай* «Речка вершины реки» (Калинина, 1962а. С. 132); Kaz. *Kasam-tij-lor* «Озеро вершины Казыма» (Дмитриева).
 • Vj. *-õr*, Trj. Irt. *or*, Kaz. *ow* «устье» (КТ 32).
напр. на Агане *Wat-jäw-õr-puäl* «Деревня устья узкой реки» (КТ 252); Irt. *Tanät-or-pūgot* «Деревня устья (реки) *Tanät* (Иртыша)» = Тренкинские юрты (на Оби — Patk. 321); Kaz. *Jõxar-ow-kort* «Деревня (изба) устья реки», недалеко от устья протоки *Szram-Kasam* (Дмитриева).
 • Vj. *alaj*, Irt. *otaj*, Kaz. *alaj* «начало, конец» (КТ 118).
напр. Vj. *Jönk-alaj-jijj* «Речка начала (или конца) льда» (КТ 92); Ts. *Rep-otaj-xäntä-ruhat* «Хантыйская деревня начала (или конца) холма» = **Репаловские**, Kt. *Rep-otaj* = *Repalovo* (КТ 807); Kaz. *Os-alaj-kort* «Деревня конца изгороди (для охоты на лосей)» (Дмитриева).
 • V Trj. *patz*, Kaz. *päti* «конец (Trj.: дороги, Kaz.: водоема)», «угол залива» (КТ 763).
напр. Tj. *Мып-пати-лор* «Озеро конца земли» (International... 1946—1957); Kaz. *Päti-lor* «Последнее озеро» (Дмитриева); и др. См. Radomski, 1969. P. 97-102.

IV. Хозяйство, транспорт

1. Рыболовство, охота

В качестве определений в топонимах, отражающих основные традиционные занятия хантов — рыболовство и охоту, встречаются названия различных видов рыболовных и охотничьих ловушек и приспособлений, в частности:

- V Vj. *wär*, Trj. *wär*, Kaz. *war* «(глухой) рыболовный запор» (КТ 233).
напр. V *Вар-эмтор-пугол* «Деревня (у) запорного озера» (International... 1946—1957); на Агане *Вар-еган* «Запорная река» (International... 1946-1957), **Вар-ёганские** (деревня. — Дунин-Горкавич), Trj. *Wäräg-jäw-õr-puäl* «то же» (КТ 233); у Березово **Варым-посл** «Запорная протока» (Angaben...), *War-kurt* «Запорная деревня» (Angaben...).
- Kaz. *рол* «небольшой рыболовный запор у берега» (Дмитриева; см. DEWOS 1137).
напр. Kaz. *Роләл-сәјәт* «Ручей с рыболовным запором» (Дмитриева).
- Irt. *wočät* «рыболовный запор» (КТ 261).
напр. Ts. *Wočät-rän-ruhat* «Деревня (у) запорного песка» = **Заводинские юрты**, то же Kt. *Wočät-rän* (КТ 262).
- Irt. *tum* «ловчая яма» (КТ 1000).

- напр.** Kt. *Päjtä-tumaj-tor* «Прямое озеро с ловчей ямой» (КТ 660, 1000); ср. DN *päjte* «прямой» (КТ 660).
- Kaz. *səsi* «слопец, давящая ловушка на птиц и мелких зверей» (КТ 880, DEWOS 1380).
напр. Kaz. *Səsi-jõxar* «Слопцовая река» (Дмитриева).
- Irt. *pit* «перевес, сеть для ловли птиц», Kt. «сеть для уток», Kaz. *pilt* «то же», Trj. *wäsü-pilt* «просека для утиной сети» (КТ 780).
напр. Kam. *Pit-roxar-taw-tor* дословно «сеть-остров-маленькое озеро-озеро» (КТ 671); Trj. *Piltaj-lär* «озеро с утиной сетью» (КТ 781); Kaz. *Piltaj-kal* «Болото с утиной сетью» (Дмитриева).
- Термин, обозначающий место нереста, **напр.** Trj. *kojät*, Kaz. *xqjät* (КТ 285), также может выступать в роли определения:
 Vj. *Käjät-jäxén* «Нерестовая река» (Munkacsı, 1896. P. 21); Kaz. *Xqjät-lor* «Нерестовое озеро» (Дмитриева).

Причастия, образованные от глаголов, обозначающих процесс рыбной ловли и охоты, тоже должны быть названы здесь:

- V. Obd. *wel*, Kaz. *wel* «убивать, добывать» (КТ 275).
напр. Vj. *Koljw-welam-jijj* «Речка, где убили выдру» (КТ 370); на севере **Сох-велте-пугор** «Остров, где добывают осетра» (рыболовное место. — Дунин-Горкавич, 1915. С. 30)).
- Vj. *käpč*, *käp*, Kaz. *känš* «искать, ловить (зверя, дичь)» (КТ 411).
напр. Vj. *Кул(-)кынта-жыгъай* «Речка, где ищут рыбу» (Калинина, 1962а. С. 132); Kaz. *Xäl-känšät-szjät* «Ручей, где искали рыбу» (Дмитриева). См. Radomski, 1969. P. 102-105.

2. Постройки, сооружения

- Vj. VK *lāwas*, Irt. *tāpas*, Kaz. *lāpas* «амбар на пожках, лабаз» (КТ 1081). Хантыйское слово заимствовано из русского (DEWOS 790).
напр. V *Лабаз-еган* «Река с амбаром» (прав. приток Ваха, Калинина), очевидно, то же *Lāwasaj-joxar* (КТ 470); Irt. *Tabasaj-paj* «Холм с амбаром» (Patk, 180); Kaz. *Lāpas-tästi-szjät* «Ручей, где стоит амбар» (Дмитриева).
- Vj. *at* «крытый двор для животных» (КТ 92), в других диалектах также *at*, *ät*, *ot*, *oś*, *as* «ограда», «загон», в том числе «ограда, в которой установлен лук, ограда для ловли (V. Kaz. ; Trj.: дикого оленя; Ni.: и лося)» (DEWOS 220-221, КТ 92), «засака».
напр. Vj. *At-alaj-jijj* «Речка (у) начала (или конца) ограды» (КТ 92);
- Kaz. *Os-alaj-kort* «Деревня (у) конца ограды (для охоты на лося)» (Дмитриева). Пос-

ледный топоним можно было бы включить и в тематическую группу «охота». См. Radomski, 1969. P. 105–106.

3. Хозяйственные предметы

Топонимы, имеющие в атрибутивной части лексемы, обозначающие различные хозяйственные, бытовые предметы, орудия труда, утварь, могли возникнуть в связи с каким-то событием или случайной находкой, или же по ассоциации с внешними признаками географического объекта, например, с его формой.

- Vj. *put*, Kaz. *pūt* «котел» (КТ 761).
напр. Vj. *Tōntə-putə-jjū* «Речка с берестяным котлом» (КТ 1005); Kaz. *Pūt-ka* «Котел-болото» (метафора по форме объекта. — Дмитриева), *Pūt-jōxar* «Река котла» («Раньше кто-то потерял котел или разбил», — считают информанты. — Дмитриева).
- Vj. *jājəm*, Trj. *lājəm*, Kaz. *lajəm* «топор» (КТ 1042).
напр. Vj. *Jājəm-jy-gəj* «Речка с топором» (Калинина, 1962а. С. 130); Kaz. *Lajəm-wej-sānχəm* «Рукоятка топора — яр» (метафора по форме объекта. — Дмитриева); и др. См. Radomski, 1969. P. 128.

4. Транспорт, передвижение

- V Vj. *jōk* «дорога» (КТ 472).
напр. Vj. *Ruč-lekkyng-jy-gəj* «Речка с русской дорогой» (Калинина, 1962а. С. 133).
- Kaz. *jōš* «дорога» (КТ 192, DEWOS 314).
напр. *Jōrp-jōšəj-səjəm* «Ручей с ненецкой дорогой» (Дмитриева).
- Irt. *katte* «приставать к берегу» (КТ 459).
напр. Irt. *Katteda-vānda* «Мыс, где пристают» (здесь была старая остяцкая крепость. — Patk. 58). *Katteda* — причастие наст. вр.
- Kaz. *kāltəj* «пристань» (КТ 459).
напр. Kaz. *Kāltəj-lər* «Озеро с пристанью» (Дмитриева).

5. Поселения

- V Vj. Mj. *wač*, Trj. *wáč*, Irt. *woš*, *woč*, Kaz. *woš* «город», «старинное укрепленное поселение», «городок» (КТ 259).
напр. Jg. *Вачем-пас* «Городская протока» (Патканов, 1911. Ст. 55); Ko. *Voš-paj* «Городской холм (или остров)» (Munkacsí, 1896. P. 50, 55); Sy. *Woš-paj* или *Woš-lux* «Городской холм» или «Городской залив» (остатки старинного городка, название священного места и деревни — (Steinitz, 1941. S. 79) и т.д.); Kaz. *Woš-jōxar* «Городская река», «Река городка» (в низовье реки находился старин-

ный остяцкий городок, см. Соколова, 1977. С. 129–138; Radomski, 1994. S. 470–471, 477–478; Дмитриева, 1996. С. 69–71).

- Vj. *pučəl*, Trj. *pučəl*, Irt. *pučət* «деревня, юрты» (КТ 675).
напр. Vj. *Пуглон-пан* «Деревенский песок» (рыболовное место. — Дунин-Горкавич, 1915. С. 98); Irt. *Pūčətə-jega* «Деревенская река» (Patk. 198).
- Kaz. *kort* «деревня, юрты, изба» (КТ 434).
напр. Kaz. *Tōw-kort-lər* «Озеро (у) весенней деревни (избы)», *Sūs-kort-wori* «Старица (у) осенней деревни (избы)» (Дмитриева).
- Vj. *kat*, Trj. *kāt*, Irt. *χot*, Kaz. *χot*, Obd. *χat* «дом» (КТ 357).
напр. Vj. *Пер-катынг-жыгəj* «Речка с домом из досок» (Калинина, 1962а. С. 133); (Vj. *pert* «доска» — КТ 735); Kr. *Тонχ-χot-jexə* «Деревня с домом духа» = Чиликановские (КТ 357, 995); Kaz. *Λonχ-χotəj-wis* «Ручей с домом духа» (Дмитриева). См. Radomski, 1969. P. 106–108.

V. Жители

Представленные в определительной части топонимов названия жителей обозначают:

1. Семейные и родовые имена и прозвища, нередко восходящие к названиям животных-тотемов

напр. Vj. *Ki/si-pučəl* «Сорожья деревня» = Кильсины (КТ 400), *Sar'ku-pučəl* «Щуки-мужчины деревня» (КТ 875), *Вокей-сигəj* «Лисья речка или Чочергина речка» (Калинина, 1962а. С. 139) (ср. *wok'j* «Лиса, семейное имя в ю. Айполовские, русск. Чечергин» — КТ 212). Ср. выше раздел I (характеристика животного мира), пункты 1–6.

2. Имена отдельных людей

напр. Irt. *Sāmar-unt* «Лес (лес на возвышенности) Самара» (высокий берег у устья Иртыша, от которого получило свое название расположенное ниже селение Самарово. — Patk. 296). Самар — имя остяцкого князя. Отсюда V *Samar-wač* «Город Самара», Kr. *Samar-jam* «Почтовая станция Самара» = Самарово (КТ 859), современный город Ханты-Мансийск; Vj. *Каврила-жыгəj* «Речка Гаврилы» (Калинина, 1962а. С. 139); Kaz. *Opnaš-jōxar* «Река Афанасия» (Дмитриева).

3. Названия народов

- V Vj. *jāryan*, Irt. *jārən*, Kaz. *jōrp* «самоед» («ненец») (КТ 184).

напр. V *Ergan-egan* «Ненецкая река» (приток реки Сабун. — Калинина) — «на Сабуне живут самоеды» (Castr.R. 260); Irt. *Jorën-pūgot* «Ненецкая деревня» = Апринские юрты (Aprinische Jurten) — «там останавливаются самоеды» (Patk. 455); Kaz. *jōr-лэр* «Ненецкое озеро» — по легенде, там когда-то было разбито ненецкое войско (Дмитриева).

- Vj. Kam. *sārān*, Kaz. *sāraп* «зырянин» («коми»), Vj. [только как] «семейное имя в Антиных юртах» (КТ 872).

напр. Kaz. *Sāraп-sjām* «Зырянский ручей» (Дмитриева).

Так как на Васюгане нет зырянского населения, следующие топонимы, вероятно, образованы от семейного имени хантов: Vj. *Il-sārān-puḡal*, *Kōt-s.-p.*, *Nim-s.-p.* «Нижняя, Средняя, Верхняя зырянская деревня» = Зыряне I, II, III (по реке Чертала — КТ 872) (Radomski, 1969. P. 112; Radomski, 1994. S. 269).

- V Trj. *ruť*, Irt. *rūt*, Ni. Kaz. *rūs* «русский» (КТ 810).

напр. Vj. *Руч-йыгъай* «Русская речка» (Калинина, 1962. С. 129), *Руч-лэккынг-йыгъай* «Речка с русской дорогой» (Калинина, 1962а. С. 133); Šerk. *Rūsät-kurt* «Деревня русских» (на Оби — (Steinitz, 1950. S. 155)); Kaz. *Rūs-хот* «Русский дом» (по реке Курь-х — Дмитриева).

- Kaz. *wōḡal* «вогул» («манси») (КТ 215).
напр. Kaz. *Wōḡal-jōḡaп* «Вогульская речка» = Вогулка (КТ 215).
- Vj. *kātaп* «татарин, китаец» Kaz. *ḡātaп* «Татарин» (КТ 362).
напр. Vj. VK *Kātaп-ās* «Татарская река» — Иртыш, VK: в районе Тары (КТ 85, 362); Kaz. *ḡātaп mōḡat* «Протока татарина» — между р. Казым (низовье) и р. Обь (Дмитриева).

4. Общие названия людей

- Vj. *jaḡ*, Trj. *jāḡ*, Kaz. *jōḡ* «люди, народ» (КТ 141).
напр. Vj. *Il-jaḡ-joḡaп* «Река нижнего народа» = Юган (Vj. *il-jaḡ* — прозвище живущих на Югане остяков — КТ 141); V *Lar-jaḡ-rāsəl* «Протока озерного народа» = Ларьятская протока (у с. Ларьятское — КТ 1085). Ср. выше *jaḡ* «река».
- V Vj. Trj. *imi*, Kaz. *imi* «женщина, старая родственница» (КТ 43, DEWOS 97), также в именах женских духов.
напр. Vj. *Ими-сэв* «Ручей женщины» (Калинина, 1962а. С. 141); Trj. *Imi-jāḡ* «Река женщины» (КТ 43, 142); Kaz. *jōrn-imi-лэр* «Озеро ненецкой женщины» (Дмитриева).
- V Vj. *ni*, *niḡ*, Trj. *ne*, *niḡ*, Šerk. *ne*, *neḡ*, Kaz. *ne*, *neḡ* (КТ 576; Steinitz, 1950. S. 149; DEWOS 977) «женщина».

напр. V *Niḡkaп-joḡaп* «Река двух женщин» (КТ 576); Šerk. *Neḡat-uḡat* «Мыс женщин» (Angaben...); Kaz. *Jōs-ne-pōḡaп* «Остров вертявой женщины» (Дмитриева).

- Vj. Trj. *iki*, Kaz. *iki* «старик, старый родственник» (КТ 23, DEWOS 34).
напр. Trj. *Iki-čēḡat-wālat-lār* «Озеро старика-покойника, которого убили» (КТ 940); Kaz. *Pilip-iki-aj-jōḡaп* «Маленькая река старика Филипа» (Дмитриева).

- Vj. *rāt* «старик» (КТ 809).

напр. Vj. *Rāt-kataп-mālāп* «Водоворот с домом старика» (КТ 810).

- Vj. *ku*, *kuj*, Mj. *ko*, *kuj*, Irt. *ḡoj*, *ḡuj*, Kaz. *ḡo* «мужчина» (КТ 279). Слово обычно входит в состав антропонимов.

напр. Vj. *Пирнан-ку-йыгъай* «Речка мужчины с крестом» (Калинина, 1962а. С. 133), *Pirnāпku-puḡal* «Деревня мужчины с крестом» = **Пернянкины** (по Нюрельке — КТ 733); Irt. *Tabet-ḡoi-tōr* «Озеро семи мужчин» («озеро на Конде, где когда-то герои должны были бороться» — Patk. 316); Kaz. *ḡo-wōḡat-лэр* «Озеро пропавшего человека» (Дмитриева).

- Irt. *nāwrem*, Kaz. *nāwrem* «ребенок» (КТ 601).

напр. DN. *Nāwremat-ḡātām-tōr* «Озеро, где умерли дети» (КТ 654, 936); Kaz. *Nāwremat-kōrt* «Деревня детей» = Ребятские (Дмитриева).

- Vj. *pāḡ* «сын» (КТ 664).

напр. Vj. *Pāḡ-werām-jijj* «Речка, где родился сын» (КТ 664) = **Пых-верим-игай** (Калинина, 1961а. С. 197) (Vj. *wer-* букв. «делать»); и др. См. Radomski, 1969. P. 109–118.

5. Религия

Религиозно-мифологические представления хантов также находят отражение в топонимии. Соответствующие топонимы обозначают объекты разной степени святости: места общего поклонения наиболее почитаемым богам; семейные и родовые места, связанные с духами-предками; наконец, места обитания лесных духов — хозяев промысловых угодий. (См. ниже карту священных мест реки Казым, а также карту 3 и пояснения к ней в статье Е.М. Главацкой на с. 85–86 этой книги).

В названиях святых мест могут встретиться такие лексемы, как:

- V Trj. *jimāп*, Irt. Ni. Obd. *jemāп*, Kaz. *jemāп* «святой», «священный», Irt. *jempasāп* «то же», производное от Trj. *jim*, Ni. Obd. *jem*, Kaz. *jem* «запретное», Kaz. также «святыня» (КТ 170).

напр. Trj. *Jimāп-lār* «Святое озеро» (КТ 170); Kp. *Jemāп-tōr* «то же» (КТ 170); Irt.

- Jem-pūgot* «Священная деревня» = Tischikow'sche Jurten на Сальме (Patk. 448); Šerk. *Jem-woš* «Священный город» = коми *Vežakar* (Вежакар) «то же» (Angaben...); Kaz. *Jeməŋ-kaŋ* «Священное болото» (Дмитриева) и др.
- V *jir* «жертва» (КТ 182).
напр. V *Jirəŋ-əmtər* «Жертвенное озеро», у села Ларьятское (КТ 182); **Ирых-сылта-пай** «Остров, где режут жертву» (Шатилов, 1931. С. 82) (V *sül-* «разрезать (зверя)» — КТ 892, здесь прич. наст. вр.).
 - Obd. *pari*, Kaz. *pəri* «угощение духа-покровителя бескровной жертвой» (КТ 723). Ср. *Par-awət*, селение к югу от Обдорска = Параватские юрты (КТ 725), Пороват (Дунин-Горкавич), *awət* — «место жилья» (см. выше раздел «Детерминативы»: 3. «Поселение»); Kaz. *pəri sojəm* «Ручей бескровного жертвоприношения».
 - Vj. *junj*, V *junj*, Trj. *junj* «дух (покровитель)», Irt. *tonj* «идол», Sog. (только) «шайтан», Ni. *tunj*, Kaz. *lonj*, Obd. *lonj* «дух-покровитель» (КТ 1065); Vj. **юн** «черт» (Калинина, 1959. С. 119).
напр. Vj. *junj-jjəŋ-rujəŋ* «Деревня (у) реки духа» = **Шайтанские** (по р. *Jəŋ-jəŋ*, КТ 1066); Jg. *Lung-p.* «Деревня духа» (Munkacsı, 1896. Р. 32); Irt. *tonj-χot-rujəŋ* «Деревня с домом духа» = Чиликановские, *tonj-χotəm-rujəŋ* «то же» = Ермаковские (КТ 357, 995); Obd. *Lonj-awət* «Мыс духа» (КТ 18); по Надьму **Лонг-еган** «Река духа» = юрак. (нен.) **Хейги-яга** «то же» (International... 1946-1957); и др.
 - Irt. (DN Kr.) *menj*, Kaz. *menj* «лесной дух», Vj. (редко) *mönj* = *junj* «дух» (КТ 516).
напр. Kr. *Menjət-tor* «Озеро лесных духов» (КТ 519); Vj. *Mönjikəŋ-urj* «Старое озеро (старица) двух лесных духов» (КТ 517); Kaz. *Menj-χot-wəri* «Старица с домом лесного духа» (Дмитриева); и др.
 - Имена отдельных богов (духов):
напр. Vj. *Alwi* «имя духа-охранителя на Васюгане...» (Karjalainen, 1922. S. 89), топоним Vj. *Alwi-toj* «Озеро *Alwi*» (КТ 132); VK *Kol'ta-kör-iki* «дух в **Калтогорских** юртах, он дарит преимущественно рыбу» (КТ 378), тот же топоним — **Калтогорские** (деревня на Оби вблизи устья Ваха — Дунин-Горкавич; Патканов, 1911. Ст. 59); *Kältaš-anji* «женский дух, который почитается в деревне **Kaltasa** у Šerkaly» (Karjalainen, 1922. S. 176), название той же деревни — Kaz. *Kältaš-kört*, Šerk. *Kältaš-kurt* = **Калтысьяские** (юрты) (Angaben...), **Калтысьяны**; и др.
 - V Vj. *torəm*, Trj. *törəm*, Irt. *turəm*, Kaz. *torəm*, Obd. *torəm* «бог, (также) погода, буря, (хри-

стианская) икона», Kaz. Obd. (также) «дух-охранитель» (КТ 1015).

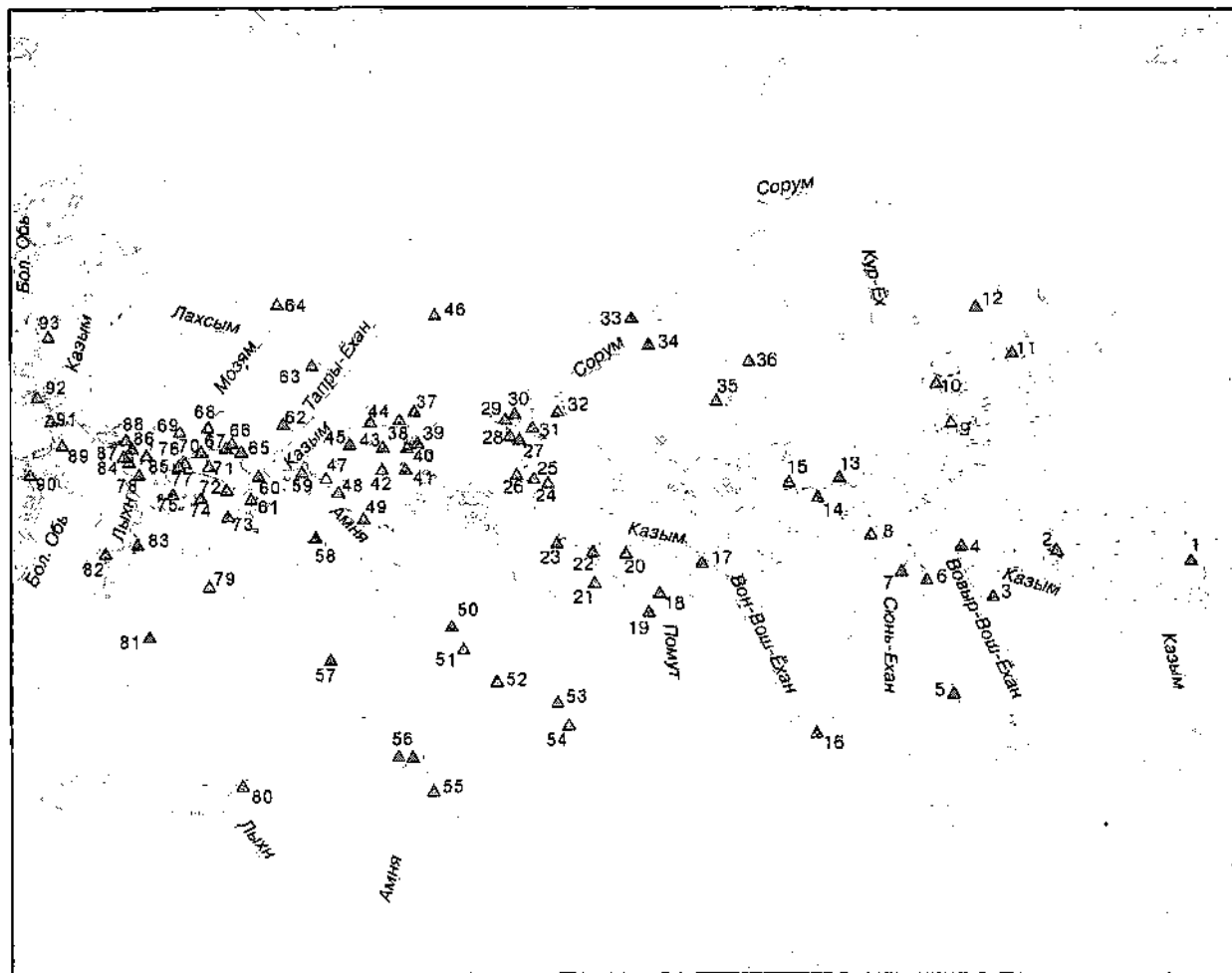
напр. V **Торм-эмтор** «Божье озеро» (исток реки Агрнанг-еган — International... 1946-1957); Trj. *Törəm-jäŋəŋ*, V *Törəm-joŋəŋ* «Божья река» — Тормьоган (КТ 148, 1017), на современных картах — Тормьеган, Тормьёган, то же — Тром-Аган; Kaz. *Törəm-ləŋ* «Божье озеро», «Небесное озеро», исток реки Надым — калька ненецкого **Нум-то** «то же» (см. Radomski. 1969:127, 182-183); и др. См. Radomski. 1969: 119-128.

Следует иметь в виду, что хантыйские топонимы, обозначающие святые места, далеко не всегда содержат информацию о сакральности называемого объекта, и только лишь сообщения местных жителей помогают установить это.

Зафиксированный в разное время и в самых разных источниках хантыйский топонимический материал свидетельствует о высокой степени его информативности. В своей атрибутивной части, как и в детерминативах, хантыйские топонимы содержат важнейшие сведения об особенностях местности, о гидрографических и орографических объектах и их свойствах; атрибутивы дают также характеристику местной флоры и фауны, отражают специфику занятий (прежде всего — рыболовство и охоту), хозяйственную деятельность, религиозно-мифологические представления хантов; через этнонимы, антропонимы и другую лексику, обозначающую человека, они несут информацию о самих жителях. Являясь своего рода энциклопедией жизни хантыйского народа, хантыйская топонимия, складывавшаяся веками, представляет огромную ценность в историко-культурном и лингвистическом отношении (последнее — в различных аспектах, в том числе как материал для изучения хантыйской языковой картины мира, истории хантыйского языка, лингво-этнических контактов и т.д.).

В силу действия неблагоприятных факторов, приводящих к разрушению местных топонимических систем народов Севера, та информация, которую несут в себе топонимы, безвозвратно утрачивается. В этих условиях особенно возрастает необходимость и актуальность сбора современного полевого материала. Наиболее приемлемыми в сложившейся ситуации являются региональные исследования, где это еще возможно, и создание — на основе полевых, письменных и картографических источников — региональных топонимических словарей историко-этимологического характера, позволяющих представить как современное состояние, так и историческое развитие топонимии одного из коренных этносов Сибири.

СВЯЩЕННЫЕ МЕСТА ХАНТОВ РЕКИ КАЗЫМ

Карта составлена по материалам экспедиций автора 1987—1998 гг. Один объект (№ 25) выявлен и обследован в 1994 г. К.Г. Карачаровым. В ряде дополнительных комментариев использованы сведения из этнографической литературы и археологических отчетов.

На карте обозначено 93 объекта. В действительности же подобных мест, по всей вероятности, значительно больше.

В отличие от классификации священных мест по типам географических объектов (см. статью О.Э. Балалаевой в данном сборнике), мы выделяем на Казыме следующие категории мест, связанных с религиозно-мифологическими представлениями хантов:

А — святыне культовые места (общинные, родовые, семейные), куда приходят специально для совершения жертвоприношений. Чаще всего в таких местах есть культовые постройки — амбарчики.

Б — бывшие культовые места.

В — святыне, почитаемые места, где останавливаются, совершают бескровные жертвоприношения, оставляют какие-либо дары, если оказываются у этих мест.

Г — не святыне места, но также представляющие интерес, поскольку и они имеют отношение к религиозно-мифологическим представлениям хантов, к легендам и преданиям, что нередко отражается в самих названиях таких объектов.

А 1. Трҕәм ләг «Небесное озеро», «Божье озеро». = ненецк. Нум-то. Озеро не относится непосредственно к бассейну Казыма (это исток реки Надым), но это важный культовый объект для ненцев и хантов, связанный с пребыванием здесь духа-охранителя реки Казым богини Вут-Ими.

В 2. Wqп jəwəп ләг «Большое окуневое озеро». Возможно, что окунь является образом водяного существа — Веса («мамонта»), который, как говорят, водится в этом озере.

В 3. Wəwəп wəп jəwəп рāl рāj «Высокий бугор у реки городка Вовры» (Wəwəп — антропоним; по легенде, Вовры — имя старшего сына первого ханта, переселившегося на Казым с Сосьвы). Место обитания лесных духов — лонгхов (хант. лqпх).

В 4. Īmi xōmsət «Кочки женщины». Есть легенда, что кочки в этом месте образовались из нарт, оставленных богиней Вут-Ими.

Г 5. Mōlstam jōxap «Ненормальная («сумасшедшая») река». Говорят, что это нехорошее место — там «кто-то пугает», водится нечистая сила.

Б 6. Jeməŋ paŋk raj «Святой лиственничный остров». — «Было святое место, лиственничное место. Приходили туда, приезжали, оленей забивали».

Г 7. Šolət raj «Остров (гора) покойника». Считают, что «мертвые люди там вроде находятся». С этой горы когда-то Беспущий человек забирался на Луну.

Г 8. Wesəŋ ləg «Озеро Веса» — фантастического водяного существа, «мамонта». Место его обитания.

В 9. Jeməŋ ĩki ləg «Озеро святого старика». Вероятно, место было священным в прошлом, сейчас оно таковым не считается.

В 10. Ləw ləg «Озеро лошади». У озера лежит большой камень, похожий на лошадь. Почитаемое место.

В 11. Jeməŋ ləg «Святое озеро», его второе название — Xōmās sāŋ ləg «Озеро среди кочек». Вокруг озера находятся огромные кочки — бутры. Почитаемое место. Ср. №4.

Г 12. Rəŋx jōxap «Река мухомора» — «Может, там шаман мухомор съел». Известно, что шаманы специально съедали мухоморы для погружения в состояние транса перед началом культовых действий.

Б 13. Jeməŋ wənt nōl «Святой лесной мыс». Бывшее святое место, где, по преданию, нашли «Золотую бабу» — изображение Вут-Ими. Здесь стоял священный лабаз, богине приносили жертвы и приклады.

Б 14. Xājər šər sāŋxəm «Яр половины кулика». (Когда-то этот кулик был разорван надвое ударом стрелы охотника). Раньше здесь был священный лабаз. Теперь на этом месте — деревня Юильск.

Г 15. Kārās ūwtəm sāŋxəm «Яр, где (кто-то) высокий крикнул». Говорят, что крикнул, может быть, лесной великан — менгк (mɛŋk).

В 16. Jeməŋ kaŋ «Святое болото», рядом ручей Jeməŋ kaŋ sɔjəm «Ручей святого болота». Возможно, что место связано с легендой о путешествии богини Вут-Ими в верховья Казыма на озеро Нумто (ср. Соколова, 1993. С. 29—30). См. № 1.

АБ 17. Wūt wəš «Верхний городок». Название бывшей деревни Старый Юильск, раньше — Юильский городок. Недалеко от селения находился священный лабаз Казымской богини Вут-Ими. И сейчас считается, что ее духовная сущность по-прежнему пребывает в этих местах. Рассказывают, что в самой деревне было

священное дерево — сосна с берёзовой вершиной (sūmət tījəŋ wəŋši), выросшая на месте, где Вут-Ими оставила свой хорей.

А 18. Jeməŋ xət «Священный дом». Родовое святое место Вандымовых, Лозямовых.

В 19. Rəxəŋ ĩki «Старик, обладающий островом». Имеется в виду бог, являющийся в образе орлана-белохвоста, и священное место, где он обитает.

Г 20. Mōšəŋ jəx kərt «Лесистая гора у селения Мозямского народа». Мозямским народом здесь именуются ханты Лозямовы. По легенде, эта гора осталась незатопленной во время великого священного потопа (ср. № 22, 29).

Г 21. Šak sɔjəm «Ручей медвежьей кости». Вероятно, название связано с культом медведя: кости съеденного медведя собирают и спускают в воду, чтобы он (Медведь — сын небесного бога) смог ожить и вернуться на небо.

Г 22. Rəmət sāŋxəm «Яр (у реки) Помут». И этот казымский яр, как считают, остался незатопленным во время священного потопа (ср. № 20, 29).

А 23. Xār sōrt «Чистый перешеек». Место в лесу, священное место семьи Рандымовых.

В 24. Wəš raj jəxəm «Бор горы с городком». Должно быть, на этой «горе с городком», как и в других местах wəš raj, обитают лесные боги.

Б 25. Aŋ xār sāŋxəm «Маленький чистый яр». Недалеко от этого места, где есть селение (юрты) с тем же названием, находится заброшенный лабаз, посвященный казымской богине Пули-сяси (pūpi-šaši) — она же Ar xətəŋ ĩmi (см. № 26). Рядом с лабазом сохранились скульптурные изображения, сделанные из пней — это «повар» и «повариха» (Полевые материалы К.Г. Карачарова, 1994 г.).

А 26. Ōs ələŋ kərt «Селение у края изгороди (для охоты на лося)». Место пребывания духа-охранителя реки Помут, богини Ar xətəŋ ĩmi — «женщины с многими домами». Она подруга Вут-Ими.

А 27. Aŋxəŋ xətəŋ wis «Ручей с домом бога». У этого ручья стоит священный лабаз «Старика вершины Оби» — As tīj ĩki, одного из наиболее почитаемых божеств, покровителя обских ургов. Среди его многочисленных имен — Mīr wantti xə «За миром наблюдающий (или «мир осматривающий») человек».

Г 28. Wesəŋ wəŋi «Старица Веса» — фантастического водяного животного, которое будто бы здесь живет.

ББ 29. Wəš mīwī sāŋxəm «Яр у узкого поворота (реки Сорум)», другие названия места — Šəŋəm əw sāŋxəm «Яр устья Сорума», Māl rap sāŋxəm «Яр у глубокого песка». По легенде, этот яр также остался незатопленным во время священного потопа (ср. № 20, 22). Здесь, у устья реки Сорум, было священное место Aŋxəŋ

хэт «Дом бога». Бог — покровитель реки Сорум — хозяин Нижнего мира, Хынь-Ики (Хи́н И́ки), он же Sqrām īki «Сорумский старик». Устье Сорума — место поклонения «Сорумскому старику».

В 30. Wqtśi īmi sālxām «Яр женщины Вутси». По одному из описаний, Wqtśi īmi — это «лесная богиня, хорошая, в образе женщины», по другой версии — тоже «бог», но в образе птицы («птичка маленькая», «кричит, людей пугает» и т.д.).

В 31. Wqtśeŋ wqri, или Wqtseŋ īmi wqri «Старица (женщины) Вутси» (см. № 30).

В 32. Wš paj pqrām «Болото с горой городка». Возможно, что и это гора Wš paj — место обитания лесных богов.

В 33. Jemaj szejm «Святой ручей». Впадает в реку Сорум напротив болота Jemaj ka| (см. № 34).

ВВ 34. Jemaj ka|² «Святое болото». В болоте есть святой остров, туда приносили жертвенных оленей. Считалось, что на острове находятся семеро богов — Ka|aj jəx «Болотный народ».

В 35. Jemaj ka| «Святое болото» — «женщине даже ногой наступать нельзя».

В 36. Jemaj jəxaj «Святая река», место на правом берегу реки Ёхум-Ёхан. Информации об объекте нет.

В 37. Šorəs xātām sālxām «Яр тысячи скатившихся» — по легенде, в этом месте ханты когда-то отбивались от нападавших на них ненцев, скатившихся с высокого берега. Здесь же, по представлениям хантов, — священное место, где находится дочь богини Ar xətaj īmi (см. № 24).

Г 38. Tqraŋ šakəŋ. Вторая часть топонима — название реки, из хантыйского языка не переводится. Первая часть, по мнению одного из жителей Казыма, — слово, обозначающее «жертвенное покрывало на оленя».

Г 39. Šorxaj ləŋ «Сырковое озеро». В нем также обитает Вес (см. № 2, 8, 28, 41).

Г 40. Wš paj «Гора с городком», то же — Wšaj ka| xol paj «Еловый остров у болота с городком», т.к. рядом есть болото Wšaj ka|. «Болото с городком». Место древнего поселения (селище второй половины II тыс.н.э. по В.М. Морозову. — Мор. 1987—1989). По легенде в горе зарыт клад, но чтобы им завладеть, надо принести человеческую жертву.

Г 41. Mōlti wlati ləŋ «Озеро, где что-то есть». В озере живет Вес (см. № 2, 8, 28, 39).

В 42. Ləŋx xətaj ləŋ «Озеро с домом бога». Бывшее святое место.

В 43. Jemaj ləŋ «Святое озеро». Бывшее святое место. Раньше там стоял священный лабаз.

В 44. Pōsə əw «Устье протоки» (Хуллорской протоки (Хул лəŋ pōsə) реки Казым). Священное почитаемое место — как устье, так и

остров (Pōsə əw pəxəŋ или Pōsə əw paj) в реке Казым у этого устья.

В 45. Šorəŋ pə sālxām «Яр женщины Сюпар». Назван по имени лесной женщины, хозяйки этой местности. Здесь, в сосновом бору, есть священная сосна, к которой разрешается ходить только мужчинам.

В 46. Jemaj ka| «Святое болото». В болоте есть святой остров, у которого останавливались и ханты, и ненцы, когда проезжали мимо.

Г 47. Məŋk xət wqri «Старица с домом менгк. Мəŋk — лесной великан».

Г 48. Wš pōl tīj «Мыс (букв. «кончик носа») городка», «Городской мыс», «Мыс с городком». На этом мысу реки Амня обнаружено городище VI—VII вв. н. э. (Морозов В.М. — Мор. 1987—1989). Некоторые ханты говорят, что мыс (его русское название — Каксинская гора) святой. Когда-то это гора была выше. С ней связаны легенды о богатырском прошлом хантыйского народа.

В 49. Aj wəŋšije jəxām «Малый бор с личиком», Wōŋ wəŋšije jəxām «Большой бор с личиком». Местность названа по находившемуся здесь идолу wəŋšije īki («Старик с личиком»), сделанному из пня.

В 50. Wəŋšije sālxām «Яр с личиком», Wəŋšije kərt «Селение с личиком», Wəŋšije szejm «Ручей с личиком». Все объекты названы по бывшему в этом месте вырезанному из пня идолу. По некоторым сведениям, таких идолов здесь было два — мужчина и женщина (ср. № 49).

В 51. Ləŋx wəš szejm «Ручей с лицом бога» (см. № 49, 50).

В 52. Wš paj jəxart или Wš paj szejm «Ручей с горой (местом) городка», «Ручей у горы с городком». Здесь, «в бугорке», живет лесная девушка Wqnt ləŋx ewi «Дочь лесного бога», она же Mīš pə.

В 53. Pəŋi szejm «Ручей бескровного жертвоприношения» (см. № 54).

В 54. Pəŋesti szejm «Ручей, где совершают бескровное жертвоприношение». Недалеко от устья ручья стояла лиственница, был сруб, «преклонялись все, кто ни проезжал».

В 55. Wəŋšije szejm «Ручей с личиком». И здесь когда-то стояло вырезанное из пня изображение духа — хозяина угодья (см. № 49, 50, 51).

ВВ 56. Pīltaj ka| «Болото с перевесом» (перевес — сеть для ловли уток), «Перевесное болото». В болоте есть семь святых сопков (туда не ходят) — место обитания семи святых богов Pīltaj ka| īket («Старики перевесного болота»). Напротив, на левом берегу реки Амня, стоял священный лабаз, у которого совершали кровавые жертвоприношения («олений резали»); изображения этих богов одевали в белые халаты.

Г 57. Wqп wəj wõxəltəm səjəm «Большой ручей, где спустили зверя» и Aj wəj wõxəltəm səjəm «Малый ручей, где спустили зверя». Имеется в виду медведь, о котором нельзя сказать «убить» или «добыть», а говорят, что его «спускают» или он сам «спускается» к охотникам, как когда-то медведь-сын бога Торума спустился с неба на землю.

Г 58. Xānši səjəm «Ручей медвежьего следа», буквально «Ручей узора». Название содержит табуированное слово из «медвежьего языка».

Г 59. Pəпх wūti ləx «Залив (реки Казым), где берут мухомор». — «Раньше там мухомор брали» (см. № 12).

Г 60. Aāxgəп xq mūwi «Поворот (реки) человека в кольчуге». По легенде, в этом месте богатырь в доспехах (один из трех братьев), чтобы не попасть живым в руки врагов, бросился в реку Казым и погиб (окаменел) (См. № 65).

Б 61. Keś ləг, или Keśəп ləг «Сорожье озеро». Бывшее святое место бога Keś ləг iki.

Б 62. Xət paj səjəm «Ручей с бугром, похожим на дом». Этот бугор («сопка») — место обитания лесных богов.

Г 63. Aqпх pōl «Нос (лесного) бога». Рассказывают, что однажды в этом месте показался лесной бог-ақпх: непочтительно отнесшийся к нему молодой хант увидел только его нос.

А 64. Mōśəп tīj ka| «Болото вершины (реки) Мозям». В болоте есть священная сопка Mōśəп tīj jəməп paj, где находятся семь богов вершины реки Мозям — Mōśəп tīj jəx и их бабушка Mōśəп tīj šaši, покровительница мозямских хантов, которая может являться в образе собаки.

Г 65. Aāxgəп xq sāпхəт «Яр человека в кольчуге». По легенде, здесь бросился в воду, спасаясь от врагов, и тоже окаменел второй казымский богатырь — один из трех братьев (См. № 60).

БВГ 66. Jəm wəś «Священный городок», Katra Mōśəп «Старый Мозям», Mōśəп iki «Старик (реки) Мозям». Святое место, древний городок, хозяином которого считают бога-охранителя реки Мозям Mōśəп iki. Отсюда название реки — притока реки Мозям: Jəm wəś jōxəп «Река священного городка» или Wəś paj jōxəп, «Река горы с городком». Рядом находятся озера Jəməп māləп «Святое озеро», воду в котором считают целебной, и озеро Jālaп māləп «Озеро Яланя» — великана, который будто бы утонул здесь.

Б 67. Naпk paj pōl «Мыс лиственничного острова». Святое место, где ходить нельзя.

Б 68. Pəxəп ka| «Болото с островом». Одно из священных мест, где охотники «кричат медведя», когда возвращаются с добытым зверем.

Б 69. Wqп wəś səjəm «Большой ручей с го-

родком». Aj wəś səjəm «Малый ручей с городком». Оба ручья названы по горе, где живут лесные боги.

А 70. Wqп ka| «Большое болото». Священное место мозямских хантов.

ВГ 71. Miś paj «Гора (женщин или мужчин) Миш», иначе Wəś paj «Гора с городком». Место обитания лесных людей. Рядом озеро Miś paj māləп «Озеро горы (лесных людей) Миш» и старица Wəś paj (названа по горе — смежному объекту), где живет лесной великан — меншк (menk).

Б 72. Wīrkəп sūs kərt «Осенние юрты (у реки) Выргим». Бывшее святое место хантов Ерныховых, Юхлымовых.

Б 73. Wqп lōpas «Большой лабаз». Бывшее святое место на берегу озера Nōwi jīпk ləг «Озеро со светлой водой», которое по-русски называют Светлое и Святое.

Г 74. Mōlti wəlti ləг «Озеро, где что-то есть». Говорят, что в озере живут огромные рогатые щуки (ср. № 41).

А 75. Naпk paj ləг «Озеро у лиственничного острова», также Šaši ləг. «Озеро бабушки». Святое место мозямских хантов: Šaši «Бабушка», она же Mōśəп imi «Женщина реки Мозям» — сестра Казымской богини Вут-Ими.

А 76. Šāпk wəti ləг «Озеро у теплой старицы», иначе Šāпk ləг «Теплое (или «жаркое») озеро». Выше озера также находится святое место, где поклоняются мозямские ханты своей богине — Šaši.

А 77. Pəresti ləг «Озеро, где приносят бескровную жертву». Святое место. Хозяин озера — Ləг iki или Ləгəп iki. «Озерный старик», он приравнивается к небесному богу. Ему дарят белый материал. Кроме того, в озеро опускали стрелы — в дар водяному jīпk wərt. Другое название озера — jōгp ləг «Ненецкое озеро» — связывают с хантыйско-ненецкими военными столкновениями в прошлом.

Б 78. Lapət pōг nə šqjəп xōг «Плес семи утонувших женщин Пор». По легенде, бог наказал Пор-нэ за злобность — поднял ветер, и они утонули в реке, перевернувшись в лодке.

Б 79. Wūsəп aпkəл səjəm «Ручей с дырчатым пнем (стволом)». На берегу ручья стоит священная лиственница с огромными дуплом в рост человека. «Там все молятся, когда ездят на оленях», поклоняются богу Wūsəп aпkəл iki, духу этого дерева.

А 80. Aīxп tīj paj «Гора в вершине (реки) Лыхн». Святое место мозямских хантов. Туда «ездили шаманить».

А 81. Nəl jəx imi «Женщина народа Нял», или Nəl jəx šaši «Бабушка народа Нял». Так называют место в вершине реки Nəl jəx jōxəп (по-видимому, адаптировано из Nəl jōx «Мелкая река» + вторичный географический тер-

мин *jōxap* «река»), где обитает эта богиня. Ей был посвящен лабаз. Мозямские и тугиянские ханты приносили ей жертвы.

В 82. *Miš pe raj* «Гора женщин Миш», *Pōg pe raj* «Гора женщин Пор». Место на реке Лыхн, принадлежащее людям Миш или Пор. Там же есть яр *Pōg pe sānχat* «Яр женщин Пор» и перекал *Pōg pe aχχat* «Перекал женщин Пор».

В 83. *Wōš raj jōxap* «Река горы с городком». Недалеко от устья реки есть высокие сопки, где живут лесные боги. Кроме того, по левому берегу реки (где, точно не установлено) находится священная лиственница с изображением местного духа-охранителя *Naŋk Wōnχar iki* («Старик зарубки на лиственнице»).

Г 84. *Jiŋlārəŋ wōgi kōrt* «Изба у старицы с кладом». По преданию, здесь зарыт клад, но чтобы его добыть, надо принести человеческую жертву (См. № 40).

В 85. *Naŋk raj iki* «Старик лиственничного острова». Святое место. По одной из версий, здесь, у старицы *Naŋk raj šāš wōgi* («Старица за спиной лиственничного острова»), в бору *Sōχta šāš jōχat* («Бор за спиной лиственничного острова на глине») жил богатырь, который убил одного из братьев — мозямских богов-богатырей (См. № 88).

В 86. *Wōšəŋ wōgi* «Старица с городком». Рядом есть возвышенность, сопка, «где был какой-то черт».

А 87. *Jetəŋ jōxap* «Святая река», протока или отдельный приток реки Казым. Святое место казымских хантов. Сюда «раньше ездят

ли шаманить и сейчас ездят». Возможно, именно эти места были освящены Казымской богиней Вут-Ими во время ее поездки в верховья Казыма, к озеру Нумто (Молд. 1995. С. 76; Молд. 1999. С. 28–30,54; Молд. 2000. С. 7–31).

В 88. *Χālaš naŋk raj*, «Лиственничный остров умершего, то же *Naŋk raj*, *Naŋk raj iki*. По легенде, здесь погиб один из братьев — мозямских богов-богатырей (см. № 85).

Б 89. *Naŋk raj* «Лиственничный остров». Бывшее святое место у села Полноват.

В 90. *Sāχal jūχ* «Тальник» («талины»). Священное дерево в бывшей деревне Резаны — «большое, как в малицу одетое, обросшее». Возле него нельзя ничего трогать.

Г 91. *Pūn wert(i) imi raj* или *Lən wert(i) imi raj*. «Остров (бугор) женщины, делающей нитки из жил (букв. — «делающей жилы»). Рядом — *Pūn wert(i) imi raj pōχəŋ* «Остров у острова (бугра) женщины...», *Pun wert(i) imi pōšə* «Протока женщины...». Имеется в виду персонаж фольклора («вроде бабы-яги», «невидимка-бабушка», «ребят ворует»). Говорят, что эта женщина здесь жила.

Г 92. *Šūjəŋ kōrt* Первая часть названия восходит к коми чой йыл «вершина горы», вторая — хант. «деревня, юрты». Селение уже не существует. По легенде, его основатели спустились на плотах с Сосьвы во время священного потопа.

А 93. *Pāstek raj* «Остров рябчика». Святое место хантов у бывшей д. Ветляхово. «Ездят там, шаманят, шаманское место». Рябчик — образ духа-охранителя ветляховских хантов.

- Атлас СССР, 1962. М.
- Данные карты Тобольской губернии, сост. А.А. Дуниным-Горкавичем в 1903 г. (В тексте ДГ).
- Дуний-Горкавич А.А., 1915. Сведения о рыболовных угодьях Тобольского Севера, по регистрации 1914 года. Тобольск.
- Дмитриева Т.Н., Полевые материалы по хантыйской топонимии Казыма (1987–2001).
- Дмитриева Т.Н., 1996. Коми компонент в топонимии бассейна реки Казым // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар. Т. 2. Филология. Этнология. С. 64–77.
- Дмитриева Т.Н., 1999. К истории названий села Полноват // Русская диалектная этимология: Третье науч. совещ., 21–23 октября 1999 г.: Тез. докл. и сообщ. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. С. 19–22.
- Дмитриева Т.Н., 2000. Язык земли окрестностей Хуллора // Очерки истории Югры. Очерк 3. Обретение имен. Екатеринбург: «Волот». С. 79–87.
- Данные составленной Л.И. Калининой карты «Хантыйские топонимы Западной Сибири». 1959. Томск. (В тексте — Калинина).
- Калинина Л.И., 1961. Ареалы распространения хантыйских топонимов в Западной Сибири // Учен. зап. Томск. ун-та. Вып. 19. С. 211–215. (В тексте — Калинина 1961б).
- Калинина Л.И., 1959. О некоторых вопросах топонимики левобережья Средней Оби. // Учен. зап. Томск. ун-та. Вып. 18. С. 112–124.
- Калинина Л.И., 1961. Сравнение устных и письменных форм хантыйских топонимов Васюгана. // Учен. зап. Томск. ун-та. Вып. 19. С. 190–210. (В тексте — Калинина 1961а).
- Калинина Л.И., 1962. Хантыйские топонимы Васюгана. // Учен. зап. Томск. ун-та. Вып. 20. С. 127–143. (В тексте — Калинина 1962а).
- Калинина Л.И., Хантыйские топонимы Западной Сибири. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск. (В тексте — Калинина 1962б).
- Молданова Т.А., 1995. Историческое и современное деление казымских хантов на различные группы по данным фольклора и современным представлениям // Проблемы административно-государственного регулирования межнациональных отношений в Тюменском регионе: исторический опыт и современность: Материалы Всероссийской научно-практ. конф. Март 1995. Тобольск.
- Молданов Т., 1999. Картина мира в песнопениях медвежьих игрищ северных хантов. Томск: Изд-во Томск. ун-та.
- Молданов Т., Молданова Т., 2000. Боги земли Казымской. Томск: Изд-во Томск. ун-та.
- Морозов В.М., 1987–1989. Отчет о предварительных результатах разведки археологических памятников в Бельском районе Тюменской области в 1987–1989 гг. // Архив ПНИ-АЛ УрГУ, ф. II, д. 476.
- Патканов С., 1911. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Ч. 2. Тобольская, Томская и Енисейская губ. СПб.
- Соколова З.П., 1977. Загадка Юильского городка // СЭ. № 4. С. 129–138.
- Терешкин Н.И., 1966. Хантыйский язык // Языки народов СССР: Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки. М. С. 319–341.
- Терешкин Н.И., 1981. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л.
- Тяботов М.А., 1975. Словарь русской транскрипции слов, встречающихся в хантыйских географических названиях // Тяботов М.А. Совершенствование содержания топографической карты масштаба 1:10000 нефтегазоносных районов Северо-Западной Сибири: Дис. ... канд. геогр. наук. М. Прил. С. 3–185.
- Хайду Петер., 1985. Уральские языки и народы. М.
- Шатилов М.В., 1931. Ваховские остяки (Этнографические очерки) // Труды Томского краевого музея. Томск. Т. 4.
- Ahlqvist A., 1885. Unter Wogulen und Ostjaken // Acta Societatis Scientiarum Fennicae. B. 14. S. 133–307.
- Angaben aus den handschriftlichen Aufzeichnungen von W. Steinitz, die teilweise auf einer Forschungsreise in den 30 er Jahren angefertigt wurden (Rad, 1969).
- Cahen C., (1911). Les cartes de la Sibirie au XVIII-e siècle // Nouvelles Archives des Missions Scientifiques et Littéraires, Nouv. Serie 19=1.
- Castron M.A., 1856. Nordische Reisen und Forschungen. 2: Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845–1849. Herausgegeben von A. Schiefner. St. Petersburg.
- International World Map 1946–1957. = International Map of the World. Edition 1–3. Washington.
- Karjalainen K.F., 1921, 1922, 1927. Die Religion der Jugra-Völker. 1–3. Porvoo – Helsinki. (= FF Communications 41, 44, 63).
- Karjalainen K.F., 1948. Ostjakisches Wörterbuch. Bearbeitet und herausgegeben von Y. H. Toivonen. Helsinki. B. 1–2. (= LSFU 10). (В тексте — КТ).
- Munkócsi B., (1896). Déri osztjók szjegyzyk Répai Kóroly gyűjtemei alapján // NyK 26 P. 9–66.

Paasonen H., 1926. Ostjakisches Wörterbuch nach den Dialekten an der Konda und am Jagan. Herausgegeben von K. Donner. Helsinki. (=LSFU 2).

Patkanov S., (1900), (1901). Irtisi-osztjésk szjegyzyak. Vocabularium dialecti ostjacorū fluvii Irtysch // NyK 30. P. 409–457; NyK 31. P. 55–84, 159–201, 291–330, 424–462 (В тексте – Patk.).

Radomski R., 1994. Ortsnamen des ostjakischen Wohngebietes. Zusammengestellt und bearbeitet von R.R. // Ars Ob-Ugrica, Band 11. München, Congregatio Ob-Ugrica.

Radomski R., 1969. Ostjakische Ortsnamen. Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophischen Fakultät der Christian – Albrechts-Universität zu Kiel. Kiel (В тексте – Rad. 1969)

Remezov S.U., 1958. The Atlas of Siberia. Facsimile edition. Gravenhage. (=Imago Mundi,

Supplement 1). Оригинал: Ремезов С.У. Чертежная Книга Сибири. 1701; Хорографическая Чертежная книга. 1697.

Steinitz W., 1966–1993. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin Lief. 1–15. (В тексте – DEWOS).

Steinitz W., 1950. Ostjakische Grammatik und Chrestomathie mit Wörterverzeichnis. 2. verbesserte Auflage. Leipzig.

Steinitz W., 1941. Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen aus zwei Dialekten. 2. Tartu; Stockholm.

Värtes Edith, 1985. Groups of ostyak dialects // Шестой Междунар. конгресс финно-угроведов: Тез.. Т.2. Сыктывкар. С. 18. (В тексте – Värtes 1985).

Värtes Edith, 1990. Prüfung der ostjakischen Mundarten-gruppierung // Материалы VI Международ. конгресса финно-угроведов. Т. 2. М. С. 460–462. (В тексте – Värtes 1990).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ В НАЗВАНИЯХ ДИАЛЕКТОВ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА

Ag. – говор по Агану (Surg.)
 Бер. – березовский диалект (говор в с. Березово)
 DN – говор по верхней Демьянке (Irt.)
 DT – говор по нижней Демьянке (Irt.)
 Fil. – говор в ю. Филинские на Иртыше (Irt.)
 Irt. – иртышский диалект (наречие) (говоры: DN DT Fil. Кам. Ко. Ко□ Кг. Ts. Т□)
 Jg. – говор по Югану (Surg.)
 Кам. – говор в ю. Каменские на Конде (Irt.)
 Kaz. – казымский диалект
 Ко. – кондинский диалект (Irt.)
 Ко□ – говор в д. Кошелево на Иртыше (Irt.)
 Кг. – говор в ю. Красноярские на Конде (Irt.)
 Likr. – говор в с. Ликрисовское на Оби (Surg.)
 Mj. – говор по Малому Югану (Surg.)
 Ni. – низямский диалект на Оби
 Obd. – обдорский диалект

Sal. – салымский диалект
 Surg. – сургутский диалект (наречие) (говоры: Likr. Mj. Trj. Ag. Jg.)
 Sy. – диалект (говор) по Сыне
 Шерк. – шеркальский диалект
 Trj. – тромъеганский (тремьюганский) диалект (Surg.)
 Ts. – говор в д. Цингала (Цингалы) на Иртыше (Irt.)
 Т□ – говор в д. Чесноково на Конде (Irt.)
 V – ваховский диалект (V - Vj.)
 Vart. – говор в с. Вартовское на Оби (переходный между V-Vj. и Surg.)
 Vj. – васюганский диалект (V - Vj.)
 VK – говор в с. Верхне-Калымск на Оби, между устьями Ваха и Васюгана (V-Vj.)
 V-Vj. – вахо-васюганский диалект (наречие) (говоры: V Vj. VK)

Ольга Балалаева

**СВЯЩЕННЫЕ МЕСТА
ХАНТОВ СРЕДНЕЙ
И НИЖНЕЙ ОБИ**

*О. Э. Балалаева,
кандидат филологических наук,
научный консультант Госкомсевера РФ*

Типология священных мест

I. Священные места – элементы природного ландшафта

— феномены, связанные с водой:

озера и болота

более мелкие водные объекты

— материковые элементы ландшафта:

рельефно выделяющиеся высокие места

острова и мысы

боры (яры) и рощи

отдельно стоящие деревья, камни

II. Ландшафты с включением элементов традиционной архитектуры

(остатки археологической культуры, традиционные культовые постройки)

Неотъемлемой частью традиционной этнической культуры является чувство кровной связи с землей предков, глубинное знание не только физической, но и метафизической географии родного края. Такое знание является достоянием всей традиционной общины: передается по вертикали (от родителей к детям) и по горизонтали (от дома к дому) в изустной форме, а также приобретается личным эмпирическим и духовным опытом. Именно это традиционное знание придает природному ландшафту, который в этнологической литературе рассматривается чаще всего как «физическая среда» или «контекст», самостоятельную культурную значимость и социальное измерение.

В бесписьменных культурах, не располагающих никакими иными технологиями для сохранения своего прошлого, кроме мнемонических, исторические знания передаются только изустным путем — из поколения в поколение. Поскольку представления об истории не бывают статичными и неизменными, при передаче они переосмысливаются и перетолковываются таким же дискурсивным путем. С незапамятных времен географические места символизировали удаленные в прошлом важные события, служили напоминанием, были источником живых представлений об этих событиях. Таким образом, процесс трансформирования и передачи исторических знаний неотделим от фольклорного «краеведения».

Американский антрополог Кит Бассо, в течение ряда лет работавший с племенем североамериканских индейцев апачей, пришел к выводу о том, что традиционные представления о «своей земле» у апачей неразрывно связаны с иными областями локальной культуры, которые включают моральный кодекс, этикет и определенную модель интерпретирования истории племени (Basso, 1997. P. XV).

Существенным для понимания роли физического ландшафта в традиционной культуре является и другое заключение Бассо, относящееся к носителям данных представлений. По его мнению, хотя подобные представления и являются общим культурным наследием, конкретное знание принадлежит отдельным носителям культуры, а не целой культуре, и этот факт определяет вариатив-

ный характер интерпретаций (там же. P. XVI). Каждая локальная этническая группа использует окружающий ландшафт для создания местного предания. Горизонт социального ландшафта одной группы, совпадая или налагаясь на горизонт другой группы, образует границы культурного ареала.

Мировоззрение и система верований хантыйского народа также имеют корни в его исторической земле. Автохтонность этнической группы или целого народа проявляется в том, что в семейно-родовых отношениях, между членами локальных групп, в космологии и традициях существует так называемая «среда доверия» — понятие, сформулированное Энтони Гидденсом (Rodman, 1992. P. 56—640). Эта «среда» и является тем социальным ландшафтом, из которого вырастает хантыйский миф.

Задачи и формат статьи не позволяют нам анализировать чрезвычайно сложную и многослойную структуру хантыйской мифологии. Следует, однако, сказать, что космогонический миф обских угров на одном из своих уровней, очевидно, отражал социальную организацию и территориальное деление, установившиеся с древних времен. Современная модель космогонических представлений хантов, схематизированная и упрощенная в целях данного изложения, включает несколько поколений хантыйских богов (*Торума*-отца, его детей и внуков), которые делят между собой сферы влияния и ответственности по старшинству. В этой иерархической структуре каждое поколение богов соответствует определенному уровню физического ландшафта. Например, дети верховного божества являются создателями и покровителями рек (р. Оби и ее основных притоков), а внуки отвечают за семейно-родовые территории. Соответствия такого рода существуют на всех уровнях от макроэлементов ландшафта (реки, холмы) до индивидуального камня или дерева.

Хантыйские сирь (*сир* — род) для носителей традиционной культуры имеют ассоциации с определенными реками. Например, *Пути сир* (род Медведя) ассоциируется с рекой Большой Юган, а *Мах сир* (род Бобра) с Малым Юганом (Steinitz, 1975—1980. Bd. 3; Соколова, 1974).

Старший мужчина в семье, живущий на своем родовом уголке, может быть хранителем речного «шайтана» (вырезанное из дерева изображение духа-покровителя реки). Хранителем обычно выступает старейшина, в чьих уголках находится священный лабаз — место обитания духа. Ныне покойный Иван Павлович Каюков (д. Каюковы, Большой Юган) являлся хранителем «Юганского шайтана» Яун-Ики, лабаз которого находился возле каюковских юрт.

Даже в том случае, сейчас не редком, когда исторические владельцы меняют место проживания, они продолжают нести ответственность за родовых духов-покровителей, которые одновременно являются покровителями родовой территории. Например, род Тайбиных (бассейн реки Пим) в течение трех сотен лет обитал на реке Ях-Яун. Семейная легенда говорит, что Тайбины продали эту реку за невесту. Прадед нынешнего главы семьи Федора Тайбина жил на реке Неук-Яун, нижнем притоке реки Тап-Ягун. С реки Неук-Яун отец Федора Тайбина перебрался на север и осел на реке Тап-Ягун. Родовые духи-покровители Тайбиных остались на реке Ях-Яун. Сегодняшний глава семьи Тайбиных считает их хранителем, и один-два раза в год хранитель и члены семьи совершают путешествие к священному месту на Ях-Яуне — «ухаживать за шайтаном» (МА: Тайбин Ф.Г., р. Пим, 1997 г.).

Река Тап-Ягун, где сейчас живут Тайбины, в прошлом была территорией рода Кантеровых, переехавших на верховья Ай-Пима. Родовые духи Кантеровых по-прежнему обитают на исторической земле, и мужчины семьи Кантеровых, в свою очередь, приглашают за родовым священным местом. Когда хранитель родового священного места, отец сегодняшнего главы семейства Егора Кантерова, умер, Егор «обновил» деревянное изображение *лунка* (местного духа), вырезал из дерева новое и принял на себя обязанности хранителя (МА: Кантеров К. Я., р. Ай-Пим, 1997 г.).

С отмеченной выше иерархией в распределении «сфер влияния» связаны традиционные представления о степени сакральности рек. Среди особенно почитаемых, например, можно назвать реку Тром-Еган: создателем ее и покровителем, согласно мифу, является старший сын верховного бога.

Отношение хантов к природному окружению — воде, почве, растениям и животным — включает в себя сложную структуру социальных взаимоотношений смертных с бессмертными, людей и их мифологических патронов. Ландшафтные элементы — омут, холм, дерево или камень, представляют собой земной аспект существования этих мифологических существ.

Ландшафт является физической связью между сегодняшним днем хантов и их прошлым. В этом ландшафте существуют особые места, очерченные устным преданием, имеющие особое сакральное значение, обладающие властью над людьми, принадлежащими к традиционной общине. Эти места являются священными в самом широком смысле: они связывают традиционный образ жизни народа со священным преданием, древнейшими космологическими пластами хантыйской мифологии и с религиозным ритуалом. Так, например, в одном из вариантов сказания о потопе, записанном автором на Большом Югане, говорится, что дети легендарных богатырей, живших на этой земле до потопа, спаслись на плоту, который приплыл к единственной вершине, оставшейся над поверхностью воды, известной ныне под именем Барсова гора (МА: Курломкин П.В., р. Большой Юган, 1996 г.). Такие места, где мифологическое прошлое повторяется и актуализируется вновь и вновь в ритуальной практике, приближают людей к их мифологическим покровителям, делают богов доступными для молитвы и просьбы.

Священные места являются частью природного ландшафта. Традиционное природопользование обских ургов, естественно, связано с устной традицией широкого диапазона, куда входят мифологические песни, богатырские сказания, топонимические предания, рассказы-мемораты о встречах с дунками (местными духами), живущими на священных местах и т.д. «Ездил я вниз по реке рыбу ловить и поохотиться. К ночи устал, в лесу спать лег на сопке. А ночью разбудил меня человек — одежда на нем белая. Сказал, чтобы я на этом месте не спал, не то что-нибудь плохое со мной случится. А место это называется Евутская гора» (МА: Колсмов Е.Л., р. Большой Юган, 1996 г.).

Устное предание, таким образом, «конструирует» ландшафт, маркирует культурно-значимые элементы данного ландшафта, описывая их либо в эксплицитной форме (Барсова гора), либо имплицитно (указания на священные места в имплицитной форме часто содержатся в *лунк-арых*, песнях духов), дает представление о том, как эти элементы соотносятся с целым. Предание помещает священные места и ландшафты в плотную структуру культурных символов, образов и поверий, нагружая их смыслами, наделяя многозначностью. Священные места и устное предание, маркирующее их, являются не только значимыми культурными символами, они конституируют этничность хантыйского народа. Разрушение священных мест равносильно уничтожению культуры. Доказательством является судьба южных хантов. Форсированная насильствен-

ная христианизация этой группы, «выкорчевывание идолопоклонничества», которое выражалось в осквернении священных мест и сожжении деревянных кумиров, привела к полной ассимиляции коренного населения, хотя как будто не затрагивались ни семейно-родственные связи, ни экономические взаимоотношения, ни материальная культура (см. Кулемзин, Лукина, 1992. С. 99).

Научная классификация священных мест хантов, заложенная еще Карьялайненом, не получила с тех пор тщательной разработки. Тем не менее подобная классификация — важный инструмент исследователя, помогающий идентифицировать и адекватно описать культурный феномен. Автор ставил перед собой задачу выстроить рабочую типологию священных мест, основываясь на собственных полевых материалах, полученных в ходе исследования бассейнов рек Лямина, Пима, Тром-Егана, Агана, Большого Югана в 1993—1998 гг., и материалах исследования бассейна реки Казым, проводившегося топонимической экспедицией Уральского университета в 1987—1995 гг. под руководством Т.Н. Дмитриевой. Кроме того, использованы сведения из научно-этнографической литературы и археологических отчетов. Составлены карты священных мест (см. карты № 1—3 в данной статье, а также карту в статье Т.Н. Дмитриевой).

За время работы над проектом было идентифицировано 150 священных мест и опрошено более сорока информантов. Основным методом служило интервью, которое записывалось на диктофон с разрешения интервьюируемого. Когда бы ни представилась возможность, мы стремились посетить сами священные места с согласия хранителей святынь. Места, которые мы посещали, были локализованы с помощью системы GPS, сфотографированы и описаны, включая планы археологических селищ.

Представленная работа, однако, не является перечнем священных хантыйских мест с точным указанием географических координат, тем более многие ханты до сих пор считают, что сохранение местоположения святынь в тайне является их лучшей защитой. Авторы проекта обратились к этому предмету, чтобы показать значимость и одновременно уязвимость природно-культурного ландшафта, являющегося домом аборигенного населения Оби и, более конкретно, что священные места по-прежнему остаются важной составляющей жизни коренного населения народа ханты.

В статье используется термин «священные места», следуя сложившейся научной традиции, хотя автор считает, что в этом термине заключена некоторая неясность, поскольку его

значение слишком зависит от разных контекстов, незнакомых для читательской аудитории.

Изоморфическая связь коренного народа с природным ландшафтом, обсуждавшаяся выше, детерминировала характер священных мест, которые в основном являются **элементами данного ландшафта**. Таким образом, базовые типологические признаки в данной схеме — это признаки рельефа, в соответствии с которыми образованы типологические ряды, принадлежащие **первой категории** священных мест. Масштабы природных феноменов и связанная с ними степень значимости колеблются от рельефообразующих элементов (крупный приток Оби) до микроэлементов (камни), что определило группирование религиозно значимых ландшафтных форм в типологические подгруппы.

Вторая категория священных мест охватывает **природные ландшафты с включением в них сакральных построек**. Последние представляют собой небольшие деревянные постройки, напоминающие традиционную жилую архитектуру хантов, но значительно меньше по размерам — жилье для вырезанных из дерева сакральных изображений — местных богов. Можно предположить, что такие «лабазы» в прошлом маркировали ландшафтные священные места, на что указывает традиция сооружения их на берегу священных озер, либо на почитаемых островках посреди болот, либо при впадении притока в главную реку и т.п. Однако антирелигиозная политика, проводимая в советский период, и безжалостная нефтепромышленная эксплуатация исторических земель хантыйского народа в последние тридцать лет привели к тому, что коренные жители вынужденно переносят священные лабазы на другие места, спасая их от индустриального катка и актов вандализма со стороны новопоселенцев. В таких случаях предполагаемую выше связь трудно установить.

I. К первой категории принадлежат, в первую очередь, феномены, **связанные с водой**: озера (здесь же старицы), болота, речки (здесь также протоки и урьи), заводи, омуты, места слияния рек, перекаты и повороты. По представлениям хантов, в таких местах живут божества, от которых зависит удача в рыбном промысле и сама жизнь живущих поблизости или путешествующих по воде людей (степень влияния того или иного божества на различные сферы деятельности людей зависит, как уже упоминалось, от места, занимаемого им в божественной иерархии). Духов задабривают дарами, бросая, например, в воду монетки или сухари. Размер и характер приношения в каждом отдельном случае имеет некоторые отличия и, кроме того, зависит от важности резонов дарителя.

К самым крупным природным объектам этой группы относятся *озера и болота*.

Так, например, в бассейне реки Казым находится озеро *Сяси-Лор*, что означает «Озеро бабушки». Это священное место мозямских хантов. Название озера связано с «хозяйкой» этого места *Мосян-Ими*, или «Бабушкой», сестрой казымской богини *Казым-Ими*. Другой топоним, использующийся для названия этого озера — *Нанг-Пай-Лор* «Озеро у листовничного острова» (Дмитриева Т.Н., полевые материалы).

Название священного водоема может прямо указывать на особый характер этого места, если включаем, например, лексему *ймынг/емынг* «святой, священный». Таково озеро *Емынг-Малынг* — «Святое озеро», расположенное в казымском бассейне недалеко от устья реки *Ем-Вош-Ёхан*. По представлениям мозямских хантов, вода этого озера излечивает от парши (там же).

Сходный топоним встречается и в районе реки Тром-Еган, где находится озеро *Ймынг-Лор*, что также означает «Священное озеро». Это озеро попало в полосу нефтепромышленного освоения — там в настоящее время стоят буровые вышки, что глубоко оскорбляет религиозные чувства коренного населения (МА: Сопочин И.А., Тром-Еган, 1993 г.).

В бассейнах рек Казыма, Ваха и Югана существуют священные озера, где, по представлениям местных жителей, живет водяной дух в виде щуки. (На Казыме и Большом Югане рассказывают об очень большой рогатой щуке.) (Колсомов Е.Л., 1996 г.; также материалы Дмитриевой).

Мы поместили болота в данную подгруппу, хотя не совсем ясно, насколько это самостоятельный элемент, поскольку многие священные болота (на реках Казыме, Пиме и Большом Югане) имеют также разного рода возвышенности: кочки, бугры, гряды, островки или отдельно растущие деревья. Тем не менее мы располагаем некоторыми примерами, указывающими на то, что болота также могут иметь особый статус. На реке Казым известно несколько священных болот, среди которых приведем в качестве примера *Вон-Кал*, «Большое болото» — место, почитаемое среди мозямскими богами-героями. Рассказывают, что каждый из них ходит «в белой шапке из белого меха, как снег, как лед, целый год шапку не снимает» (материалы Т.Н. Дмитриевой). Другой пример — болото *Емынг-Кал* «Святое болото» в бассейне реки Сорум. На это место запрещено ходить женщинам (там же).

Следующая подгруппа включает реки (местное название небольших речек — урьи) и

протоки. Такого рода священные места встречаются по всему культурному региону. *Емынг Ёхан* «Святая река» — это протока (по другим сведениям старица) реки Казым, находящаяся, по сообщениям информантов, выше Казымского сора, напротив устья протоки Сухой Казым. Туда и в прежние времена, и теперь «ездили и ездят шаманить» (там же).

К этой же подгруппе относится ручей *Емынг-Соим* (хант. *səjət* (каз.) — «Святой ручей», также «пересыхающий ручей») — правый приток реки Сорум в казымском бассейне (там же). Место со сходным названием *Ймынг-Саим* находится в бассейне реки Тром-Еган в районе д. Юбилейный (д. Тром-Аган). На русский язык местные жители переводят этот топоним как «Святой овраг» (МА: Сопочин И.А., 1994 г.).

В юганском бассейне к священным местам причисляют «Золотую речку» — приток Малого Югана. Местные жители, проходя эту речку на лодке в первый раз после зимы, обязательно бросают туда деньги (мелкие монеты). Женщинам запрещено ступать на берег этой реки (Кельмина Т.М., Малый Юган, 1998 г.). Такое же табу связано с другим священным ручьем в верховьях Малого Югана, который называют *Имиэнг-Ики*, «(Ручей) Старика Старухи», куда также запрещено ходить женщинам (МА: Каймысов В.М., пос. Угут. Тюменская область, 1996 г.).

В бассейне реки Пим находится священная река *Варынг-Яун* «Запорная река». Согласно представлениям пимских хантов, на этой реке запрет, поскольку «там живет злой черт». В связи с табу на речке нельзя не только жить, но и даже останавливаться на ночевку, иначе «обязательно что-нибудь плохое случится». Если туда приезжают охотиться не местные ханты, они делают приклад — вешают отрезки материала на деревьях у речного берега (МА: Кантеров К.Я., 1997 г.).

Один из священных водоемов в бассейне реки Аган называется *Лунк-Урий*, «Духов урий» — это ручей, протекающий вблизи озера Сыс-Лор. Топонимическая легенда, связанная с этим священным местом, рассказывает: «Богиня-лягушка по Агану прошла... видит — река не течет, вся высохла... По течению вниз она (отправилась). На самом деле эти злые духи (может, добрые были) реку Аган перегородили. Узнала она, кто перегородил, разорвала эту перегородку, конечно, или котцы там были... Ну, они рыбу ловили хорошо, наверное. И разогнала всех. Которые прыгали в озеро, кричат: «Сыс!, сыс!, сыс!». А (те) которые попрыгали в урий: «Лунк-ит!» — Божественный урий» (МА: Сопочина В.А., Тром-Еган, 1993 г.).

К подгруппе, включающей *более мелкие водные элементы*, относятся заводи, омуты,

водовороты, места слияния рек (устья при-токов), повороты и перекааты.

Целый ряд подобных феноменов известен в бассейне реки Казым. Например, заводь *Емынг-Лав*, «Священная заводь» — в протоке Сухой Казым выше устья реки Мозям. Здесь молились водяному божеству *Йингк-ворт* (материалы Т.Н. Дмитриевой). По основному руслу руслу Казыма, напротив (ниже) устья реки Атым-Ёхан, находится «Плёсо семи утонувших женщин Пор» (*Ланьт-Пор-Нэ-Шойлым-Хор*). Об этом месте существует следующее сказание: «Кулик сидел на гнезде. Мимо проплывали семь Пор-нэ в лодке. Одна Пор-нэ выскочила. Кулик улетел. Она увидела пять яиц и все растоптала. Кулик стал бога просить, чтобы ее наказал. Тот ветер поднял, и семь Пор-нэ закрутило в лодке, и они утонули». Когда женщины проезжают это место, они бросают в воду кольца и деньги (там же). Рядом с плесом был водоворот (сейчас его уже нет, так как русло перерыли), известный под названием «Перекаат женщин Пор» (*Пор-Нэ-Лохрым*). Рассказывают, что водоворот «был очень большой: вода крутит, как котел кипит». На этом месте женщины также бросали в воду различные приношения (там же).

В верховьях реки Малый Юган выше Ачимовских юрт также находится священный водоворот, который связан с мифологическим преданием о *Тондор-Ики*, главном божестве реки. В этот водоворот (или омут), по местным представлениям, проезжая мимо, следует бросать сухарики. «Если сухарика не бросишь, бог этот *Тондор-Ики* — ему не понравится — может наказать» (МА: Колсомов Е.Л., 1994 г.).

Здесь же, на Малом Югане, известно еще одно священное место из рассматриваемой подгруппы — поворот *Лор-Воях-Луиик*, «Гагара (букв. озерный зверь) — дух», «где ранили гагару». Информанты объясняют, что «это была не птица, а воин, которого называли гагарой». Легенда говорит: «Боги между собой воевали на том месте, где крутой поворот. Один от другого нырнет, а оттуда с болота выныривает подышать. А второй бог уток-крохалей высылает наверх, чтобы отдышаться» (бог, по разъяснению информанта, дышал с помощью этих уток) (там же).

Ниже Старого Югана возле д. Немчиново находится еще одно священное место — «сильный круговорот Ларым-Похты». На этом месте проезжающие бросают монеты. По словам информантов, «когда ветер слабый, а волны большие — тогда (там) опасно». «Раньше рассказывали, там даже катера останавливало. Остановит и не отпускает никуда» (там же).

На Большом Югане ниже д. Тайлакова (юрты Кыкалевы) находится священный омут, которому посвящено бытующее предание.

«Люди появились, стали ездить по Югану. А жена (местного бога), видимо, злая была. Людям стала маячить, задерживать. Потом на прямом плесе, когда высыхает, мелко совсем, берега почти что каменные. Муж разозлился и пнул (ее). Ниже там глубокий омут. Если на людей не хочешь смотреть — живи в глубоком омуте» (фрагмент) (Курломкин П.В., 1996 г.).

Подобные священные места встречаются и в бассейне реки Тром-Еган. В низовьях реки, на родовых землях Сопочиных в «Урье Лягушки» (или «Старице Лягушки») *Сапыркин-Урий*, находится священный омут. По преданию, когда Лягушка гневалась, вода в омуте «кипела, бурлила, и падали деревья». Лягушка считалась духом-покровителем рода Сопочиных (МА: Сопочина В.А., 1993 г.).

Данные фольклора позволяют предположить, что священные речки в данной парадигме ассоциировались с божествами мужского рода, в то время как водовороты или омуты — с женскими божествами.

Ко второй группе относятся священные места, представляющие собой **материковые элементы ландшафта**. Это прежде всего возвышенности: кочки, бугры, солки, гряды и горы, образующие первую подгруппу. Ко второй подгруппе относятся острова и мысы. Следующую подгруппу образуют лесные сообщества: небольшие лески (боры, яры) и рощи (прежде всего березовые). По всему культурному ареалу распространены и почитаются наравне с более крупными ландшафтными элементами отдельные священные деревья (иногда необычной формы, иногда редко встречающиеся в данной экосистеме) и камни, останавливающие внимание размером или формой. Священные деревья и камни входят в подгруппу первой категории.

Современный рельеф среднеобской низменности представляет собой в основном обширные междуречья и узкие речные долины. Возвышенности в бассейне Оби встречаются сравнительно редко. Единичность и доминирующий над местностью характер таких образований, видимо, и обуславливал сакрализацию подобных форм рельефа. Практически все **рельефно выделяющиеся высокие места** обладают сакральным статусом и, соответственно, ритуально-мифологическим значением.

На реках Юган, Тром-Еган и Пим применительно к свяственным возвышенностям употребляется название *кот-мых* (хант. «дом-земля»). *Кот-мых* — обиталище бога. На вершину кот-мыха приносят приклады. Брать с этой возвышенности обычно ничего нельзя. Бытует целый жанр устных рассказов-меморатов о том, как был наказан человек, преступивший такое табу, например, обломавший ветки на

дереве, которое растет на священной горе: в результате у него отсыхает рука, он умирает и т.д. (МА: Курломкина Е.П., Каюков Л.Д., р. Большой Юган, 1995 г.).

На реке Тром-Еган, например, выше устья притока Ай-Тром-Еган находится общехантыйское священное место — гора *Торум-Яун-Кот-Мых*. Сюда приносят приклады и жертвы перед началом сезонных промыслов и спорадически по другим поводам не только местные, но и ханты из других районов. На вершине этой горы растет высокая, отдельно стоящая сосна, на которую обычно вешают материал. Местные ханты говорят, что гора с сосной — это не что иное, как дом с печной трубой. Женщинам ходить на вершину запрещается. По обычаю сюда приезжают молодожены со всего тромъеганского района — молиться и принести приклад перед началом семейной жизни: в этом случае мужчина поднимается на вершину, а жена ждет в лодке у берега (МА: Сопочин И.А., 1994 г.).

«Хозяином» кот-мыха может быть не только речное божество, но и родовые лунки (дух-покровители рода). Так, на реке Лим на родовых угодьях Кантеровых находится священный *Очетаут-Мутых-Кот-Мых*. Это священное место рода Кантеровых, где «живет» лунк — покровитель рода. Женщины рода Кантеровых берут с этого места дерево себе на куклы (личные духи-покровители) (МА: Кантеров К.Я., 1997 г.). Эта культурная метафора (спилоч с живого дерева, растущего на родовой земле, превращается в личного пожизненного духа-покровителя) также показывает, как коренные жители утверждают себя в кормящем ландшафте, свою с ним связь и право землепользования.

Кот-мых, как правило, имеет хранителя. Это, как мы уже упоминали выше, старший мужчина в роду, на землях которого находится священное место. Хранитель имеет традиционные обязанности: например, срезает дерево женщинам своего рода на куклы, принимает и приводит к священному месту паломников из других районов. Рассказывают, что раньше зимой хранитель священного места расчищал дорогу к кот-мыху от снега, чтобы гости могли пройти туда без задержки (там же).

Священные места этого типа распространены также в юганском бассейне. Например, на Малом Югане на охотничьих угодьях рода Асмановых находится *Пырешинг-Кот-Мых* — родовое священное место здешней семьи (МА: Асманов П.С., р. Мал. Юган, 1998 г.).

На реке Нёгус-Ях (юганский бассейн) также известны несколько священных возвышенностей, среди которых, например, *Колит-Нэ-Кот-Мых* «Кот-мых Еловой женщины», куда приезжают с прикладами местные ханты с Нё-

гус-Яха, а женщины здешних семей берут дерево себе на куклы (МА: Колсомов Е.Л., 1994 г.).

Другой пример — *Яун-Кутэп-Кот-Мых* «Кот-мых середины Югана», который находится, как свидетельствует из названия, на реке (Большой) Юган (МА: Курломкин П.В., 1996 г.). Здесь же, на Большом Югане, в низовьях, находилось общехантыйское священное место, о котором упоминает еще А.А. Дунин-Горкавич — «*Егутская гора*» (вариант: *Эвутская гора*). Сюда приезжали ханты из разных районов, приносили приклады и устраивали *йир* (кровавое жертвоприношение) (Дунин-Горкавич, 1910. С. 150). В 70-х гг. эта священная гора попала в полосу промышленно-нефтяного освоения и, по сообщениям информантов, была почти что сровнена с землей. Однако в местной устной традиции до сих пор бытуют рассказы (в жанре «ясен»), связанные с этим местом (МА: Колсомов Е.Л., 1994 г.).

Целый ряд священных возвышенностей известен на реке Казым. Например, на правом притоке реки *Нялэк-Хойты-Ёхан* стоит сопка, очертаниями своими напоминающая чум («высокая гора, как чум была»). Рассказывают, что эта сопка — место обитания лесных богов. По-хантыйски это место называется *Хот-Пай-Соим* «Ручей с сопкой, похожей на дом» (материалы Т.Н. Дмитриевой).

Еще один пример из казымского бассейна — *Ими-Хомсат*, что означает «Кочки женщины». Это священное место находится на ручье *Хомсат-Ай-Ёхан*. Название священного места связано с именем главной богини, покровительницы казымских хантов *Касум-Ими* (также *Вут-Ими*, *Касум-Тый-Ими*). Согласно легенде, «кочки — это нарты, оставленные Казымской Женщиной во время ее кочевки с вершины Казыма, от озера Нумто, к устью реки Вош-Ёхан. Когда ханты едут мимо этих кочек, останавливаются, молятся, пьют вино, оставляют в дар богине монеты, кусочки ткани» (там же).

В следующую подгруппу священных мест входят такие элементы рельефа, как *острова* и *мысы*. Например, священный остров, образованный Хуллорской протокой при впадении ее в реку Казым, — *Посл-Ов-Похыр* (вариант: *Посл-Ов-Пай*), что означает «Остров в устье протоки». Этот остров находится под запретом: «ни один хант ногой не ступал». Проезжая мимо острова, обязательно останавливаются напротив него, едят и пьют (там же).

Другой казымский пример — это священный остров на левом берегу реки Помут в болоте Пильтынг-Кал под названием *Похрынг-Ики* («Старик, обладающий островом»). Топоним связан с именем священной птицы: *Похрынг-Ики* — это орлан-белохвост (там же).

В.М. Кулемзин рассказывает, что васюганские ханты почитали мыс *Пяй-Ими* «Старушка», вдающийся в озеро Тух-Эмтор, и приносили на этом мысе жертвы (Кулемзин, 1984. С. 50–51). Священное предание о происхождении этого мыса, очевидно, является частью древнего космогонического мифа. «Одна семья, во главе которой была старуха, решила спуститься вниз по Оби и попасть на Васюган. Говорят, Васюган они не нашли, а попали на Нюрюлку и стали подниматься по реке Тух-сиге, которая впадает в Нюрюлку, а вытекает из озера Тух-Эмтор. Начался голод. А тогда был обычай: если нечего убить, надо дать дар. На одном мысу на Тух-сиге старуха принесла в дар одного своего сына, убила и оставила в лесу под кедром. Подарила его мысу» (Кулемзин, Лукина, 1973. С. 24–25).

Священные мысы встречаются также и на Казыме. Например, священный мыс на правом берегу протоки Сухой Казым, выше устья реки Мозям. Называется *Нангк-Пай-Нёл* «Мыс у лиственничного острова». Между устьем реки Мозям и этим мысом ходить не разрешается (материалы Т.Н. Дмитриевой).

Следующую подгруппу составляют священные *боры (яры) и рощи*. Отдельные рощи, как правило, березовые, пишет В.М. Кулемзин, считались покровителями поселений, и на территории рощи надо было соблюдать определенные правила поведения. В таких рощах находились специальные места-покровители отдельных семей (Кулемзин, 1984. С. 111).

По сообщениям исследователей прошлого века, в таких местах часто можно было увидеть деревянные изображения духов-покровителей или личины, вырезанные на деревьях (Кастрен, 1860. Т. 6, ч. 2. С. 186; Карьядайнен, 1995. С. 94). Эти личины подвергались массовому уничтожению во время насильственного насаждения православия в начале XVIII в. и потом, уже в нынешнем столетии, в тридцатых годах в ходе атеистической кампании; также в последние два десятилетия в процессе промышленного освоения региона постоянно происходят акты вандализма.

Священные боры известны в бассейне реки Казым: одно из таких мест — *Сёпыр-Нэ-Сангхым* «Яр женщины Сёпыр» находится на левом берегу реки Казым ниже устья Хуллорской протоки. По местным поверьям, здесь обитает лесная женщина («лесная какая-то», «как леший» и т.д.). Одна нога у этого существа человеческая, другая — лосиная (варианты: обе ноги лосиные, одна лосиная, другая — медвежья). В одном из вариантов фольклорного сюжета, связанного с лесной женщиной, говорится о том, как лесная женщина встретила с охотником. Она просит его взять ее в жены,

обещает удачу на охоте и предлагает сундук с одеждой, но он отказывается. Тогда она предсказывает ему несчастье, которое сбывается (материалы Т.Н. Дмитриевой).

Предание о лесных людях — жанр, широко бытовавший в культурном ареале обских угров, он типологически перекликается с ненецкой устной традицией, рассказывающей о *Сихиртя*. Можно предположить, что эти традиции принадлежат и древним пластам фольклора, отразившим историческую реальность встречи пришлого племени с аборигенной культурой в период формирования угорской общности (Балалаева, Плужников, рукопись).

Другой священный бор находится в бассейне реки Тром-Еган у озера *Чурлинки-Лор* («Озеро кедра»). В этом озере живет женское божество, богиня-покровительница этого озера. Дерево, которое здесь называют кедром (на самом деле *pinus sibirica* — сосна сибирская), по представлениям хантов, женского рода. На берегу этого озера на земле семьи Покачевых стоит кедрач (кедровый бор), считающийся священным. Заходить в этот лес не разрешается даже членам семьи Покачевых, и обойти его можно только с определенной стороны (МА: Сопочина В.А., 1993 г.).

На реке Мосум-Яун (=Назым), по сообщению информантов, расположен священный лес, где запрещено охотиться. Пимские ханты рассказывают, что у леса стоит «каменный шайтан» *Мосум-Орт-Ики* (МА: Кантеров К.Я., 1996 г.).

Некоторые *отдельно стоящие деревья* также считаются священными. Наряду с большими, необычной формы камнями они являются «видимыми образами духов-хозяев». В собранных нами материалах встречаются священные деревья разных пород, но чаще всего — это сосна и лиственница. В мифологической песне, относящейся к жанру *лунгк-арых* («песня духа») и исполняемой от имени главного героя песни, лиса, рассказывается, что хитрый лис спасался от преследующего его верхом на коне *Воки-Турун-Ко-Ики-Кей-Турун-Ко-Ики* (Старик с песцовым голосом, Старик с лисьим голосом). Устав от погони, лис обращается за помощью к верховному богу («Большому Торуму, отцу моему, молюсь, о помощи прошу»). Торум внимает просьбе и приводит лиса к лиственнице, на стволе которой «сто дупел и сто наростов», и там между ее корней лис превращается в «главного лунка со ртом-отверстием и глубокими глазницами». С тех пор «люди, живущие не дальше сосновых шишек, много чашек с едой ставят (ему) в ряд, целые горы бархата, сукна и шерсти (ему) дарят» (МА: Курломкин П.В., 1997 г.). Эта топонимическая легенда маркирует обской плес, известный под

названием *Ур-Вог-Ики* или *Ур-Вот-Ях*. Интересно, что здесь лиственница примечательно-го вида выступает как «место силы», где бог ответил на молитву, в результате произошло чудесное превращение.

Примеров из рассматриваемого ряда известно довольно много. Так, в верхнем течении Малого Югана между вершиной реки и притоком Колкучинь-Ягун, возле болота, «стоит дерево — без сучков, а на макушке у него шишечка». Это священная ель, которую называют *Тондор-Ики-Вай*, что означает «Палка бога Тондор-Ики» (МА: Колсомов Е.Л., 1994 г.).

На реке Пим также есть священное место *Нянгинг-Урий*, ассоциирующееся со священным деревом. *Нянги* по-хантыйски означает «лиственница». Местные ханты говорят об этом дереве так: «летом иголки растут, а зимой выпадают. Такого дерева нигде по Пиму больше нет» (МА: Тайбин Ф.Г., 1996 г.).

В районе реки Казым также существует ряд примеров почитаемых священных деревьев. На левом берегу реки Вош-Пай-Ёхан находится священная лиственница с вырезанным на ее стволе изображением бога *Нанг-Вонгхып-Ики* («Старик зарубки на лиственнице»). Рассказывают, что это дерево стоит у дороги. Когда там раньше проезжали на оленях, то останавливались и молились. «Этот бог, — рассказывают информанты, — помогает хорошо стрелять на охоте» (материалы Т.Н. Дмитриевой).

Другой пример — священное дерево, стоящее в ныне не существующей деревне Резаны на правом берегу реки Оби: *Сахыл-Юх*, «тальник», «большое дерево, как в малицу одетое, обросшее». Возле этого дерева нельзя ничего трогать (там же).

Культ *камней* широко распространен на приполярном Севере и практически по всей Сибири и считается одной из древнейших религиозных форм.

Целый ряд примеров почитания камней встречается в юганском бассейне.

В верхней части Малого Югана есть священный камень, лежащий у берега и своей формой напоминающий голову медведя. Этот камень местные жители мажут рыбьим жиром, задабривая лунку. Рассказывают, что «голова *пути* (медведя) — наверху, а сам он (лунк) в одежде под водой» (МА: Колсомов Е.Л., 1994 г.).

Другой известный священный камень лежит на середине реки возле деревни Кинями-на — это божество *Кон-Пал-Ики*. Камень этот очень большой, метра полтора в поперечнике, и может нанести серьезный ущерб проезжающим мимо лодкам: «если кто не знает, может мотором стукнуться, или еще что-нибудь произойдет». Камень виден над поверхностью воды только в середине лета, когда уровень

воды сильно понижается. Проезжая мимо, местные приносят приклад — бросают в воду монеты (там же).

На реке Большой Юган ниже д. Тайлакова также находится священный камень, с которым связано мифологическое предание: «Там тоже лунки — *Имеэнг-Ики* — муж с женой. Едут на обласке. Подъезжать стали к себе, а тут нагрянули на них войной. Ничего у них не было. Делать нечего, они в воду нырнули с обласа. И сейчас там камень лежит тоже, похожий на чело-вечью спину» (МА: Курломкин П.В., 1996 г.).

С этим «каменным шайтаном» связана еще одна история, условно принадлежащая к жанру быличек: «Люди за продуктами поехали — ездят каждое лето. Спускаются — поднимаются. Осенью поднимаются, на это священное место приедут. Вместе едут: что-нибудь с лодками случится, да что. Так несколько лодок, несколько семей вместе рядом идут. Туда приехали, значит, надо «поры ворда». Помолиться надо. А один говорит: «Так что вы это молитесь? Это же камень!» Взял топорик, постучал по спине этому камню. Ну и все ему прошло. Все помолились, а он хоть бы что. Отказался, в общем. А юрты там недалеко, Кыкалевы. Приехали ночью, легли спать, тот ночью чуть не скончался. Шамана нашли потом, пошаманили: «Ты по камню стучал — он тебе не рад. Если бы я строгий бы был, ты бы эту ночь не проснулся» (там же).

Сакральный статус священного объекта ре-актуализуется, таким образом, через бытовую фольклорные формы, истории, утверждающие объект в его значении.

Пимские ханты из рода Кантеровых рассказывали, что в верховьях у истоков рек Пима и Казыма находится священный камень, имеющий форму четырехугольного стола. «Казым-Ими оставила его для Пимских, Тром-Аганских людей, которые не могут до самого ее места дойти. Чтобы люди могли там материал оставить или оленя зарезать». Священный камень называется *Казым-Ими-Пэсан* «Стол Казым-Ими» (МА: Кантеров К.Я., 1996 г.).

Следует сказать, что довольно часто священные места представляют собой многокомпонентную нерасщепляемую структуру, состоящую из нескольких природных элементов.

Например, озеро *Йимынг-Лор* «Священное озеро» на реке Тром-Еган, где находится священный остров *Кав-Вэс* «Камень-дыра» (МА: Сопочин И.А., 1995 г.).

В районе Казыма, на левом берегу реки Сорум, находится болото *Емынг-Кал* («Священное болото»). В болоте существует и священный остров, куда приносят жертвенных оленей. Считалось, что там живут семь богов — *Каланг-Ёх* «Болотный народ» (материалы Т.Н. Дмитриевой).

Сакральный статус могла иметь и самая вершина реки, также представляющая собой комплекс природно-ландшафтных элементов. Например, в казымском бассейне в верховьях реки Нял-Ёх-Ёхан, по представлениям мозямских и тугиянских хантов, обитает богиня Нял-Ёх-Ими «Женщина народа Нял». Она — хранительница этих мест. Информанты говорят, что лес в верховьях реки — «под ее руководством». «В летнее время она и по рыбе помогает» (там же).

Имеются сведения о том, что и вершина реки Лямин считалась заповедным священным местом, где нельзя было ни жить, ни охотиться. (МА: Песикова-Сопочина А.С., 1994 г.). В настоящее время вершина Лямина заселена.

В бассейне реки Тром-Еган священной считается вершина реки Воять-Еган. Там находится глубокий урман и кедровник (МА: Сопочин И.А., 1994 г.).

Хантыйская исследовательница традиционной культуры А.С. Песикова считает, что основной функцией этих заповедных территорий было воспроизводство промысловых животных. Поэтому с глубокой древности эти территории считались запретными, здесь нельзя было тревожить ни зверей, ни растения (МА: Песикова-Сопочина А.С., 1994 г.). В связи с вынужденными миграциями коренного населения северного берега Оби, вызванными подступающим промышленным освоением территории дальше на север, существовавшая система традиционных «заповедников», где действовали запреты на всякие виды хозяйственной деятельности и проживание, рассыпается.

II. Вторая из обозначенных ранее **основных категорий** объединяет **ландшафты с включением элементов традиционной архитектуры**. К этой категории относятся священные места, включающие остатки археологической культуры и традиционные культовые постройки, как, например, священные амбары, лабазы и избушки. Религиозная практика в таких местах предусматривает как приношение прикладов (напр., деньги, куски ткани), так и жертвоприношения животных (напр., оленей).

Священные места, представляющие собой часть окружающего ландшафта с остатками археологической культуры, чаще всего встречаются на береговых возвышенностях. Топонимы таких мест содержат термин Вош-пай, что означает «холм городка», «место городка». В научной литературе этот термин интерпретируют как холм, возвышенность с остатком старого селения, земляной крепости или городище (Дмитриева, 1995. С. 62—64).

К названной субкатегории относится священное место в верховьях Малого Югана, представляющее собой искусственный насыпанный

островок посреди болота. На острове до сих пор видны остатки древнего поселения, окруженного траншеей. Местные ханты называют это место *Вош-Ворт-Пай*. Владельцы охотничьих угодий, на которых находится священное место, рассказывают, что здесь «была крепость из высоких бревен. Бревна затаскивали наверх для обороны. Бревна отпускали. Песок натаскивали, чтобы остров образовался посреди болота». По преданию, жили здесь Арых-ях — «песенный народ». «Люди были — метра три ростом. Что было странного — у них не было пупов». Предание сохранило имена двух великанов — Немыл и Торух (МА: Каймысов В.М., 1996 г.). Очевидно, что в прошлом в юганском бассейне существовал цикл преданий, связанных с этими двумя великанами: в частности, автор зафиксировал топонимическую легенду, связанную с названием речного поворота в средней части Большого Югана, «Голова великана». В легенде говорится, что богатырь Тонья призвал к себе на помощь великана Немыла, а тот испугался, не захотел сражаться за Тонью, за что и поплатился головой (МА: Курломкин П.В., 1997 г.). Надо сказать, что названный поворот, маркированный преданием, можно рассматривать как исторически значимое место, но к категории священных мест оно, как показал опрос местных жителей, не принадлежит.

Типологически сходные со священным островом *Вош-Ворт-Пай* места встречаются на реке Казым. Примером является лесной остров, расположенный на восточном берегу озера Хул-Лор и на южном берегу озера Курык-Тыхлынг-Лор. Называется это место также *Вош-Пай* (варианты названия: *Вошынг-Кал-Хол-Пай*, *Вошынг-Пай*), — «Гора/остров с городком». По местной легенде, в этой горе был зарыт клад: «Говорят, что над Вош-Пай огонек горел, обозначал, что клад зарыт. Сказка такая: хозяева этого клада там (внизу) охраняют его. Чтобы показали этот клад, надо человека в жертву принести. Вот они и просят». В 1956 г. З.П. Соколовой был обнаружен на этом месте археологический памятник — древнее городище. Последующие археологические обследования (Морозов В.М. 1987—1989) дают возможность предположительно датировать этот памятник как селище II тыс. н.э. (материалы Т.Н. Дмитриевой).

Т.Н. Дмитриева отмечает, что, по представлениям казымских хантов, *Вош-Пай* может и не быть местом прежнего жилья людей или их предков-богатырей. Поросшая лесом грива или бугор также считается местом «городка» или «избушки» уже упоминавшихся выше лесных людей, которых называют *Мувынг-Ёх*, что означает «обладающий землей народ» (Дмитриева, 1995. С. 64).

Следующую субкатегорию конституируют рельефы с включенными в них сакральными постройками традиционной архитектуры, предназначенными для жилья почитаемых здесь духов. Обследованные автором священные постройки были прямоугольными бревенчатыми срубными амбарчиками с двускатной крышей. Наши информанты, упоминая о сакральных строениях, употребляли название «лопас» (из русского «лабаз»). В то же время на Югане автору сообщили, что жильем для одного из здешних лунков («Ста соболей старик») служит «полокан» — односкатное каркасное сооружение (МА: Цынганинов Н.Г., р. Большой Юган., 1996 г.). Постройки такого типа устанавливались также на краю хантыйских поселений, но собранные нами материалы позволяют предположить, что весьма часто священные постройки маркируют природно-ландшафтные священные места.

Мы уже говорили о том, что деревянные персонификации духов-покровителей традиционно имеют своих хранителей. В обязанности хранителя входит среди прочих провожать к священной лабазу гостей, желающих принести приклад или жертву (МА: Кантеров К.Я., 1997 г.). Уход за «шайтанами» также включает в себя, например, шитье для них новой одежды. Обитатели священного жилья могут иметь антропоморфный образ, либо, как, например, на Большом Югане, существовать в виде деревянного копыа с железным наконечником или вырезанной из дерева фигуры лошади (Малый Юган) и т.д. (Кулемзин, 1984. С. 110; МА: Колсомов Е. 1994 г.).

Деревянные сакральные постройки можно найти в очерченном нами культурном ареале. Например, в бассейне Казыма в устье реки *Емынг-Ёхан* («Священная река») стоит священный лабаз «на ножках» (свайный амбар), к которому местные ханты приносят приклады. Называется это место *Овыс-Емынг-Ёхан-Ов* «Нижнее устье священной реки» (материалы Т.Н. Дмитриевой).

На Пиме уже упоминавшиеся выше хозяйева стойбища Тайбиных рассказывают, что священный лабаз, выстроенный для лунков-покровителей их рода, находится на устье речки *Ай-Хотынг-Туран* «Лебежья шея», где она впадает в озеро. В этом лабазе «живут муж с женой Ас-Той-Хо-Ими-Ики» (МА: Тайбин Ф.Г., 1996 г.).

В верхней части Большого Югана находится «избушка» *Вонт-Вантынг*, священное место Номен-Ики. Полное название этого места — *Торым-Кур-Пур-Ветлым-Вантынг* («Где ступала нога Торума»). В топонимическом мифе говорится, что Торум решил посмотреть, как живет созданным им людям, и ступил одной ногой на землю, отчего лесистая берего-

вая возвышенность имеет волнистую форму. Когда нога Торума ступила на это место, там забил ручей, на который запрещено смотреть людям: наказание за ослушание — слепота (МА: Колсомов Е.Л., 1994 г.).

Приведем еще два примера, где сакральные постройки являются элементом крупных природных священных комплексов.

Один такой комплекс, находящийся на Казыме, известен под названием *Пильтынг-Кал* «Болото с перевесами». В этом болоте есть «высокие сопки, вроде чумов, семь сопок», где, по преданию, обитают семь богов, зовущихся *Пильтынг-Кал-Ёх* или *Пильтынг-Кал-Икет* («мужчины» или «деды» болота с перевесами). Этим семи богам поклонялись амнинские ханты. На само священное место ходить было нельзя. Жертвы приносили на левом берегу реки Амни в бору Хар-Ёхым, где для богов был выстроен лабаз (материалы Т.Н. Дмитриевой).

Другой пример — озеро Ларлымкино (Большой Юган). По преданию, над озером воевали между собой боги-богатыри. Ларлымкинский бог был ранен, но он взлетел вверх и превратился в гром, стал *Чув-Ики*. Олени, «два быка», принадлежавшие *Чув-Ики*, во время сражения ушли под воду, где стоят и поныне. Проезжать по середине озера на лодке запрещено, можно объехать его, держась берега. Местные жители рассказывают, что и теперь, когда рыбаки ставят сети, то сети застревают — цепляются за оленины рога. На берегу озера в лесу выстроено три священных лабаза: *Чув-Ики* (также *Эвут-Ики*), *Атым-Ики* (или *Пахыт-Ики*) и Дочери *Мых-Анки* (МА: Курломкин П.В., 1997 г.).

В результате проведенного исследования проанализировано 150 священных мест, являющихся неотъемлемой частью традиционного знания и религиозного мировоззрения коренного народа. Некоторые из них представляют собой различные урочища, другие — деревянные строения, возведенные современными хантами, встречаются остатки сооружений, созданных предками сегодняшнего коренного населения. Значимость этих мест определяется их положением в более широком, «сконструированном» местной культурой природно-социальном ландшафте. Таким образом, уничтожение ландшафта влечет за собой неизбежную гибель священных мест, разрушение которых, в свою очередь, ведет к исчезновению автохтонной культуры хантов.

Предлагаемая классификация является инструментом как для дифференцированного определения священных мест народа ханты прежде всего в целях их охраны и сбережения, так и для сравнительного анализа сходных феноменов в охотничьих и собирательских культурах

Сибири. Сравнительный анализ подобных феноменов мог бы бросить свет на скрытые механизмы развития культуры восточных угров, что важно не только специалистам, но и самим носителям культуры, озабоченным ее сохранением и дальнейшим развитием.

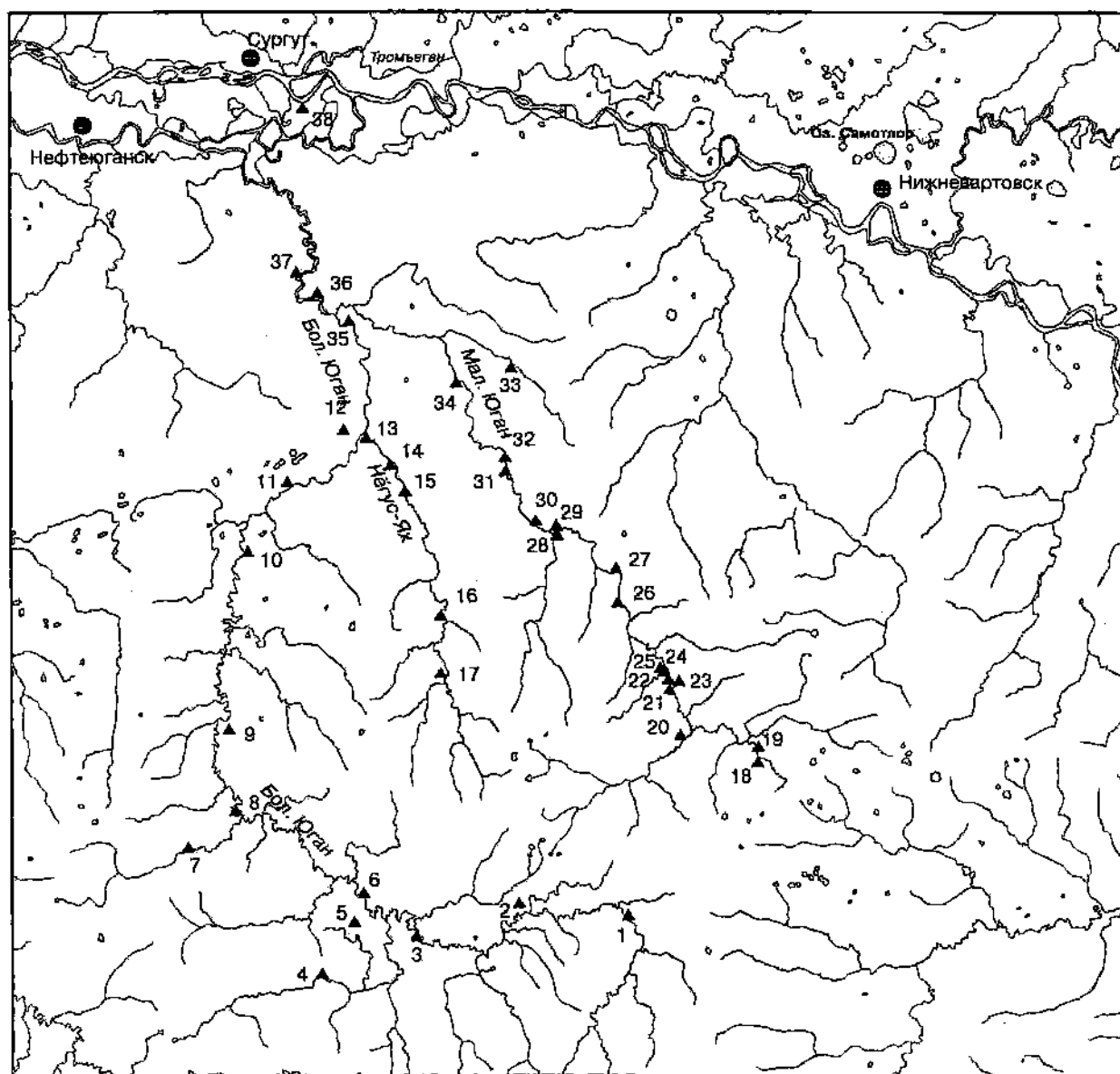
Можно предположить, что в то время как хантыйская устная традиция формирует концепцию окружающего ландшафта, она одновременно моделирует представления хантов о самих себе. Данная модель демонстрирует, как два основных ресурса этнокультурной символики — язык и земля — опосредуются людьми для установления норм социального поведения и нравственных ценностей, укрепляющих эти нормы. Пренебречь этой сложной взаимосвязью означает на деле лишить народ его культурной ниши, окружающего мира, сконструированного во временной и пространственной перспективе, формирующей национальное самосознание и социальную активность.

Важность сохранения природных священных мест осознается в настоящее время на международном уровне, что отразилось в дискуссии, развернутой ЮНЕСКО по данной проблематике. В документах международного симпозиума ЮНЕСКО, открывшего дискуссию, признается значимость природных священных мест

для сохранения культурного и биологического разнообразия на земле, что является неотъемлемой частью «растущего за последние двадцать лет международного признания того, что прежде знали как «фольклорное знание» и что теперь обычно называют «традиционное экологическое знание» коренного народа, и использование (знания) как инструмента в управлении природными ресурсами и сбалансированном развитии» (Материалы международного семинара ЮНЕСКО, 1998 г.)

Очевидно, что поставленная ЮНЕСКО задача охраны и природных священных мест влечет за собой среди прочих вопросы их идентификации и определения границ. Решение этих вопросов зависит от полноты эмпирического материала и его наиболее оправданной типологизации. В этом контексте создание подобной типологии является не только теоретической, но и прикладной задачей, выполнение которой становится неотъемлемой частью этой самобытной культуры.

Социальная жизнь общества — это не только выживание. Культурная экология включает в себя, прежде всего, сложные взаимоотношения человека с окружающей средой. Моральные аспекты взаимоотношений хантского народа с землей являются жизненно важными для сохранения этой культуры.

Карта 1. Священные места восточных хантов

Карты составлены О.Э. Балалаевой по материалам экспедиций автора в 1993–1998 гг.

Река Большой Юган

1. Ипыт-Лянкен-Кот-Мых; 2. Муртых-Эвут; 3. Вонт-Вантынг; 4. Сот-Нёхус-Ики; 5. Торум-Айви (Эви); 6. Тайлаковский лабаз; 7. Ай-Яун-Ики-Кот-Мых; 8. Чув-Ики; 9. Яун-Кутэп-Кот-Мых; 10. Лав-Эвут-Кот-Мых; 11. Явых-Ики (=Яун-Ики?); 12. Чув-Ики-Кон-Пал.

Река Нёгус-Ях

13. Рэк-Нын-Пухэт-Эвут; 14. Кат-Сайнэн-Патэ; 15. Полэн-Иет-Кот-Мых; 16. Нялэнги-Ики-Кот-Мых; 17. Колит-Нэ-Кот-Мых.

Река Малый Юган

18. Коленжит-Кот-Мых; 19. Кор-Кат; 20. Пырешиг-Кот-Мых; 21. Тай-Вонтэр-Кос-Вонтэр-Коран-Кон-Ики (=Эвут-Ики); 22. Лапыт-Пахыт-Ики (=Лапыт-Эвут-Ики); 23. Вош-Ворт-Пай; 24. Золотая речка; 25. Название неизвестно; 26. Атым-Пахыт-Ики или Атым-Ики (Пахыт-Ики); 27. Кон-Пах-Ики (=Кон-Пал-Ики); 28. Ай-Нинкен; 29. Эвут; 30. Кот-Мых; 31. Лав-Ими-Ангки-Сан; 32. Юльхэт-Эвут-Кот-Мых (Ют-Эвут-Кот-Мых); 33. Кат-Мых; 34. Кон-Пал-Ики.

Река Большой Юган

35. Яун-Йорт-Эвут; 36. Эвутская (Евутская, «Егутская») гора; 37. Сос-Торум-Онтэп-Ики; 38. Повыр-Ики.

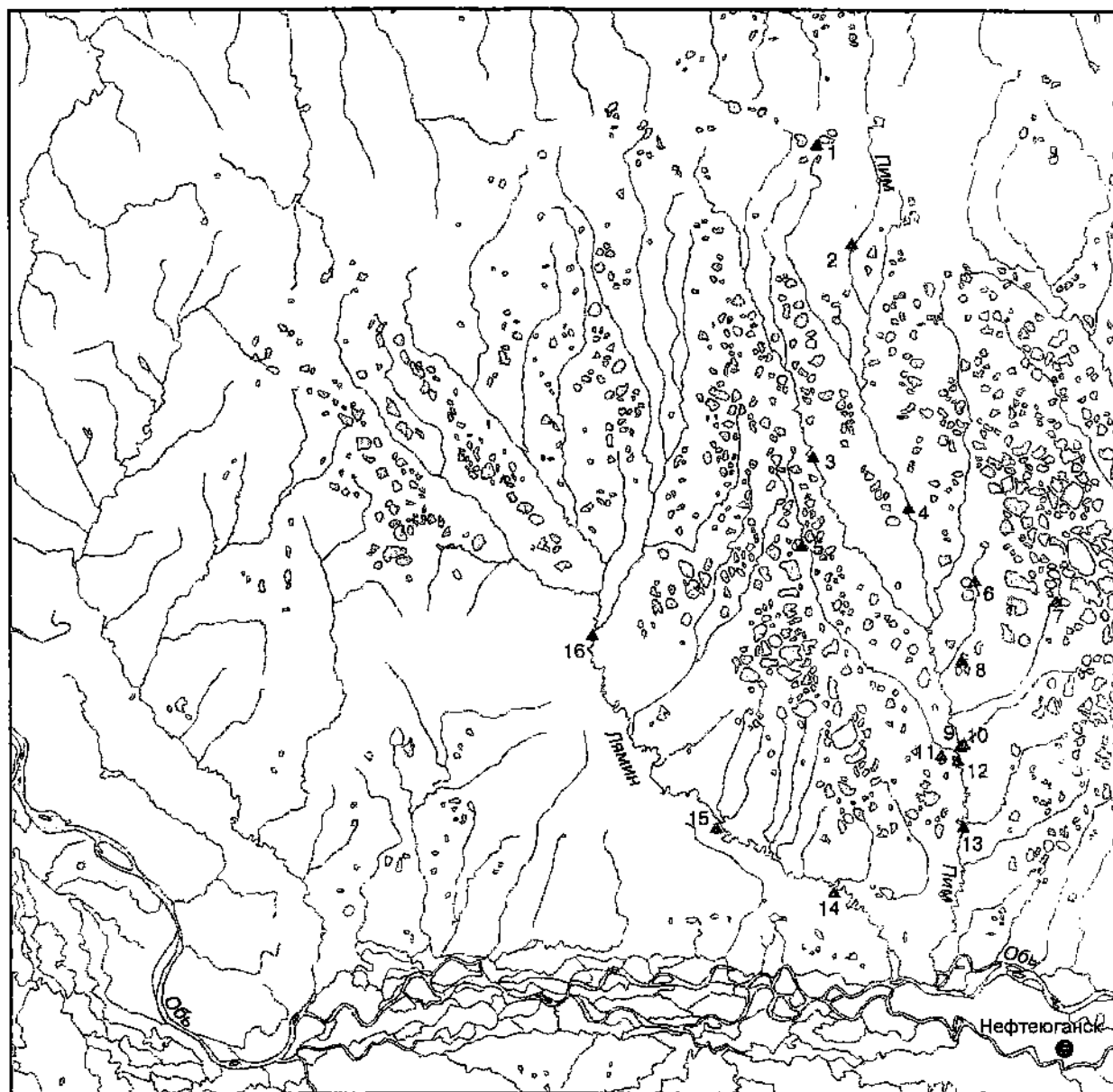
Карта 2. Бассейн реки Тромъеган (Тром-Еган).

Река Аган

1. Аган-Эвут-Ими-Ики; 2. Название неизвестно; 3. Название неизвестно; 4. Йимынг-Лор; 5. Сыс-Лор; 6. Название неизвестно.

Река Тром-Еган

7. Торум-Яун-Кот-Мых; 8. Овыр-Кол; 9. Ими-Яун-Кот-Мых; 10. Воки-Рап-Явун; 11. Лятты-Яун; 12. Торум-Яун-Эвут; 13. Йимынг-Лор; 14. Торум-Яун-Эвут; 15. Йимынг-Саим.

Карта 3. Бассейны рек Пим и Лямин.

Река Пим

1. Сортым; 2. Юхтун-Пим-Кот-Мых; 3. Оч-Выр-Тух-Кот-Мых; 4. Нум-Ури-Кот-Мых;
5. Кот-Мых; 6. Воит-Лор; 7. Тырлин-Яун-Кот-Мых; 8. Рапынг-Лор-Имынг-Кот-Мых; 9. Ляр-кинский Кот-Мых; 10. Ях-Яун; 11. Ай-Юхлун-Яун-Эвут; 12. Пим-Нянги-Мори-Кот-Мых;
13. Ас-Той-Ях-Ими-Ики (Ас-Той-Хо-Ими-Ики).

Река Лямин

14. Название неизвестно; 15. Название неизвестно; 16. Лемынг-Эвут-Ими-Ики (=Лемынг-Эвут-Ики-Кот-Мых).

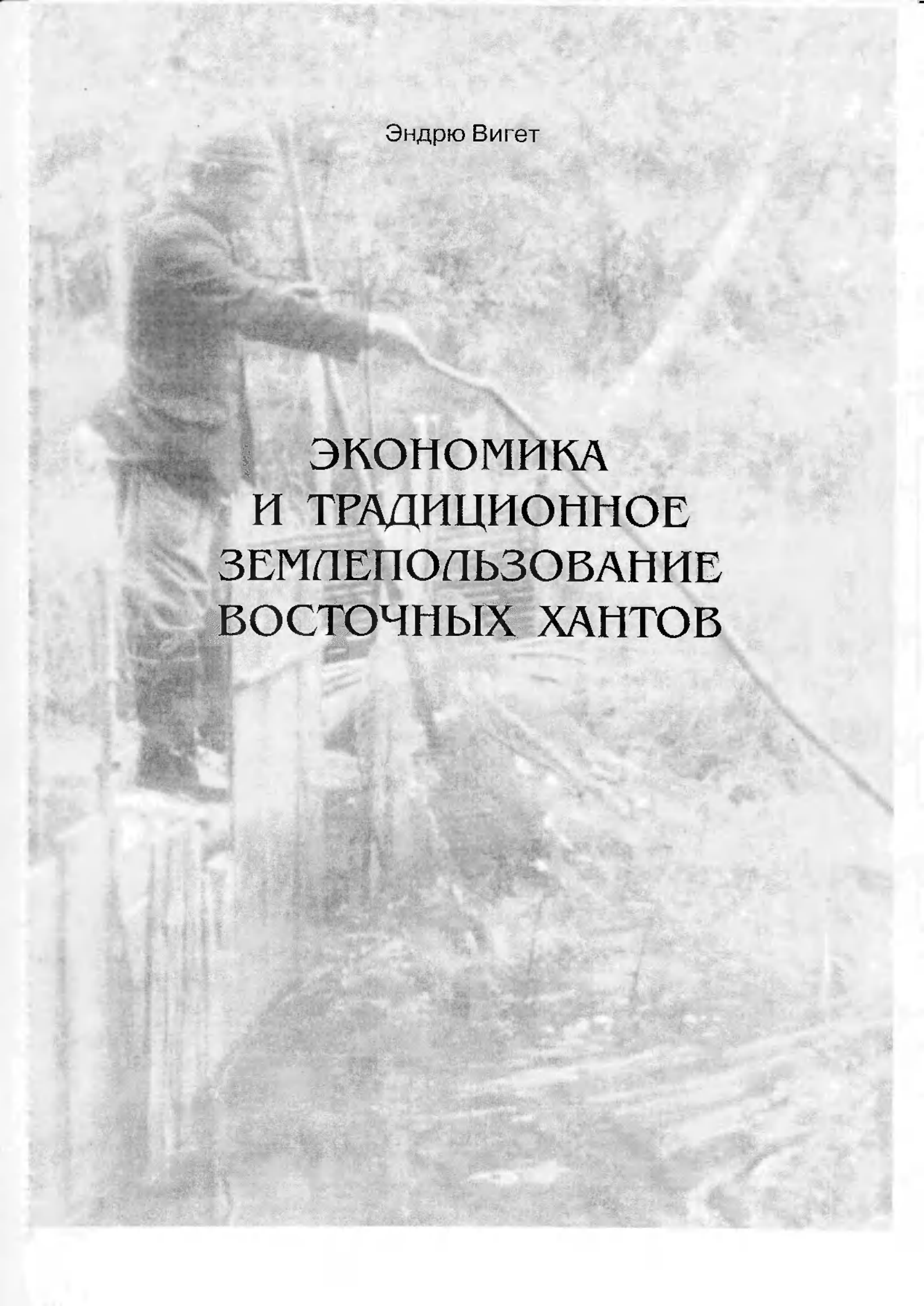
ЛИТЕРАТУРА

- Балалаева О. Вигет Э., 1998. Биосферный резерват как форма сохранения этнической культуры // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.
- Балалаева О.Э., Плужников Н.В., «Лесные люди» у обских угров и их топонимические параллели. Не опубликовано.
- Бахлыков П.С., 1996. Юганские ханты: История, быт, культура. Тюмень.
- Гемцев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьев А.И., 1989. Легенды и были таежного края. Новосибирск.
- Гемцев И.Н., 1990. Мировоззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск.
- Головнев А.В., 1995. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург.
- Гондатти Н.Л., 1888. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири. М.
- Дмитриева Т.Н., 1995. Географический термин вош «городок» в хантыйской топонимии Казыма // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири: Тез. докл. X Западносибирского археолого-этнографического совещания. Томск. С. 62–64.
- Древний город на Оби: История Сургута, 1994. Екатеринбург.
- Дунин-Горкавич А.А., 1904. Тобольский Север: Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. СПб. Т. I.
- Дунин-Горкавич А.А., 1910. Тобольский Север: Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. Тобольск. Т. II.
- Дунин-Горкавич А.А., 1911. Тобольский Север: Этнографический очерк местных инородцев. Тобольск. Т. III.
- Карьялайнен К.Ф., 1995. Религия югорских народов. Томск.
- Кастрен А.М., 1860. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири // Магазин землеведения и путешествий. СПб. Т. 6.
- Касум-Ёх, 1993. Материалы для обоснования проекта этнической статусной территории. Шадринск: «Исеть».
- Кулемзин В.М., 1984. Человек и природа в верованиях хантов. Томск.
- Кулемзин В.М., 1976. Шаманство васюганско-ваховских хантов, конец XIX — начало XX вв. // Из истории шаманства. / Под ред. Н.В. Лукиной. Томск.
- Кулемзин В.М., Лукина Н.В., 1977. Васюганско-ваховские ханты. Томск.
- Кулемзин В.М., Лукина Н.В., 1992. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск.
- Кулемзин В. М., Лукина Н.В., 1973. Легенды и сказки хантов. Томск.
- Мифы, предания, сказки хантов и манси. 1990. М.
- Молданов Т.А., 1994. Поездка Казымской богини в гости к дочери // Народы Северо-Западной Сибири. Томск. Вып. 2.
- Новицкий Гр., 1884. Краткое описание о народе остячком, сочиненное в 1715 г. СПб.
- Огрызко И.И., 1941. Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII веке. Л.
- Патканов С., 1891. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям // Живая старина. СПб.
- Песикова А.С., 1995. Философско-религиозное мировоззрение современных обских угров (ханты и манси). Ханты-Мансийск.
- Ромбандеева Е., 1991. Душа и звезды. Предания, сказания и обряды народа манси. Л.; Ханты-Мансийск.
- Соколова З.П., 1977. Загадка Юильского городка // СЭ. №4.
- Соколова З.П., 1995. Легенды Вут-Ими. Сургут.
- Соколова З.П., 1971. Пережитки религиозных верований у обских угров // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX века. Л.
- Соколова З.П., 1974. Социальная организация обских угров (к истории вопроса) // Социальная организация и культура народов Севера. М.
- Соколова З.П., 1976. Страна Югория. М.
- Старцев Г., 1928. Остяки. Социально-этнографический очерк. Л.
- Федорова Е. Г., 1996. Жертвенные животные в культуре манси // Традиционное мировоззрение народов Сибири. М. С. 130–151.
- Чернецов В.М., 1953. Древняя история Нижнего Приобья. М.
- Чернецов В.Н., 1968. Рец. на кн.: Popular Folklore Traditions in Siberia. Budapest // СЭ. № 5.
- Basso K.N., 1997. Wisdom Sits in Places. Albuquerque.
- Brody H., 1988. Maps and Dreams. Toronto.
- Kelley K.B., Francis H., 1994. Navaj Sacred Places. Bloomington.
- Lehtisalo T., 1924. Entwurfeiner Mythologie der Jurak Samojeden. Helsinki: Societas Finno-Ougrienne. (Mémoires de la Societas Finno-Ougrienne, 53).
- Rodman M., 1992. Empowering Place; Multilocality and Multivocality // American Anthropologist. № 94.
- Schmidt E., 1989. Bear Cult and Mythology of the Northern Ob-Ugrians // Uralic Mythology and Folklore. M.Hoppai — J. Pentikainen. Budapest; Helsinki. P. 187–232.

Steinitz W., 1975–1980. Totemismus bei Ostjaken in Sibirien // Ostjakologische Arbeiten. Herausgegeben von G. Sauer und R. Steinitz. Berlin; Budapest (Bd. 1–4). Bd. 3.

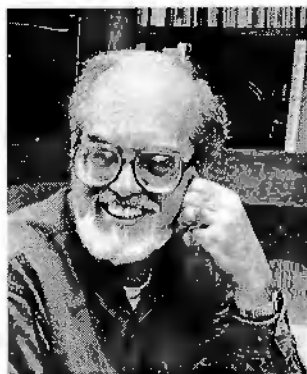
The Great Bear, 1994. Ed. L. Honko, Timonen, M. Branch. Oxford.

Wiget A., Balalaeva O., 1998. The Siberian Khanty Sacred trust Project: emic and etic strategies for creating fieldwork based typologies of sacred places. // Materials of the 1-st International UNESCO seminar. Natural Sacred Sites. Cultural Diversity and Biological Diversity. Paris.

Эндрю Вигет

**ЭКОНОМИКА
И ТРАДИЦИОННОЕ
ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ
ВОСТОЧНЫХ ХАНТОВ**

*Э. Вигет, профессор,
университет штата Нью-Мексико, США*

(Перевод с английского О. Балалаевой)

Ханты Средней Оби

Оленеводы северного берега Средней Оби

Маргинализация: Федор Тайбин со Среднего Пима

Давление нефти: Афанасий Мултанов с верховьев р. Тром-Еган

Охотники юганских лесов

Юганские охотники сегодня:

1. Курломкины с большого Югана

2. Каймысовы с Малого Югана

3. Маргинализированный охотник: Петр Степанович Когончин

Черный снег: нефть и восточные ханты

Выводы и прогнозы

В статье предлагается описание современных моделей традиционного землепользования и экономики локальных групп восточных хантов.

Целью данной работы является определение возможно большего числа конвергенций между сходными практиками землепользования нескольких хантских семей, проживающих в схожих микрорегионах, с тем чтобы выделить определенные модели традиционного землепользования, связанные с различными региональными экологическими комплексами. Данный подход хорошо разработан в антропологической науке, однако в Западной Сибири исследования такого рода единичны. Примером западных исследований моделей традиционного землепользования в охотничьих собирательских культурах является недавняя работа, проведенная в целях обоснования судебного иска о земельных притязаниях групп аборигенного населения.

Подобные работы опираются на раннюю исследовательскую традицию, которая фокусировала внимание на историческом характере охотничьих территорий канадских таежных аборигенов (Speck, 1915: P. 289–305; Speck, Eiseley 1939: P. 269–280; Hallowell, 1949; Leacock, 1954; Rogers, 1963.). Указанная традиция вращается вокруг ряда вопросов, регулярно повторяющихся в исследованиях с 1930–1940 гг., значение которых возросло с увеличением интереса к охотничьим собирательским обществам. К данным вопросам относятся природа номунизма и его связь с эксплуатацией сезонных природных ресурсов, наиболее распространенные формы владения землей среди охотников и собирателей, связь между аборигенными религиями (культовой практикой и системой верований) и традиционным знанием, на котором основана практика землепользования (Jochim 1976; Winterhalder, Smith 1981; Ingold, & others 1988; Kelly, 1996.). Антропология культуры, существующая на Западе как единая научная дисциплина, в советской науке традиционно распадалась на целый ряд дисциплин. Например, материальная культура изучалась этнографией, которая принадлежала к наукам историческим. Системы верований были поделены меж-

ду этнографией и фольклористикой в босовской модели. Социальная организация была также епархией этнографов. Традиционное землепользование часто становилось синонимом замкнутых систем жизнедеятельности, особенно когда это касалось тех отраслей, которые были до некоторой степени инкорпорированы в национальную экономику, — такие, как торговля пушниной, рыбная ловля и оленеводство. Однако для того чтобы описывать специфические культурно детерминированные средства, при помощи которых локальные группы коренного населения взаимодействуют между собой и с окружающим их ландшафтом, требуется установить связь между всеми названными выше измерениями.

Зачастую люди, формирующие политику экономического развития регионов, делают допущения, основанные на неаккуратных обобщениях в отношении моделей землепользования. Для Западной Сибири такая практика стала особенно разрушительной с 1970-х, когда началась промышленная добыча нефти, которая сегодня достигла масштабов, которые можно проиллюстрировать следующими статистическими выкладками: 80% всей российской нефти добывается в этом регионе и здесь же происходит более 3 тыс. разрывов трубопровода в год.

Тем не менее коренное население, хотя и составляющее в округе меньшинство, продолжает населять большую часть территории округа. Коренные жители, проживающие на своих охотничьих угодьях, заявляют права на использование возобновляемых природных ресурсов, что составляло основу их экономики в течение многих веков. Сегодня основной проблемой коренного населения является адаптация традиционного сезонного образа жизни, основанного на природных ресурсах, к последствиям политики промышленного освоения, сформированной национальным и региональным урбанистическим большинством. Хорошо разработанные модели традиционного землепользования и экономики необходимы не только для эффективного анализа влияния промышленного освоения на культурно-природную среду, но и для адекватного аргументирования проектов по сохранению экологии и культуры.

Данные по практике природопользования и домашней экономики восточных хантов, представленные в статье, были собраны авторами в течение пяти полевых сезонов, начиная с марта 1992 г.* Особенно подробно материалы по домашней экономике были собраны в двух семьях, одна из которых является семьей оленеводов, живущих на северной стороне Оби, а другая — семья таежных охотников, чьи земли лежат на южной стороне этой реки. Наши информанты также принимали участие в составлении карт масштабом 1:200000, помогая нанести на карты границы своих территорий и различные места хозяйственной деятельности, пользуясь штриховками и символами. На северной стороне р. Обь исследования были проведены в районах р. верхнего Лямина, среднего Пима и верхнего Тром-Егана. На южной стороне — в бассейне р. Большой Юган — авторы работали в верховьях Б. Югана и верхней части М. Югана.

Нашей задачей было поместить современные данные в историческую перспективу с тем, чтобы можно было рассматривать крупномасштабные и долговременные процессы на локальном уровне. Мы также хотели бы знать, как эти модели изменяются с течением времени под влиянием внешних факторов, таких, например, как постоянные волны новопоселенцев, изменения в структуре торговых и производственных отношений с российскими предприятиями, изменения государственной политики и давление нефтяного освоения. Полагаем, что коррелирование указанных изменений с региональными экосистемами может разъяснить локальные влияния региональной и национальной политик. Мы надеемся также прийти к пониманию того, какие существуют стабилизирующие факторы, которые

определяют жизнестойкость этих моделей, несмотря на неизбежные изменения, и динамические факторы, которые помогают коренному населению производить реконфигурацию своих взаимоотношений с кормящим ландшафтом во времена стрессов. Исторический аспект настоящей работы, касающийся периода до 1850 г., ограничен вторичными источниками на русском и английском языках, прежде всего теми, которые сосредотачивают внимание на данном регионе.

Что касается периода до 1917 г., авторы основывались на трехтомном труде А.А. Дунина-Горкавича, являющемся ценным источником по традиционной экономике коренного населения Западной Сибири второй половины XIX в. В 1890 г. Дунин-Горкавич был назначен заведующим Самаровским лесничеством Тобольской губернии. Поскольку он отлично зарекомендовал себя на этом посту, Министерство земледелия и государственных имуществ отправило его в 1898 г. с инспекцией в районы, которые в советский период были объединены в Ханты-Мансийский автономный округ, для изучения неисследованных лесных богатств региона. В результате инспекционных поездок в течение десяти лет в региональные центры, деревни и родовые поселения появился компендиум, составленный из наблюдений, измерений и собранной автором статистики, которые были объединены в трех томах под общим названием «Тобольский Север» (1904—1911 гг.). За неоспоримый вклад в исследование северных земель А.А. Дунин-Горкавич был избран членом Русского географического общества и членом-корреспондентом Музея антропологии и этнографии Российской Академии наук.

* Авторы выражают благодарность Фонду Джона Д. и Кэтрин Т. Мак-Артуров, без широкой поддержки которого эта работа не могла бы состояться.

ХАНТЫ СРЕДНЕЙ ОБИ

Западносибирская речная система Оби — Иртыша является третьей по величине речной системой в мире по объему воды. Эта система служит водостоком для трех территорий. На самом отдаленном юге региона находится горная таежно-степная переходная зона, водосток которой является р. Иртыш с притоками, доходящая приблизительно до р. Демьянки выше Тобольска. Эта зона значительно суше центральной и северной частей. Центральный регион ограничивается двумя моренами, оставшимися после четвертичного оледенения, которые тянутся с востока на запад и определяют мелководный бассейн среднего течения р. Обь (примерно треть протяженности этой реки). Третий, самый северный регион дренируется притоками нижней Оби и р. Надым. Холмистая моренная местность здесь отмечает северную границу среднеобского бассейна, а затем территория понижается, переходя в заболоченные земли, которые тянутся до лесополосы Северного полярного круга. Благодаря этим топографическим и климатическим различиям, индустриальное и урбанистическое развитие в Западной Сибири было ограничено южным ярусом региона, несмотря на то, что российская колонизация достигла центральной части уже в XVI в., а немного позже дошла и до северной окраины. Наше исследование в основном рассматривает именно центральную часть — бассейн средней Оби и Сургутский район, в частности, поскольку это территории, где проживает в данное время большинство хантыйского населения.

Природная среда среднеобского региона

Среднеобской бассейн ограничен с севера холмистой местностью, которая изгибается дугой на юго-восток в сторону р. Вах, а с юга — второй нижней мореной, тянувшейся с востока на запад, по северной стороне низовьев и средней части р. Демьянки и низовьев Васюгана. Линии северных и южных гряд приблизительно соответствуют северным и южным административным границам округа. Большая часть бассейна средней Оби находится в зоне активного термокарстного развития. Период жестоких морозов зимой продолжается от 145 до 155 дней в году со средненизкими температурами от -20°C до -35°C и максимально низкими до -55°C . Морозная погода сменяется быстрым таянием и довольно жарким летом со средневысокой температурой $+20^{\circ}\text{C}$ и максимально высокой около $+37^{\circ}\text{C}$. Оседание почв в результате чередующихся замерзания-тая-

ния вод, задерживающихся мерзлотным слоем, достигает 2–4 м.

Тысячелетнее меандрирование Оби, которая во многих местах составляет более километра в поперечнике и имеет зачастую параллельные протоки по обеим сторонам в половину указанной ширины или более, привело к образованию обширных заливных лугов, тянувшихся вдоль реки, текущей с востока на запад. Заливные равнины, окаймленные низкими песчаными холмами и высокими грядами, вплоть до 1950 г. являлись домом уникальной культурной формации оседлых хантов, отчасти окультуренных пришлым русским населением, но продолжающих жить за счет кормящего ландшафта. С конца 50-х гг. — это территории, на которых проживает большинство городского населения округа, сосредоточены транспорт и инфраструктура нефтяного освоения.

На всем протяжении от Нижневартовска до Ханты-Мансийска Обь на расстоянии 550 км (по воздуху) понижается всего на 20 м. На северной стороне Оби земля плавно понижается от возвышенностей северной морены вокруг озера Нумто в юго-восточном направлении, куда текут и главные реки этого региона — Лямин, Пим и Тром-Еган. За исключением небольших боров, расположенных вдоль рек, ландшафт между холмистой мореной и обской заливной равниной состоит из озер, термокарстных прудов и болот. Более 50% площади занято водой. На южной стороне Оби холмистая местность находится на высоте 110 м над уровнем моря. Отсюда земля спускается также плавно, снижаясь менее чем на 60 м на протяжении 200 км между холмами и обской равниной. Болота, расположенные на возвышенности, дренируются большими речными системами, но здесь лесов и покрытых лесом возвышенностей значительно больше, чем на северной стороне Оби.

В обском бассейне по обеим сторонам от Оби между заливными равнинами и холмистыми возвышенностями существуют четыре принципиальные экосистемы. Они различаются по главным видам флоры и фауны:

1. Березово-осиновые и темнохвойные леса — ассоциация, производная от кедровых лесов. Характерные растительные виды: кедр, сосна, ель, лиственница, осина, береза, шиповник, сибирская рябина, жимолость Палласа. В травянокустарничковом ярусе: клюква, линнея северная, майник двулистный, хвощ лесной, ежевика, смородина. Характерные животные виды: ондатра, полевка, белка обыкновенная,

заяц-беляк, бурундук, ласка, росомаха, лиса, северный олень, лось, горностай, сибирский лесной хорек.

2. Сосновый зеленомошный лес. Типичные растительные виды: сосна, багульник, черника, брусника, осока круглая, сфагновые мхи. Типичные животные виды: полевка, ондатра, белка обыкновенная, заяц-беляк, соболь, росомаха, барсук, бурый медведь, волк, северный олень, лось.

3. Верховья и низовья рек. Переходные болота. Типичные животные виды: гадюка обыкновенная, северный олень, тетерев. Типичные растительные виды: коричневые и зеленые сфагновые мхи, осока, роснянка английская, клюква, сосна (только на грядах), багульник, голубика, морошка, береза пушистая, хвощ топяной.

4. Экосистема речного бассейна. Типичные животные виды: остромордая лягушка, серая жаба, ондатра, лебедь, песочник, чирок, гоголь, горная трясогузка, перевозчик. Рыба — щука, окунь, ерш, пескарь, язь, плотва сибирская, елец, карась. Типичные растительные виды: ива корзиночная, черемуха обыкновенная, смородина, шиповник коричневый, мята луговая.

Именно в этом комплексе экосистем коренное население в течение многих веков развивало разнообразные региональные практики землепользования.

Восточные ханты

Ханты — один из самых больших из 26 так называемых «малых народов» (племенные народы Сибири, общее число которых чуть превышает 200 тыс. чел.) (Общий обзор культуры хантов см. Левин, Потапов (1956), Кулемзин (1984), Кулемзин, Лукина (1992), Balzer (1994), Головнев (1995), Wiget, Balalaeva (1997)). Хантов немногим более 22 тыс. По диалектным различиям, материальной культуре и системам жизнеобеспечения выделяли три группы хантов: северные, южные и восточные. Кормящий ландшафт восточных хантов — тайга с низкими холмами и болотами. Традиционно они жили не в деревнях, а в далеко отстоящих друг от друга семейных поселениях вдоль берегов притоков Оби, на родовых охотничьих территориях. Восточные ханты занимаются охотой, ставят ловушки на основных промысловых животных — лису и соболя. Рыба составляет 70% пищевого рациона хантов. Оленеводство распространено на север от Оби. Многие ханты двуязычны, свободно говорят и читают по-русски, но языком общения остается хантыйский. Несмотря на усилия православной церкви, которая приобрела адептов в некоторых районах, населенных коренными

жителями, а позднее подавление всех религиозных форм советским режимом, традиционные верования и ритуал до сих пор имеют довольно широкое распространение.

Социальная организация хантов основана на родовых семьях, которые образуют более крупные объединения — роды (хант. *сир*). В то время как современная модель расселения восточных хантов складывается под влиянием миграций и насильственных переселений в пределах границ среднеобского региона, данные нашей полевой работы и этнографические материалы свидетельствуют, что традиционные родовые семьи сохраняют представления о том, что их родословные были основаны божественными предками, создавшими и охраняющими речные ландшафты, в которых живет большинство рода, и это подкрепляет их право пользования природными ресурсами на родовых охотничьих угодьях. Большинство хантыйских родовых семей живут на традиционных охотничьих территориях, охраняемых семейными духами, которые считаются потомками духов — основателей родословной. Согласно представлениям наших информантов, эти родовые божества являются семью сыновьями высшего верховного бога, и каждый из них одновременно выступает патроном одного из главных обских притоков. Традиционные ханты сохраняют представление о том, что священная сила была исторически вложена как в окружающий их ландшафт, так и в родословную.

Чтобы определить, сохраняется ли в хантыйской традиционной экономике способность к адаптации, мы должны провести сравнительный анализ данных, собранных Дунин-Горкавичем на рубеже веков, используя их в качестве исходной позиции, и современных материалов. Дунин-Горкавич дает сначала очень приблизительную схему, замечая, что охота представляет собой главный элемент экономики на р. Вах и Юган, снабжающий местных хантов всем необходимым для жизни, в то время как на Тром-Егане охота и рыбная ловля существуют в более или менее равной пропорции (Дунин-Горкавич, 1910. т. II. С. 96). Затем он расширяет эту схему, делая различия между «оседлыми остяками» и теми, которые живут на стойбищах, которых он определяет как «полукочевых» (термины «оседлые» и «кочевые» были взяты им из Устава об управлении инородцев 1822 г.). Для Дунина-Горкавича имело значение прежде всего то, что «оседлые остяки» располагали лошадьми для транспортировки людей и грузов, тогда как остяки другой категории имели для этих целей оленей. Классификация Дунина-Горкавича, разработанная им для остяцкой экономики, представляет собой следующее (исходя из задач

данной работы, авторы изменили формат приведенных выкладок):

В Сургутском районе оседлые остяки живут на р. Балык и Салым, в нижних частях рр. Вах и Юган, в нижней части р. Назым (Тобольский регион), в Березовском районе на р. Ковинская, Вас-Пухол и Ендырь, а также на нижней части Северной Сосьвы. Остяки второй группы живут вдоль всех остальных притоков Оби и вдоль р. Оби ниже Березова. Для остяков с лошадьми главный источник жизни — это рыбная ловля.

Хотя вторая группа имеет оленей только как средство транспорта, тем не менее условия их жизни настолько отличаются, что они могут быть разделены на четыре подгруппы:

1. Остяки, живущие ниже Березова, — рыбаки и оленеводы, олени более чем удовлетворяют их потребности в транспорте, еде, одежде и жилище.

2. Остяки, живущие в бассейнах рек Пим, Тром-Еган, Аган, Назым и Казым, — охотники, рыбаки и оленеводы. Олени в достаточной мере удовлетворяют их потребности в транспорте, еде, одежде. Аборигены, принадлежащие к первой и второй группам, шьют свою одежду из оленьих шкур.

3. Остяки, живущие в бассейне р. Вах, на-

ходят себя в наиболее неблагоприятных условиях. Единственный объект их охоты — белка. Они очень бедны. Оленеводство не обеспечивает им даже средства передвижения. Одеваются они в оленьи шкуры, но их приходится покупать.

4. У остяков, обитающих в бассейне р. Юган, оленей менее, чем у ваховских, но, сравнительно с последними, они народ богатый. Кроме белки они промышляют соболя, оленя и лося. Одежда их приближается к одежде лошадных остяков («лошадные» остяки носили такую же одежду, как русские крестьяне), но нередко у них встречается и меховая (Дунин-Горкавич, 1910. т. II. С. 30—31).

Предметом анализа в настоящей работе являются группы 2 и 4 по классификации Дунина-Горкавича. В данном исследовании приводится описание моделей землепользования и традиционной экономики нескольких хантыйских семей, живущих на северной (группа 2) и южной сторонах (группа 4) Оби. Часть собранных авторами материалов нанесена на карты, прилагающиеся к статье. Выводы нашего исследования касаются как региональных моделей современного землепользования и экономики восточных хантов, так и взаимосвязи между современными и историческими практиками.

ОЛЕНЕВОДЫ СЕВЕРНОГО БЕРЕГА СРЕДНЕЙ ОБИ

В природном отношении средний Пим является переходной зоной между лесистой верховой частью и болотами низовьев реки. В переходной части узкие боры тянутся по берегам Пима и его основных притоков.

Семья Кирилла Кантерова с верховьев Пима

Нормативным примером оленеводческого хозяйства восточных хантов послужила семья Кантеровых, охотничья территория которых расположена на верхнем Ай-Пиме в северо-западном углу Сургутского района*. Кантеровская территория сегодня находится вне периметра интенсивного нефтяного освоения, хотя динамика этого процесса такова, что в ближайшие пять лет и эти земли могут оказаться под промышленным прессом. К рассматриваемой здесь территории примыкают охотничьи угодья других Кантеровых, отдаленных родственников наших информантов: Иван Кантеров — с востока и Юрий Кантеров — с юго-востока. На западе описываемая территория граничит с землей Н. Вандымова, на северо-западе — с землями А. Тайбина, на юго-западе — А. Кечимова. Соседи с северной стороны — семья Е. Нимперова, с юга — П. Нимперова. Нормативный статус выбранной нами территории подтверждается сравнением с практиками землепользования семей Ф. Тайбина (р. Пим) и А. Мултанова (верхний Тром-Еган), ситуации которых помогают также прояснить факторы, разрушающие оленеводческую традицию.

Тип расселения и землепользования на среднем Пиме в досоветский период

Труды Дунина-Горкавича позволяют выставить четкую перспективу традиционной экономики хантыйских семей конца прошлого века, живших в среднем течении Пима и занимавшихся в основном рыбной ловлей и оленеводством. Нужда в хороших оленьих пастбищах была причиной того, что родовая семья занимала большую территорию. На этой территории находились отстоящие друг от друга летний и зимний дома, переезды с одного места на другое совершались поздней осенью и весной с остановками в промежуточных лагерях. Зимним жилищем часто служил чум, а пе-

деревянная избушка, поскольку чум обеспечивал большую мобильность. Дунин-Горкавич называет шесть семей Кантеровых, которые жили в то время на среднем Пиме и на нижнем Юклин-Егане и имели очень небольшие оленьи стада. Этим шести семьям, по сообщению Дунина-Горкавича, принадлежал в общей сложности 51 олень (количество голов в каждом стаде было — 13, 10, 6, 0, 2, 20). Указанным семьям принадлежало, кроме того, 9 собак, 11 сетей и 3 невода. Хотя цифры эти кажутся небольшими, однако кантеровский род при этом не бедствовал, а небольшие компактные стада были совершенно типичны для Пима (для сравнения: согласно Дунину-Горкавичу, регулярное стадо на Тром-Егане насчитывало 25–30 оленей, а самое большое исчислялось сотней голов).

Маленький размер стада позволял закалывать в год не более 2–3 оленей, иначе нарушалось воспроизводство. Основным пищевым ресурсом пимских хантов оставалась, таким образом, рыба. Дунин-Горкавич сообщает, что на среднем Пиме рыбу ловили преимущественно мордушками. За лето одна большая семья производила около 400 фунтов сушеной рыбы (щуку, окуня, ерша и муксуна) и примерно равное количество зимой на продажу. Для собственного потребления ловили в те же сезоны от 200 до 250 фунтов мелкой рыбы сетями и неводами. Осенний улов высушивали, чтобы иметь запас на зиму, зимой рыбу ели свежей или сохраняли замороженной. Последние цифры кажутся слишком низкими и, возможно, отражают меньше половины реального количества рыбы. Дело, видимо, в том, что количество рыбной продукции, заготавливаемой на продажу, было взято из записей торговых книг, размеры домашнего потребления можно было узнать только из устных сообщений, которые могли быть вторичной информацией. Ежегодно пимские охотники добывали около 100 уток и 1–2 лебедей, обычно в районах озер, и примерно 20 штук черных тетеревов в борах вдоль притоков. Эти цифры приводятся Дуниным-Горкавичем также из торговых книг купцов, торговавших с хантами. Можно предположить, что такое же количество дичи добывалось охотниками для домашних нужд. Собирали в этих местах ягоды (бруснику). Кедровых орехов здешние ханты не собирали, поскольку в этой экосистеме отсутствуют кедровые сосны.

На промысловых животных охотились в основном в лесных районах среднего Пима. Пушных зверей добывали довольно редко. На крупных охотились с луком и стрелами. На одном

* Данные по Кантерovu получены во время экспедиционной работы авторов на стойбище Кантеровых в июне 1995 — июле 1996 гг.

угодье добывали, как правило, лису и одну-двух выдр. Выхухолей ловили мордушками. Росомхи в этих краях не водились, медведи встречались довольно редко — на них не охотились. Главным объектом охоты здесь была белка. На хороших угодьях добывали до 50 белок, преимущественно в декабре, на худших — не более 20. Вся добыча шла на продажу. Белчьи шкурки в начале века ценились высоко, достаточно сказать, что ваховские ханты, жившие дальше на восток, расплачивались за муку, получаемую из государственных складов, белчьиими шкурками (Дунин-Горкавич, 1904. т. I. С. 264). Пимские охотники зимой ходили на большие расстояния, доходя до верховьев Пима, чтобы добыть 40–60 белок на промысловика (Дунин-Горкавич, 1910. т. II. С. 106).

Хотя Дунин-Горкавич не бывал в верхней части Пима на территории сегодняшнего охотничьего угодья Кирилла Кантерова, однако его труд чрезвычайно важен для понимания современной модели расселения и землепользования коренных жителей. В конце прошлого века семья Кантеровых жила в практически безлесном районе среднего Пима вдоль среднего течения Большого Юклин-Егана. Хотя Дунин-Горкавич и не дает детального описания зимнего путешествия охотников в верховья Пима, однако современная практика позволяет предположить, что и тогда охота шла в районе зимнего оленьего выпаса. Данные позволяют считать, что на рубеже веков охотничьи территории в этих местах были вытянуты с севера на юг, причем временные стоянки находились на больших расстояниях друг от друга для того, чтобы оленье стадо могло совершить длинный переход между средней частью и верховьями бассейна р. Пим. Тем не менее такие долгие переходы с небольшим количеством оленей не могли быть обычным явлением. С большим основанием можно предположить, что когда Дунин-Горкавич говорит о верхнем Пиме, то он имеет в виду не самую вершину, а территории, лежащие выше населенного среднего течения этой реки. Такое допущение позволяет отнести северную границу исторической зимней территории Кантеровых в верхнюю часть р. Большой Юклин-Еган. С течением времени под влиянием внешних факторов временное жилье, находящееся в этом районе, превращается в постоянное. Эти места впоследствии стали ядром территории отца Кирилла Кантерова, которую Кирилл унаследовал после его смерти.

Эта гипотеза не противоречит данным по расселению пимских хантов, приводимым Дунин-Горкавичем. Основываясь на его перечне, включающем 27 родовых поселений в бас-

сейне Пима с указанием их местонахождения, можно отказаться от предположения, что в верховьях Пима было постоянное население. Все перечисленные семьи проживали в нижнем и среднем течении Пима и на пимских притоках не выше 62° 20' с.ш. Возможно, что верховья Пима (и Лямина) были «ничейной» буферной землей, разделяющей территории, населенные хантами, и ненецкие земли, лежащие на возвышенностях, где берут начало эти обские притоки.

Кирилл Кантеров и его земля сегодня

Территория К. Кантерова (рис. 1) составляет примерно 570 тыс. га и объединяет четыре экосистемы. Лес, в основном темнохвойный и осиновый, растет вдоль р. Ай-Пим, несколько гряд менее пятидесяти метров в ширину, поросших сосново-зеленомошными лесами, тянутся с севера на юг. В общей сложности леса занимают около 15% всей территории. 45% составляют заболоченные земли, где деревья — сосна, лиственница и береза — растут только на кочках, более половины этой территории занимают сфагновые болота. Оставшиеся 40% — большие неглубокие озера 6–10 м глубиной и многочисленные старицы и ручейки. Плоская топография и слой вечной мерзлоты определяют плохой дренаж воды. Две главные реки, протекающие через эту территорию с севера на юг параллельно друг другу, — Ай-Пим и Большой Юклин-Еган (Энтль-Юхлын-Яун).

Границы территории К. Кантерова, зарегистрированной в районной администрации, не совпадают с теми границами, которые Кирилл нанес на нашу карту. (Кирилл активно участвовал в нанесении на карту масштабом 1:200 информации по использованию природных ресурсов на его территории.) Расхождения, упомянутые выше, очень поучительны. Юго-западный и северо-восточный углы территории, отведенной ему администрацией, ни сам Кирилл, ни его братья никогда не использовали и, соответственно, на них не притязали. На юго-востоке, напротив, лежит треугольник земли, вытянувшейся до Ай-Пима, которую Кирилл считает принадлежащей его семье на том основании, что эта территория исторически принадлежала его отцу и на ней находятся два святилища, одно из которых (Ухет-Уты-Кот-Мых) является священным местом его рода.

Сравнения исторической и настоящей моделей расселения и природопользования говорят о постепенном смещении Кантеровых на север в границах занимаемой ими исторической территории, которая включает несколько участков между Большим Юклин-Еганом, где несколько поколений Кантеровых строили

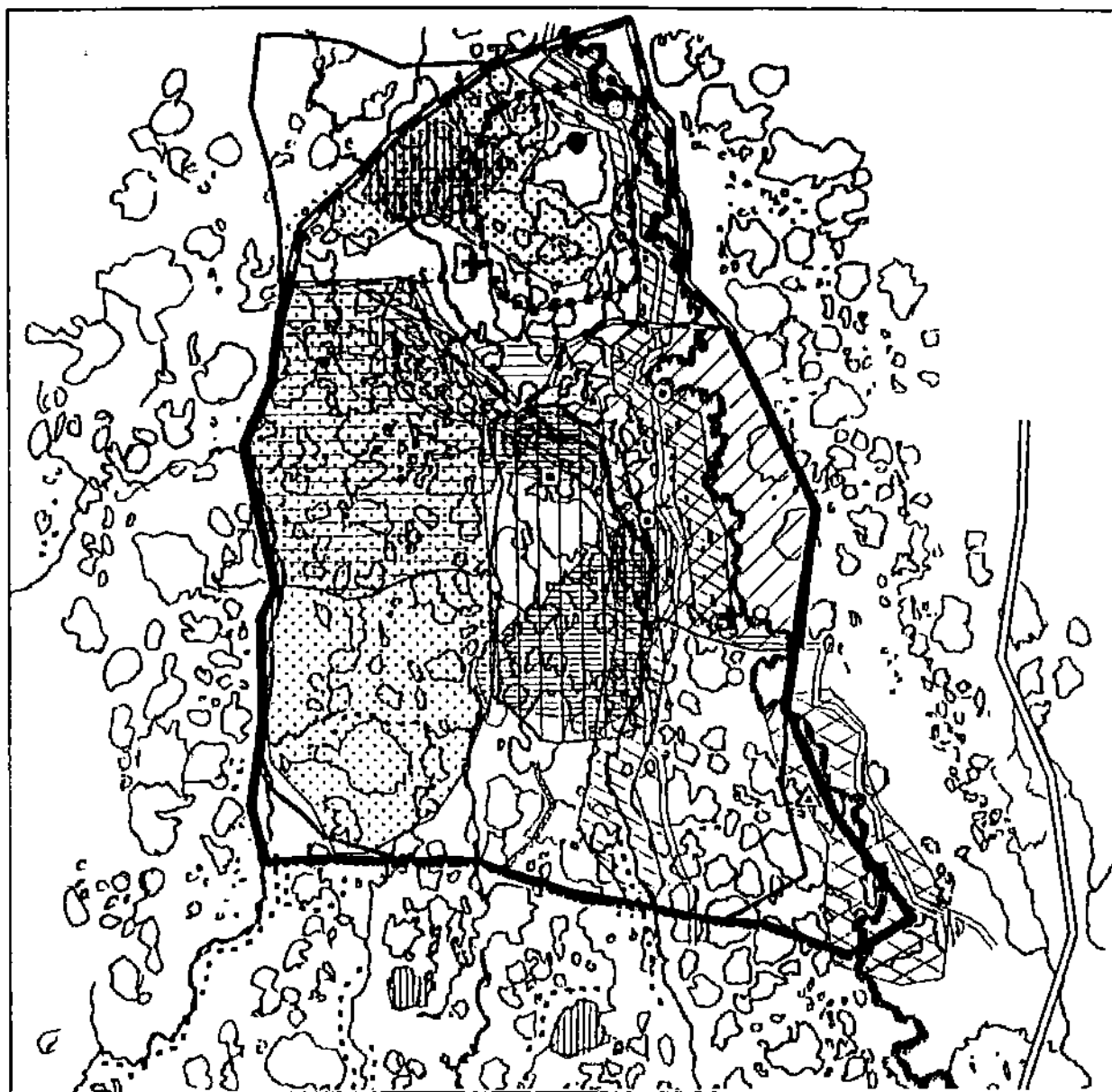
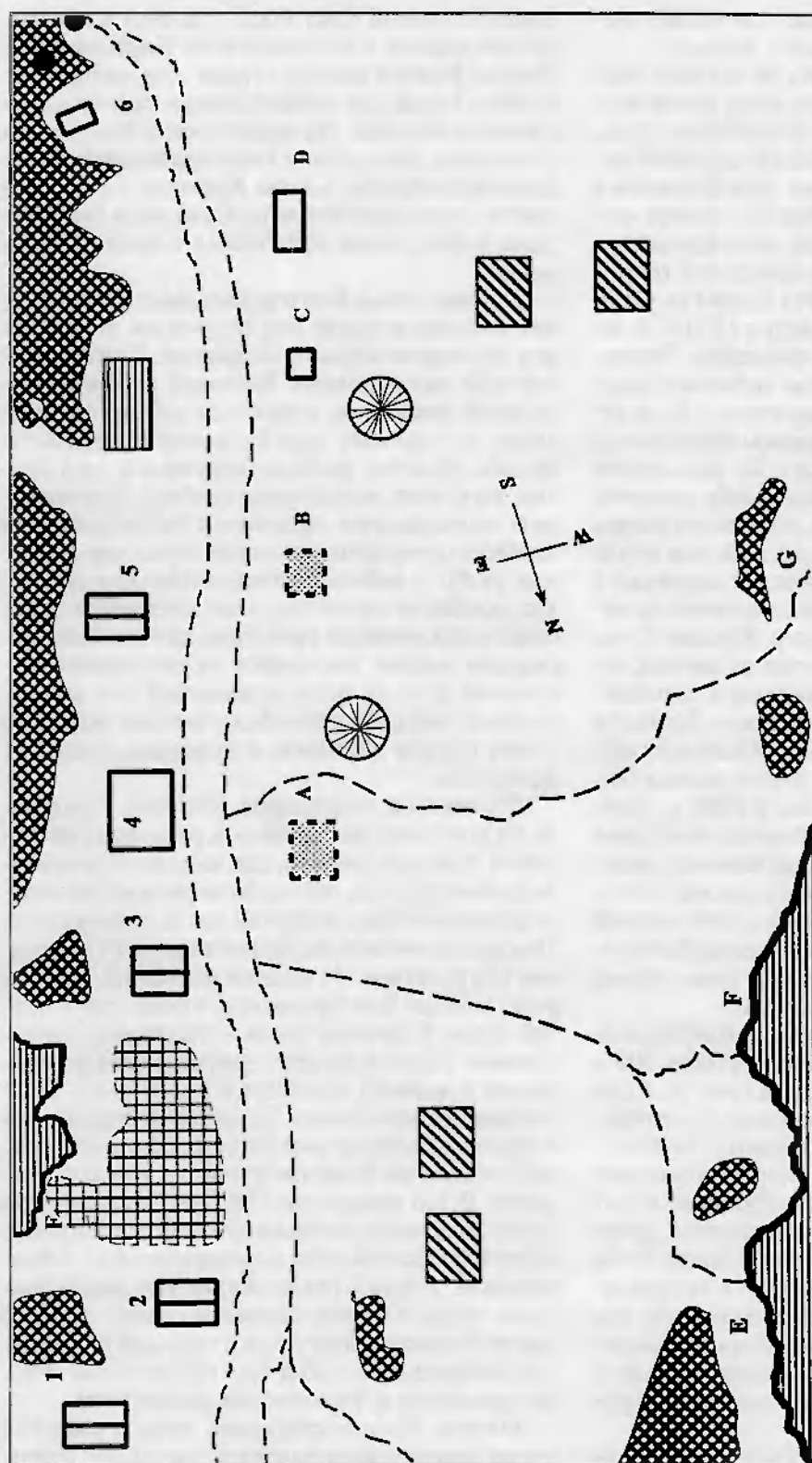

Рис. 1. Охотничье угодье К. Кантерова

- ⊗ Осенняя изба, лабаз
- ⊕ Семейное кладбище
- Старый оленеводческий лагерь
- Старая летняя избушка
- Старая зимняя избушка
- △ Священное место
- ⊙ Весенний чум
- Летняя изба Семена
- ⊠ Летняя изба
- ⊙ Зимняя изба
- Зимняя изба Семена

- ⚡ Административные границы
- ⚡ Самоопределенные границы
- ⚡ Земля Семена
- ⚡ Линия ловушек на ондатру
- ⚡ Асфальтированное шоссе
- ⚡ Оленья загородь
- ⚡ Куст нефтяных скважин
- ⚡ Зимняя тракторная дорога
- ⚡ Ягодники
- ⚡ Весеннее оленье пастбище
- ⚡ Летнее оленье пастбище
- ⚡ Зимнее оленье пастбище
- ⚡ Тетерева
- ⚡ Лось
- ⚡ Ондатра
- ⚡ Белка, лиса, место Семена
- ⚡ Летняя рыбная ловля
- ⚡ Зимняя рыбная ловля

1. Палатка бабушки
2. Летняя палатка Семёна
3. Палатка, где хранятся хозяйственные принадлежности
4. Избушка Кирилла
5. Палатка Ильи
6. Семейный лабаз

- A Кухня жены Кирилла
 B Кухня жены Ильи
 C Печь под открытым небом
 D Место копчения рыбы
 E Место купания
 F Лодочный причал
 G Туалет

Рис. 2. Кирилл Кантеров. Летнее стойбище

- Священные деревья
- ▨ Оленьи дымокуры
- ▤ Картофельная грядка
- ▦ Рабочая площадка под открытым небом

- ▧ Деревья
- ▩ Озера
- ⊗ Дровяные поленицы
- Дорожки

летние жилища, и Ай-Пимом, где также последовательно строилось зимнее жилье.

Кирилл родился недалеко от летнего пастбища, принадлежавшего его отцу, возле озера Куталь-Яун, которое во времена его отца, очевидно, было центром хозяйственной активности на этой территории. Дед Кирилла в тот же период имел летнее место к северо-востоку от этого озера, могила деда находится еще дальше на север, на сегодняшней территории Семена, младшего брата Кирилла. Отец Кирилла, Яков Кантеров, умер в 1971 г. и, по словам Кирилла, «взял себе избушку». Это означает, что Кирилл по обычаю оставил отцовскую избушку (ханты предпочитают не оставаться в доме, принадлежавшем покойнику, после похорон) и переехал во временное жилище. В 1978 г. он построил себе зимнюю избушку на р. Юклин-Еган, передвинувшись немного дальше на север, и летний дом возле Ай-Пима. В 1980 г. он женился и переехал с женой на другое место, расположенное на несколько километров выше по р. Юклин-Еган. На этом участке были богатые ягодники, но место оказалось слишком низким и затоплялось после дождей. В 1983 г. семья Кирилла переехала снова еще выше по Юклин-Егану. На новом месте боры были очень маленькие, и олени вытоптали весь ягель. В 1992 г., оставаясь в этом месте на лето, Кирилл построил новый зимний дом на Ай-Пиме намного дальше от предыдущего места жительства на северо-восток. В 1993 г. он перевез свой летний дом на настоящее место возле озера Коттыпта-Той-Тлор, сохранив, однако, свое старое жилье 1983 г. и осеннюю избушку.

Сегодняшнее летнее стойбище Кантеровых расположено на узком перешейке не более 300 м шириной, разделяющем два озера (рис. 2). Если пересечь одно из этих озер на запад от стойбища, затем минут 20 идти по болоту, то выйдешь к озеру Коттыпта-Той-Тлор, которого нет на карте. Жители стойбища регулярно ходят этим маршрутом, поскольку названное озеро открывает путь к реке Большой Юклин-Еган, текущей на юг. Ниже по этой реке в направлении лянторского шоссе расположены еще два стойбища. Река очень рыбная. Кирилл Кантеров сообщил нам, что «теперь, когда у нас есть сети, далеко ходить не нужно, и на каждом ручье у нас стоят морды».

Большая семья Кирилла Яковлевича Кантерова состоит из 12 человек, 7 взрослых и 5 детей: сам Кирилл, его жена, сын-подросток и две маленькие дочери живут в избушке, выстроенной самим Кириллом. Средний брат Семен с женой и маленьким сыном живут в брезентовой палатке, натянутой на деревянный каркас с дощатым полом. В палатках живут

также младший брат Илья с женой и десятилетним сыном и отдельно мать Кирилла и его братья. Братья вместе строят для матери избушку. Доски для строительства нашлись следующим образом. На земле соседа Вандымова появилась незаконная (несогласованная) нефтяная скважина. Семья Кирилла и соседние ханты стали протестовать. Скважина была убрана, и Вандымов предложил Кириллу взять доски.

Каждая семья Кантеровых имеет свою кухню, расположенную под открытым небом перед жилищем каждого из братьев. Семьи готовят себе еду отдельно. Большой рабочей площадкой, также под открытым небом, где мастера различны хозяйственные предметы (весла, обласки, рыбные ловушки и пр.) братья, наоборот, пользуются сообща. В совместном пользовании находится также уличная хлебная печь, металлическая сетка для копчения рыбы и небольшая картофельная грядка. Все жилые и хозяйственные постройки стойбища расположены примерно на одной линии: сначала жилые постройки на некотором расстоянии друг от друга, а замыкает этот ряд семейный лабаз (на столбах), позади которого стоит группа деревьев, к которым приносят приклады.

Охотничья территория Кирилла Кантерова по восточно-западной оси разделена на три части. Южная сторона, где находились сезонные дома его отца, сейчас более или менее «восстанавливается», и братья не используют ее. Центральная часть включает зимнее (2), весеннее (3) и летнее (1) оленьи пастбища, где Кирилл и Илья Кантеровы пасут большое семейное стадо. Северная часть — охотничье угодье Семена, где он в течение трех сезонов (осенью, зимой и весной) охотится и ловит рыбу. В середине летнего сезона Семен присоединяется к братьям, и тогда они живут общим лагерем, состоящим из четырех хозяйств, как описано выше. В это время они образуют одну общую производственную единицу, сообщая занимаясь охотой, рыболовством и оленеводством. Объединение усилий стало жизненно необходимым, когда Кирилл лишился одного легкого как результат туберкулеза в тяжелой форме, и, оставаясь главой семьи, был тем не менее сильно ограничен в физической активности.

Олени. На сегодняшний день в оленьем стаде семьи насчитывается около 40 голов. Это существенный прирост по сравнению с прошлыми годами, когда они держали на старом пастбище к югу от отцовского жилища всего 10 оленей. Каждый брат владеет определенным количеством оленей, хотя все животные ходят в общем стаде. Кириллу принадлежат 10–12 оленей. При таком количе-

стве он может резать не более двух оленей в год. Это единственный источник мяса для его семьи в зимнее время. Сезонная смена пастбищ — принципиальный фактор, заставляющий оленеводческую семью сниматься с места каждую весну и осень и жить в промежуточных лагерях. Только у Семена нет осеннего и весеннего места, потому что его олени находятся в общем стаде, за которым ухаживают Кирилл и Илья. Последние переезжают из летних домов в осенний лагерь в сентябре, путешествуя частью на обласке, частью на моторной лодке. Когда устанавливается снежный покров, примерно в декабре, они перебираются из осеннего лагеря в зимнюю избу на оленях или снегоходе. Поздним мартом или ранним апрелем они оставляют зимнее жилище и переезжают на весеннее место также еще на оленях или снегоходе. Там они остаются до начала мая, когда стает снег, и после ледохода возвращаются в летний дом, преодолевая все расстояние пешком или на моторной лодке. Весь этот сезонный круг не очень велик, самый длинный переход из зимнего лагеря в весенний составляет не более 10 км.

Содержание оленей требует некоторых модификаций ландшафта. Необходимо, например, ограничивать передвижение оленей, которые могут ударяться в безудержный бег на много километров, гонимые летом комарами и мошкой. Зимой эта проблема уменьшается, поскольку снег естественно задерживает и связывает животных. С южной стороны братья Кантеровы строят загородь, тянущуюся между естественными препятствиями вдоль рек. Весенние и зимние пастбища не огорожены, осенью олени содержатся в загородке до тех пор, пока вода «открыта», т.е. не замерзла.

Охота. Летняя охота и рыбная ловля — коллективные виды деятельности, и улов разделяется между участвующими семьями. Добыча от промысловой охоты принадлежит охотнику. В юго-восточном углу территории в борах вдоль р. Ай-Пим, где охотились еще родители Кирилла, до сих пор время от времени добывают лосей и белок. Заболоченные земли вдоль западной границы угодья также продуктивны, и охотятся там почти круглый год. Во время остановки в осеннем лагере Кирилл и Илья Кантеровы охотятся в южных пределах территории на выдр, лис и белок. Семен охотится в северной части. Лис добывают за зиму 2-3 шт. практически в любом из названных секторов территории. На ондатр охотятся также повсеместно. На отведенном ему северном участке территории Семен ставит более 30 мордушек на ондатр, выдр, и рыбу. Ондатры живут колониями, так что ловушки на них уста-

навливаются на расстоянии не более 100 м друг от друга. Летние и зимние ловушки вместе. Семен живет на пимской стороне. Проверяя ловушки, он описывает круг, очерченный на рисунке.

К югу от весеннего лагеря и к западу от летнего стойбища находятся пруды и заболоченная местность. Зимой здесь добывают одну-две лисы, а поздней весной, летом и ранней осенью бьют уток, лебедей и гагар. Гусей встречается очень немного. Единственная водяная птица, которая не является объектом охоты и не употребляется в пищу, — это лысуха (местное название маленькой гагары с короткими ногами и клопом и с красными глазами). Согласно местному варианту мифа о происхождении суши, эта птица, нырнув, принесла со дна моря-океана комок грязи, из которого сделалась земная поверхность. На глухаря охотятся выше по Ай-Пиму в борах, которые тянутся с севера на юг в центре территории.

Рыбная ловля. Летом Кантеровы ставят на рыбу ловушки примерно в десяти разных местах в южном секторе, как показано на карте. В каждом месте ставится по 2-3 ловушки. Зимой рыбу ловят в двух озерах, лежащих к югу от летнего стойбища, используя вар (воротца из заостренных кольев, которые устанавливаются в проруби в том месте, где в озеро впадает ручей: рыба направляется к свеженасыщенной кислородом воде и попадает в ловушку). Иногда для подледной зимней ловли рыбы используются сети. Зимой и осенью рыбу добывают в основном сетями и ловушками в больших количествах. Большую часть зимнего улова Кирилл продает. Часть, которую оставляют себе, коптят и запасают.

Собирательство. Кантеровы собирают ягоды — бруснику и клюкву — и делают варенье. Ягодники находятся примерно в 6 км к югу от его теперешнего летнего дома возле того места, где было его жилье 1978 г. Если в названном месте неурожай ягод, Кирилл переходит на другое, тоже не очень далекое. Морошки на его землях немного. Вдоль Ай-Пима на юг до лянторского шоссе стоят брусничные боры и болота с клюквой. Семья Семена собирает ягоды на болотах в своем северном секторе. Грибы и черемшу Кантеровы не собирают. Кирилл сообщил, что его сосед Нимперов, который был распорядителем религиозной церемонии, собирал мухоморы для шаманского камлания.

Традиционная экономика

Совместно с Кириллом Кантеровым летом 1995 г. мы реконструировали схему его доходов и расходов на 1994 г. Ближайшее государ-

ственное торговое предприятие, где хантыйским охотникам открыт кредит, находится в пос. Нижний Сортым в двух днях пути от кантеровского угодья. Кирилл ездит в Сортым два раза в летний сезон и раз в месяц зимой на снегоходе более прямым маршрутом, что значительно сокращает время в пути. Один раз в год он ездит в Сургут, где проходит регулярный медицинский осмотр в тубдиспансере. Поездка в Сургут дает ему возможность продать шкурки, например, лисьи, на рынке за лучшую цену, чем в сортымском магазине. Из города он обычно привозит дешевый материал на платье и гостинцы для детей (апельсины, консервированный компот, иногда недорогие детские игрушки).

Доходы:

- пенсия по инвалидности (70 тыс. руб. в мес.) — 960 тыс. руб.
- ондатровые шкурки (100 шт. по 4 тыс. руб.) — 400 тыс. руб.
- ягоды (10 сорокакилограммовых мешков по 80 тыс. руб.) — 800 тыс. руб.
- рыба (1 тонна по 1 тыс. 500 руб. за кг) — 1 млн. 500 тыс. руб.
- беличьи шкурки (100 шт. по 1 тыс. руб.) — 100 тыс. руб.
- лисьи шкурки (2 шт., на черном рынке по 150 тыс. руб.) — 300 тыс. руб.
- выдра (2) — не опр.

Итого: 4 млн. 210 тыс. руб.

Расходы:

- сахар-песок (2 мешка по 100 тыс. руб.) — 200 тыс. руб.
- мука (12 мешков по 80 тыс. руб.) — 960 тыс. руб.
- чай (10 пакетов по 6 тыс. руб. покупается в каждую поездку в Нижний Сортым, около 10 поездок в год) — 600 тыс. руб.
- макароны (3 мешка по 100 тыс. руб.) — 300 тыс. руб.
- растительное масло 2 ящика (по 12 бутылок в каждом, 100 тыс. руб. за ящик) — 200 тыс. руб.
- материал на одежду — 500 тыс. руб.
- готовая одежда (раз в год) — 1 млн. руб.
- пищевые деликатесы (яблоки, компот, печенье) — 80 тыс. руб.
- товары из металла и пластмассы — 500 тыс. руб.
- дробь (для дробовика) — 180 тыс. руб.
- порох (10 банок по 20 тыс. руб.) — 200 тыс. руб.
- детали для снегохода «Буран» и подвесного лодочного мотора — (не по средним).

Итого: 4 млн. 820 тыс. руб. (1994 г.)

В государственных торговых предприятиях Сургута у хантов кредита нет. В 1994 г. была сделана дотация на муку и чай, так что каждая хантыйская семья покупала муку за 50% от розничной цены и 5 маленьких коробок чая также за полцены. Ханты имеют государственный медицинский полис и не платят за медицинское обслуживание в районной поликлинике, что в случае с Кириллом особенно важно, поскольку у него туберкулез.

Анализ расходов Кирилла Кантерова делает очевидным, что наличных денег, которые он выручает от продажи рыбы и шкур, не хватает ни на продовольственные товары, ни на дополнительные предметы зимней одежды. Приобретение же дорогостоящих вещей, например, деталей для лодочного мотора или снегохода типа «Буран», строительных материалов при его денежных доходах практически невозможно. До сих пор основные нужды кантеровской семьи удовлетворяются за счет традиционной хозяйственной деятельности. Существуют критерии для оценки питательной ценности потребляемых Кантеровыми пищевых продуктов, произведенных самой семьей. Значительно труднее оценить количество того, что они добывают и потребляют сами. В собирании этих данных приходится опираться по большей части на память информантов, которая достаточно надежна, когда мы говорим о крупных животных, например, лосе, но становится менее достоверна, когда речь идет о тех промысловых животных, которых добывают в значительных количествах. Особенно трудно оценивать количество рыбный улов. Приводимые ниже данные являются авторской реконструкцией сезонной добычи, потребляемой семьей Кантерова. Цифры, приводимые в графе «денежное выражение», основаны на эквивалентных ценах 1994 г. подобных продуктов в гос. продо-

Летний период	Вес (кг)	Денежная стоимость (в руб.)
Рыба (1 кг в день)	90	1 млн. 180 тыс.
Утки и гагары (60 шт. по 1 кг)	60	1 млн. 200 тыс.
Лебеди и гуси (10 шт. по 2 кг)	20	400 тыс.
Осенний период		
Лось (2 по 180 кг)	180	2 млн. 400 тыс.
Утки и гагары (8 по 1 кг)	8	160 тыс.
Рыба (по 2 кг в день)	180	2 млн. 160 тыс.
Рябчики (25 по 700 г)	18	360 тыс.
Зимний/весенний период		
Олени (2 по 100 кг)	200	3 млн. 200 тыс.
Рыба (3,5 кг в день)	630	6 млн. 426 тыс.
Итого	1 тыс. 386 кг	17 млн. 486 руб.

вольственных магазинах местных поселков.

Олени в хантыйском хозяйстве — это не только мясо, но и зимняя одежда. Каждое из двух животных, убитых за зиму, таким образом, приносит:

Зимняя меховая обувь (не каждый год) 2 пары — 340 тыс. руб.

Зимние рукавицы (2 пары х 2) 4 пары — 80 тыс. руб.

Предметы обихода (женские сумки, пр.) — 100 тыс. руб.

Нитки (сделанные из жил) — 15 тыс. руб.

Итого: 535 тыс. руб.

Помимо этого олени имеют транспортное значение, перевоза людей на длинные расстояния зимой, включая ежемесячные поездки в пос. Нижний Сортим, хотя денежная стоимость этой категории аннулируется выдачей бесплатного бензина — альтернативного энергетического ресурса для транспортировки. Природные ресурсы, кроме того, обеспечивают коренных жителей следующими хозяйственными принадлежностями:

Материалы/предметы	Кол-во	Денежная стоимость (в руб.)
Строительные материалы (куб. м по 50 тыс. руб.)	100	5 млн.
Обогрев жилья (дрова, куб. м по 50 тыс. руб.)	110	5 млн. 500 тыс.
Топливо для приготовления пищи (дрова, куб. м по 50 тыс. руб.)	35	1 млн. 650 тыс.
Хозяйственные предметы, изготовленные вручную (6 весел, 10 мордешек)	16	960 тыс.
Облас (2), большая лодка (1)	3	2 млн.
Питьевая вода (4 л/день на чел.)	7300	—
Оленьи корма (1/2 куб. м на одного оленя)	1825	—
Итого		15 млн. 110 тыс. руб.

Стоимость стройматериалов постоянно меняется. Со времени смерти своего отца Кирилл с семьей переезжал несколько раз с места на место, в среднем каждые пять лет выстраивая новую летнюю или зимнюю избушку. Согласно этим расчетам, если дом стоит 5 млн. руб., то за пять лет его стоимость в среднем амортизируется до 1 млн. в год. Также трудно произвести денежную оценку и ряда других ресурсов. Например, хотя горожане платят за газ и электричество отдельно, плата за воду инкорпорирована в общую квартирную плату. Скаль-

кулировать стоимость оленьих кормов, которые кантеровские женщины готовят, смешивая истолченные рыбные отходы с травой, также не представляется здесь возможным. Тем не менее сложенные вместе стоимости эквивалентов пищевых ресурсов, хозяйственных принадлежностей, одежды, производимых кантеровской семьей на базе природных ресурсов, образуют значительные суммы:

Пищевые продукты: 17 млн. 486 тыс. руб./год

Жилище: 11 млн. 110 тыс. руб./год

Одежда: 535 тыс. руб./год

Итого: 29 млн. 131 тыс. руб./год

Система жизнедеятельности, рассматриваемая здесь, не является замкнутой. Члены кантеровской семьи вынуждены регулярно закупать промышленную продукцию, необходимую им в промысловой деятельности. Так, например, одним летом Семен со своим родственником охотились на уток и подстрелили 17 штук на три семьи. Они использовали 40 снарядов, которые они сами заряжают в патрон (патрон используется многократно). Эти 40 зарядов составляют 1/4 мешка дробы и половину банки с порохом: общая стоимость этого 40 тыс. руб., примерно по 13 тыс. руб. на семью. Такого рода расходы, регулярно повторяясь, существенно накапливаются за год.

Одна стратегия покрытия этих расходов — заключение экономического соглашения с местной нефтяной компанией. Считается, что компании, уполномоченные округом и федеральным законодательством, компенсируют хантам потери от падения продуктивности охотничьих угодий, в то время как земля отчуждается от них под нефтяное освоение. Снегоход «Бурани» и некоторое количество бензина Кантеровы получили в качестве компенсации от объединения «Сургутнефтегаз». В 1993 г. представители этого предприятия подписали экономическое соглашение с коренными жителями, проживающими в бассейне Пима. Кирилл заключил, что это была компенсация за превращение пимского региона в территорию интенсивной нефтедобычи. Конкретно относительно принадлежащего ему угодья речь не заходила. По упомянутому соглашению семья Кирилла должна была получить некоторую денежную сумму за целый год, но получили они только за два квартала. Семьи, проживающие ближе к территории освоения, получили в качестве компенсации всю сумму, названную в соглашении, лодочные моторы, стройматериалы и продовольственные товары. Семьи, проживающие в некотором отдалении, как и Кирилл, получили только небольшие суммы наличных де-

нег. Если принять во внимание, что лодочные моторы стоят около 7 млн. руб. (1995 г.), а моторы нового поколения с электронным зажиганием имеют тенденцию портиться в течение первого года, что снегоходы в здешних условиях служат не более трех-четырех лет, что скорость и удобство, которые они обеспечивают, становятся ощутимой необходимостью

особенно в существующих условиях регулярной бесплатной выдачи хантам бензина, то становится понятным, что экономические соглашения являются проводниками стратегии нарастания экономической зависимости коренного населения, существующей даже в случае наиболее самодостаточных, обеспечивающих себя семей оленеводов.

МАРГИНАЛИЗАЦИЯ: ФЕДОР ТАЙБИН СО СРЕДНЕГО ПИМА

Расселение и история

Нормативность модели землепользования Кирилла Кантерова доказывается сравнительным анализом с хозяйственной практикой его соседа, живущего в среднем течении р. Пим к юго-востоку от кантеровских земель, Федора Тайбина*. Тайбин сообщил нам, что его семья жила в этом районе на северо-восток от сегодняшнего пос. Лянтор в течение трех сотен лет.

Земля Фёдора Тайбина

Площадь охотничьего угодья Тайбина (рис. 3) составляет примерно 288 кв. км. Территория компактно расположена вокруг двух озер — Лени-Тлор и Ляркни-Тлор, которые дают начало р. Ляркнинской. На перешейке земли между озерами стоит летняя избушка, построенная его отцом. К югу от этого места стоит оленья загородь между бесчисленными маленькими озерами и рекой, ограничивающая кочевье оленей на юг. На противоположной (западной) стороне озера находится зимняя избушка Федора. Весеннее пастбище для оленей лежит на северо-западной стороне оз. Ляркни-Тлор. Между весенним и зимним пастбищем текут несколько ручьев, впадающих в оз. Лени-Тлор: все эти ручьи и озера обеспечивают Федора главными запасами в зимний период и дополнительным количеством рыбы, попадающей в сети и ловушки в летнем секторе его угодья в теплые месяцы. На ондатр здесь охотятся с ружьем и ставят ловушки на большой заболоченной территории на южной стороне оз. Лени-Тлор.

Хотя данная модель явно тяготеет к компактному сезонному движению вокруг озер, эта схема страдает от возникающих в последнее время ограничений. Например, покрытые лесом возвышенности в верхней части р. Ляркнинской были местами хорошей охоты, а заболоченные земли между рукавами в верховьях реки служили гнездовьем для многочисленных уток, гагар и лебедей. Сегодня эта земля разорена — там установлены нефтяные скважины. В надежде уйти от наступающего освоения, Тайбин планировал в 1997 г. перебраться на восток, на самые верховья р. Тутлым-Яун, где стоит густой смешанный лес, есть ягель и где он до этого периодически добывал ондатр.

Нефть и маргинализация

Увеличившиеся миграции коренного населения на север двадцать лет назад, когда отец Федора переехал в эти места, были вызваны начальным периодом нефтяного освоения. В это время к северу от пос. Лянтор началась глубокая геологическая разведка, включающая сооружение сейсмических линий, строительство дорог и испытание скважин. В процессе этого было разрушено два священных места. Вдоль р. Ляркнинской через лес была прорублена зимняя дорога, которая прошла как раз через Ляркнинский Кот-Мых, место обитания речного духа. В ходе строительства асфальтированного шоссе на участке от пос. Лянтор до пос. Нижний Сортым было срыто священное место Нянгки-Моори-Кот-Мых, центральное место поклонения духу-охранителю реки Пим. Под угрозой оказалось и священное место тайбинского рода на Ях-Ягуне. Зимой 1994—1995 гг. нефтяники установили скважину в трех километрах от летней избушки Федора в середине самого урожайного ягодника.

Так же как и кантеровская земля, территория Федора Тайбина лежит на север от прежней земли его отца, которая осталась на южной границе нынешнего тайбинского угодья. По словам Федора, эта земля всегда была довольно скудной. Соболь, например, никогда не водился в этих болотах, так что предкам Федора приходилось совершать длительные путешествия на юг и пересекать Обь, чтобы охотиться на соболей и лисиц на лесных возвышенностях южной стороны Оби.

Жалобы Федора повторяли уже слышанные нами жалобы коренных жителей, живущих на территориях нефтяного освоения. Во-первых, хотя летняя ловля рыбы в этом районе никогда не была особенно обильна, но с приходом людей, занятых в нефтедобыче, рыбы не стало совсем, поскольку они тоже рыбачат. Браконьерство нефтяных рабочих — очень часто повторяющаяся жалоба. Во-вторых, лисы совсем ушли из этого района в последние годы. Весной и летом 1995 г. Федор добыл только 21 ондатру, которых продал в пос. Лянтор по 7—15 тыс. руб. за шкурку, однако он не может конкурировать с импортными мехами, заполонившими местные рынки. Наконец, на его угодьях уже произошли два серьезных пожара, один из которых совершенно погубил оленью пастбище. Коренное население относит участившиеся в последние годы пожары на счет халатности нефтеработников, которые сплошь и рядом оставляют пропитанные нефтью пова-

* Данные по Тайбину получены во время экспедиционной работы авторов на стойбище Тайбиных в июле 1996 г.

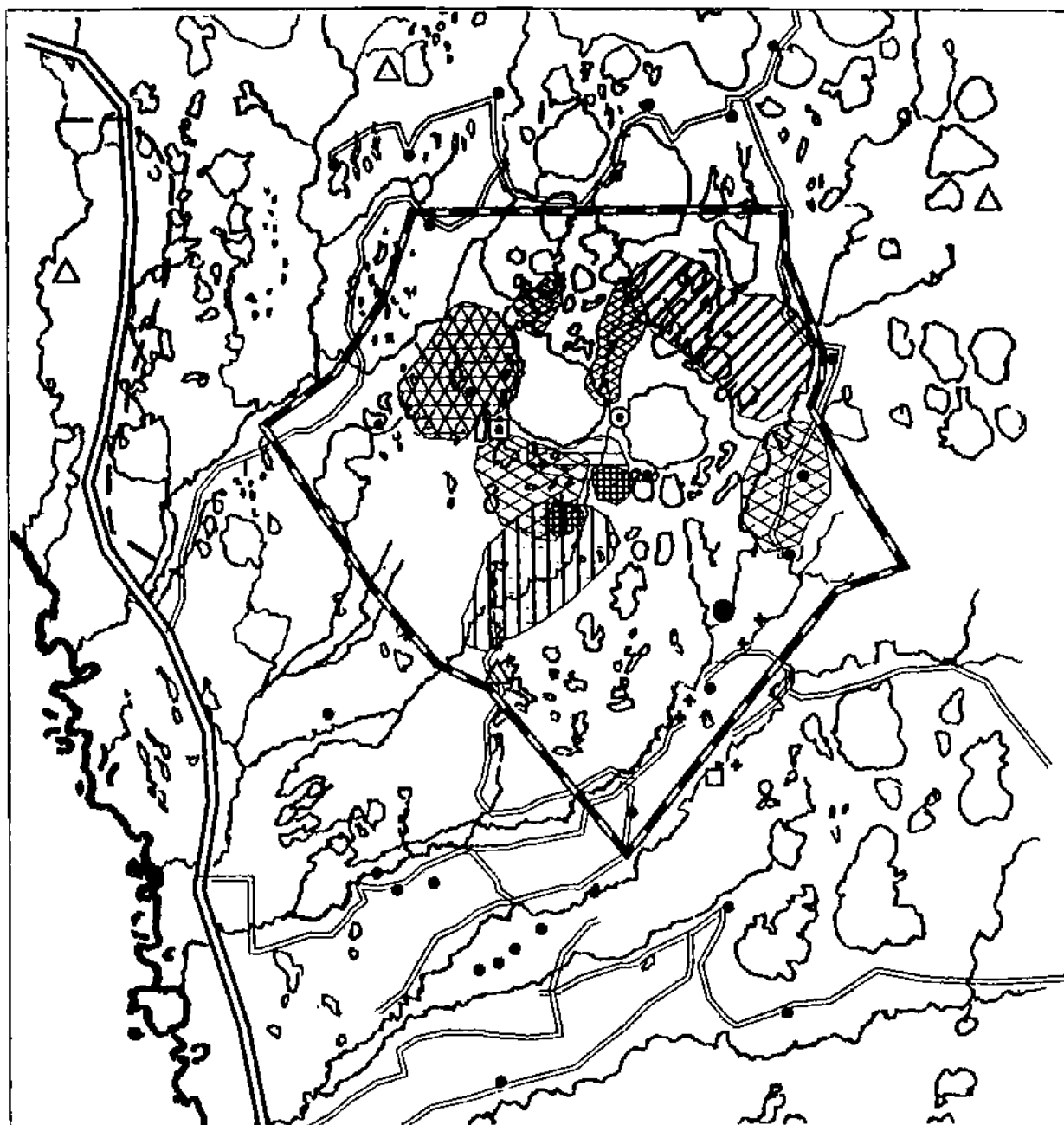
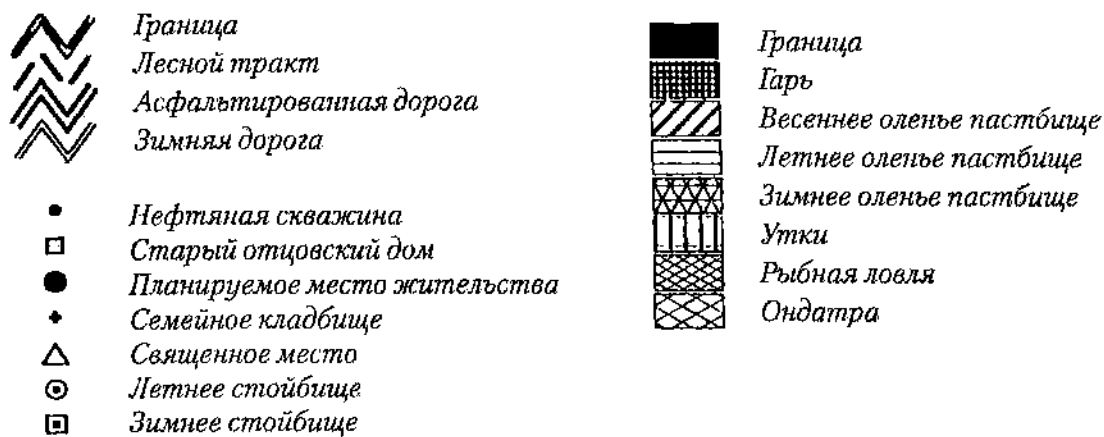

Рис. 3. Охотничье угодье Федора Тайбина

ленные стволы деревьев, незакрытые скважины и пр. Главный продовольственный ресурс Тайбина — небольшое стадо оленей. С тех пор как умер его отец, количество оленей в стаде колебалось от 5 до 15 животных. В 1995 г. у Федора было десять взрослых и три молодых оленя. Как правило, каждую зиму он колет на мясо двух животных, регулярно каждое лето случаются убытки — обычно одно животное по тем или иным причинам пропадает. Стадо Федора находится на нижней границе стабильного развития.

В отличие от Кантеровых, Тайбин находится в почти полной экономической зависимости от соглашения с компанией. Летом 1996 г. Федор на встрече в пос. Лянтор с представи-

телями объединения «Сургутнефтегаз» вместе с другими коренными жителями отказались продлить экономическое соглашение с этим предприятием. Главный источник их недовольства был в том, что экономические соглашения никогда не бывают адекватной компенсацией и никогда не выполняются до буквы. Во время нашего приезда к нему в июне 1996 г. Тайбин сообщил, что его семья не получила денег, причитающихся им по соглашению (630 тыс. руб. на одного человека в квартал) с 1995 г. Компания, правда, выделила ему снегоход, который, как Федору было обещано, будет заменяться каждые пять лет, но после двух лет работы машина сломалась. Кроме того, он получил бензопилу.

ДАВЛЕНИЕ НЕФТИ: АФАНАСИЙ МУЛТАНОВ С ВЕРХОВЬЕВ РЕКИ ТРОМ-ЕГАН

Насколько велика угроза, нависшая над традиционным образом жизни и хозяйства, становится понятно из описания проблем, стоящих перед Афанасием Мултановым, живущим в верхней части р. Тром-Еган*. Мултановы основались на их сегодняшней территории 17 лет назад, после того как они были выселены со своей прежней земли, расположенной к северу от г. Ноябрьска, чтобы дать дорогу нефтяному освоению. Мултановы делят уголья с еще пятью семьями: двумя Покачевыми и тремя Кумтиными. Мултановы определяют свою территорию следующим образом: их уголья включают верхние притоки на восточной стороне Тром-Егана до самой вершины реки, после этого тянутся с востока на запад по возвышенности, которая определяет северную границу бассейна средней Оби. Территория, которую они считают своей, по крайней мере в два раза больше той, которую им определила сургутская районная администрация (рис. 4). Земля, лежащая за пределами официальной северной границы мултановской территории и которую они используют, не закреплена ни за кем. Исторические данные позволяют предположить, что эта территория, граничащая с возвышенностью, была пограничной землей между селениями хантов и лесных ненцев на севере. Между этими группами существовали стародавние отношения разного характера, включая военные столкновения, похищения невест в более ранние времена и смешанные браки в настоящее время. Практика землепользования коренных жителей, живущих в этой зоне, до некоторой степени отличается от нормативного типа, примером которого служит семья Кантеровых. Все три группы родственно связанных семей (внутри группы семей) расселены вдоль южной границы своей территории возле главных притоков. Самая северная часть угольев используется под зимние оленьи пастбища.

Переходная модель землепользования

Афанасий Мултанов, старший в роду, живет со своим старшим сыном Виктором и его семьей. Второй сын Афанасия, Олег, живет отдельно. Избушки обоих сыновей — осеннее жилье. Зимой, летом и весной семьи соединяются и вместе следуют за оленями, останавли-

ваясь в чумах, хотя Виктор планирует построить избушку на том месте, где сейчас стоит его зимний чум. Рассматриваемый уклад жизни значительно отличается от моделей, описанных выше. Трудно объяснить тот факт, что за семнадцать лет жизни на этой территории семья имеет только осенние избушки. Обращает внимание и то, что братья Мултановы пасут своих оленей (вместе они владеют 70 оленями) на очень большом зимнем пастбище, передвигаясь по узкой, идущей с севера на юг тропе, образующей в плане овал. Этой схеме следуют и их соседи, Кумтины и Покачевы, которые держат своих оленей в одном стаде. Все время между апрелем и октябрём они проводят на этом северном пастбище. Одновременно с этим они охотятся на лосей и лис в густом бору, окружающем зимнее пастбище. Так как через территорию всего уголья проведены зимние дороги, обслуживающие геологическую разведку, ханты построили оленью загородку, отгородив оленьи пастбища от дороги. Рыбные ловушки (мордушки) установлены у них в ручьях на южной территории, где они также собирают в конце лета и осенью ягоды.

Описанную модель землепользования можно рассматривать как переходную форму. Надо сказать, что сезонный перегон оленей на длительные расстояния с севера на юг дугообразной тропой и остановки в чумах напоминают ненецкий тип оленеводства. С другой стороны, сезонное движение вокруг центрального озера, строительство оленьей загородки типично для оленеводства восточных хантов (Кантеров). Можно предположить, что второе поколение Мултановых находится в переходном периоде к более компактной модели природопользования, практикуемой восточными хантами. Такое предположение подкрепляется уже упомянутым планом строительства деревянной избушки на месте чума. Старший сын Виктор, кроме того, сообщил, что они начали зимний лов рыбы на озере, находящемся к югу от его территории, что трудно совместить с переходами на 28—36 км к северу на зимнее пастбище. Добыча лис, насколько можно судить, также не занимает значительного места в их хозяйстве. Это вполне объяснимо, если принять во внимание, что они владельцы стада в 70 голов, большого по меркам местного коренного населения, так что если прибавить к этому снабжение рыбой, то промысел пушнины становится второстепенным элементом в их хозяйстве.

* Авторы впервые встретили Афанасия Мултанова в марте 1992 г. на его зимнем месте. Данные по землепользованию были получены от его сына Виктора в д. Русские в июле 1997 г.

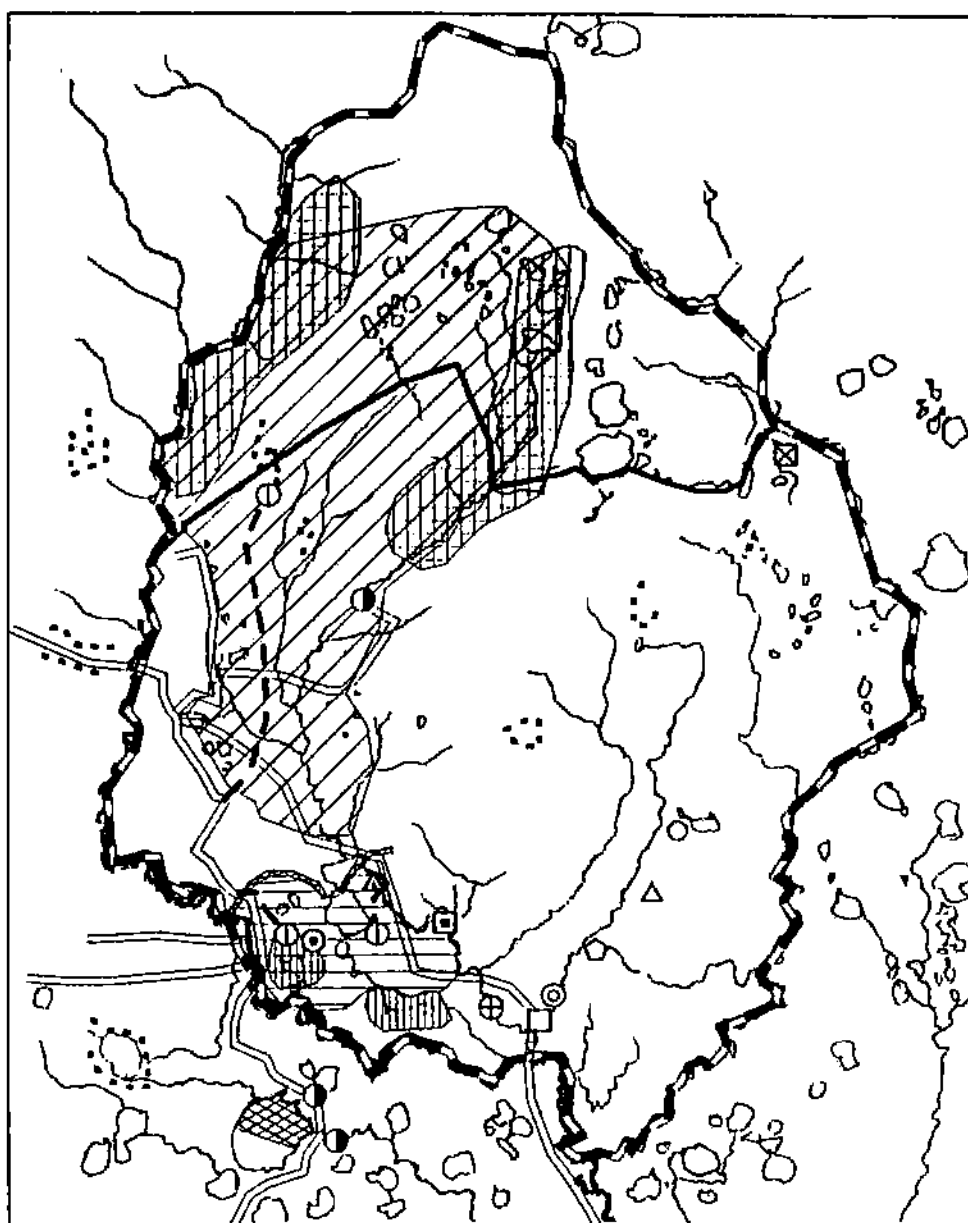

Рис. 4. Охотничье угодье Мултановых

☒ 3 избы Кумтиных	▤ Самоопределенные границы
⊕ Осенняя изба Олега	▥ Административные границы
⊙ Осенняя изба А. Покачева	▧ Проектируемая зимняя дорога
□ Осенняя изба С. Покачева	▨ Оленья загородь
◇ Летний чум С. Покачева	▩ Нефтяные площадки
△ Весенний чум С. Покачева	▫ Зимняя тракторная дорога
○ Зимний чум С. Покачева	
⊖ Проектируемые кусты (места скопления скважин)	▬ Ягодники
▣ Осенняя изба Виктора	▭ Летнее оленье пастбище
⊙ Весенний чум Виктора	▮ Зимнее оленье пастбище
△ Зимний чум Виктора	▯ Лось
● Куст (несколько близко расположенных скважин)	▰ Зимняя рыба

Фатальное соглашение

Мултановы подписали экономическое соглашение, согласно которому нефтяники устанавливают на их территории три новых куста нефтяных скважин и подводят к ним дороги. Самые тяжелые последствия для мултановского хозяйства (см. рис. 4) будет иметь сооружение двух новых кустов из указанных трех, поскольку их установка планируется на весенне-летних оленьих пастбищах и летних ягодниках, и прокладка двух дорог, обслуживающих эти кусты, которые протянут по обеим сторонам озера. Прогнозируемый результат — распад новоформирующейся модели ограниченного сезонного кочевья вокруг оз. Кутлап-Яун-Тлор, описанной выше. По этому соглашению Мултановы получают 840 тыс. руб. на человека в квартал, каждые четыре года новый снегоход и другие вещи меньшей стоимости. Это уже не первое соглашение, подписанное Мултановыми. Виктор Мултанов был явно недоволен проектным расположением кустов и неадекватными компенсациями (он считает, что два млн. руб. на человека и снегоход каждые два года были бы удовлетворительным возмещением), однако он, как выяснилось, был ознакомлен с проектом и картами освоения и поставил под ними свою подпись.

Учитывая переходный характер мултановской модели землепользования, трудно прогнозировать, как эта семья будет адаптироваться к реалиям нефтяного освоения. Они, например, могут вернуться к ненецкому типу оленеводства — длинному круговому маршруту стоянками в чумах. Другой возможный для них вариант — придерживаться той смешанной хантыйско-ненецкой практики землепользования, которая существует в настоящее время. И наконец, они могут попытаться внедрить более компактную хантыйскую модель. В любом случае им, скорее всего, придется перебраться значительно дальше на север, за пределы их нынешней северной территориальной границы, определенной районной администрацией.

Движение на север в настоящее время также представляется проблематичным, поскольку тром-еганские ханты отступали на север все последние тридцать лет, уходя от промышленного освоения, и в результате вплотную придвинулись к самым северным границам своего кормящего ландшафта. Возвышенности, окаймляющие северную границу обского бассейна, представляют собой другую экосистему, к которой культурные модели хантыйских оленеводов не приспособлены.

ОХОТНИКИ ЮГАНСКИХ ЛЕСОВ

Южная часть бассейна Средней Оби была создана самой южной мореной, оставшейся после четвертичного периода, которая тянется с востока на запад к северу от р. Демьянки и параллельно ей, примерно совпадая с границей Ханты-Мансийского автономного округа. Высота земли над уровнем моря равна здесь примерно 110 м. На расстоянии от возвышенностей вдоль южной границы региона до Обской заливной равнины земля понижается примерно на 50 м. Некоторые реки, такие, как Салым, Балык, Куль-Ягун, берут начало на этой возвышенности, но больше половины территории принадлежит бассейну р. Большой Юган. Большой Юган тянется на 990 км от места впадения в Обь, его приток, Малый Юган имеет протяженность более 500 км.

Бассейн Югана характеризуется среднесибирским типом тайги и обнимает все четыре экосистемы. На плохо дренирующихся возвышенностях доминируют болота, сосновый лес произрастает на песчаных холмах. Темнохвойные и кедровые леса тянутся вдоль рек, заливные луга образуют уникальную приречную экосистему, где преобладают ива, шиповник и высокие травы.

*Землепользование на реке
Большой Юган до XIX в.*

В человеческом масштабе Юган очень велик. Даже сегодня требуется не менее четырех дней, чтобы добраться на моторной лодке из д. Угут до озера Ларломкино, расположенного в верховьях Б. Югана. Старые люди помнят времена, когда из д. Тайлакова в Угут спускались на обласках за семь дней*.

Юган почти не исследован археологами, только в нижнем течении реки были обнаружены кусты памятников, среди которых было два укрепленных городка, один выше Угута по р. Б. Юган, другой в низовьях М. Югана.

На карте С.У. Ремезова конца XVII в., воспроизведенной в книге «Древний город на Оби: история Сургута» (С. 119, 132), показаны оба Большой и Малый Юганы со стойбищами, разбросанными на всем протяжении рек до Оби. В 1625 г. юганский бассейн был поделен на две волости — Большеюганскую и Малоюганскую. Глава хантыйской юганской общины звался Апгач Миликов, который отвечал за сбор ясачного налога. В общине было 128 ясачных хантов (Древний город на Оби.

С. 108). В 1675 г. на Югане было три волости (там же. С. 109).

Первоначальная норма ясака по Сургутскому уезду была 11 соболей на ясачного человека. Позже в результате жалоб остяков на тяжесть налога в 1610 г. эта норма снизилась до 9 соболей. Тем не менее Юган считался районом, богатым пушниной. С учетом того, что русские охотники, менее искусные в соболиной охоте, добывали по 120 соболей в год (там же. С. 110), можно подсчитать, что годовая добыча соболей на Югане составляла не меньше 2500 единиц. Ко времени русской колонизации пушной промысел на Югане уже сложился как важный и неотъемлемый элемент местной экономики, поскольку коренное население по крайней мере в течение четырех столетий находилось в торгово-ясачных отношениях с татарами, чья политическая гегемония в регионе предшествовала русской.

Существуют некоторые свидетельства тому, что изменения, происходившие на международном пушном рынке в XVIII в., повлекли за собой локальные последствия. Самым важным пушным промысловым зверем становится белка. Большим ненасыщенным рынком сбыта пушнины был в те годы Китай. Там особенно отдавали предпочтение обским белкам за густой хороший мех и за его необычно светлый оттенок. Юган был в тот период известен как место добычи беличьих шкурок, пользующихся большим спросом (Древний город на Оби. С. 198). Еще в конце XVIII в. Сургутская администрация по распоряжению из Тобольска учредила две самые крупные ярмарки, где купцы могли вести торг с охотниками из числа коренных жителей. Показательно, что «остяки просили устроить в Юганском погосте одну ярмарку, поскольку из волостей Большеюганской, Малоюганской, Юганской, Подгородней, Тромъеганской, Пимской, Селиярской и Салымской для вымену меж собою разных зверей на белку в ясак и иные к родственникам для займа денег в тот же ясак съезжаютца» (там же. С. 208). Одна из двух крупнейших ярмарок была действительно организована в с. Юганском и происходила ежегодно в начале июня. Таким образом, Юган стал не только поставщиком ценной пушнины регионального значения, но и центром торговых и межродовых контактов.

Интерес представляет упоминание об обмеле животными. Юганское было одним из небольших сел, выросших на приобских лугах в окружении родовых стойбищ, построенных задолго до прихода казаков. Со временем

* Информация была записана от Николая Гордеевича Цыганинова в д. Тайлакова в июле 1996 г.

некоторые хантыйские семьи перебирались жить в эти деревни. Хотя в XIX в. выращивание пшеницы и картофеля еще не практиковалось среди обских хантов, но, видимо, они начали держать у себя крупный домашний скот, в особенности лошадей. В этом случае деревни со смешанным населением, расположенные на устьях крупных притоков Оби, должны были играть роль торговых центров. Например, в дер. Селиярово покупались ненецкие олени, которые затем обменивались на корову, свинью или лошадь. Эти олени затем могли быть опять пущены в обмен в с. Юганском, а затем местный купец продавал их юганским хантам за меха.

Ханты Большого и Малого Юганов, живущие выше слияния этих двух рек, обыкновенно каждое лето сплавлялись вниз по течению до обских лугов и в течение целого сезона ловили и заготавливали там рыбу на зиму и на продажу. Эта практика была распространена во всем Среднем Приобье, начиная не позднее второй половины XVIII в. Юганское являлось центром административной и миссионерской деятельности и торговли, в том числе и летней рыбой.

Землепользование в XIX в.

К началу XIX в. на Югане сложилась определенная, отличная от прочих экономическая модель, элементы которой сохранились и в нынешнем столетии. Зимний сезон здесь использовался коренными жителями для охоты, в основном на промыслового пушного зверя, а летом юганские ханты целыми семьями спускались вниз по Югану до самого устья — ловить рыбу. Эта модель была модифицирована под влиянием двух серьезных факторов. Во-первых, на протяжении всего прошлого века, особенно в середине, западносибирская тайга подвергалась сильным лесным пожарам, уничтожавшим сотни тысяч гектар леса. А.А. Дунин-Горкавич сообщает об огромном пожаре в конце 1840-х гг., который уничтожил все леса на западной стороне Большого Югана, и о другом пожаре, случившемся в 1860-х, сгубившем лес, стоявший ниже и выше места слияния Большого и Малого Юганов на очень большом протяжении. Начиная с 60-х годов пожары повторялись в этих местах многократно, а в 70-х и 80-х гг. выгорел весь лес по обеим сторонам р. Черус-Ях (Дунин-Горкавич, 1910. Т. II. С. 139–141). Вот оценка этого бедствия, данная Дуниным-Горкавичем, профессиональным лесничим: «В бассейне р. Югана лесов очень мало, а спелых совсем нет, исключая опушки р. Большого Югана, да небольших, уцелевших от пожара колков, разбросанных близ берегов

рек, впадающих в р. Юган... леса эти ни в настоящем, ни в будущем не представляют ценности как лесной материал. В настоящее время в них водится лишь одна белка, и то местами» (там же. С. 143).

О размерах бедствий, причиненных пожарами юганским хантам, писал в своем дневнике священник прихода д. Юганской Иван Тверитинов: «Приход же преимущественно состоит весь из инородцев-остяков, живущих по рекам: Большому и Малому Юганам... Быт этих инородцев в отношении промыслов достоин полного сострадания. Лет около 20-ти назад или даже меньше у них выгорели все леса, где были вековые деревья черного леса, заставлявшие останавливаться ежегодно пробогных разного рода хороших зверей, как-то: соболя, лисицу, белку и проч. Ныне же тут вырос почти непроходимый березняк, который нисколько не привлекателен для упомянутого зверя... Хорошо еще, если бывает довольно полевого оленя и лося... Тогда остяк сыт, обут и одет. Говорю сыт, потому что он мало нуждается в хлебе, когда у него есть рыба и мясо». (Древний город на Оби. С. 253).

Дунин-Горкавич высказал следующее суждение об экономике юганских хантов, сравнивая ее с экономикой коренного населения, живущего на северном берегу Оби: «Звероловный промысел для известной части населения (по рекам Ваху и Югану) составляет главное занятие, дающее главным образом средства к существованию; для обитателей рек Агана и Тром-Югана звероловный промысел по значению равносителен рыболовству...» (Дунин-Горкавич, 1911. Т. III. С. 96). В то же время в традиционном хозяйстве юганских хантов было несколько особенностей, которые могли принадлежать как современной модификации экономической модели, так и результатам адаптации коренного населения к последствиям пожаров прошлого столетия.

Первая из этих особенностей касалась охоты. Дунин-Горкавич обращал особое внимание на большое разнообразие охотничьих экономик на субрегиональной базе и ее масштабы (особенно в сравнении с сегодняшней практикой).

Если подвести итог звероловному промыслу в бассейне р. Югана, то окажется, что по р. Б. Югану зверопромышленных мест мало и самый дорогой зверь, соболь, отсутствует. 60% населения промысляют зверя вне бассейна р. Б. Югана (50 хозяев из 7 населенных пунктов вне бассейна и 17 хозяев из 2 нас. п. частью в бассейне, частью вне бассейна р. Югана). Промыслом соболя занимается только 50% населения (55 хоз. в 10 нас. п.), но из этого числа 85% населения промысляет соболя вне бассейна р. Б. Югана (30 хозяев из 5 нас. п. вне бассейна и 17 хозяев

из 2 населенных пунктов частью в бассейне р. Югана и частью вне его). Что касается распределения промыслов, то они более или менее специализировались населением; одна лишь белка, в большей или меньшей степени, промысливается всеми. Все виды звероловного промысла распределяются так:

— 20 % населения *промышляют исключительно одну белку* (21 хоз. из 8 нас. п.)

— 16 % — *белку и оленя ружьем* (18 хоз. из 3 нас. п.)

— 16 % — *белку и лося с оленем в загородах* (18 хоз. из 5 нас. п.)

— 8 % — *белку и соболя* (9 хоз. из 2 нас. п.)

— 40 % — *соболя, лося с оленем в загородах и белку* (46 хоз. из 8 нас. п.). (Дунин-Горкавич, 1910. Т. II. С. 147–148).

Скорее всего, отсутствие в юганском бассейне соболя в период, описываемый Дунин-Горкавичем, объяснялось крупномасштабными пожарами прошлого века. По-видимому, по той же причине многие юганские семьи расширили пределы своих охотничьих территорий в соседние районы р. Салыма, Балыка и Демьянки. Юганские ханты, и в особенности те, которые жили выше слияния р. Большого и Малого Юганов, где летняя рыбная ловля была очень скудной, в большей степени зависели от добычи лосей и диких оленей, которые составляли пищевой запас на осень и весну. Молодая лесная поросль, выросшая после пожаров, привлекала лосей, но ягель, основной корм для оленей, был целиком уничтожен пожарами, так что и лоси и олени в этих местах были только «переходные» (мигрирующие). Приспосабливаясь к новым условиям, юганские ханты научились строить загорода между естественными препятствиями, которые вынуждали мигрирующие стада проходить теми тропами, где охотники могли добывать нужное количество животных при помощи тяжелых сторожевых луков (там же. Т. III. С. 101).

Второй особенностью являлось участие домашних оленей в хозяйстве юганских хантов в XIX в. Как упоминалось выше, Дунин-Горкавич указывал на различия, существовавшие, с одной стороны, между ваховскими и юганскими хантами, которые занимались в основном охотой, и тром-аганскими хантами, с другой, которые занимались в равной пропорции и охотой, и рыболовством. Различия проявлялись и в отношении оленеводства. В первой части статьи уже говорилось, что в самых северных стойбищах этого района восточные ханты держали в стадах по 10–15 животных, хотя на р. Тром-Еган в верховьях встречались стада по 50 и более оленьих голов. На северной стороне Оби домашние олени постоянно использовались как транспортное средство и пище-

вой ресурс на зиму. В нарты здесь запрягали обычно не менее трех оленей: эту практику местные ханты, возможно, переняли у ненцев. Дунин-Горкавич отмечает, что в отличие от указанного типа хозяйства на Югане в среднем оленей в хозяйстве держали значительно меньше, особенно в сравнении с собаками, которых было в каждой юрте не менее десятка. Оленеводство на Югане, по его мнению, было развито очень слабо, особенно в сравнении с коневодством, хорошо развитым среди хантов, живших в самых низовьях реки у Оби, и тем количеством собак, которых держали в юртах средней и верхней части Югана.

По р. Большому и Малому Юганам выше с. Юганского в 35 населенных пунктах проживают 259 работников, входящих в состав 141 хозяйства, размещены они в 116 юртах. В первых 6 населенных пунктах по р. Б. Югану у 16 хозяев из числа 18 имеется 33 лошади. Из 30 населенных пунктов, расположенных в полосе оленеводства, только в 23 пунктах у 79 хозяев (из числа 123) имеются олени в количестве 229 голов. Таким образом, в 7 пунктах совсем нет оленей и в 18 пунктах безоленных хозяев 44. В бассейне р. Югана, кроме с. Юганского, рогатого скота нет. Лошадей держат только до юрт Уготских. Выше этого пункта коневодство невозможно, за отсутствием по реке Югану чистых луговых пространств: по обоим берегам этой реки в долине встречаются лишь моховые болота и кочковатые согры. Оленей здесь имеется от 1 до 5 штук на хозяина. Оленные остяки встречаются только в юртах Уготских, Когончиных и Каюковых. Хотя русские торговцы снабжают остяков самоедскими оленями по ценам от 7 до 10 рублей за важенку и от 8 до 20 рублей за быка, но эти приполярные степные самоедские олени, привыкшие у себя к летнему приволью (открытое место и холодные ветры с моря), безусловно непригодны для здешней лесистой местности, где летом их приходится оберегать от комаров кукурузом в особо устроенных для того пригонах. Естественно, что часть оленей гибнет от непривычки, часть убегает в свои северные местности, а некоторые пристаю к диким оленям. Словом, по Югану олени не размножаются и как средство передвижения дорого обходятся остяку: самый способ езды на оленях своеобразен: остяки ездят в собачьей нарте, запрягая в нее только одного оленя. От этого по Югану дороги узки и проезд по ним на оленьей нарте невозможен (там же. Т. II: С. 144–145).

Это соотношение между количеством оленей и собак, неравномерность распределения оленей по юртам, неспособность не только разводить, но и адаптировать технологию оленьего транспорта говорит о том, что домашнее

оленоводство было сравнительно молодой отраслью хозяйства в юганском бассейне. П.С. Бахлыков в историческом очерке, посвященном юганским хантам, также пишет о том, что многочисленные пожары сделали традиционную охоту на диких оленей, которые были основным пищевым ресурсом коренного населения, почти невозможной: «Разбежались и погибли многочисленные олени стада. Наступило очень трудное и голодное время. Приходилось ездить в отдаленные районы для добычи мяса животных» (Бахлыков, 1996. С. 39). Это положение находит подтверждение и в истории Сургутского района: после лесных пожаров 1860-х гг., бушевавших на всем севере Тобольской губернии, значение оленеводства в хозяйстве сургутских остяков значительно возросло. Например, по Ваху до пожаров зверя вполне хватало. В 40-е гг. удачливый промысловик заготавливал ежегодно до 30 соболей. Везучий охотник за сезон добывал 10–30 диких оленей. Домашних оленей тогда держали немного — лишь в транспортных целях, для поездок за мукой или на ярмарку. После того как в тайге отпыхали пожары, исчезли не только леса, но и олений ягель. Как следствие — перевелись и соболь, и дикий олень: редким был теперь и прочий зверь. На охоту теперь приходилось отправляться в отдаленные места, а это «вызывало нужду» в домашних оленях (там же. С. 260).

Очень возможно, что именно пожары, полыхавшие в середине столетия в самом сердце западносибирской тайги, заставили юганских хантов держать домашних оленей, которые обеспечивали транспорт, необходимый при дальних путешествиях за охотничьей добычей, обусловленных оскудением близлежащей базы природных ресурсов.

К концу XIX в. юганские ханты, продолжая, видимо, адаптироваться к новым условиям хозяйствования, демонстрировали асимметричную экономическую модель. Сохранялось унаследованное от XVIII в. значение беличьей охоты. Белок хантыйские охотники продавали купцу Тетюцкому: «можно встретить запасы его товаров (муку, табак, чай и сахар), продающихся... остякам за наличную белку... Белка добывается по Большому Югану до 60 и по Малому до 10 тысяч штук, а в благоприятный год остяками бассейна р. Югана добывается до 100 тысяч» (Дунин-Горкавич, 1910. Т. II. С. 148).

Добыча соболя, напротив, сильно упала: у Тетюцкого в хороший год собирается соболя с Большого и Малого Югана до 300 штук (с Малого Югана двумя мелкими местными торговцами вывозится ему же до 100 соболей). Кроме того, в казну поступает вместо денежных

платежей — 100 соболей (со всей юганской территории — речь здесь идет об административном эксперименте, направленном на восстановление ясачного налога в виде мехов. Двумя торговцами, приезжающими из Сургута, вывозится около 150 соболей и демьянским торговцам сдается около 110 соболей (там же. Т. II. С. 148).

Сделав необходимый подсчет, мы получили цифру 760 шкурок, сдаваемых юганскими хантами. Эта небольшая цифра, видимо, отражает все еще неблагоприятную ситуацию с охотничьим промыслом, когда юганские охотники были вынуждены скитаться далеко от дома в поисках добычи. Лосиная и оленья охота, тем не менее, согласно Дунину-Горкавичу, практически восстановилась в прежних объемах.

Лося по Большому Югану убивают до 200, по Малому до 80 штук, оленя до 1000 штук по Большому Югану. Медведя, россомахи, лисицы и выдры добывается немного, по 5–6 штук, а по Малому Югану по 1 штуке на хозяина. Рысь обыкновенно встречается здесь в годы обилия зайца (там же).

Только рыболовство, кажется, не испытало влияния больших пожаров, в основном потому, что, в противоположность современной практике, рыбная ловля была для юганских хантов в большой степени сезонным промыслом. Дунин-Горкавич относил это за счет непригодности рек Большого и Малого Юганов для развода рыбы: в реке Юган водится щука, язь, окунь, мохтик, сорога, ерш и налим, а в ручьях попадает карась. Добываемого в реки Юган количества рыбы не хватает для прокормления местного населения. Только в низовьях реки Югана, на протяжении 115 верст, от устья до юрт Уготских, рыбный промысел с избытком удовлетворяет население, так что излишняя рыба идет на продажу в сухом виде (язь и щука). По Малому Югану в единственной рыбной речке Мохток-Сап добывают мордами и котцами до 50 пудов мохтика (там же. С. 145).

«Для обеспечения себя рыбными запасами, — продолжает Дунин-Горкавич, — юганские остяки с Большого и Малого Югана в летнее время выезжают на Юганскую и Большую Обь и даже на реку Тром-Юган, где во время хорошего промысла, кроме заготовки для себя сухой рыбы, засушивают еще по 2–3 кучума на продажу» (там же. С. 146). Он отмечает также, что «есть несколько местностей, в которых лов удовлетворителен, поэтому остяки оттуда на низ не ездят. К числу этих местностей принадлежит и незначительная речка Коим, где в нерестовую пору два хозяина юрт Сапоркиных добывают сухого язя до 20 пудов» (там же). Тавуров также упоминается как еще одно такое

место. Сама тщательность, с которой Дунин-Горкавич перечисляет снасти и количественные результаты рыбного лова, указывает, что в тех случаях, когда он пропускает какие-то юрты в своем перечне, рыбы в тех местах нет совсем. Рыбная ловля, заключает Дунин-Горкавич, играет в хозяйстве юганских хантов менее значительную роль, чем на других реках: «Юганские остяки продают рыбы по 100–200 пудов, в лучшем случае — до 500 пудов. По всему Югану добывается для пропитания до 600 пудов, а для продажи до 200 пудов» (там

же). Если разделить количество коренного населения Югана, известное по переписи 1890 г. (Бахлыков, 1996. С. 37) и составляющее 1 тысячу 81 человек (не считая 33 младенцев) на 600 пудов рыбы, которые, по оценкам Дунина-Горкавича, идут на пропитание, то в результате получается 1,5 фунта рыбы на человека в год. Эта цифра, конечно, занижена, но если даже умножить этот результат на 50, все равно количество потребляемой рыбы на Югане значительно уступает количеству лосиного и оленьего мяса в рационе юганских хантов.

ЮГАНСКИЕ ОХОТНИКИ СЕГОДНЯ: 1. КУРЛОМКИНЫ С БОЛЬШОГО ЮГАНА

Семья и расселение

Стойбище Курломкиных в настоящее время расположено на высокой гряде, около 10–12 м над уровнем воды (в середине лета) на восточной стороне реки Большой Юган*. Их стойбище по направлению к вершине — предпоследнее. Выше располагается только стойбище Ларломкиных. Еще в конце прошлого столетия их фамилия писалась как «Курлакины», так она и зафиксирована в записях Дунина-Горкавича (Дунин-Горкавич, 1910. Т. II. Приложение. С. 26). Петр Васильевич, глава семьи, рассказывал нам (1997 г.), что, по семейному преданию, их фамилия была образована от прозвища «кулакин», означающего «женщина с кривой ногой», поскольку в роду действительно была такая женщина.

Родовая семья Курломкиных состоит из четырех хозяйств. Петр Васильевич Курломкин возглавляет нуклеарную семью, в составе которой находятся также его жена Таисия Михайловна (девичье имя — Усанова) и их дочь Надежда. До недавнего времени членом этой семьи была и старшая дочь Елена, которая в 1997 г. вышла замуж за Петра Сурломкина с Малого Югана. Вторая по старшинству семья принадлежит сыну Петра Васильевича от первого брака, Антону, у которого есть жена и четверо детей. Глава третьей семьи — Леонтий Каюков, сын Таисии Михайловны от первого брака. В эту семью входит его жена Наталья и годовалая дочь. Другой сын Петра Васильевича от первого брака, Николай, имеет жену и двоих маленьких детей. Третий сын Петра Васильевича, также от первого брака, Лазарь, неженат и живет с семьей Николая.

Дом Петра Васильевича отстоит от домов Леонида и Николая примерно на пятьдесят метров и на полтора километра от дома Антона. Нынешнее летнее стойбище Курломкиных находится по реке Большой Юган на семь километров ниже прежнего летнего места этой семьи, о котором Дунин-Горкавич пишет, что оно расположено на правой стороне Югана, «в одной версте от него, на гриве опушки, параллельно Югану» (там же. С. 166). Современное курломкинское стойбище (рис. 5) состоит из многочисленных построек разного назначения,

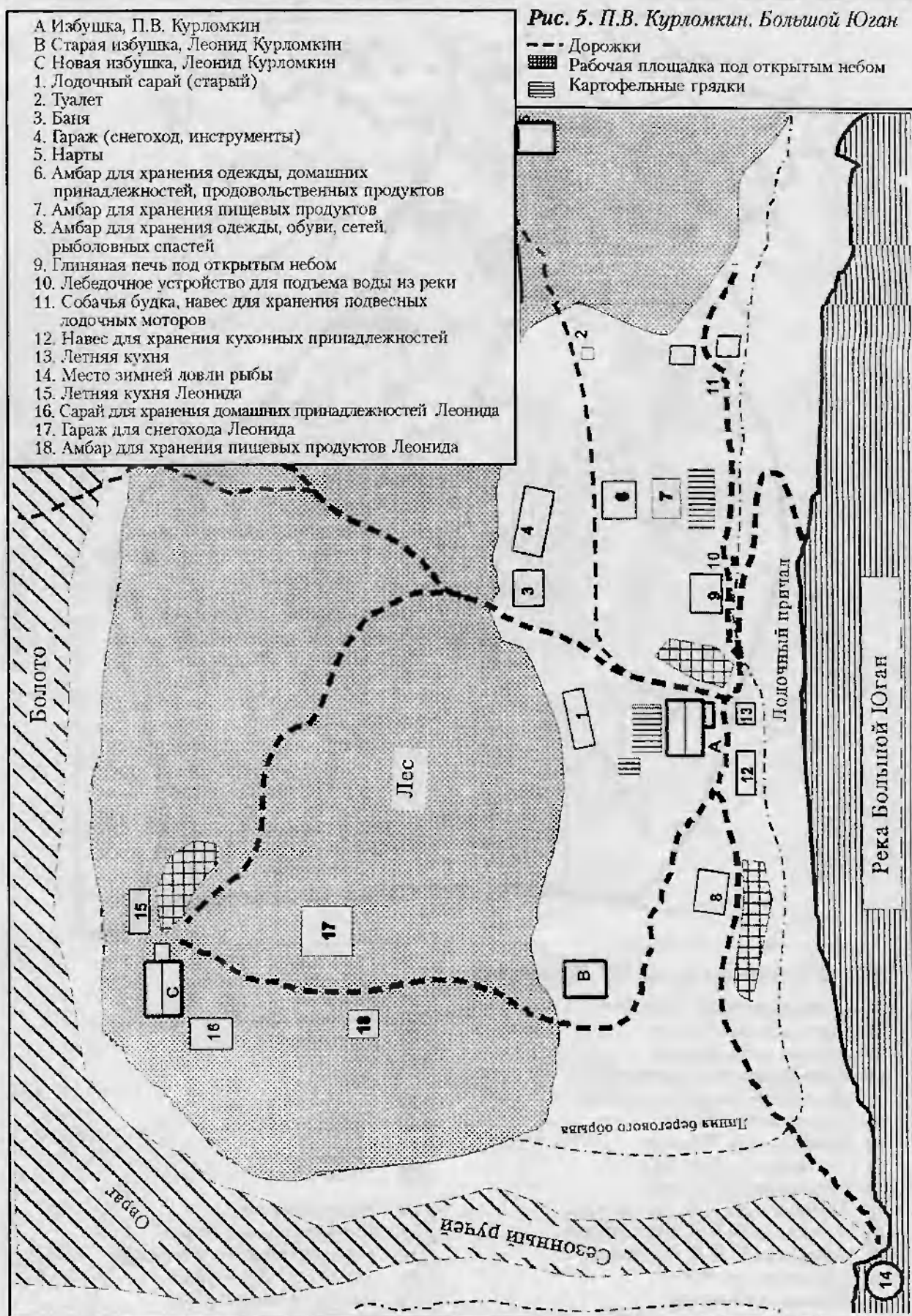
возведенных самими хозяевами. В 1995 г. Курломкины начали совместно строить новый дом для Леонтия и его жены. Время было выбрано очень удачно, поскольку весной 1996 г. Большой Юган во время большого весеннего разлива затопил высокий берег и жилые дома, поднявшись, как показывает отметка на стене, на метр от уровня пола. Весной 1997 г. подъем воды равнялся 13 м от среднего уровня воды в Югане в середине лета.

Охотничьи владения Петра Васильевича (рис. 6) тянутся примерно на 10 км к северу от Большого Югана и продолжаются на другой стороне реки километров 40–45 на юг до возвышенности, совпадающей с границей округа, выше реки Демьянки. Общая площадь его угодьев составляет примерно 166 тыс. га. Территорию, лежащую к югу от Большого Югана, Петр Васильевич делит с Николаем и Леонтием и использует ее для зимней охоты. Участок размером около 23 тыс. га между р. Койим-Лох и восточной границей Курломкинских угодьев выделен Антону также для зимней охоты. Еще один небольшой участок площадью около 19 тыс. га в юго-восточном углу территории зарезервирован для бывшего соседа, живущего ныне в д. Угут. Границы, указанные Петром Васильевичем, совершенно идентичны границам, определенным для него районной администрацией. Сегодняшние соседи Курломкина: Ефим Колсмов — на северо-западной стороне и Николай Гордеевич Цынганинов — на западе. Последний проживает теперь в дер. Тайлакова, но сезонно охотится и ловит рыбу на своем участке. На востоке курломкинские земли граничат с землей ларломкинской общины.

Трудно сказать, сколько столетий семья Курломкиных живет на этой земле. Петр Васильевич говорит, что эта земля принадлежала его семье на протяжении всей семейной памяти (Петр Васильевич хранит в памяти историю трех поколений своей семьи).

Дунин-Горкавич описывает хозяйство семьи Курломкиных (деда Петра Васильевича), основной природно-ресурсной базой которых является «чащевой лес с елью и пихтой... здесь инородцы ю. Курламкиных добывают годом до 30 пудов ореха. Инородцы ю. Курламкиных (2 домохозяина) промышляют исключительно одну белку вблизи юрт и добывают осенью 800, а весной 500 шт. Рыбу они ловят в речках — весной сетями, а зимой — мордами (щуку и мотика). Летом выезжают на устье Югана» (там же. С. 166). Согласно описанию Дунина-Горкавича, Курломкины владели пятью оленя-

* Дружеские отношения авторов с семьей Курломкиных длятся в течение многих лет. О. Балалаева приехала к ним в 1989 г. В 1992–1996 гг. авторы каждое лето вместе приезжали на стойбище Курломкиных, в июле 1997 г. они встречались с Петром Васильевичем Курломкиным в д. Угут.

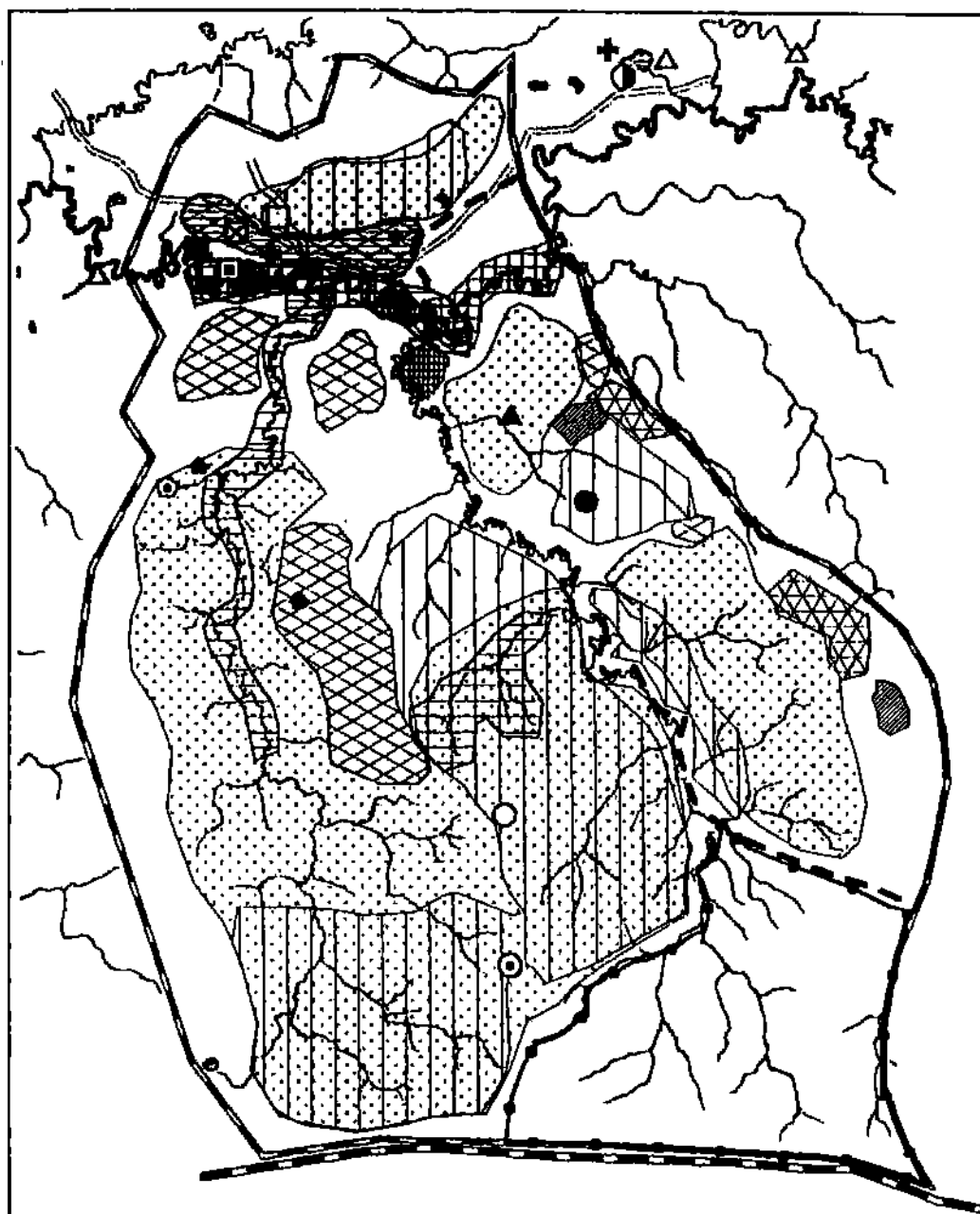

Рис. 6. Охотничье угодье П.В. Курломкина

- ▲ Осенне-весенняя изба Антона
- Летняя изба Антона
- Зимняя изба Антона
- ⊙ Археологический памятник
- × Место, где был убит медведь
- + Семейное кладбище
- ⊠ Летняя изба Леонида
- Летняя изба Николая
- Зимняя изба Николая
- ⊕ Бывшая изба П.В. Курломкина
- ⊞ Летняя изба П.В. Курломкина
- ⊟ Зимняя изба П.В. Курломкина
- ▲ Священное место
- ◆ Транзитный лагерь

- ▨ Ягодники
- ▨ Кедровые орехи
- ▨ Рыбная ловля
- ▨ Лиса
- ▨ Тетерев
- ▨ Норка
- ▨ Лось
- ▨ Выдра
- ▨ Соболь
- ▨ Дикий олень
- ▨ Земля Антона
- ▨ Границы района/округа
- ▨ Самоопределенные границы
- ▨ Земля В.С. Когончина
- ▨ Зимняя оленья тропа
- ▨ Зимняя тракторная дорога

ми, десятью собаками, коней не держали, из хозяйственного инвентаря имели два невода и десять сетей (Дунин-Горкавич, 1910. Т. II: приложение, 25). Важно отметить, что Курломкины не были названы Дуниным-Горкавичем среди семей, члены которых были вынуждены уходить охотиться далеко за пределы своей родовой территории. По классификации Дунина-Горкавича, семья Курломкиных, таким образом, ограничивалась добычей лося, оленя и промысловой белки, охотясь на своих угодьях. Хозяйство Курломкиных выглядит наиболее типичным для того периода, в сравнении с хозяйственным укладом других семей, описываемых Дуниным-Горкавичем. Многие из этих семей регулярно сплавлялись на летний сезон ловить рыбу в низовья Большого Югана, преодолевая расстояние в 800 км вниз по реке. По рассказам стариков, записанным нами на Большом Югане, которые застали эту практику, спускались вниз по реке обычно большими караванами, потому что путешествовали вместе несколько семей, и отнимал этот путь больше недели.

Сезонная модель охоты и рыболовства

Курломкины ведут свое хозяйство по сезонам. Они, как и другие юганские ханты, в отличие от хантов-оленоводов с северного берега Оби, следуют биполярной, а не круговой модели движения по своей территории. Их осенне-весенние лагеря лежат на прямой линии, соединяющей зимние и летние избушки.

Поздняя весна — лето. Семья возвращается на летнее стойбище перед ледоходом, обычно в марте месяце, поскольку в это время еще можно использовать снегоходы, облегчающие переезд с южной стороны реки. В марте, когда вода еще лежит подо льдом, рыбу ловят котцами в устьях маленьких речушек, текущих на северной стороне от Б. Югана. Зимний улов очень неравномерен: в марте 1992 г. мы наблюдали совершенно различные ситуации, в одном случае было поймано более 400 фунтов рыбы, в том числе 20 очень больших щук, самая большая весила 12 кг, в то время как на другом ручье лов оказался совершенно непродуктивным.

Ловушки на соболя, которые устанавливаются на позднего весеннего зверька, располагаются в лесу к северу от летнего стойбища. В них иногда попадают и тетерева, идущие на суп. В это время соседи часто навещают друг друга, пользуясь последней возможностью добраться до места на «Буранах» по старым оленьим путям. В течение сезона таяния льда и разлива Югана между апрелем и концом июня семья в основном живет на осенне-зимних запасах продовольствия: это сушеное мясо лося, копченая и

соленая рыба. Во время весеннего половодья, когда вода стоит высоко, река несет с собою так много сора, что ловить рыбу практически невозможно. Если разлив не очень велик, запасы могут пополняться добычей лося или речной дичи.

С середины до конца июня уровень воды начинает падать, река течет медленно, весь сор оседает на дно. Суша становится проходимой, в первой половине июля появляются комары и мошки. Сети ставят на реке в местах впадения ручьев, затем их опустошают и переносят на другое место. Главный продукт питания в это время — свежая рыба, хотя и в небольших количествах. Время от времени Петр Васильевич выезжает на обласку охотиться на лосей и речную дичь (уток), таща за долбленкой леску для поимки щуки. В конце июля молодежь Курломкиных (Николай и Елена, возможно, младшая Надя) отправляются вверх по реке на оз. Ларломкино, где в это время бывает много рыбы, разбивать рыбный лагерь. Они остаются там в течение пяти дней — недели, занимаясь ловлей и копчением улова. В июле 1996 г. мы были свидетелями того, как они привезли с собой большое количество пятидесятикиллограммовых мешков рыбы. Когда улов разделили между всеми семьями, то он составил пять больших кадушек рыбы, каждая вместительностью примерно два бушеля. На Югане, как уже отмечалось раньше, традиционно практикуется летом уезжать из дома на приличное расстояние, чтобы разбить временный рыбный лагерь. Эта практика позволяет сделать необходимый запас рыбы, сушеной и копченой (чёмых), для последней трети лета, когда рыбы в Югане почти совсем нет, река обмелевает и запасы сушеного мяса также подходят к концу. Позднее лето, таким образом, не обильный сезон, и это нередко вынуждает хантов Курломкиных ездить в ближайший муниципальный продовольственный магазин в д. Тайлакова. Частично августовские трудности с провизией компенсирует урожай с картофельных грядок. В худшие годы семья в это время имеет ограниченный рацион. В сентябре-октябре рыболовство еще продолжается на летний манер, но в это время основным занятием выступает собирание ягод и кедрового ореха. Урожай орехов обычно зависит от десятилетних циклов, и до сих пор со времен Дунина-Горкавича собирание орехов является важной статьей дохода Курломкиных. В конце сентября семья начинает готовиться к переезду в урмап в зимнюю избушку. Подготовка включает также несколько поездок в тайлаковский магазин.

Зима — ранняя весна. В последних числах ноября, когда замерзает река, семья перебирается в зимний дом. На пути к зимнему месту они устраивают несколько стоянок, ночуя в палатках. Ближайшая из них находится около старого зимнего места, где они жили до 1990 г.

На каждой из стоянок они проводят примерно неделю, устанавливая ловушки на соболя, охотясь на лося, белку, разные виды дичи и иногда норку. В зимнюю избушку они прибывают, таким образом, к Новому году и остаются там до начала марта. Оба транзитных лагеря и зимняя избушка находятся примерно в середине территории, наиболее богатой промысловым зверем. Охотничьи маршруты соответствуют круговой модели, причем охотники возвращаются в избушку через день-два.

К главным пищевым ресурсам относятся лось и боровая дичь (тетерев). Тетеревов обычно варят свежеежипанными, но основное количество лосиного мяса сушится и вялится, чтобы запастись его на весну и раннее лето. Белки относятся к промысловым пушным зверям, но беличье мясо также идет в пищу вареным. На лис и норку охотятся нерегулярно, если обнаружат свежий след. Соболиные ловушки расставляют на главной территории, прилегающей к зимней избушке. Силки на зайцев ставят прямо по соседству с избушкой. Зимний лов рыбы практикуется разными способами, наиболее часто применяемый — подледный лов при помощи сетей. Иногда Курломкины добывают зимнюю рыбу на оз. Ларломкино, но не регулярно. В конце февраля семья возвращается на летнее стойбище, также останавливаясь на своих обычных местах в транзитных лагерях, охотясь на протяжении всего пути и добывая соболя из ловушек, поставленных в декабре. Семья переходит на северную сторону Югана до того, как река вскрывается, и начинают обживать летний дом. Сходный образ жизни и хозяйства ведет Антон на своих угодьях, выделенных ему Петром Васильевичем. Вот некоторые цифры, записанные от Курломкиных, иллюстрирующие эту хозяйственную модель:

Добыча	Курломкин П.В. 1995 год	Курломкин Николай 1996 год	Курломкин Антон 1996 год
Соболь	40	70	20
Лось	4	10	10
Олень	0	0	15
Лиса	0	0	4
Белка	200	600	30
Порка	—	7	2
Росомаха	0	0	1
Заяц	—	4	—
Утка	2-3	5	2-3
Рябчик	много	200	100
Косач (тетерев)	много	60-70	20
Глухарь	—	20	8
Ягоды	—	—	—
Кедровый орех	3200 кг	6000 кг	—

Примеч. Прочерк означает, что информанты не могут вспомнить и не имеют записей количества добычи.

Труднее всего сосчитать, какое количество рыбы добывается для пропитания семьи. Приблизительные оценки добычи рыбы в различные сезоны, базирующиеся на информации, собранной в конце зимы (в марте) и в течение двух летних сезонов (в июне-июле), выглядят следующим образом:

Весна (март-май) 400 кг
Лето (июнь-август) 500 кг
Осень (сентябрь-ноябрь) 100 кг
Зима (декабрь-февраль) 25 кг
Итого: 1025 кг

Улов рыбы обычно делится пропорционально количеству людей в каждом из курломкинских хозяйств.

Домашняя экономика

В отличие от семьи Кантеровых, Курломкины не меньше половины своего времени отдают добыче промыслового зверя и сбору дикоросов, предназначенных на продажу. Мы рассмотрим эту статью хозяйства отдельно.

Имея дело с такой относительно замкнутой системой жизнедеятельности, как и в случае с Кантеровыми, можно рассчитать денежную стоимость продукта, производимого семьей Курломкиных для собственного потребления, определив вес массы каждого пищевого продукта, и приравняв его к стоимости аналогичных продовольственных товаров, продаваемых в муниципальном магазине.

Мы сделали подсчет продукции, которую Петр Васильевич делит с семьей пасынка Леонтия, взяв количественные показатели 1996 г., относительно урожайного, и вычтя оттуда 50% рыбы, отданной семьям Антона и Николая, и 30% продовольствия, добытого в зимний период, отданного Николаю для домашнего потребления, равно как и продукцию, произведенную на продажу:

Добыча	Курломкин П.В. и Николай 1996 год	Вес (кг)	Денежная стоимость
Лось	6,5	1170	23,4 млн.
Олень	0	0	0
Белка	420	70	1,75
Утка	3-5	1	0,025
Заяц	3	2	0,04
Рябчик	140	100	2,5
Косач	40-50	7	0,125
Глухарь	16	11	0,275
Ягоды	меньше, чем 20 кг	15	0,12
Рыба	500 кг	500	5,25
Общая масса продуктов питания/ денежное выражение		2640 кг	33,485 млн.руб.

Собак кормят мелкой рыбой и остатками со стола, так что стоимость собачьих кормов входит в представленный расчет. Лось, поми-

мо мяса, является также ресурсом зимней одежды, подстилок и одеял, что довольно трудно учесть корректно. В среднем каждую зиму семья производит для себя с использованием лосиной шкуры и сухожилий следующую продукцию:

Зимняя обувь (3 пары) 600,000
Зимние рукавицы (3 пары) 150,000
Нитки 20,000

Общей стоимостью 770,000 руб

Кроме того, природная ресурсная база обеспечивает основной объем строительных материалов (за исключением стекла, рубероида, гвоздей) для постройки жилых и хозяйственных сооружений и деревянных лодок (обоих типов: большой дощатой лодки и обласка). Дерево также является отопительным материалом для обогрева и приготовления еды. Расчеты, приведенные ниже, основаны на потребностях тех же двух семей — Петра Васильевича Курломкина и Леонтия Каюкова.

Материалы	Количество	Стоимость в руб.
Строительные материалы (куб. м. — 80 тыс. руб.)	400	32 млн.
Отопительные материалы (дрова, куб. м. — 60 тыс. руб.)	270	16 млн. 200 тыс.
Приготовление пищи (дрова, куб. м. — 60 тыс. руб.)	70	4 млн. 200 тыс.
Хозяйственный инвентарь, изготовленный вручную (корзины, рыбные ловушки)	12	600 тыс.
Облас (I) и большая лодка (I)	—	3 млн.
Итого:		57 млн.руб.

Так же как и в случае с Кантеровыми, стоимость строительных материалов и трудозатрат на строительство жилых и хозяйственных построек (лабазов, навесов, гаражей и т.д.) должна быть подсчитана с учетом амортизации. В случае с Курломкиными амортизационный срок более долгий — не менее 8 лет. Стоимость материалов и трудозатрат на строительство лодок имеет пятилетний срок амортизации. При расчете на год получаются следующие цифры:

Материалы	Количество	Стоимость в руб.
Строительные материалы (куб. м. — 80 тыс. руб.)	50	4 млн.
Отопительные материалы (дрова, куб. м. — 60 тыс. руб.)	270	16 млн. 200 тыс.
Приготовление пищи (дрова, куб. м. — 60 тыс. руб.)	70	4 млн. 200 тыс.
Хозяйственный инвентарь, изготовленный вручную (корзины, рыбные ловушки)	12	600 тыс.
Облас (I) и большая лодка (I)	—	600 тыс.
Итого:		25 млн. 600 тыс.руб.

Общая стоимость продукции, производимой в хозяйстве обеих семей за год, выражается в следующих цифрах:

Продукты питания 33 млн. 485 тыс.

Одежда 770 тыс.

Жилище 25 млн. 660 тыс.

Итого: 59 млн. 855 тыс.

Денежная экономика. Семья Курломкиных вовлечена также и в денежную экономику, поскольку для покупки базовых продуктов питания (мука, соль, сахар, чай), одежды, амуниции, некоторых инструментов и машинных частей требуются наличные деньги. Если опять воспользоваться цифрой 70% добычи во взятых вместе хозяйствах Петра Васильевича и Леонтия в 1996 г., то годовая продукция, денежная стоимость которой оценивается путем умножения количества на среднюю рыночную цену (с учетом колебаний до 20% цен на меха в зависимости от их качества), может быть выражена в следующих цифрах:

Добыча	1996 год (средняя рыночная цена в руб.)	В денежном выражении за год
Соболь	70-80 тыс.	3 млн. 500 тыс.
Лиса	0	0
Белка	600-800 руб.	480 тыс.
Норка	70-80 тыс. руб.	560 тыс.
Кедровые орехи	6000 кг по 1 тыс. 500 руб.	9 млн. руб.

Сюда можно прибавить нерегулярное производство березовых веников. В 1995 г. женщины Курломкиных изготовили 200 банных веников по 800 руб. каждый, общей стоимостью 160 тыс. руб. Сделать такой же расчет на 1996 г. не представляется возможным, поскольку в этом году им за эту продукцию не заплатили. Не заплатили им также ни за собранный кедровый орех, ни за сушеные ягоды, собранные в 1995 г. В прошлые годы собранные ими дикоросы реализовывались через систему государственной фактории, но с развалом советской централизованной экономики эта система также прекратила свое существование.

Скупка местной пушнины теперь идет практически бесконтрольно. Отсутствие государственного регулирования привело к тому, что этот рынок контролируется теперь сургутскими частными скупщиками, которые занижают закупочную цену. Кроме того, спрос на местную пушнину в настоящее время резко упал в связи с появлением на рынке более дешевых импортных меховых изделий. Таким образом, потенциальная стоимость годовой продукции, производимой Курломкиными, могла бы в урожайный год достигать 13 млн. руб., но в современ-

ных экономических условиях они способны реализовать только треть произведенного ими. В 1995 г., например, денежный доход их был в общей сложности 3 млн. руб.

К доходам за реализацию продукции следует прибавить государственные пенсии, которые получают по возрасту и за выслугу лет Петр Васильевич и его жена Таисия Михайловна. В 1997 г. одна пенсия равнялась 370 тыс. руб. в месяц, — больше по сравнению с 1995—1996 гг., когда размер пенсии не превышал 300 тыс. руб. в месяц, или 3,6 млн. руб. в год. Учет пенсионных выплат увеличивает их денежный годовой доход до 11 млн. руб. в год.

Подсчет расходов семьи был сделан только с учетом фиксированного количества пшеничной муки, приобретаемой на год, хотя за одну поездку зимой в дер. Тайлакова они приобретали также несколько ящиков с растительным маслом, сахар, соль, чай и печенье. Учитывая размеры обеих семей (четверо взрослых, два подростка), можно сделать приблизительный подсчет их расходов за год.

Если прибавить к итоговой сумме еще один миллион рублей на не учтенные нами расходы, то получится, что разница между наличными деньгами, генерируемыми Курломкиными за год, и расходами составляет около одного миллиона рублей (или около 8% от их де-

Расходы	Стоимость
Мука (25 мешков по 80 тыс. руб.)	2 млн. руб.
Сахар (6 мешков по 100 тыс. руб.)	600 тыс. руб.
Чай (150 пакетов по 6 тыс. руб. каждый)	900 тыс. руб.
Растительное масло (4 ящика по 100 тыс. руб. ящик)	400 тыс. руб.
Макароны (6 мешков по 100 тыс. руб.)	600 тыс. руб.
Материал на одежду	700 тыс. руб.
Готовое платье	1 млн. 500 тыс. руб.
Карамель	50 тыс. руб.
Печенье	200 тыс. руб.
Овощи (лук репчатый)	150 тыс. руб.
Хозяйственный инвентарий из металла и пластмассы	500 тыс. руб.
Амундзия (патроны)	1 млн. руб.
Зап. части для снегохода и лодочного мотора	не ясно
Итого:	8,6 млн. руб.

нежного дохода) положительного баланса на дополнительные траты. Основные продукты питания закупаются в муниципальном магазине в ближайшей дер. Тайлакова. Примерно четыре раза в год семья предпринимает длительное путешествие в д. Угут, где покупают ткани (ситец и сукно), готовую одежду, амундзию и иногда овощи (репчатый лук).

2. КАЙМЫСОВЫ С МАЛОГО ЮГАНА

Описанная выше модель природопользования и расселения в основном распространяется и на семью Каймысовых, проживающих в верховьях реки Малый Юган. Тем не менее существуют и различия, на которые указывал еще в своем фундаментальном труде А.А. Дунин-Горкавич, выделяя субрегиональные различия в экономике хантов юганского бассейна.

Семья и расселение

Каймысовы — большая родовая семья*. Охотничьи угодья, рассматриваемые здесь, кормят 12 человек. Главой этой семьи сейчас является Василий Михайлович Каймысов, у которого жена и трое детей. У Василия Михайловича двое младших братьев, один из которых недавно женился, и четыре незамужних сестры. Незамужние сестры живут в одном доме с матерью, давно овдовевшей. В силу большого количества добротных жилых и хозяйственных построек летнее стойбище семьи напоминает небольшую деревню. Братья имеют отдельные дома, сестры, как уже сказано, живут в одном доме с матерью. Вокруг жилых изб располагаются многочисленные хозяйственные постройки: баня, гаражи, лабазы и несколько нежилых брошенных домов.

Названная семья Каймысовых получила свою нынешнюю фамилию по названию стойбища и обосновалась на этих землях сравнительно недавно, на памяти трех поколений. Здесь, на этом стойбище, живут и собственно Каймысовы, чьи предки жили на этих землях с очень давних времен, поскольку фамилия Каймысовы появляется уже на карте Ремезова XVII в. О том, что ханты селились в этих местах издавна, свидетельствуют хорошо различимые на земле следы средневековых селищ, старые могилы и священные места (последние два типа на карте, прилагающейся к данной статье, не обозначены).

А.А. Дунин-Горкавич писал: «Юрты Каймысовы (Пеу-Путол)... расположены... с левой стороны Малого Югана, в бору, лес на котором молодняк сосны и березы 2—3 вершков толщиной. Между юртами Тюмкиными и Каймысовыми находится речка Карнол-Ягун... На материке же по обеим сторонам речки... кедр... инородцы юрт Каймысовых годом чистят на нем орех. Рыбу по этой речке не промышляют. Из зверей здесь обитают соболь, лось, олень и белка» (Дунин-Горкавич, 1910. Т. II. С. 170).

* Данные, включенные в эту статью, были собраны авторами в июле 1996 г. на стойбище Каймысовых.

«В материальном отношении: жители юрт Каймысовых (6 юрт, 6 хозяев), лошадей не имеют, один хозяин имеет оленя, все вместе имеют 10 собак, четверо хозяев владеют 4 неводами» (Дунин-Горкавич, 1910. Т. II: Приложение. С. 26).

Охота, рыбная ловля и собирательство

Общая площадь охотничьих угодьев первых Каймысовых составляет примерно 360 тыс. га (рис. 7). Как и Курломкины, Каймысовы следуют биполярной модели сезонных миграций между летним стойбищем на Малом Югане, которое они так же, как и Курломкины, покидают в конце ноября, и зимним местом, откуда они уходят в начале марта. Братья живут в отдельных домах не только на летнем стойбище, но и на зимнем месте каждый живет своим домом. Ловят рыбу они преимущественно коллективно, а охотятся в разных секторах своей территории. В отношении промысловой охоты эти угодья можно назвать богатыми. Мы записали от них следующие цифровые данные за 1996 г.:

Лось 25
Лиса 3
Медведь 1
Соболь 89—90
Норка 14
Утки немного
Гуси 0
Ондатра 18—20
Заяц немного
Тетерев несколько

Мы поручили среднему брату, Николаю Каймысову, вести хозяйственные записи в течение года с июня 1996 года по июнь 1997 года. Из этих записей мы почерпнули следующие данные:

Месяц	Лось	Соболь	Тетерева/гуси	Утки	Белка
Январь	4	11	1 тетерев	—	—
Февраль	—	14	2 тетерева	—	—
Март	—	—	—	—	—
Апрель	—	—	—	27	—
Май	—	—	—	20	—
Июнь	—	—	—	—	—
Июль	1	—	—	—	—
Август	—	—	—	—	—
Сентябрь	—	—	—	—	—
Октябрь	3	6	8 гусей	—	1
Ноябрь	1	5	—	—	—
Декабрь	2	10	—	—	—
Итого:	11	46	3 тетерева, 8 гусей	47	1

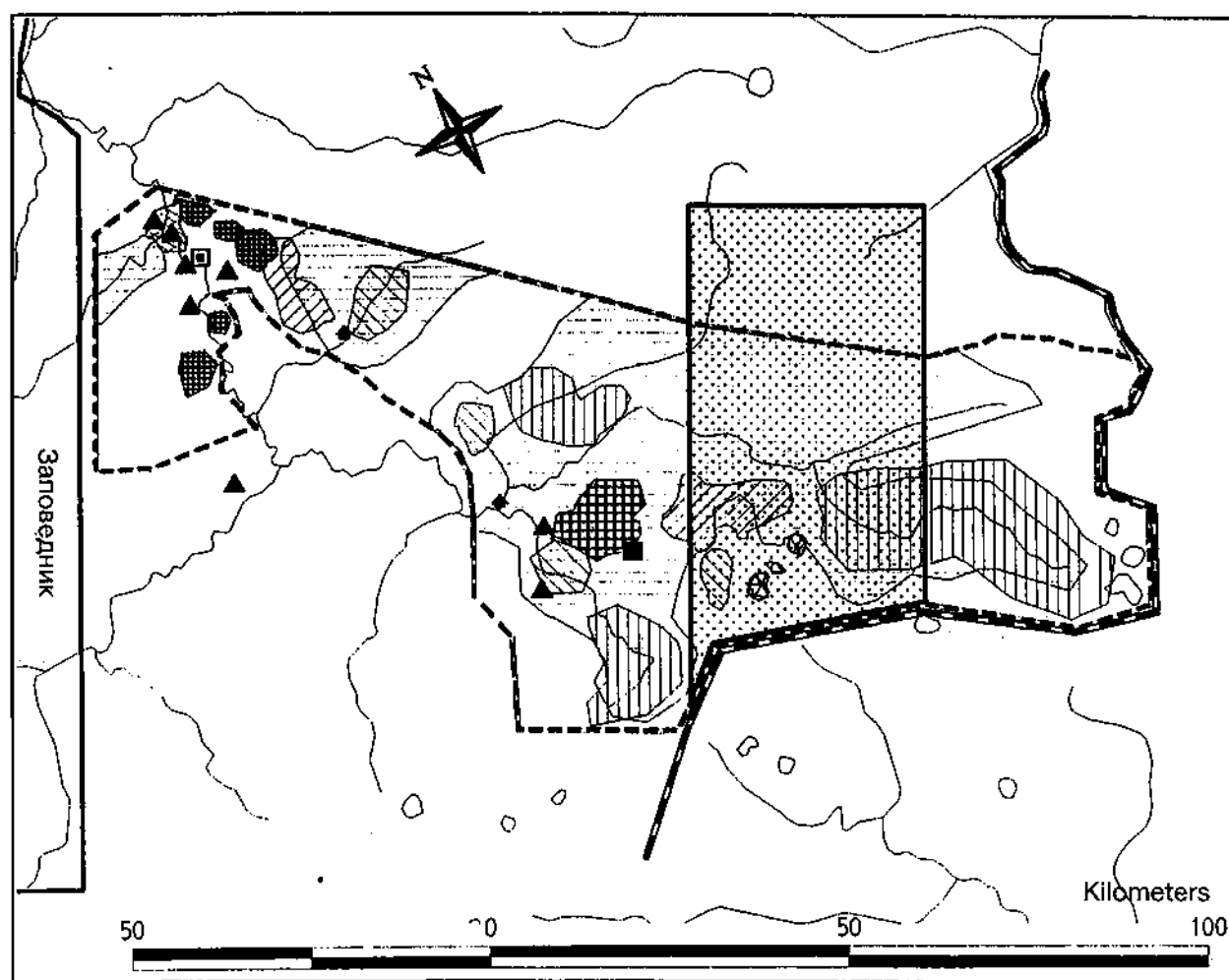

Рис. 7. Охотничье угодье Каймысовых

▲ Священное место	▨ Ягодники	▤ Зимняя рыбная ловля
□ Летнее стойбище	▧ Кедряч	⚡ Границы территории
◆ Транзитный лагерь	▩ Лиса	⚡ Границы района/округа
■ Зимняя изба	▨ Тетерев	□ Границы заповедника
	▨ Норка	
	▨ Лось	
	▨ Нефтяное месторождение	
	▨ Соболь	

Относительно лося, добытого в июле, Николай сделал пометку: «для еды», — летом на лосей охотятся очень ограниченно. Зимой 1997 года была также добыта рысь, что в последние годы стало очень редким событием.

Рыба является важным пищевым ресурсом для семьи Каймысовых, хотя мы и не смогли иллюстрировать этот тезис цифровыми данными. Ручьи, впадающие в три больших озера, являются важнейшим источником зимней рыбодобычи, снабжая мохтиком, щукой и окунем, которых ловят мордами. Есть у Каймысовых и другие рыбные места, но там они ловят рыбу сетями и на леску. Ягоды и грибы собирают в основном для домашнего употребления в больших количествах. До последнего времени Каймысовы так же, как и Курломкины, собирали кедровые орехи и сдавали почти весь урожай, что в прошлом должно было служить источником неплохого дохода. В настоящее время они (как и Курломкины) в большой степени живут за счет зимней добычи лосей, которая обеспечивает их мясом.

Однако между хозяйствованием большеюганской семьи Курломкиных и малоюганской Каймысовых существует и ряд различий. Например, зимняя рыбодобыча у Каймысовых богаче, чем у Курломкиных, поскольку первые

имеют хорошие постоянные рыбные угодья. Тем не менее, хотя каймысовская территория очень обильна, дневник Николая свидетельствует о том, что в летнее время охота не приносит существенных результатов. Восемьдесят соболей, добытых всей семьей за год, — хороший улов, но следует учесть, что они добыты на угодьях, в два раза больше по площади, нежели территория Курломкиных, и доход от добычи делится не между шестерыми, а между 12 членами семьи.

Недавно большой участок каймысовской территории был лицензирован региональной администрацией для продажи на нефтяном тендере (см. рис. 7). Намеченный под промышленную разработку участок используется для охотничьего промысла и является самым продуктивным, снабжающим семью мясом в зимний период. Каймысовы не были своевременно информированы об этом и, соответственно, не давали своего разрешения, в отличие от ранее упомянутых Мултановых. Хотя они в прошлом давали согласие на геологоразведочные работы и генератор электроэнергии достался им в качестве компенсации по соглашению, подписанному с соответствующим подразделением местной нефтяной компании.

3. МАРГИНАЛИЗОВАННЫЙ ОХОТНИК: ПЕТР СТЕПАНОВИЧ КОГОНЧИН

Анализ экономического состояния семьи Петра Степановича Когончина наглядно демонстрирует, как внешние факторы могут оторвать коренных жителей от традиционного уклада*. В 1982 г. исторические охотничьи угодья этой семьи, лежащие в верховьях и средней части р. Нёгус-Ях, были отчуждены от своих хозяев и вошли в состав государственного юганского заповедника. Семья была переселена дальше на север, где и получила новый небольшой участок, располагающийся на северо-западной границе заповедника. В предыдущее десятилетие эта новая территория (см. рис. 8) страдала от регулярных промышленных вырубок леса, инспирируемых лесничеством, вдоль нижнего течения р. Нёгус-Ях, теперь на северной границе этого участка развернута нефтедобыча и проектируется промышленное освоение еще одного близлежащего участка, примыкающего к когончинским землям с южной стороны.

Результатом промышленной эксплуатации явилось очевидное оскудение природно-ресурсной базы территории. Когончин привел следующие цифры:

Зима 1996—1997 гг.

Лось 1

Соболь 10

Речная выдра 2

Норка 0

Белка не считал

Более или менее продуктивной осталась рыбодобыча в зимний сезон, часть которой семья пускает на продажу. Петр Степанович утверждал, что в октябре-ноябре он добыл около двух тонн мелкой рыбы, в основном окуня, в ручье, впадающем в р. Кулун-Ягун (приток Б. Югана), но эта цифра представляется немного завышенной. Летом семья ловит рыбу в самом Кулун-Ягуне с помощью сетей, а за щуками и язями ездят на пески (песчаные отмели) на Б. Югане, лежащие в одном километре к югу от летнего стойбища Когончиных. По словам Петра Степановича, в 1995 г. он собрал 200 кг кедровых орехов на продажу, а летом 1996 г. семья собрала 20 десятилитровых ведер ягод, из которых 4 ведра они оставили себе на варенье и 16 ведер продали. Петр Степанович — единственный среди юганских хантов, откармливающий у себя на стойбище поросенка на мясо.

* Мы посетили Петра Степановича Когончина в июле 1997 г.

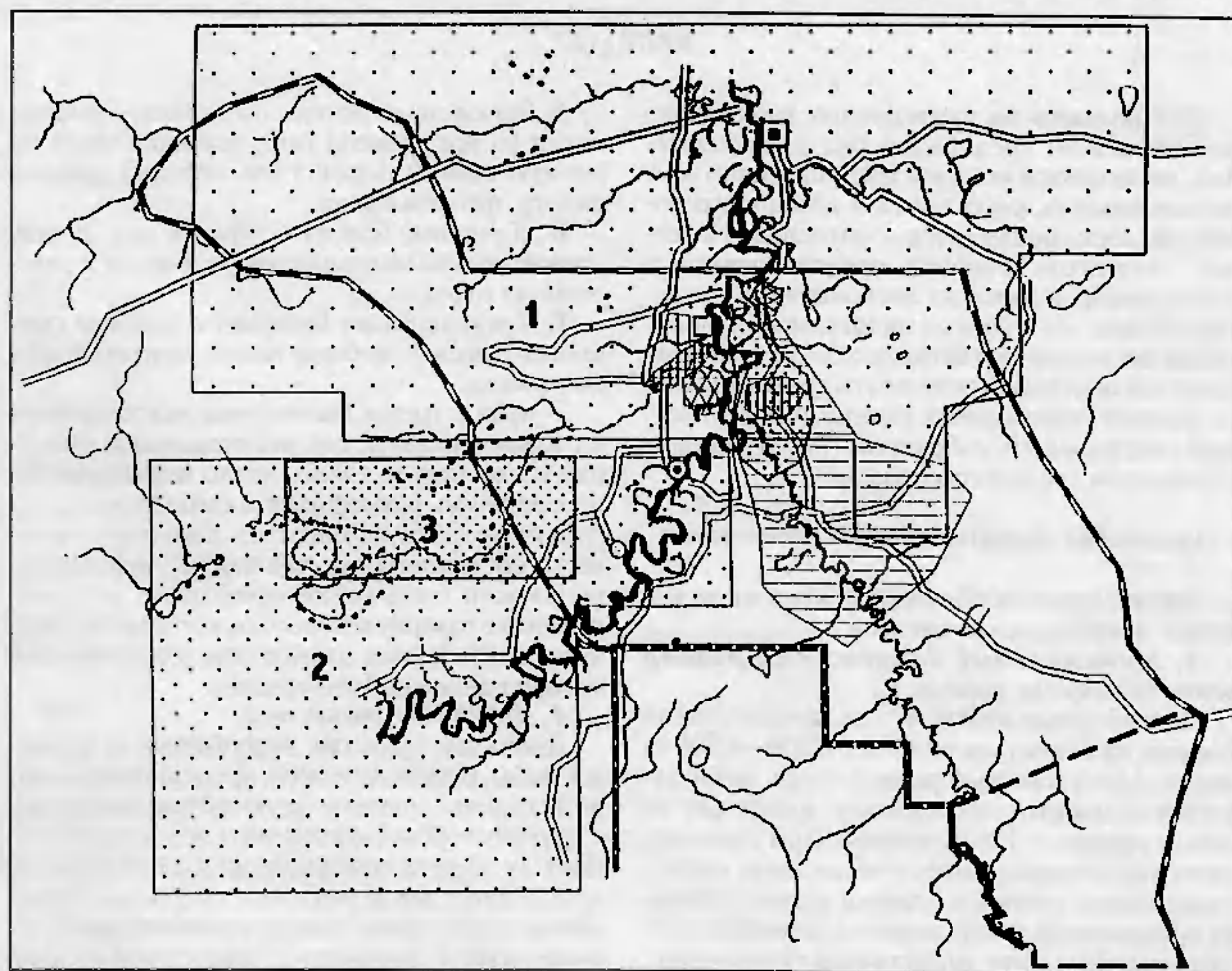

Рис. 8. Охотничье угодье П.С. Когончина

ВЫВОДЫ

Основываясь на приведенных выше материалах, можно предложить ряд умозаключений, касающихся моделей традиционного землепользования, расселения и домашнего хозяйства восточных хантов — оленеводов и лесных охотников. Выводы, представленные в заключении, делятся на дескриптивные и исторические: если первые являются итогом полевых исследований авторов статьи, то вторые представляют собой результаты сравнительного анализа современных данных и исторической информацией, собранной А.А. Дуниным-Горкавичем сто лет тому назад.

Оленеводы. Дескриптивные заключения

Высказанные обобщения основаны на полевых исследованиях авторов.

1. Минимальный допустимый размер оленеводческого угодья.

Данные показывают, что на каждого оленя должно приходиться не менее 8,300–8,500 га земли. Минимальный размер стада, позволяющий сохранять численность животных на одном уровне, — 12–15 оленей. При таком количестве оленевод имеет возможность колоть одного-двух оленей в зимний сезон. Исходя из приведенных цифр, можно подсчитать площадь минимально допустимой территории, которая должна составлять не менее 99,6 га, наиболее предпочтительной будет площадь в 127,5 га.

2. Физические параметры охотничьего угодья. Характеристики типичного семейно-родового угодья:

А. Местоположение летнего стойбища, отдаленное от главной речной артерии, расположенное на узком перешейке, разделяющем два больших озера, что определяет сезонное движение оленьего стада вокруг этих озер.

Б. Постоянный доступ к одному из основных притоков главной речной артерии.

В. Комплекс озер с впадающими в них ручьями, богатыми рыбными ресурсами, используемыми в зимнее время.

3. Сравнительная хозяйственная значимость различных экосистем.

Все четыре экосистемы, существующие в бассейне Средней Оби и субрегионах, имеют также хозяйственное значение в традиционной экономике, но они различаются по степени продуктивности в оленеводческом хозяйстве:

А. Сосновый зеленомошный лес (боры) — ягель (олений мох), беличья охота, боровая дичь в зимний период, строительные материалы, сухие площадки для строительства.

Б. Экосистемы речных бассейнов — рыбная ловля во все времена года, сезонная охота на речную дичь (гагары, утки, лебеди), добыча ондатр, питьевая вода.

В. Кочковые болота — олений мох, ягоды, отопительный материал, зимняя лисья и тетеревиная охота.

Г. Темнохвойные березово-осиновые смешанные леса — добыча лосей, строительные материалы.

Вторая и третья экосистемы гидрологически взаимосвязаны, так что раздельное описание их возможно только чисто академически, но они могут различаться в смысле экологии культуры. Следует обратить внимание также на то обстоятельство, что именно заболоченные земли генерируют природные ресурсы, имеющие товарную ценность, которые и позволяют хантским оленеводам участвовать в товарно-денежной экономике.

4. Домашнее хозяйство.

Денежные средства, выручаемые от продажи рыбы, пушнины и ягод, представляют, с одной стороны, существенную статью дохода, но, с другой стороны, составляют невысокий процент от общего семейного дохода (12,6%) по сравнению с деятельностью, направленной на обеспечение семьи продуктами питания, выраженной в денежно-стоимостной форме (87,4%).

5. Расселение и хозяйственная деятельность.

Родительские охотничьи угодья обычно делятся между женатыми сыновьями — главами хозяйств. Нуклеарные семьи ведут раздельные хозяйства, но часто объединяются для выполнения определенных работ, например, летом, когда приплод и полчища комаров делают уход за оленьим стадом тяжелым круглосуточным занятием.

Выводы исторического характера

Сравнение современных материалов со сведениями, собранными А.А. Дуниным-Горкавичем, позволяет вывести следующие заключения, касающиеся уклада и хозяйственной деятельности хантов-оленеводов в прошлом столетии:

1. Размеры семьи практически не меняются — нуклеарная семья включает, как правило, двоих родителей, двух-трех детей (возрастная разница между которыми может составлять 2–3 года), а также бабушку или деда.

2. Оленеводство — размеры оленьего стада также остаются примерно на одном и том же уровне — 15 голов, только в районе верхнего Тром-Егана держали крупные стада — 50–70 оленей.

3. Семейно-родовое угодье — можно предположить, хотя это и не установлено наверняка, что охотничьи угодья в прошлом имели большую площадь (возможно, даже в полтора раза) и иную конфигурацию. Таким образом, хотя размеры оленьих стад изменялись очень мало, произошли изменения в площади охотничьих угодий в сторону уменьшения. Большие расстояния, которые проходят охотники, добывая белок и отправляясь к местам зимней рыбодобычи, определили базовую биполярную модель движения внутри эллипсообразно вытянутой территории. Такая схема значительно отличается от модели кругового движения внутри более компактной современной территории. Возможно, существует взаимосвязь между указанными изменениями и свертыванием рынка беличьих шкурок после революции 1917 г., наряду с повышением спроса и предложения на ондатровые меха.

4. Модели расселения и локальных миграций. Сезонные миграции и расселение в границах охотничьих территорий претерпели существенные изменения, с тех пор как экономическая модель отошла от фиксированных сезонных природных ресурсов, удаленных от мест проживания, в сторону чаще встречаемых ресурсов, определяющих круговое движение внутри более компактной территории. Этот сдвиг, по-видимому, привел к практике строительства постоянных жилых структур (четырехстенных избушек) на тех местах, где семьи прежде ставили чумы. Одновременно происходило медленное смещение семей к северной границе своих территорий со скоростью примерно 6–10 км в декаду. Семья переезжает на новое место, что позволяет природным возобновляемым ресурсам восстанавливаться.

5. Общее движение и причины его. В течение прошлого века происходило общее движение хантыйских семей вверх по рекам, в большинстве случаев на север, так что в настоящее время оказались заселенными верховья больших северных притоков Оби, такие, как Лямин, Пим и Тром-Еган, где в прошлом веке люди не селились, а только охотились. В процессе этого движения можно выделить три основных этапа. Первый — до 1950-х гг. переезды одной или двух семей с одной реки на другую. Такого рода миграции не оказывали влияния на существовавшую модель расселения. Со второй половины 50-х гг. до конца 80-х происходил второй, самый большой этап, когда хантыйское население с низовьев обских притоков перебиралось

выше в срединную часть, вследствие инфраструктурного развития, сопровождавшего индустриализацию среднеобской равнины. Процесс вытеснения коренных жителей с низовьев обских притоков привел к резкому увеличению населения деревень (Старый Тром-Аган, Аган), расположенных в нижнем и среднем течении этих рек. Третья волна миграций привела к заселению прежде незанятых верховьев рек населением нижних и срединных приречных районов, уходящих с территорий интенсивной нефтедобычи.

6. Домашнее хозяйство. На рынке пушны ондатры вытеснили белок, поскольку первые добывались в больших количествах и продавались дешевле. В то время как широкое распространение и доступность рыболовных снастей, в частности сеток, повысило эффективность рыбодобычи, промышленное загрязнение речных и болотных экосистем привело к качественному и количественному сокращению рыбных ресурсов. В результате основным продовольственным ресурсом для оленеводческих хантыйских семей в настоящее время становится олень.

7. Технологическая зависимость. Оленеводы становятся все более зависимыми от механических транспортных средств, — таких, как моторные лодки и снегоходы. В то же время возможности получения наличных денег в обмен на производимые в хантыйском хозяйстве товары сокращаются вместе со снижением продуктивности охотничьих угодий, вызванным интенсификацией промышленного освоения.

8. Темпы изменений. В последние двадцать лет произошло больше изменений в экономике и укладе жизни коренного населения, чем за предыдущие сто лет.

Охотники юганских лесов. Дескриптивные выводы

Мы сделали ряд обобщений, касающихся юганских охотников.

1. Размеры территорий и конфигурация. Семейно-родовые территории коренных жителей, живущих в основном охотой, занимают большие площади, чем оленеводческие участки, поскольку плотность охотничьих ресурсов значительно ниже, особенно промысловых пушных зверей. Почти все охотничьи угодья, расположенные в юганском бассейне, имеют прямоугольную конфигурацию, приспособленную к биполярному движению — модели сезонной эксплуатации природных ресурсов, обусловившей строительство зимних и летних избушек на противоположных концах оси миграций.

2. Физические характеристики охотничьих угодий:

А. Расположение летнего стойбища на высоком берегу главного притока лицом на юг.

Б. Большая по площади территория с большими лесными участками. Основная часть сектора зимней охоты лежит по одной стороне главной реки.

В. Места рыбного промысла, эксплуатируемые в течение двух сезонов, находятся вблизи жилья.

3. Сравнительная значимость разных экосистем.

Все четыре экосистемы, существующие в среднеобском бассейне и субрегионах, можно разделить по степени их вклада в экономику юганских хантов:

А. Темнохвойные березово-осиновые леса — кедровые орехи, лось, дикий олень, соболь, белка и медведь.

Б. Речные экосистемы — лоси, норка, рыба.

В. Сосновые зеленомошные леса — соболь, медведь и дикие олени.

Г. Кочковые болота — тетерева, зайцы, ягоды. Хотя второй и третий пункты близки по значимости, однако рыба является основным продуктом питания в течение почти всего года, таким образом, по шкале хозяйственной значимости речная экосистема стоит выше сосново-зеленомошного леса.

4. Домашняя экономика.

Лесные охотники имеют больше возможностей менять свою продукцию на деньги, поскольку исторически одним из основных сегментов их экономики является промысловая пушная охота (соболя) и сбор дикоросов. В урожайные годы деньги, вырученные за лесную продукцию в соединении с государственными выплатами (минимальная зарплата в промыслово-охотничьем хозяйстве, пособия на детей, пенсия), приносили Курломкиным около 20 млн. руб. в год. Однако разрушение советской факториальной системы лишило их тех денежных доходов, на которые они могли бы рассчитывать, сдавая кедровые орехи (около 9 млн. руб. в год), и вынудило продавать соболиные шкурки по значительно заниженной цене. В результате их годовой доход составил 11,74 млн. руб., 7,2 млн. из которых приходится на государственные пособия. Хотя их годовой денежный доход почти в три раза превышает доход оленеводческой семьи Кантеровых, в процентном отношении денежный доход Курломкиных равен 16,8%, что только на 4% превышает кантеровский. Из этого следует, что основу хозяйства Курломкиных по-прежнему составляет опора на природно-ресурсную базу, которая и обеспечивает наибольшую часть их дохода, 83,3 %.

5. Расселение и хозяйственная деятельность.

Нуклеарная семья имеет свою летнюю избушку. Большая родовая семья, состоящая из нескольких нуклеарных семей, образует небольшое поселение. Имеются случаи разрастания такого поселения, как, например, стойбище Каймысовых, насчитывающее более двадцати строений, в том числе и брошенные дома. Зачастую две семьи, отцовская семья и семья сына, проживают вместе в зимнем доме, но, как правило, семьи стараются жить отдельно. Уклад жизни лесных охотников значительно отличается от оленеводов, поскольку у первых жизнь протекает главным образом в двух сезонных селениях плюс недолгие остановки в транзитных лагерях.

Выводы исторического характера

Сопоставление данных авторов статьи с материалами Дунина-Горкавича позволяет сделать следующие выводы.

1. Площади и конфигурация территорий.

В прошлом веке охотничьи территории, по всей видимости, были ненамного больше по площади, чем сейчас. Однако это могло быть следствием адаптации к резко сократившейся природно-ресурсной базе кормящего ландшафта после больших таежных пожаров. Принцип строительства летних избушек по берегам Большого и Малого Юганов, а зимних избушек на поросших лесом гривах, окаймляющих юганский бассейн, существовал и сто лет назад. Таким образом, можно предположить, что площади, конфигурация и распределение охотничьих территорий на Югане оставались более или менее постоянными.

2. Модель расселения.

Сравнивая расположение современных стойбищ юганских хантов с указанными на ремезовской карте XVII в. и более поздними, описанными Дуниным-Горкавичем, мы установили, что число и расстановка семейных стойбищ также остаются более или менее постоянными. За последние сто лет на Большой Юган переселилось только три новых семьи, и одна или две семьи переехали на Малый Юган. Отток также малосущественен. Отъехавшие семьи в основном мигрировали на Тром-Еган, Пим. Приезжие были главным образом с Балыка, Салыма и Демьянки. В советское время была предпринята попытка в 50-е гг. стянуть все коренное население в деревнях, образованных на месте некоторых стойбищ и сохранивших прежние названия, такие, как Киямино, Тайлаково, Таурово, однако это не оказало существенного влияния на историческую модель расселения. Данные церковных пе-

реписей, произведенных в XVIII и XIX столетиях, приведенные в книге П. Бахлыкова (Бахлыков, 1996: 37), свидетельствуют, что в количественном отношении коренное население юганского бассейна сохраняло стабильность в течение более двух сотен лет (между 946 и 1081 человек).

3. Охотничий промысел.

В практике юганского традиционного природопользования охота сохраняет важную доминирующую роль. Значимость пушных промысловых животных менялась соответственно конъюнктурным изменениям на рынке пушнины в различные исторические периоды. Количественный показатель добычи пушнины также колебался в зависимости от популяционных циклов и экологических катастроф, таких, как большие таежные пожары. Тем не менее характер местной традиционной экономики, основанной на промысловой охоте, несмотря на перепады эффективности различных ее секторов, оставался примечательно стабильным.

4. Рыбная ловля.

Радикальные изменения по сравнению с прошлым столетием произошли именно в рыболовном секторе местной традиционной экономики. В советский период коллективизация не меняла существенно традиционную практику рыбодобычи, при которой юганские ханты с верховьев и срединных частей реки в летний сезон сплавлялись вниз по реке на обские пески заготавливать рыбу на зиму. Коллективизация жестко закрепила эту практику, лишив людей права на выбор, и ввела план сдачи рыбы государству. Эта модель претерпела необратимые изменения в связи с нефтяным освоением и загрязнением речных вод в нижнем течении Югана в районе дер. Угут. Групповая рыбодобыча на нижнем Югане отмерла, и сезонные миграции хантов Верхнего и Среднего Югана закончились.

5. Исчезновение культурной формации хантов нижнего Югана.

Дунин-Горкавич дает подробное описание, подкрепленное материалами неоднократных интервью, которые авторы статьи брали у юганских стариков, уникальной формации частично окультуренных хантов, живших на стойбищах в устье Большого Югана, в дер. Юганской. Эти семьи занимались, подобно русским крестьянам, сельским хозяйством, хотя и в более ограниченных формах, держали домашний скот (лошадей) и участвовали в коллективной рыбодобыче. Вероятно, они выступали еще и как посредники в торговых сделках и других контактах между хантами, живущими на северной стороне Оби, и своими земляками. Согласно устным свидетельствам на-

ших информантов, они были единственной группой восточных хантов, сохранявших до начала 50-х гг. уникальный фольклорный жанр длинных эпических песен. Интенсивная урбанизация и инфраструктурное развитие обской равнины в конце 60-х гг., связанные с нефтедобычей, совершенно уничтожили эту культурную формацию.

6. Домашнее хозяйство.

Несмотря на то, что исторические свидетельства подчеркивают роль юганского района как источника и поставщика ценной пушнины, традиционное хозяйство юганских хантов в основе своей остается замкнутой системой жизнедеятельности. До недавнего времени, породившего экономические соглашения с нефтяными компаниями, участие юганских хантов в денежной экономике ограничивалось уплатой ясачного налога и бартерными сделками, при которых продукция традиционных промыслов обменивалась на основные продукты питания, такие, как мука, сахар, чай, и на амуницию. Даже сегодня, когда все необходимое для жизни юганские ханты черпают из кормящего их ландшафта, средний годовой денежный доход семьи не превышает 16,7% от общего дохода. Тем не менее они также приобрели зависимость от машинных технологий с высокой стоимостью эксплуатации (лодочные подвесные моторы, снегоходы, электропилы, генераторы электроэнергии).

Общие выводы

На основе приведенных обобщений можно сформулировать следующие общие выводы.

1. Два типа хозяйства и две модели землепользования.

Основные различия, на которые указывал А.А. Дунин-Горкавич, существуют и по сей день. Типы хозяйства коренного населения северной стороны и южной стороны Средней Оби отличаются друг от друга. Надо отметить, что, несмотря на безусловную важность оленеводческого сектора в экономике восточных хантов северной стороны Оби, этот сектор занимает небольшую часть в хозяйственной модели:

Охотник	Рыба (кг/%)	Промысл. звери (кг/%)	Олени (кг/%)	Всего (кг/%)
Кантеров (Север)	900/57%	286/18%	400/25%	1586/100%
Курломкин (Юг)	500/27%	1361/73%	— /0%	1861/100%

Даже если результаты наших подсчетов рыбной добычи Курломкиных, идущей на пропитание семьи, занижены в два раза, рыба все равно составляла бы только половину всей

массы пищевых продуктов, идущих на семью. Если посмотреть на количество оленей, заготавливаемых на мясо, то невозможно утверждать, что кантеровская семья живет целиком за счет оленеводства. Вместо этого корректнее было бы говорить о том, что на северной стороне Оби существует смешанный, или диферсифицированный, тип экономики, в то время как на южной стороне преобладает охотничья экономика с рыболовным компонентом.

2. Историческая стабильность/быстрота изменений.

Еще двадцать лет тому назад типы землепользования, домашнее хозяйство, количество коренного населения, размеры семьи по обеим сторонам средней Оби казались устойчивыми величинами, несмотря на социально-политические изменения, потрясавшие страну, и экологические катастрофы (большие пожары). Именно в последние двадцать лет произошли загрязнение природной среды на громадных территориях, отныне лишенных природно-ресурсной базы, составляющей основу замкнутой системы жизнедеятельности коренного населения, вытеснение и насильственное переселение хантыйских семей с исторических земель (особенно на северной стороне Оби) и экстенсивное промышленное освоение северного берега средней Оби до самых границ этого бассейна. Вследствие этого, во-первых, значитель-

но уменьшились площади семейно-родовых угодий восточных хантов, живущих на севере, во-вторых, можно ожидать переход от традиционной биполярной модели движения внутри родовой территории к более компактной круговой модели между сезонными стоянками вокруг центральных озер.

На южной стороне Оби следует выделить следующие изменения: полное отмирание практики сезонных переходов вниз по реке для коллективной летней рыбодобычи и исчезновение хантыйских хозяйств в устье Югана. Если промышленное освоение проникнет в юганскую тайгу, это будет означать потерю охотничьих участков зимнего промысла, что особенно разрушительно для традиционной юганской охотничьей культуры.

3. Пути отступления больше не осталось.

Полное вовлечение территорий традиционного хантыйского природопользования на северной стороне Оби в промышленное освоение означает, что прежняя адаптивная стратегия отступления дальше на север теряет смысл. На южной стороне адаптивная стратегия расширения семейных охотничьих угодий также теряет смысл в условиях, когда юганский бассейн взят в кольцо промышленного освоения. Это означает, что восточным хантам больше некуда отступать.

ЧЕРНЫЙ СНЕГ: НЕФТЬ И ВОСТОЧНЫЕ ХАНТЫ

Социополитический контекст развития

Западная Сибирь и Ханты-Мансийский округ, в частности, — одна из обширнейших в мире территорий нефтяного освоения. Этот процесс начался в конце 1960-х с первыми открытиями нефти. В то время в г. Сургуте проживало менее 10 тыс. чел. (городской статус Сургут получил только в 1968 г.). В 70–80-х годах в западной части региона между Ханты-Мансийском и Сургутом еще продолжалась геологическая разведка, а в восточной части (Сургут — Нижневартовск) уже разворачивалась промышленная нефтедобыча. К концу 80-х практически все территории Приобья, за небольшим исключением (р. Казым и Юган), были вовлечены в нефтеразработку под эгидой Министерства энергетики и правительственной нефтяной монополии. Западно-Сибирский регион добросовестно поддерживал распolzавшуюся советскую экономику, поставляя дешевую нефть для внутреннего потребления и нефтедоллары от экспорта.

Этот период также отмечен процессом массового насильственного переселения хантыйских семей с их традиционных родовых охотничьих угодий (р. Аган), уничтожением ресурсной базы коренного населения, все еще проживающего на своих исторических территориях (бассейны р. Нижнего Пима и Тром-Егана), что в конечном счете вынуждало хантыйские семьи покидать свои земли. Хотя мы и не имеем прямых сведений, но полагаем, что массовые переселения, вызванные теми же причинами, насильственные или добровольные, происходили также на р. Вах и Васюган, поскольку нефтяное освоение в этом регионе началось очень рано и ханты из этих мест в настоящее время основательно расселены по деревням.

Нефтедобыча советского периода характеризуется минимальным вниманием к охране окружающей среды, сохранению культурного достояния и мнениям коренного населения, живущего на территории промышленного освоения. В то же время определенные условия, такие, как система государственных дотаций и др., сформированные Государственным Комитетом по делам Севера и рядом родственных учреждений (напр., Зверопромхоз — государственная монополия на пушную торговлю), служили тому, чтобы частично смягчать социально-экономический стресс, вызванный наступлением на традиционную жизнь хантов. Кроме того, советская политика в отношении национальных меньшинств обеспечивала ограниченное представительство хантов на различных уровнях законодательной и исполнительной власти, хотя и не

очень эффективно, и местные сельские администрации продолжают опираться на окултуренных представителей коренного населения, которые служат своего рода омбудсменами для своих менее искушенных соплеменников.

Региональная политика являлась предметом постоянного манипулирования в интересах местной нефтяной индустрии: так например, чтобы минимизировать способность коренного населения к сопротивлению и попыткам изменить курс освоения, были проведены предвыборные махинации с границами новообразованных районов (Нижневартовск, 1973 г.) и сельских советов (Нижнесортымский, 1990 г.). Несомненно существование многолетнего взаимопонимания между верхушкой ведущей экономической отрасли региона, администрациями районов, округа и следующих уровней государственного управления. В середине 70-х гг., когда начинался нефтяной бум, Тром-Аганский сельский совет, или местное управление, в оправдание наплыва временных нефтяных работников, резко увеличивших население деревни, был разделен на Русскинской и Ульт-Ягунский сельские советы. Это послужило причиной для выселения многих хантыйских семей из Ульт-Ягунского района, который был культурным очагом всей территории (здесь было зарегистрировано значительное количество общехантыйских святилищ), на значительно худшие в промысловом отношении земли. Ульт-Ягунский совет находится теперь в руках местного нефтяного комплекса, священные места профанированы, земля отравлена нефтяными полями и очистными сооружениями.

Несмотря на все вышесказанное, можно утверждать, что развал Советского Союза имел чрезвычайно тяжелые последствия для Западно-Сибирского региона. К 1989 г. промышленная нефтедобыча шла на всем протяжении от Ханты-Мансийска до Нижневартовска. В Сургуте проживало более 300 тыс. чел., связанных так или иначе с нефтяной промышленностью. В июле 1995 г. Сургут держал первенство в Тюменской области по размерам преступности при всего лишь 48% раскрываемости, а западносибирские нефтяные компании имели долг государству, составляющий 21 трлн. руб.* Однако последствия этого бума оказались еще более разрушительными для хантов и их земли во всех аспектах: социокультурном, экономическом и экологическом. Во-первых, процесс приватизации привел к уничтожению государственной монополии и рассредоточению бывших госпредприятий, производящих, очистительных и дист-

* Сургутские телевизионные новости, июль, 20, 1995 г.

рибутивных, в различные руки. Добыча, в частности, оказалась в руках региональных нефтяных компаний, по крайней мере семь из которых сейчас работают в ХМАО. Каждая из этих компаний имеет определенную лицензированную территорию, все они стремятся к получению быстрой наживы. Эти нефтяные компании управляются людьми, которые, выполняя те же самые функции в бывшей советской нефтяной монополии, одновременно занимали посты в региональных советах или администрации. Теперь они достаточно богаты и влиятельны, чтобы контролировать региональные, окружные думы и администрации. Практика выжимания быстрых прибылей вкупе с кризисом внутреннего долга привели к тому, что нефтетрубы и стареющее оборудование вообще не заменяются, что неизбежно приводит к потерям от снижения продуктивности скважин, которые оставляют более 50% нефти в земле, и разливам нефти (более 3 тыс. разрывов трубопровода в год), а также обуславливает постоянный захват новых территорий под освоение. Вертикальная интеграция этих компаний и их объединение в более крупные корпорации типа Лукойл и ЮКОС не привели к повышению экономико-технологической эффективности.

Типы воздействия

1. Экономическое воздействие

5 февраля 1992 г., несмотря на сопротивление делегатов, представляющих нефтяные интересы, Совет народных депутатов ХМАО утвердил «Положение о статусе родовых угодий в Ханты-Мансийском автономном округе» (Постановление о статусе родовых общин в ХМАО), за которым последовало постановление «О механизме внедрения Положения о статусе родовых угодий в Ханты-Мансийском автономном округе» (О механизме внедрения Постановления о статусе родовых общин в ХМАО), — декрет, выпущенный главой администрации ХМАО от 27 февраля 1992 г. (Статус, 1994. С. 310—311). Выход этих законов привел в движение процесс формального определения границ родовых охотничьих угодий и выдачи правительственных актов, удостоверяющих права на пользование этими территориями семей коренных жителей.

Этот процесс шел практически без проволочек, что можно объяснить следующим образом. Согласно статье 21 вышеупомянутых Постановлений, промышленные компании, добывающиеся доступа к подземным ресурсам на родовых угодьях коренных жителей, прежде чем начинать разведку или добычу, должны получить землеотвод, согласованный с семьей, владеющей

правами землепользования. Процедура согласований значительно упрощалась и удешевлялась, когда компания имела дело с индивидуальным землевладельцем, границы территории которого четко установлены: «Предоставление земельных участков на территории родовых угодий под промышленные нужды... осуществляется... только с согласия владельца родового угодья, а также коренных жителей, интересы которых затрагиваются отводом. Для получения согласия коренных жителей на отвод земельного участка среди них проводится референдум, по итогам которого соответствующая администрация принимает решение. Решение об отводе земельного участка на территории родового угодья принимается окружной администрацией после получения письменного согласия владельца угодья на его отвод, положительных итогов референдума коренных жителей и государственной экологической экспертизы» (Статус, 1994. С. 316).

Ст. 22 того же закона требует ясного экономического соглашения, одобренного соответствующими административными властями, между владельцем земли и компанией, занимающейся освоением, в котором указаны сроки и условия освоения и обеспечения полной компенсации за все потери в связи с освоением, согласованный раздел доходов от освоения этой земли, а также арендная плата за пользование землей (Статус, 1994. С. 319). Два месяца спустя президент Ельцин издал указ «О неотложных мерах по защите мест проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера», имеющий отношение ко всему вышеизложенному и также требующий определения территорий проживания коренных жителей и согласия на землеотвод.

Тем не менее мы зафиксировали случаи выдачи лицензий на разведку участков, выставленных на тендер без письменного согласия и даже без уведомления хантыйских семей, проживающих на данных территориях. Самый свежий пример относится к февралю 1997 г. Существуют и такие примеры, когда семьи коренных жителей различными способами принуждали ставить свои подписи под экономическим соглашением, попирая тем самым их юридические права. Первые соглашения, заключенные с отдельными семьями, включали снегоходы, охотничьи ружья, амуницию, небольшую ренту для каждого взрослого члена семьи в обмен на передачу прав на землепользование геологоразведке. Обещания нередко выполнялись, но только в первый год, — это служило стимулом для продления соглашения на следующий год.

Так, например, в конце 1993 г. было составлено экономическое соглашение между объединением «Майскнефть», работающим в д. Угут (Сургутского р-на), и 15 семьями, проживающи-

ми в д. Кинямино (р. Малый Юган). Документ был подписан главой администрации д. Угут без согласования с коренными жителями в нарушение закона, и 45 копий было разослано заинтересованным семьям. Подпись администратора убедила людей в том, что вопрос о землеотводе был уже решен. Тем не менее никто из них не подписал первого экземпляра. Местный активист вернул копии в деревенскую администрацию и потребовал пересмотреть весь процесс согласно нормативной процедуре, при которой первыми подписываются коренные жители, а за ними административные лица. В обмен на права землепользования соглашение обещало следующую компенсацию:

- 1) новые зимние и летние деревянные дома;
- 2) снегоходы типа «Буран», мотор, 2 т бензина в год;
- 3) 100 тыс. руб. на чел. в квартал;
- 4) спецкостюмы;
- 5) оплату обучения в высшем учебном заведении;
- 6) радиотелефон и электричество;
- 7) доступ к продуктам по сниженным ценам в магазинах нефтяного предприятия.

Из всего перечисленного киняминские ханты действительно получили «Бураны» и, после долгих мытарств, денежное возмещение и спецкостюмы (рабочая одежда, выдаваемая рабочим нефтепромыслов). Денежные суммы, по свидетельству очевидцев, были пропиты в течение одной зимы, вследствие чего местные охотники на протяжении всего сезона были не в состоянии выйти в лес проверять ловушки. Один член общины, управлявший снегоходом в состоянии алкогольной интоксикации, погиб при столкновении с автомобилем*.

Ханты, живущие в нижней части р. Тром-Еган, заключили соглашение с объединением Юганнефтегаз в 1991 г., которое было возобновлено в 1994 г.** Согласно руководителям общины, ЮНГ более или менее выполнял обязательства по соглашению, денежная компенсация, однако, не индексировалась, несмотря на возрастающую инфляцию. Данное соглашение включает следующие пункты:

1. Консультации с местными жителями относительно размещения «кустов».
2. Денежные компенсации, равные 10 минимальным зарплатам рабочего предприятия, на одного человека поквартально (к примеру, в семье из 9 человек общая сумма составила 1,6 млн. руб.).
3. Нефтяные рабочие должны соблюдать законы об охоте и рыболовстве.
4. Рабочие спецкостюмы для каждого члена семьи.

* Данные, собранные в д. Угут, июль 1996 г.

** Данные, собранные в д. Юбилейный, июль 1995 г.

5. ЮНГ обязался принимать продукцию коренных жителей в обмен на снегоходы и моторы.

6. Оплата обучения в высших учебных заведениях, летнего отдыха и медицинского обслуживания (как правило, актуален только последний пункт).

7. Финансирование строительства в д. Юбилейный и пос. Ульт-Ягун детского сада и поликлиники.

8. Глава семьи имеет право разорвать соглашение в случае невыполнения его другой стороной.

9. Соглашение возобновляется каждый год.

10. Конфликты разрешаются в судебном порядке.

11. Данный параграф в документе отсутствует.

12. Капитальный ремонт домов за счет компании.

13. Скупка ягод и рыбы по рыночной цене.

ЮНГ организовал скупку рыбы следующим образом: представитель компании приезжал летом на машине и закупал рыбу по 1000–1500 руб./кг. Эту цену трудно считать реалистичной, принимая во внимание, что стоимость хлеба — 2700 руб./батон. Весь процесс был совершенно не организован. В настоящее время образована корпорация, которая скупает рыбу не у индивидуальных охотников, а через представителей администрации.

14. Новые кусты должны быть согласованы с населением еще на стадии планирования.

Агрессивная экспансия нефтяного освоения и громадные доходы компаний не являются секретом, также очевидно и то, что перечисленные пункты соглашения в пользу коренных жителей — малозаметный расход в бюджете нефтяного предприятия. Нефтяные компании, однако, стараются уклониться от выполнения своих обязательств. В июне 1996 г. в пос. Ляггор (Сургутский район) мы присутствовали при встрече хантов р. Пим с представителями геологоразведочного подразделения объединения Сургутнефтегаз, собравшихся, чтобы подписать новое экономическое соглашение. Собрание единогласно отказалось подписывать новый документ, поскольку прежнее соглашение не было выполнено.

2. Экологическое воздействие

Загрязнение физической среды*.** Географическое положение и климат бассейна Средней Оби делают эту территорию особенно уязвимой для загрязнения, главными причинами

*** Данные о климате и загрязнении среды взяты из Плана экологической экспертизы Всемирного Банка по второму реабилитационному проекту.

которого являются устаревшие технологии и отсутствие контроля за соблюдением норм эксплуатации нефтяного оборудования. Большая часть территории региона заболочена — это либо приречные заливные луга, либо сфагновые болота, все остальное — среднетаежный хвойный лес. Большая часть бассейна Оби — это территория активного термокарстного развития. По промышленным стандартам этот климат вызывает повышенную коррозионность металлов (Экологическая экспертиза. С. 50).

Загрязнение почв. В этом регионе существуют два основных источника загрязнения поверхностных почв: ямы для задержки нефти (бурительных жидкостей и пр. производственных потерь) и разорванные трубопроводы. Экстраполяции из опубликованных данных позволяют предположить существование около 3 тыс. таких ям по всему бассейну средней Оби. Кроме того, в некоторых субрегионах от 30 до 80% трубопровода было проложено в чувствительной среде, зачастую целыми коридорами многорядных труб (Экологическая экспертиза. С. 50). Соединенное действие устаревшей технологии, неграмотной сборки и деструктивного вымерзания почв, обусловленного западносибирским климатом, приводит к тому, что в Западной Сибири происходит несколько тысяч разрывов трубопровода в год. Точные данные о загрязнении по каждой территории получить невозможно ни от компании, ни от районной администрации (Экологическая экспертиза. С. 52). Громадные участки, тем не менее зачастую превышающие по площади 100 кв. км, находятся в состоянии экологического бедствия.

Заражение вод. Поскольку нефтяное освоение идет на заболоченных землях, заражение вод практически неизбежно и сразу захватывает большие территории. В отсутствие широкого мониторинга данные по загрязнению воды собирают только станции, расположенные непосредственно вблизи источников загрязнения.

Загрязнение поверхностных вод. Данные по загрязнению поверхностных вод из Плана экологической экспертизы МБ содержат исчерпывающую информацию. Среднее содержание нефтяного углеводорода в обской воде ниже впадения р. Васюган и Тром-Еган в 1992 г. составляло 0,38 мг/л, что более чем в 7 раз превышает максимально допустимый уровень сохранения рыбных ресурсов. Возле г. Нефтеюганска средняя концентрация в 1992 г. составляла 0,79 мг/л, что в 16 раз больше допустимой концентрации углеводорода. Еще более высокий порядок содержания углеводорода были обнаружены в р. Юган — до 7,5 мг/л. Ежегодная концентрация фенола в реках этого региона составляет от 0,012 мг/л до 0,020 мг/л, что в 12–20 раз превышает

максимально допустимую концентрацию. Максимально высокий уровень фенола возле Сургута в 1992 г. достиг 0,07 мг/л, в 70 раз больше максимально допустимой концентрации фенола в воде.

Качество воды определяется по национальной индексной системе, в которой чистая вода имеет индекс 1, а сильно зараженная вода индексируется VI. В 1992 г. р. Обь, Вах и Большой Юган имели индекс V (Экологическая экспертиза С. 57–58).

В том же 1992 г. Юганнефтегаз спустил 12 млн. 504 тыс. куб. м очищенной воды и неизвестное количество неочищенных водных отходов в поверхностные воды своей лицензированной территории.

Заражение грунтовых вод. В бассейне Оби существуют большие ресурсы пресных грунтовых вод. Хотя в нефтяном хозяйстве эти ресурсы используются не только в промышленных целях, но и для питья, перекрестное заражение от нефтяных скважин и поверхностных разливов нефти превратило большинство этих подземных резервуаров в отравленные колодцы, сделав непригодными для сбора воды (Экологическая экспертиза. С. 57).

Атмосферное загрязнение. Загрязнение воздуха в регионе является серьезной проблемой. Вопросы характера и объемов выделений усложняются из-за местных атмосферных условий: температурные инверсии в воздушном слое, прилегающем к земле, происходят в течение зимних месяцев, так что выделения почти постоянно концентрируются в снегопадах, а затем внедряются в гидрологическую систему. В результате даже в местах, явно отдаленных от источников загрязнения, например, в стоячей болотной воде, обнаруживаются поллютанты. Поллютанты попадают в атмосферу из разных источников, самыми опасными из которых являются вспышки газа, происходящие вследствие, например, утечки, испарений выступившей нефти и побочных продуктов обработки.

Химические выделения. Депозиция серных и азотных соединений, бензола и металлов, выделяемых в атмосферу, достигает или превышает российские стандарты. Почти 300 кг/кв. км серы и 280 кг/кв. км азота обрушиваются на тайгу, что достигает или превышает критическую нагрузку указанных химических продуктов в данной экосистеме. В таких городах, как Сургут, максимальное содержание этих веществ в два-три раза превышает минимальный критический уровень. Отравляющие вещества, попадающие в атмосферу, происходят из различных источников. Данные показывают, что в 1992 г., например, Юганнефтегаз выпустил в атмосферу 183 тыс. метрических тонн углеводорода, 16

тыс. кубометров угарного газа, 2 тыс. тонн частичного вещества, 1 тыс. тонн закиси азота и 726 тонн серного ангидрида. Вдобавок к этому существуют потери от испарений, которые могут составлять более 12% от объема нефти, извлекаемой на поверхность, существенно увеличивающие загрязненность атмосферы. Для бассейна средней Оби эти цифры могут быть в несколько раз больше, поскольку ЮНГ — только одна из семи крупнейших региональных нефтяных компаний, работающих в обском бассейне, и, возможно, еще не самый отъявленный отравитель.

Кислотные дожди и снега. Это явление существует по всему региону, даже на верхнем Лямине, который очень удален от источников загрязнения. В некоторых местах, например, в нижней части Большого Югана кислотный уровень снега постоянно ниже 5 (Экологическая экспертиза. С. 52).

Возрастание локальных температур. Эффект увеличения локальных температур на 2–3° С, связанный с постоянным горением факелов, как следует не изучен.

Развитие инфраструктуры

Транспортные системы. Автомобильные и железные дороги, газопровод, сейсмические линии и линии электропередачи драматически изменили природную среду. Дороги, проложенные бульдозерами через тайгу, достигают в ширину 30 м. При строительстве дорожного полотна (бетонки) через заболоченные земли в зимнее время водные пути перекрывают бревнами, небрежно засыпая укладку грязью и песком, а летом тающие реки частично разбивают эти полотна, создавая дамбы, которые замедляют течение, нарушая лодочное сообщение и заиливая рыбные угодья. Большинство таких дорог на болотистых землях построены без кульвертов, что является причиной многих локальных разливов рек, подмывающих лес. Добыча песка для прокладки дорожных полотен и др. конструкций приводит к актам вандализма в отношении хантыйских святынь (см. ниже).

Производственные системы. В случае, если разведочные скважины не оправдывают себя, нефтяники уходят, оставляя после себя картину разорения. По свидетельству очевидца, нефтяники оставили в болоте упавшую буровую вышку, уничтожив, таким образом, целое охотничье угодье*. Высохшая древесина — результат вырубки леса для расчистки бурительной площадки, часто пропитанная бензином или дизельным топливом, в сухое жаркое лето лег-

ко воспламеняется, что приводит к страшным лесным пожарам. Выше было сказано, что в Западной Сибири происходит до 3 тыс. разрывов нефтепровода в год; разлившуюся нефть предприятия, как правило, просто выжигают, не желая расходовать средства на более современные и дорогостоящие методы. Если разлив случается в лесной местности, как правило, огонь перекидывается на лес. Буровые площадки защищаются от весеннего наводнения небольшими песчаными дамбами, которые регулярно смываются разливом, так что отравляющие вещества неизбежно оказываются в поверхностных водах.

Природные ресурсы

Микроорганизмы. В 1992 г. было обнаружено, что зоопланктонные виды в Средней Оби, которые находятся на самой нижней ступеньке в цепи питания, страдают от отравления различной степени тяжести.

Рыба. До недавнего времени тром-еганские ханты употребляли в пищу печень больших щук, в изобилии водившихся в их реке. Последние три-четыре года они, однако, вынуждены были отказаться от этого продукта, поскольку стали попадаться щуки с черной печенью (черная печень говорит об отравлении) и все чаще — мертвая рыба**. Река Аган, по словам информанта, — «сплошная толстая нефтяная пленка»***. Аганский карась теперь часто имеет жабры, загнутые внутрь, — результат мутаций, вызванных загрязненной водой. Река Моховая (приток Агана) — постоянное место рыбной ловли местных жителей — была запружена снесенными бульдозером деревьями и песком и в результате уничтожена. По свидетельству хантов, которые раньше работали в аганском рыбсовхозе, в конце 70-х гг.в, когда начиналась нефтеразведка, они добывали 190–200 т рыбы в год, к 1980 г. добыча рыбы упала до 100 т в год. В 1995 г. они добыли только 20–30 т. Выше по реке, возле г. Покачи, хантыйская семья, которая обычно добывала полтонны рыбы в год, теперь добывает несколько килограммов****.

Промысловые животные. Один охотник с реки Большой Юган рассказывал, что он больше не ставит ловушки на своих угодьях, где он обычно добывал до 70–80 соболей в год, потому что в лесах браконьерствуют «геологи», ко-

** Информация получена от Веры Сопочиной-Покачевой в зимнем лагере, март 1992 г.

*** Сведения получены от Виктора Суровцева, д. Юбилейный, июль 1995 г.

**** Данные относительно рыбодобычи в Агане представлены бывшим бригадиром рыболовецкой бригады Рыбсовхоза в июле 1995 г., д. Аган.

*Информация получена от Федора Тайбина на его стойбище, июль 1996 г.

торые извели всего соболя*. Он подозревает, что районная администрация покрывает браконьеров. Ханты, живущие в средней части реки Тром-Еган, сообщают, что с начала нефтеразработки в последние 5–8 лет из их краев ушли крупные пушные звери (лисы, россомахи, медведи и волки).

Оленеводство. Женщина, проживающая на территории нефтедобычи, сообщила, что ее зять потерял все свое стадо, состоявшее из 100 оленьих голов**. Олени пили зараженную воду и не могли испражняться. Другой информант сообщает, что член его семьи имел стадо в 300 голов, которое в два года сократилось до 40 оленей***. На реке Аган нефтяники регулярно охотились на домашних оленей с вертолетов. Точно такая же история произошла на Большом Югане в районе д. Каюково.

Мигрирующие птицы. В районе г. Покачи (р. Аган), представляющем собой территорию экологического бедствия, мигрирующие гуси больше не останавливаются, так что коренные жители остались без основного сезонного продукта питания.

3. Социологическое воздействие

Перераспределение населения

Вынужденное переселение в деревню. Под переселением имеется в виду уход коренных жителей в принудительном или добровольном порядке со своей земли на постоянное жительство в деревне. Например, в 1976 г., когда был создан Нижневартовский район, более 40 хантыйских семей (20 родов) были переселены в д. Аган. В качестве компенсации рыбсовхоз выделил деньги на постройку дешевых бревенчатых домов, причем на всех переселенцев домов не хватило. Все эти семьи имели оленей: переезжая, они вынуждены резать всех животных на мясо. Их дома нередко разрушали бульдозерами прямо у них на глазах. На реке Аган теперь осталось только три стойбища. Большинство хантыйских семей были насильственно переселены в д. Аган, остальные уезжали сами, потому что угодья их больше не кормили. Весь лес был вырублен, дороги проложены через охотничьи территории, реки отравлены нефтью. Компенсации коренное население района не получило.

Добровольное переселение в деревню. Охотничьи угодья Константина Сопочина, которыми он владеет совместно с Валерием Сте-

пановичем Суровцевым на реках Тром-Еган и Егут-Еган, до такой степени перегорожены нефтяными «кустами», грунтовыми дорогами и линиями коммуникаций, что владельцы не могут больше их использовать. Их семьи добровольно перебрались в д. Юбилейный (Старый Тром-Аган). Максим Ефимович Покачев в молодости уехал со стойбища и остался в дер. Аган, за ним последовали его братья. Когда умерли их родители, земля оказалась «ничейной», чем немедленно воспользовались нефтяники, прибрав этот участок.

У нас нет прямых данных, но правомерно предположить, что переселения обоих типов происходили также на реках Вах и Васюган, поскольку эти районы были промышленно освоены одними из первых и коренное население живет там в настоящее время в основном в деревнях.

Переход со своей территории на другие угодья. В эту категорию вошли случаи, когда коренные жители перебирались на другие незанятые охотничьи угодья, например, выше по реке, или делили территорию с другой семьей. Так, в 7 км от г. Покачи четыре различные семьи (две семьи Тылчиных, семьи Айпиных и Ляковых) вынуждены проживать на одном стойбище и использовать одну и ту же охотничью территорию в 57 тыс. га. Айпины переехали на это место после того, как были построены Покачи. Город был построен на их родовой земле, их же самих заставили уехать, поскольку документально доказать свои права на эту исторически принадлежавшую им землю они не могли. Даже сегодня эта семья не имеет акта о земельной приватизации.

Перечисленные выше семьи отказались подписывать экономическое соглашение с объединением Мегионнефтегаз. В соглашение входила следующая компенсация: снегоход «Буран», лодочный мотор, маленький домик («нам он не нужен», — объяснили ханты) и 10 минимальных зарплат на чел. в год. Однако зимой 1995 г. к ним приехал работник МНГ (Северокочевское, куст 130) и, сославшись на представителя Госкомсевера в г. Нижневартовске, заявил, что если они не подпишут соглашение, то будут выселены с их земли. Давление продолжалось и летом того же года, когда приехала геологическая партия МНГ и разъяснила резидентам, что освоение будет продолжено, невзирая на их отказ, а компенсации они не получат.

Физическое и психическое здоровье. Статистику заболеваемости восточных хантов нам найти не удалось. Но с уверенностью можно сказать, что регулярный мониторинг выявил бы увеличение болезней, связанных с загрязнением окружающей среды, и более высокий процент психических расстройств, включая анемию и

*Информация получена от Ефима Колсимова, июнь 1995 г.

**Информация получена от Веры Сопочипой-Покачевой, март 1992 г.

***Информация получена от от Ивана Павловича Покачева, март 1992 г.

депрессию, а также рост насилия, вызванного алкоголизмом и нервными стрессами, особенно среди экономически зависимых маргинализованных деревенских хантов. Также еще предстоит установить связь между маргинализацией, вызванной навязанным хантам образом жизни, и возрастанием уровня преступности, суицидов и домашнего насилия среди коренного населения. Устные свидетельства подтверждают эти предположения.

Политизация. Хотя нынешнее местное руководство и общинные структуры имеют корни в традиционно-историческом опыте коренного населения, их появление определялось двумя основными факторами: повсеместным распадом прежнего образа жизни хантов, включающим отчуждение земли, и меняющимися течениями современной политико-экономической ситуации в более широких масштабах. В первые годы перестройки казалось, что коренное население получило возможность изменить траекторию своего будущего путем участия в репрезентативных властных структурах, но начиная с 1993 г. эти возможности у них последовательно отбирались.

Нефтяное освоение в Западной Сибири имело глубокое социополитическое воздействие на хантов. Следствием явилась, например, формализация некоторых традиционных практик, таких, как условия землевладения и землепользования, путем инкорпорирования их под юридическую и исполнительную власти различных уровней администрации через приватизацию и арендную политику. Этот процесс политизировал коренное население, сформировав институт аборигенных лидеров, включая так называемых «национальных представителей», которые выступают как посредники, распределители благ и общественные адвокаты и дополняют уже существующий слой национальной бюрократии, работающей в местных администрациях. Все это неизбежно привело к полной утрате власти традиционных структур, основанных на родовой системе. Такое положение дел очевидно является неудовлетворительным, поскольку некоторые сегменты коренного населения справедливо заявляют претензии, что их интересы были представлены неадекватно и что соглашения между нефтяными компаниями и группами хантов часто носят слишком локальный и временный характер. Ощущение утраты контроля привело к нарастанию политизации хантского народа.

Выборы 1990 г. стали водоразделом в политическом развитии восточных хантов, которые живут под постоянным прессом промышленного развития принадлежащей им земли. Ханты Нижневартовского района подверглись настоящему истреблению путем насильственного переселения и разрушения их среды обитания. Тром-еганские и пимские ханты Сургутского

района, живущие к северу от Оби, оказались втянутыми в сражение, которое они проигрывают, пытаясь ограничить освоение нижнего течения этих рек. В это же самое время юганские ханты находились под давлением со стороны нефтяных компаний, домогавшихся доступа на их родовые территории. Эти наиболее страдающие группы хантов и сформировали сильных политических лидеров. Принципиальная проблема лидерства заключалась в том, чтобы упрочить весьма слабую когерентность самосознания локальных групп в противовес хорошо разработанной стратегии нефтяников, базирующейся на индивидуальных арендных договорах с отдельными хантскими семьями. Поскольку экологический, например, ущерб, наносимый освоением, не может быть локализован, сведен к территории, принадлежащей одной семье, то и согласие на нефтеразработку не может быть дано отдельной семьей. В этом заключалась местная мотивация Закона о семейно-родовой общине, выдвинутого хантскими делегатами, которые были выбраны в Совет народных депутатов ХМАО в 1990 г. Однако ухудшающиеся экономические условия, особенно распад государственной системы скупки пушнины и продажи необходимых товаров по сниженным ценам, возложили тяжелое бремя на коренное население, заставляя хантов подписывать экономические соглашения (зачастую мошеннические) с нефтяными компаниями и, таким образом, серьезно ослабляя возникшие добровольные ассоциации. Вскоре после того выборные политические структуры, в которых ханты начинали играть эффективную роль, были аннулированы президентскими указами и заменены сильной исполнительной административной властью, которая стала препятствовать социально-экономическому и политическому развитию хантов в пользу экспансионистской политики местной нефтяной промышленности. Есть данные, что в последние несколько лет права на освоение хантских территорий продавались с аукциона нефтяным компаниям без предварительного уведомления хозяев и тем более без их согласия.

Современная политическая ситуация в стране такова, что реальными источниками власти являются ведущая региональная промышленность и региональная администрация. Федеральная власть делегировала часть своих полномочий регионам и уже не хочет или не может обеспечивать защиту интересов малочисленных групп коренного населения. Выключенные из работы местных законодательных и исполнительных органов на районном и окружном уровнях, разочарованные в доброй воле и способности центрального правительства вмешаться в ситуацию, локальные хантские группы возложили надежды на формирующиеся семейно-родовые общи-

ны как на инструмент, с помощью которого они могли бы сохранить контроль над своими землями и традиционным образом жизни. В настоящее время основная задача и условие выживания этих общин — экономическое развитие. Материалы опросов свидетельствуют, что именно экономическое давление вынуждает коренных жителей отдавать свои угодья нефтяникам.

4. Воздействие на культуру

Семейные охотничьи территории

Охотничьи угодья восточных хантов отличаются друг от друга по размерам, в зависимости от количества людей и нуклеарных семей, входящих в состав большой родовой семьи, но в среднем размер площади угодья колеблется от 400 до 600 кв. км. Охотничье угодье родовой семьи кормит от двух до шести близкородственных нуклеарных семей, насчитывающих в общей сложности от шести до сорока человек. Типично эти территории либо расположены по обеим сторонам реки (притока), либо прилегают к ней. Стойбище родовой семьи, как правило, устраивается на высоком берегу этой реки, что облегчает передвижение. На северной стороне Оби оленеводческий компонент перекрывает охотничью и рыболовную основу замкнутой системы жизнеобеспечения.

С оленями или без, хантыйские семьи, как правило, следуют сезонному маршруту, пролегающему между их основным (обычно летним) местом возле реки и удаленным от берега зимним домом, останавливаясь на временные стоянки осенью и ранней весной в промежуточных лагерях. Сезонный перегон домашних оленей на новые пастбища основан на знании местной пищевой и промысловой ресурсной базы. Приложенная карта (рис. 7) отражает одну из существующих практик землепользования и составлена с помощью охотников семьи Каймысовых, живущей в верховьях р. Малый Юган и насчитывающей тридцать человек*. Каймысовы владеют большой охотничьей территорией площадью более 1 тыс. 550 кв. км, западная граница которой (на карте слева) совпадает с границей Юганского государственного заповедника.

Карта иллюстрирует хозяйственно значимые типы флоры и фауны, собираемые на охотничьих угодьях. Из промысловых животных наиболее важными для хозяйства хантов являются соболь, лиса, норка, на деньги от продажи которых покупаются основные продовольственные товары, амуниция и, в некоторых случаях, части для снегохода и подвесных лодочных мото-

ров. С продовольственной точки зрения главными пищевыми ресурсами в зимнее время являются лось (12 убитых лосей на территории зимней охоты 1995—1996 гг.) и рыба, которую регулярно ловят в трех сообщающихся озерах. На карту не наносились такие ресурсы, которые очень редко встречаются или, наоборот, слишком широко распространены. Рыбу, например, ловят практически во всех реках, особенно там, где маленькие притоки впадают в его верхнем течении в Малый Юган. Для ловли рыбы используются сети и ловушки (морды). Морд для рыбы и ондатры на этой территории более 300, они расставлены в различных местах. На белок также охотятся везде. То же можно сказать об озерной и речной птице — утках, гусях, гагарах и лебедях. Сезонные места охоты на мигрирующих водоплавающих птиц на карте не указаны. Зимой 1995—1996 гг. Каймысовы добывали даже медведей и рысь, но последняя считается теперь очень редким зверем.

Карта показывает некоторые, хотя и не все, жилые и хозяйственные постройки Каймысовых. Указаны постоянные зимнее и летнее жилища и межсезонные лагеря, в которых останавливаются во время весенне-осенних переездов между сезонными домами. На карте не отмечены покинутые прежние места обитания, семейные могилы и археологические памятники: некоторые из этих мест существуют на каймысовской территории.

На карту также нанесен участок под названием «Ледяное», определенный как перспективное месторождение, но еще не выставленный на тендер. Участок врезается в угодья Каймысовых таким образом, что промышленная разработка очевидно лишает семью основных ресурсов питания в зимний период — рыбы, лосей и пушного зверя. Каймысовы не были поставлены в известность о том, что эта территория намечена на продажу, и, соответственно, не давали согласия, хотя это требуется окружным законом.

Пример с Каймысовыми не единичен. Проблема прав пользования и территориальных границ осложняется неясным статусом государственных актов на охотничьи угодья, выданных в 1992 г. Ханты-Мансийским автономным округом хантыйским семьям, регистрирующим принадлежавшие им земли. В 1994 г. эти акты были объявлены недействительными окружной администрацией, хотя многие ханты продолжают считать, что акты еще действительны и дают им какую-то защиту. Ханты, проживающие в деревнях, также не избавлены от тревоги по поводу юридического статуса их угодий. 6 марта 1995 г. глава Сургутской районной администрации выпустил постановление, основанное на указе округа («О статусе родовых угодий в ХМАО», ст. 21), в котором утверждается, что ханты, которые не

*Сведения из архива авторов. Экспедиция 1996 г., июнь, ХМАО, Сургутский р-н, верховья р. Малый Юган, стойбище Каймысовых.

проживают на своих родовых угодьях, не имеют никаких прав собственности на эти земли. Таким образом, коренные жители, которые были насильственно переселены или сами переехали в деревни под давлением обрисованных выше обстоятельств, лишены теперь прав использовать свои земли, где они до того времени продолжали охотиться и рыбачить, чтобы прокормить семью. Указ вызвал такую волну протестов, что администрация притормозила его внедрение. Судьба указа остается неясной: с одной стороны, он не был отменен, с другой, он не был приведен в действие. Можно заключить, что промышленное освоение актуализировало заинтересованность коренных жителей в определении и защите границ их родовых территорий, также как и прав на неограниченный доступ к возобновляемым ресурсам на этих землях.

Реконструкция традиционной экономики

Сложность экономической ситуации хантов имеет несколько источников, и каждый из них усугубляет зависимость коренного населения от экономических программ нефтяных компаний. Во-первых, в середине 1970-х ханты, имея финансовую поддержку нефтяных предприятий, сдвинулись в сторону использования дорогостоящих машинных технологий, таких, как подвесные лодочные моторы и снегоходы, которые стали необходимостью и которые ханты не могут содержать без прямой или косвенной поддержки нефтяных денег. Во-вторых, государственные экономические структуры, от которых они материально зависели во время советского периода, фактически развалились, сюда же входит основанный на государственных дотациях рынок сбыта пушнины, который больше не может удовлетворять потребности хантов в наличных средствах, вынуждая их соглашаться на условия нефтяных компаний. В-третьих, в некоторых районах Западной Сибири природные ресурсы испытывают нагрузку не только от промышленного освоения, но и от возросшей эксплуатации их со стороны коренных жителей, которые, как показано выше, вынуждены часто делить свои участки с другими семьями. Подобное положение вещей значительно снижает шансы на выживание людей, жизнеобеспечение которых зависит от природной ресурсной базы. Так, возле г. Покачи лесромхоз вырубил лес еще 15 лет тому назад. До этого здешние ханты имели по 30–40 оленей на семью. Городские браконьеры произвели такие опустошения в домашних стадах, что ханты больше не видели смысла держать оленей, поскольку те уже не могли воспроизводиться в достаточных количествах. Оставшихся оленей владельцы пустили на мясо. В настоящее

время только один человек на реке Аган содержит оленей (Спиридон Николаевич Тыльчин). Еще десять лет назад хантйская семья на Агане добывала в течение года 2–3 лосей, теперь на всех оставшихся хантов приходится 2–3 лося в год. Городские браконьеры охотятся на лосей с вертолетов. Таким образом, в большинстве районов традиционной экономики как таковой больше не существует, поскольку прежняя, частично основанная на государственных дотациях, заменена иной системой, которая в меньшей степени зависит от помощи государства, но пробавляется экономическими соглашениями с нефтяными компаниями.

Ущерб, наносимый хантйской религии, и разрушение ее компонентов

Социальная организация хантов основана на родовых семьях или родословной с внутри-клановыми группами, составляющими *сир* (род). Хотя современная модель расселения хантов сложилась под влиянием миграций и массовых насильственных переселений в границах среднеобского региона, этнографические материалы и данные нашей полевой работы свидетельствуют о том, что некоторые хантйские роды и сегодня претендуют на традиционные права пользования определенными притоками речных систем Оби, иногда мотивируя это тем, что их родословная была основана божественными предками, которые «создали» либо «охраняли» речную систему, на которой живет данный род. Большинство родовых хантйских семей живет на традиционных родовых охотничьих территориях, охраняемых семейными духами, которые считаются детьми богов — основателей родословных. Божественные основатели родословных, по представлением наших информантов, являются семью сыновьями высшего божества, причем каждый из них является покровителем одного из главных притоков Оби. Схематизируя, можно сказать, что принципиальные хантйские божества несут ответственность за события на космологическом уровне, поколение их детей — за водоразделы главных притоков Оби, следующее поколение отвечает за индивидуальные родовые территории, примыкающие к этим водоразделам. Традиционное мировоззрение хантов заключает в себе идею о том, что божественная сила была исторически вложена как в окружающий их ландшафт, так и в родословные. Нефтяное освоение оказывает крайне негативное воздействие на религиозные воззрения и практику хантов путем изменения или ограничения доступа к культурно значимым местам, которые могут быть как различными постройками, так и компонентами природного окруже-

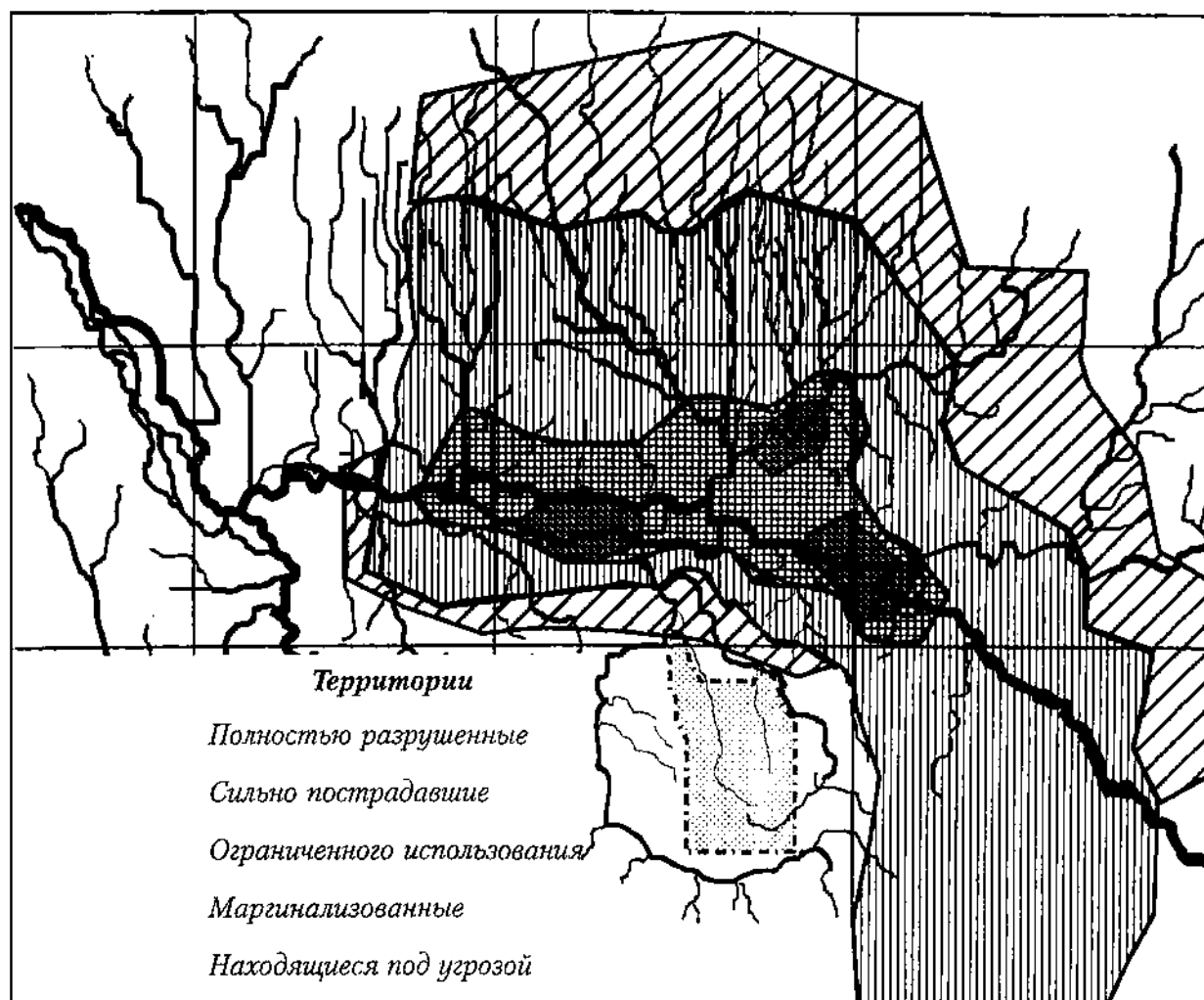

Рис. 9. Масштаб воздействия нефти

ния. Воздействие путем изменения направлено на некоторые типы священных мест, включая священные лабазы, амбары, места жертвоприношений, а также исторические места, такие, как археологические памятники и места погребений. Типичным примером вандализма в отношении хантыйских святилищ является осквернение холма Тором-Кот («Дом небесного бога»), расположенного в среднем течении реки Тром-Еган. Холм являлся местом регулярных жертвоприношений и прикладов, сюда приезжали не только местные жители, но и ханты других областей. На вершине холма — священная роща, в центре которой стоит высокая береза. Под горой на берегу был разбит рыбацкий лагерь вахтовиков, которые ходили в эту рощу за дровами, рубили деревья, ломали ветки (по местным представлениям в священную рощу не забредают с пустыми руками и уже тем более там нельзя ничего трогать).

Воздействие другого рода касается ландшафтных святилищ, маркированных космогоническим мифом, — высокие места (холмы, сопки), берега, мысы, песчаные отмели, священные рощи, верховья рек и места слияния рек. Примером такого воздействия является уничтожение священного холма Ими-Ягун («Мать-река»), который находился к северу от д. Русскинские. Несмотря на публичные возражения коренного населения, этот холм сровняли с землей, а затем разрыли, так что на его месте остался открытый карьер почти в километр длиной и полкилометра шириной. Причиной тому послужила строительная нужда. В обском бассейне холмы зачастую сложены из песка, который используется строителями для прокладки дорожных полотен, возведения строительных и буровых площадок как части инфраструктуры, необходимой для расширения нефтегазразработки. Очевидно, существует угроза и для типологически сходных хантыйских святилищ в других районах.

Выводы

Результатом промышленного развития в регионе является то, что после многовековой жизни в тайге общины восточных хантов оказались разорены и опустошены, а культурные формации, которые сохранялись более или менее в своем традиционном виде в течение всего периода доминирования русской империи и первых трех десятилетий советского режима, претерпели существенные изменения. Сегодня фактически не существует традиционных больших родовых хантыйских поселений на реках Вах, Аган, Салым и Васюган, хотя еще двадцать лет назад эти территории были населены коренными жителями, сохранявшими традиционный уклад и

хозяйство. Другие речные системы, такие как Пим и Тром-Еган, находятся под постоянным прессом нефтяного освоения, и местные жители захвачены болезненным процессом маргинализации. Только коренное население рек Лямина и Большого Югана затронуто пока еще в минимальной степени, но и они, проживая на территориях, определенных в качестве перспективных месторождений нефти, находятся под угрозой этногеноцида.

Данная карта (рис. 9) отражает, насколько нам известно, текущую ситуацию, иллюстрируя кумулятивный эффект по шкале, указанной ниже:

Разрушенные территории

Состояние природной среды делает природопользование и проживание невозможным.

Сильно пострадавшие территории

Природопользование возможно (нерегулярное), но наносит вред здоровью коренных жителей. Большинство хантов, живущих на этих территориях, были переселены из стойбищ в деревни.

Территории ограниченного использования

Разбросанные поселения и ограниченное природопользование.

Маргинализированные территории

Семейные охотничьи территории, все еще населенные, но подвергшиеся нефтяному освоению. Природная среда заражена, однако использование природных ресурсов продолжается. Коренные жители находятся в экономической зависимости от компенсационных соглашений.

Находящиеся под угрозой

Прогнозы

Последствия самоочевидны. Имея перед глазами ближайший пример — полное исчезновение уникальной культурной формации хантов, живущих на обской равнине, можно с уверенностью предсказать, что следующим этапом явится не менее быстрое исчезновение все еще жизнеспособной смешанной оленеводческой культуры и планируемое наступление на юганскую общину лесных охотников с тем же результатом в ближайшие тридцать лет после нефтяного освоения среднего и верхнего Югана. Без решительных мер по сохранению не только самых культур, но и кормящего их ландшафта эти уникальные культурные формации могут исчезнуть без следа.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахлыков П.С., 1996. Юганские ханты: История, быт, культура. Тюмень: Софт Дизайн.
- Байкалова А.С. и др., 1995. Юганский заповедник: Отчет для Государственного Комитета по экологии и охране окружающей среды.
- Бугров В.И. и др., 1994. Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург: Изд-во «Тезис».
- Гондатти Н.Л., 1888. Следы язычества у инородцев северо-западной Сибири. М.: Тип. К.Г. Потанова.
- Душин-Горкавич А.А., 1904. Тобольский Север: Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. СПб. Т. I.
- Душин-Горкавич А.А., 1910. Тобольский Север: Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. Тобольск. Т. II.
- Душин-Горкавич А.А., 1911. Тобольский Север: Этнографический очерк местных инородцев. Тобольск. Т. III.
- Етылин В.М., 1996. Самоуправление в системе социально-политических отношений малочисленных коренных народов Севера: Докл. на междунар. конф. по самоопределению народов Севера. Анкоридж, Аляска. Окт. 5—9.
- Зыков А.П., Кошаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В., 1994. Угорское наследие. Екатеринбург: Внешторгиздат.
- Косарев М.Ф., 1984. Западная Сибирь в древности. М.: Наука.
- Кулемзин В.М., 1984. Человек и природа в верованиях хантов. Томск.
- Кулемзин В.М., Лукина Н.В., 1992. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск: Наука.
- Соколова З.П., 1983. Социальная организация хантов и манси в XVIII—XIX вв. Проблемы фратрии и рода. М.: Наука.
- Статус малочисленных народов России: Правовые акты и документы, 1994. М.: Юридическая литература
- Щеглов И.В., 1993. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири, 1032—1882 гг. Сургут: Северный Дом.
- Balzer M. M., 1994. Khanty // Encyclopedia of World Cultures. Ed. Paul Friedrich. New Haven: Yale (Human Relations Area Files).
- Hallowell A. Irying., (1949). The Size of Algonkian Hunting Territories: A Function of Ecological Adjustment // AA 51 P. 35—45.
- Ingold Tim and others, eds., 1988. Hunters and Gatherers: History, Evolution and Social Change. New York: Berg. 2 vols.
- Jochim Michael, 1976. Hunter-Gatherer Subsistence and Settlement. New York: Academic Press.
- Kelly Robert L., 1995. The Foraging Spectrum-Diversity in Hunter-Gatherer Lifeways. Washington: Smithsonian Institution Press.
- Leacock Eleanor B., (1954). The Montagnais «Hunting Territory» and the Fur Trade // American Anthropological Association. Memoir 78.
- Levin M.G., Potapov L.P., 1964. The Peoples of Siberia. Chicago.
- Rogers Edward S. 1963. The Hunting Group-Hunting Territory Complex Among the Mistassini Cree Indians. National Museum of Canada, Bulletin 195, Anthropological Series 63. Ottawa.
- Speck Frank G., Eiseley Loren, (1939). The Significance of the Hunting Territory Systems of the Algonkians in Social Theory // AA 41. P. 269—280.
- Wiget Andrew, Balalaeva Olga, 1997. Black Snow: Oil and the Khanty of Western Siberia // Cultural Survival Quarterly 20 (Winter). P. 13—16.
- Wiget Andrew, Balalaeva Olga, 1997. Saving Siberia's Khanty From Oil Development: Proposed Biosphere Reserve Would Protect a Threatened Culture // Surviving Together 46 (Spring). P. 22—25.
- Winterhalder Bruce, Smith Eric Alden, eds., 1981. Hunter-Gatherer Foraging Strategies: Ethographic and Archaeological Analyses. Chicago: U of Chicago P.

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. Чемякин; К. Карачаров

Древняя история Сургутского Приобья..... 5

Е. Главацкая

Ханты в составе Русского государства в XVII–XX вв. 75

Т. Дмитриева

Топонимическая картина территории проживания хантов 123

О. Балалаева

Священные места хантов средней и нижней Оби 149

Э. Вигет (перевод с английского О. Балалаевой)

Экономика и традиционное землепользование восточных хантов 167

Челякин Юрий Петрович
Карачаров Константин Геннадьевич
Главацкая Елена Михайловна
Дмитриева Татьяна Николаевна
Балалаева Ольга Эдуардовна
Вигет Эндрю

**ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ТРАДИЦИОННОГО
ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ ХАНТОВ**

(Материалы к атласу)

2-е издание, исправленное и дополненное

Сдано в набор 15.06.02. Подписано в печать 19.08.02.

Формат 84x108¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Times. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 23,5. Уч.-изд. л. 22,5

Тираж 300 экз.

«Издательство «Тезис», ИД № 02261 от 07.07.00.

620146, Екатеринбург, пер. Балакинский, 6-2, тел. 209-604.

Отпечатано с готовых диапозитивов

*Материалы к сборнику подготовлены благодаря
финансовой поддержке Международного научного фонда
Джона Д. и Кэтрин Т. Мак-Артуров*